

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ

ПУШКИНЪ

О Ч Е Р К И

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ“—С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1912

ТИПОГРАФИЯ СПБ. ОДИНОЧНОЙ ТЮРЬМЫ.

lib.pushkinskijdom.ru

„Зеленая Лампа“¹.

Общество „Зеленой Лампы“ совершенно не привлекало вниманія историковъ нашей общественности; имъ интересовались только біографы Пушкина, столкнувшіеся съ фактомъ значительнаго вліянія этого кружка на творчество и складъ міровоззрѣнія поэта. Объ этомъ вліяніи свидѣлствуютъ неоднократныя упоминанія поэта о „Зеленой Лампѣ“, а главное—рядъ поэтическихъ произведеній, связанныхъ между собой съ внѣшней стороны тѣмъ обстоятельствомъ, что они имѣютъ въ виду членовъ этого кружка, а съ внутренней единствомъ темъ и настроеній. Но вопросъ объ истинныхъ задачахъ и о дѣйствительной дѣятельности общества „Зеленой Лампы“ окончательно не рѣшенъ. П. И. Бартенева² на основаніи устныхъ сплетенъ пустилъ въ ходъ версію объ оргіастическомъ направленіи кружка „Зеленой Лампы“; П. В. Анненковъ, очень щекотливый и строгій въ вопросахъ нравственности, подхватилъ версію П. И. Бартенева и утвердилъ ее своимъ авторитетомъ. Вотъ его разсказъ о „Зеленой Лампѣ“: „Какія разнообразныя и затѣйливныя формы принималъ тогдашній кутежь, можетъ показать намъ общество „Зеленой Лампы“, основанное Н. В. Все—мъ и у него собиравшееся. Розысканія и разспросы объ этомъ кружкѣ обнаружили,

¹ Напечатано въ изданіи „Пушкинъ и его современники“. Вып. VП. Спб. 1908.

² Въ „Моск. Вѣд.“ 1855 г., № 143, а въ особенности въ примѣч. на 128 стр. своей книжки „Пушкинъ въ южной Россіи“, М. 1862.

что онъ составлялъ, со своимъ прославленнымъ калмыкомъ, не болѣе, какъ обыкновенное оргіаческое общество, которое, въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ изгнаніе Адама и Евы, погибель Содома и Гоморры и проч., имъ устраиваемыхъ въ своихъ засѣданіяхъ (см. статью г. Бартенева „Пушкинъ на югъ“), занималось, еще и представленіемъ изъ себя, ради шутки, собранія съ парламентскими и масонскими формами, но посвященнаго исключительно обсужденію плановъ волокитства и закулисныхъ проказъ. Когда въ 1825 году произошла повѣрка направленій, усвоенныхъ различными дозволенными и недозволенными обществами, невинный, т. е. оргіаческій характеръ „Зеленой Лампы“ обнаружился тотчасъ же и послужилъ ей оправданіемъ. Дѣла, разрѣшавшіяся „Зеленой Лампой“ были преимущественно дѣла по Театральной школѣ¹.

Съ легкой руки Бартенева и Анненкова легенда объ оргіазмѣ „Зеленой Лампы“ вѣдрилась въ пушкинскую литературу и долгое время повторялась писавшими о Пушкинѣ. Вліяніе этого общества признавалось въ высшей степени отрицательнымъ и вреднымъ. Правда, изслѣдователи, искавшіе фактическихъ подтвержденій, должны были взвѣсить тотъ фактъ, что ни Бартенева, ни Анненкова, всегда очень точно указывающіе свои источники, въ этомъ случаѣ оперлись на темные „разспросы и розысканія“ у лицъ, намъ неизвѣстныхъ. П. А. Ефремовъ особенно рѣзко отзывался о розсказахъ Анненкова и ссылался на протоколы „Зеленой Лампы“, съ которыми онъ могъ въ свое время познакомиться.

Въ своемъ изслѣдованіи объ Я. Н. Толстомъ (1899 г.) Б. Л. Модзалевскій также отказался довѣриться огульной оцѣнкѣ П. В. Анненкова. Въ послѣднее время П. О. Морозовъ и А. Н. Веселов-

¹ П. Анненковъ. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. СПб. 1874, стр. 63, прим.

скій¹ пытаются окончательно разорвать съ легендой о „Зеленой Лампѣ“. Казалось бы, на этотъ кружокъ началъ устанавливаться въ специальной литературѣ надлежащій взглядъ. Тѣмъ неожиданнѣе и тѣмъ печальнѣе было встрѣтить въ новѣйшей книгѣ о Пушкинѣ² возвращеніе къ старому взгляду и даже усугубленіе его.

А вопросъ о „Зеленой Лампѣ“ особенно важенъ для біографіи поэта. Онъ даже имѣетъ кардинальное значеніе. То или иное рѣшеніе вопроса даетъ уголь зрѣнія, подъ которымъ нужно смотрѣть на творчество Пушкина 1818—1820 гг., на развитіе его міровоззрѣнія.

Казалось бы, еще скорѣе, чѣмъ отсутствіе какихъ-либо фактическихъ подтвержденій, легенду должно было разрушить непосредственное обращеніе къ произведеніямъ Пушкина, связаннымъ съ „Зеленой Лампой“. Они съ совершенной достовѣрностью открываютъ, что политическій характеръ, по меньшей мѣрѣ, былъ далеко не чуждъ общенію членовъ кружка. Ислѣдователи, поддерживающіе точку зрѣнія Бартенева и Анненкова, должны были бы крѣпко помнить извѣстные стихи, обращенные Пушкинымъ къ Каверину, бывшему членомъ кружка:

„Усердствуй Вакху и любви

И черни презирай ревнивое роптанье:

Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить

Съ Биберой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ,

Что умъ высокій можно скрыть

Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ“.

¹ Статьи въ первомъ томѣ сочиненій Пушкина подъ ред. С. А. Венгера, СПб. 1907—П. О. Морозова „Отъ лица до ссылки“ и Алексѣя Ник. Веселовскаго „Періодъ Зеленой Лампы“.

² В. В. Сиповскій. Пушкинъ. Жизнь и творчество. СПб. 1907.

Вотъ это-то легкое покрывало безумной шалости до сихъ поръ еще не сдернуто съ разгульнаго и вольнолюбиваго кружка.

Даже описаніе собраній кружка, сдѣланное Пушкинымъ въ 1822 году въ письмѣ къ Я. Н. Толстому, по своей прелестной выдержанности несомнѣстимое съ содомскими представленіями, не заставило изслѣдователей сдать въ архивъ розказни Бартенева и Анненкова.

Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
 Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
 Гдѣ съ ними влятвою взаимной
 Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
 Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
 Гдѣ въ колпакѣ за крутлый столъ
 Садилося милое равенство,
 Гдѣ своенравный произволь
 Мѣнялъ бутылки, разговоры,
 Разказы, пѣсни шалуна,
 И разгорались наши споры
 Отъ искръ и шутокъ и вина.
 Я слышу, вѣрные поэты,
 Вашъ очарованный языкъ...¹

Въ этомъ кружкѣ Пушкинъ отмежевывалъ себя

Отъ мертвой области рабовъ
 Капральства, прихотей и моды.

(Н. В. Всеволожскому, 1819 г.).

Покидая лѣтомъ 1819 года Петербургъ, Пушкинъ уже мечталъ объ удовольствіяхъ возвращенія подъ сѣнь „Зеленой Лампы“:

¹ Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ. Переписка. Т. I, стр. 53.

Прїѣду я

Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
Насчетъ глупца, вельможи злова,
Насчетъ холопа записнова,
Насчетъ небеснаго царя,
А иногда насчетъ земнова.

(В. В. Энгельгардту, 1819 г., июль).

Съ именами П. Б. Мансурова и Ө. Ф. Юрьева, тоже членовъ „Зеленой Лампы“, связаны самыя распущенныя, съ точки зрѣнїя житейской морали, стихотворенїя этого цикла. Но и съ этими людьми Пушкина связывало какое-то единство свободолюбивыхъ вѣяній. Даже въ извѣстномъ посланїи къ Юрьеву, прониженнымъ какой-то особой беззавѣтностью удали, находимъ огблески „свободы“:

Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы и вина!
Для насъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена!... (1819 г.).

Мы, быть можетъ, не рѣшились бы отыскивать политику въ этомъ посланїи, но „лампа надежды“ заставляетъ насъ дѣлать это. Немного дальше мы разъясимъ, почему. Не лишнее упомянуть, что даже въ письмѣ къ Мансурову, которое и до сихъ поръ печатается съ многочисленными точками по соображенїямъ цензурно-моральнымъ, встрѣчаемъ такой конецъ: „поговори мнѣ о себѣ — о военныхъ поселенїяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ“.

Изъ всего цикла стихотвореній встрѣчаемъ только одно посланіе М. А. Щербинину, совершенно свободное отъ какихъ-либо политическихъ намековъ.

Отъ свидѣтельствъ Пушкина перейдемъ къ фактическимъ даннымъ. Пожалуй, единственный фактъ Анненкова—ссылка на разслѣдованіе Слѣдственной Коммиссіи по дѣлу декабристовъ: „произошла повѣрка направленій, усвоенныхъ различными дозволенными и недозволенными обществами, невинный, т.-е. оргіаческій характеръ „Зеленой Лампы“ обнаружился тотчасъ же и послужилъ ей оправданіемъ“. Дѣйствительно, если бы общество имѣло исключительно этотъ характеръ, то въ виду страха, нагнаннаго на всю Россію слѣдователями Николая I, проще и естественнѣе всего было бы ожидать, что будутъ ссылаться на разгульный тонъ всего общества. Но при разслѣдованіи, какъ увидимъ ниже, слѣдственная коммиссія не получила *ни одного указанія* на оргіазмъ „Зеленой Лампы“.

Въ составленномъ въ 1827 году для Николая I „Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Слѣдственною Коммиссіею“, находимъ и имя Никиты Всеволодовича Всеволожскаго. Противъ этого имени записано: „по показанію кн. Трубецкого, Бурцова и Пестеля Всеволожскій былъ учредителемъ общества Зеленой Лампы, которому названіе сіе дано отъ лампы, висѣвшей въ залѣ его дома, гдѣ собирались члены, коими, по словамъ Трубецкого, были Толстой, Дельвицъ, Родзянко, Барковъ и Улыбашевъ. По изысканію Коммиссіи оказалось, что предметомъ сего общества было единственно чтеніе вновь выходящихъ литературныхъ произведеній, и что оно уничтожено еще до 1821 года. Коммиссія, видя, что общество сіе

не имѣло никакой политической цѣли, оставила оное безъ вниманія¹. Въ „Алфавитъ“ занесены и всѣ поименованныя тутъ лица, и противъ фамиліи каждаго изъ нихъ, за исключеніемъ Я. Н. Толстого, повторяется та же самая запись. Запись же противъ фамиліи Я. Н. Толстого указываетъ только принадлежность его къ Союзу Благоденствія и не упоминаетъ о „Зеленой Лампѣ“.

Никто изъ лицъ, оговоренныхъ Трубецкимъ въ принадлежности къ „Зеленой Лампѣ“, не допрашивался; всѣ они оставлены безъ вниманія, за исключеніемъ Я. Н. Толстого, который въ это время былъ за-границей и не могъ быть допрошенъ.

Въ этомъ итогѣ разысканій Коммиссіи нѣтъ упоминаній объ оргіастическихъ особенностяхъ общества, но обратимся къ другому итогу, подведенному уже въ 1827 году, болѣе полному.

Въ „Краткомъ описаніи различныхъ тайныхъ обществъ, коихъ дѣйствительное или мнимое существованіе обнаружено Слѣдственной Коммиссіею“², находимъ слѣдующее описаніе Общества Зеленой Лампы.

„Въ 1820 году камеръ-юнкеръ Всеволожскій завелъ сіе общество, получившее свое названіе отъ лампы зеленаго цвѣта, которая освѣщала комнату въ домѣ Всеволожскаго, гдѣ собирались члены. Оно политической цѣли никакой не имѣло; члены сбѣзжались для того, чтобы читать другъ другу новыя литературныя произведенія, свои или чужія, и обязывались сохранять въ тайнѣ все, что на ихъ собраніяхъ происходило, ибо нерѣдко случалось, что тамъ слушали и разбирали стихи и прозу, писанныя въ сатирическомъ или вольномъ духѣ. Въ 1822 году общество сіе, весьма немногочисленное и по качествамъ членовъ своихъ незначущее,

¹ Эта запись уже цитировалась Б. Л. Модзалевскимъ въ его предисловіи къ „Запискамъ В. П. Зубкова“ СПб., 1906, стр. 9.

² Госуд. Арх. I. В. № 332 в.

уничтожено самими членами, страшившимися возбудить подозрѣніе правительства. Камеръ-юнкеръ Всеволожскій, равно какъ и прочіе его сообщники оставлены безъ вниманія“.

Въ этомъ свидѣтельствѣ встрѣчаемъ указанія и на тайну, соблюдавшуюся въ обществѣ, и на сатирическій или вольный духъ читанныхъ на собраніяхъ стихотвореній, и на *исключительно литературный* характеръ общества.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ показаніямъ, которыми располагала Слѣдственная Коммиссія, составляя свои заключенія объ обществѣ „Зеленой Лампы“. Первый итогъ основанъ на показаніяхъ Трубецкого, Бурцова и Пестеля.

Впервые о „Зеленой Лампѣ“ Коммиссія услышала, повидимому, отъ Пестеля. Въ своихъ дополненіяхъ къ отвѣтамъ, даннымъ генералу В. В. Левашову, 6 января 1827 года Пестель, между прочимъ, пишетъ: „Слыхалъ я еще о существованіи двухъ тайныхъ обществъ подъ названіемъ Русскіе рыцари и Зеленая Лампа. О членахъ и подробностяхъ ничего не слыхалъ и не знаю, уничтожились ли они или еще продолжаютъ. О первомъ слыхалъ отъ ген. Орлова, а о второмъ, за давностью времени, никакъ не упомяну, кто мнѣ говорилъ, ибо это было еще въ 1817 или 1818 году. Но кажется, что Трубецкой о томъ зналъ“. Черезъ нѣсколько дней Комитетъ предложилъ Пестелю „объяснить съ подробностію и чистосердечіемъ все то, что ему извѣстно о существованіи, дѣйствіяхъ и взаимныхъ сношеніяхъ съ другими обществами „Зеленой Лампы“. 13 января Пестель отвѣчалъ: „О Зеленой Лампѣ никакъ не могу припомнить, кто мнѣ говорилъ, ибо сіе было еще въ 1818 или 1817 годахъ, но тогда же мнѣ сказано, что князь Сергѣй Трубецкой имѣетъ свѣдѣніе о семь обществѣ. Я впослѣдствіи никогда о томъ съ Трубецкимъ не говорилъ, ибо совершенно забылъ о сей Зеленой Лампѣ, да и полагаю, что ея общество было

весьма незначущее, ибо послѣ того никогда болѣе ничего про нее не было слышно¹.

Не получивъ никакихъ указаній отъ Пестеля, Комиссія обратилась, конечно, къ Трубецкому. 12 января Трубецкому былъ предложенъ слѣдующій вопросный пунктъ:

„Комитетъ имѣеть опредѣлительное показаніе, что вамъ извѣстно о существованіи въ Россіи особаго тайнаго общества подъ названіемъ Зеленая Лампа, по сему требуетъ отъ васъ показанія:

- 1) Гдѣ сіе общество существуетъ, когда возымѣло свое начало и кѣмъ именно основано?
- 2) Какая цѣль и намѣреніе сего общества, какими средствами полагали достигнуть цѣль свою?
- 3) Кто именно члены сего общества?
- 4) Съ какими другими обществами оно имѣеть сношеніе?
- 5) На какихъ правилахъ или законахъ общество сіе составлено?

Князь Трубецкой далъ слѣдующіе отвѣты на эти пункты.

1) Общество Зеленой Лампы возымѣло начало въ 1818 году и основано было камеръ-юнкеромъ Никитою Всеволодовичемъ Всеволожскимъ.

2) Цѣль сего общества была просто собираться читать сочиненія, которыя члены приносили для чтенія въ ономъ; а политической цѣли никакой, сколько мнѣ извѣстно, не было.

3) Изъ бывшихъ членами сего общества, кромѣ меня и Всеволожскаго, извѣстны мнѣ еще были: *Ульбышевъ* служащій нынѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; *Дельвицъ* (баронъ) гдѣ служить не знаю, но извѣстенъ литературными своими произведеніями;

¹ Оба отвѣта приведены въ книгѣ Н. Н. Павлова-Сильванскаго: „Декабристы Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ“. Изд. „Донской Рѣчи“, стр. 135 и 115.

Яковъ Николаевичъ *Толстой*, старшій адъютантъ Главнаго Штаба Его Величества; кажется, былъ *Родзянко*, служившій въ л.-гв. Егерскомъ полку; *Барковъ*, служившій въ ономъ же полку. Еще кто былъ, упомнить не могу. Я былъ недолго членомъ сего общества, не болѣе двухъ мѣсяцевъ предъ отъѣздомъ моимъ въ чужіе края въ 1819 году и послѣ, когда оно разстроилось, я достовѣрнаго отвѣта дать не могу.

4) Сколько мнѣ извѣстно, оно ни съ какими другими обществами сношенія не имѣло.

5) Особыхъ правилъ и законовъ, сколько я знаю, оно никакихъ не имѣло; только въ члены принимались не иначе какъ по общему согласію; каждый членъ былъ обязанъ сочиненія свои прежде читать въ семь обществѣ, до изданія ихъ. Собирались у Всеволожскаго, кажется, разъ въ двѣ недѣли¹.

13 января члены Коммиссіи заслушали отвѣты князя Трубецкого и положили „имѣть въ виду, не откроется ли на счетъ сего общества какихъ-либо дальнѣйшихъ объясненій“². Но дальнѣйшія объясненія не увеличили запаса свѣдѣній Коммиссіи. Зубковъ въ то же время показаль, что „слыхаль о какомъ-то обществѣ „Зеленой Лампы“, но не помнить отъ кого“³. 16 января полковникъ Бурцовъ въ своихъ показаніяхъ написалъ: „О другихъ (кромѣ Союза Благоденствія) обществахъ, въ Россіи и Малороссіи существующихъ, я совершенно ничего не знаю, кромѣ того, что при изслѣдованіи происшествія Семеновскаго полка открыто было полиціею въ Петербургѣ много тайныхъ обществъ и изъ нихъ одно именовалось „Зеленая Лампа“, въ которомъ былъ членомъ камеръ-юнкеръ Все-

¹ Госуд. Арх. I В. Дѣло кн. С. П. Трубецкого.

² Протоколы Коммиссіи, засѣд. XXVIII (Госуд. Арх. I В.).

³ Записки В. П. Зубкова. Пред. и ред. Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1906, стр. 9.

воложскій. Это я слышала отъ полк. Глинки. Также говорили, что есть большое общество мистическое, въ которомъ дѣйствовалъ г. Лабзинъ. Но обо всемъ этомъ я по истинѣ ничего точнаго не знаю“¹. Въ виду отсутствія дальнѣйшихъ свѣдѣній Комиссія оставила безъ вниманія „Зеленую Лампу“, составивъ приведенное нами выше и прописанное въ „Алфавитѣ“ заключеніе. Комиссія не потребовала даже къ отвѣту вліятельнаго члена Союза Благоденствія Я. Н. Толстого, хотя принадлежность его къ Союзу была извѣстна Комиссіи. Императоръ Николай I приказалъ Толстого, находившагося за-границей, „поручить подъ секретный надзоръ начальства и ежемѣсячно доносить о поведеніи“².

Послѣ окончанія дѣла декабристовъ и приведенія приговора въ исполненіе Я. Н. Толстой, сидя за-границей въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безъ денегъ, безъ писемъ съ родины, подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ, задумалъ реабилитировать себя. 26 іюля (очевидно, по новому стилю) 1826 г. изъ Парижа Толстой обратился съ всеподданнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ далъ объясненія о своихъ отношеніяхъ къ тайнымъ обществамъ. Письмо это, очевидно, не подѣйствовало. 17 октября того же года Толстой обращается уже съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и прилагаетъ записку, въ которой не совсѣмъ дословно повторяетъ объясненія письма отъ 26 іюля³. Въ приложеніяхъ мы даемъ текстъ письма и записки, но здѣсь насъ не интересуеть исторія реабилитаціи Толстого и

¹ Госуд. Арх. I В, № 95.

² Вопросъ о виновности Толстого разобранъ мною въ замѣткѣ „Изъ двадцатыхъ годовъ. I. Къ біографіи Я. Н. Толстого“ (Пушкинъ и его современники, вып. П). Свѣдѣнія, которыя я сообщаю дальше, были мнѣ въ то время недоступны.

³ Эти документы хранятся въ Архивѣ Главн. Штаба, 1826 г., д. № 562. Нами воспроизведены по копіямъ, полученнымъ П. А. Ефремовымъ отъ Н. К. Шильдера.

не занимает вопросъ, какъ и насколько вѣрно изображаетъ Толстой свои отношенія къ тайнымъ обществамъ. Мы остановимся только на его разсказѣ о „Зеленой Лампѣ“. Замѣтимъ, однако, что Толстой старается свести къ нулю свое участіе во всѣхъ тайныхъ обществахъ, предпочитая подробнѣе разсказать о „Зеленой Лампѣ“. Такой методъ оправданія, надо думать, былъ подсказанъ неглупому Толстому извѣстной ему судьбой товарищей по „Зеленой Лампѣ“ и прежде всего Всеволожскаго. Вотъ что говоритъ Толстой о „Зеленой Лампѣ“. Воспроизводимъ разсказъ письма, въ скобкахъ указывая измѣненія и дополненія записки, приложенной къ прошенію ¹.

„Въ 1818 [или 1819] году составилось общество въ домѣ камеръ-юнкера [Никиты] Всеволожскаго. Цѣль онаго состояла въ чтеніи литературныхъ произведеній. Я былъ одинъ изъ первыхъ (главнѣйшихъ) установителей сего общества и избранъ первымъ предсѣдателемъ.—Оно получило названіе „Зеленой Лампы“ по причинѣ лампы сего цвѣта, висѣвшей въ залѣ, гдѣ собирались члены.—Подъ симъ названіемъ крылось однако же двухсмысленное подразумѣніе и девизъ общества состоялъ изъ словъ: *Свѣтъ и Надежда*. Причемъ составлены (составились) также кольца, на коихъ вырѣзаны были лампы; члены обязаны были имѣть у себя по кольцу.—Общество Зеленой Лампы [не взирая на то] не имѣло никакой политической цѣли.—Одно обстоятельство отличало его отъ прочихъ ученыхъ обществъ: статутъ приглашалъ въ засѣданіяхъ объясняться и писать [послѣдняго слова нѣтъ] свободно и каждый членъ давалъ слово хранить тайну.—За всѣмъ тѣмъ впродолженіе года общество Зеленой Лампы не измѣнилось и кромѣ нѣкоторыхъ республиканскихъ стиховъ и другихъ отрывковъ тамъ чи-

¹ Скобками [] обозначаемъ дополненія записки противъ письма, а скобками () измѣненія.

таннхъ, никакихъ вольнодумческихъ плановъ не происходило; число членовъ доходило до 20-ти или немного болѣе. Засѣданія происходили, какъ я выше сказалъ, въ домѣ Всеволожскаго, а въ отсутствіе его въ моемъ.—Однажды членъ отставной полковникъ Жадовскій объявилъ обществу, что правительство (полиція) имѣетъ о немъ свѣдѣнія и что мы подвергаемся опасности, не имѣя дозволенія на установленіе общества.—Съ симъ извѣстіемъ положено было прекратить засѣданія и съ того времени общество рушилось.—Но изъ числа членовъ находились нѣкоторые, движимые политическими видами, и въ 1819 [или въ 1820] году (кажется) коллежскій ассесоръ Токаревъ и полковникъ Глинка сошлись на квартирѣ перваго, пригласили меня, и присоединивъ къ себѣ князя Оболенскаго, титулярнаго совѣтника Семенова и прапорщика Кашкина (последней фамиліи нѣтъ), положили составить общество подъ названіемъ „Добра и Правды“. Уложеніе уже было написано кол. асс. Токаревымъ: оно состояло въ прекращеніи всякаго зла въ государствѣ, въ изобрѣтеніи новыхъ постановленій въ правительствѣ и наконецъ въ составленіи конституціи“.

Очевидно, составитель того заключенія о „Зеленой Лампѣ“, которое мы выше привели изъ составленнаго въ 1827 году „Краткаго описанія тайныхъ обществъ“, уже имѣлъ въ виду донесеніе Толстого. Трудно предположить, что Толстому были извѣстны показанія Трубецкого о „Зеленой Лампѣ“, а отсутствіе противорѣчій въ его объясненіяхъ этимъ показаніямъ свидѣтельствуетъ о томъ, что представленіе объ этомъ кружкѣ, данное Трубецкимъ и Толстымъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Толстой только углубляетъ и дополняетъ сообщеніе Трубецкого. Но гдѣ же въ этомъ разсказѣ сказочный разгулъ и развратъ, о которомъ сообщилъ намъ П. И. Бартеневъ? Вспомнимъ о томъ, что Толстой написалъ свои объясненія съ цѣлью своего оправданія: если бы хоть на

половину были вѣрны источники П. И. Бартенева, то неужели же Толстой упустилъ бы случай окрасить кружокъ „Зеленой Лампы“ въ антиполитическій тонъ? Не забудемъ и того, что въ расчеты Толстого, основательно исказившаго въ своихъ объясненіяхъ свои отношенія къ тайнымъ обществамъ, входило быть искреннимъ въ разсказѣ о Зеленой Лампѣ“.

Итакъ, *главнѣйшая* задача кружка—чтеніе литературныхъ и, преимущественно, на политическія темы, произведеній. Это заключеніе подтверждается и разсказомъ П. А. Ефремова о протоколахъ и бумагахъ „Зеленой Лампы“, которые ему пришлось видѣть у М. И. Семевского. Покойный П. А. неоднократно высказывалъ пишущему эти строки сожалѣніе, что онъ не воспользовался въ свое время хоть частью этихъ бумагъ¹. Изъ этихъ протоколовъ и бумагъ было видно, что въ „Зеленой Лампѣ“ читались стихи и прозаическія сочиненія членовъ (какъ, напр., Пушкина и Дельвига), представлялся постоянный отчетъ по театру (Д. Н. Барковымъ), были даже читаны обширные очерки самого Всеволожскаго изъ русской исторіи, составленные не по Карамзину, а по лѣтописямъ. „Въ этихъ протоколахъ—продолжаетъ П. А. Ефремовъ—я видѣлъ указаніе на чтеніе стихотворенія бар. Дельвига: „Мальчикъ, солнце встрѣтить должно“, неоднократно приписывавшееся Пушкину, и тутъ же приложено было и самое стихотвореніе, написанное рукою барона и съ его подписью“².

Общество при наличности нѣкоторой политической пропаганды усвоило себѣ и нѣкоторыя особенности тайныхъ обществъ:

¹ Найдутся ли онѣ? Я слышалъ отъ С. А. Панчулидзева, что въ Рябовѣ, имѣніи Всеволожскихъ, хранился въ послѣднее время архивъ „Зеленой Лампы“. Послѣ смерти владѣлицы я обращался къ ея наслѣднику, г. Всеволожскому, но онъ сообщилъ мнѣ, что тоже слышалъ объ этихъ бумагахъ, но ровно ничего въ Рябовѣ уже не нашель.

² Сочин. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. Спб. 1905, т. VІІІ, стр. 135.

соблюденіе тайны, обмѣнъ кольцами. Но въ сплетнѣ, сообщаемой Анненковымъ о „Зеленой Лампѣ“, не отразилась ли эта таинственность и обрядность въ упоминаніи о парламентскихъ и масонскихъ формахъ? И вообще весь рассказъ Анненкова не напоминаетъ ли тѣхъ баснословныхъ и нелѣпыхъ обличеній масоновъ, которыми была полна послѣдняя четверть XVIII вѣка? Анненковъ, которому вообще нельзя отказать въ историческомъ чутьѣ, былъ введенъ въ обманъ прежде всего присущимъ ему ханжествомъ въ вопросахъ морали и религии. Это ханжество—мы знаемъ—заставляло его вычеркивать, да—вычеркивать строки Пушкина изъ подлинныхъ рукописей. И тутъ изъ-за этого свойства своей натуры Анненковъ не замѣтилъ, что разгулъ и развратъ и Пушкина и „Зеленой Лампы“ вовсе не были необыкновенны даже до грандіозности, а умѣщаются въ историческихъ рамкахъ. Время такое было, но Пушкинъ—не алкоголикъ и не садистъ.

Познакомившись съ объясненіями Толстого, мы можемъ освѣтить два мѣста изъ стихотвореній цикла „Зеленой Лампы“, которыя до сихъ поръ были нѣсколько неясны. Вспомнимъ

Для насъ, союзники младые,

Надежды лампа зажжена.

По словамъ Толстого, названіе „Зеленой Лампы“ было двусмысленно, и девизъ общества былъ: Свѣтъ и Надежда.

Въ письмѣ къ Толстому Пушкинъ о кружкѣ говорить

Пріютъ любви и вольныхъ музъ¹

Гдѣ съ ними клятвою взаимной

Скрѣпили вѣчный мы союзъ.

¹ Вольныхъ—отнюдь не распущенныхъ.

Союзники, союзы и клятвы... у Пушкина; тайное общество вольнолюбивыхъ людей, связанное клятвами, обмѣномъ колець... въ объясненіяхъ Толстого.

Обратимся къ составу „Зеленой Лампы“. До опубликованія официальныхъ документовъ мы знали въ числѣ членовъ, кромѣ Н. В. Всеволожскаго и его брата, Як. Н. Толстого, офицера л.-гв. Егерскаго полка Дм. Ник. Баркова, Ген. Штаба М. А. Щербинина, лейбъ-улана Ѳ. Ф. Юрьева, лейбъ-гусара П. П. Каверина, адъютанта П. Б. Мансурова, А. И. Якубовича, В. В. Энгельгардта, А. С. Пушкина и позднѣе его брата Льва¹. Теперь мы должны прибавить къ нимъ кн. С. П. Трубецкого, Улыбышева, барона Дельвига, А. Г. Родзянко (по показаніямъ Трубецкого), полк. Жадовскаго, полк. Ѳ. Н. Глинку и Товарева. Пожалуй, къ нимъ нужно прибавить и Н. И. Гнѣдича². Толстой, назвавъ поименно только трехъ, говоритъ о 20 членахъ или немногимъ болѣе. Намъ извѣстно сейчасъ 20 фамилій.

О томъ, кто такіе были братья Всеволожскіе, Дм. Ник. Барковъ, Ѳ. Ф. Юрьевъ, М. А. Щербининъ, П. Б. Мансуровъ, В. В. Энгельгардтъ, А. Г. Родзянко, мы знаемъ изъ комментарія къ сочиненіямъ Пушкина³. Только тутъ они и оставили свои фамиліи. Стоитъ подчеркнуть участіе въ кружкѣ „Зеленой Лампы“ Александра Дмитриевича Улыбышева, извѣстнаго знатока музыки, автора біографіи Моцарта, вышедшей въ 1843 году на французскомъ языкѣ. Въ періодъ „Лампы“ онъ служилъ въ министерствѣ

¹ См. В. Л. Модзалевскій. Як. Ник. Толстой. Спб. 1899, стр. 5—6.

² О томъ, что Гнѣдичъ читалъ свои стихи въ кружкѣ, писалъ М. Н. Лонгинову Я. Н. Толстой въ 1856 году—см. Современникъ 1857, № 4, отд. V стр. 266.

³ О Д. Н. Барковѣ см. въ статьѣ А. А. Чебышева въ изд. „Пушкинъ и его современники“. Вып. VI. Спб. 1908. Стр. 193, прим.

иностранных дѣлъ и редактировалъ „Journal de St. Pétersbourg“, въ которомъ онъ помѣщалъ свои музыкальныя рецензіи. Искусство было главнымъ интересомъ жизни Улыбышева во всемъ ея теченіи. Нельзя не указать, что Улыбышевъ всегда высказывался противъ крѣпостного права¹. О полковникѣ Жадовскомъ Б. Л. Модзалевскій любезно сообщилъ намъ слѣдующее: „Иванъ Евстафьевичъ Жадовскій служилъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку; 11-го мая 1817 г. переведенъ изъ капитановъ Семеновскаго полка полковникомъ въ Гренадерскій короля Прусскаго (потомъ С.-Петербургскій Гренадерскій) полкъ; состоя въ этомъ же чинѣ, 25 марта 1819 г. уволенъ отъ службы „за ранами, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья“. Полкъ этотъ въ 1817—20 годахъ большею частью былъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ“².

Къ тому, что мы знаемъ о П. П. Каверинѣ, лейбъ-гусарѣ и Гёттингенскомъ студентѣ, нужно добавить, что онъ былъ членомъ Союза Благоденствія³. Наконецъ, князь С. П. Трубецкой, Я. Н. Толстой, Ѳ. Н. Глинка и умершій въ 1821 году въ Орлѣ въ должности губернскаго прокурора Александръ Андреевичъ Токаревъ

¹ Объ У. см. ст. А. С. Гадисскаго въ „Русск. Арх.“ (1886, I, стр. 55 и слѣд.) и статью Лароша „О жизни и трудахъ У.“ въ приложеніи къ русскому изданію „Новой біографіи Моцарта“ въ переводѣ М. И. Чайковскаго. М. 1890—1891, т. I—II.

² Очевидно, у брата этого Жадовскаго Анастасія Евстафьевича собирались лицеисты 19 октября. См. ст. К. Я. Грота въ „Ист. Вѣстн.“ (1905, июль, 86).

³ Объ этомъ читаемъ въ извѣстномъ „Алфавитѣ“. Каверинъ въ виду того, что не принадлежалъ къ обществамъ, возникшимъ послѣ 1821 года, „оставленъ безъ вниманія“. Даты пребыванія Каверина въ Гёттингенскомъ университетѣ можно найти въ книгѣ М. Wischnitzer'a. Die Univ Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrh. Berlin. (Е. Ebering). 1907. Защиту личности Каверина см. у Л. Н. Майкова „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа“ Русск. Стар. т. ХСІХ, 1899, сент. 519—520.

были дѣятельнѣйшими членами „Союза Благоденствія“ въ то самое время, когда они появлялись въ собраніяхъ „Зеленой Лампы“. Все то, что мы теперь узнали о „Зеленой Лампѣ“, невольно наводитъ на мысль, что этотъ кружокъ былъ для нихъ мѣстомъ пропаганды ихъ идей. Отмѣтимъ, что предсѣдателемъ кружка былъ Я. Н. Толстой. Онъ и въ стихахъ Пушкина отличается отъ другихъ сочленовъ: къ нему Пушкинъ относится съ особымъ почтеніемъ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни,
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
 Ты милая забавы свѣта
 На грусть и скуку промѣнялъ
 И на лампаду Эпиктета—
 Златой Гораціевъ фіаль.

Но нельзя ли еще подробнѣе опредѣлить тѣ отношенія, которыя привязывали членовъ тайнаго общества къ кружку „Зеленой Лампы?“

Въ цитованномъ нами „Краткомъ описаніи“ находимъ слѣдующее заключеніе о „вольныхъ обществахъ“: „По уставу Союза Благоденствія каждые десять членовъ Союза, составляющіе т. н. Управу, должныствовали заводить *вольныя общества*. Сіи общества управляемыя однимъ или двумя членами Союза, коего существованіе имъ не открывалось, не входили въ составъ онаго. Имъ не была предназначена никакая политическая цѣль и отъ учрежденія ихъ ожидалась только та польза, что руководимыя своими основателями или начальниками, они особенною своею дѣятельностью по литературѣ, художествамъ и таеъ далѣе, могли бы способствовать достиженію цѣли Коренной Управы. Таковыхъ вольныхъ обществъ

было заведено три: два л.-гв. въ Измайловскомъ полку, одно Семеновымъ (надворнымъ совѣтникомъ, служившимъ тогда л.-гв. въ Егерскомъ полку), другое кн. Евг. Оболенскимъ и Токаревымъ; третье полк. Федоромъ Глинкою. Всѣ три существовали недолго и разрушились совершенно съ уничтоженіемъ Союза Благоденствія. Члены сихъ обществъ, не принадлежавшіе Коренной Управѣ Союза, ниже къ другимъ тайнымъ обществамъ, по Высочайшему повелѣнію не требовались къ слѣдствію и оставлены безъ вниманія“.

Насъ сейчасъ, конечно, не интересуютъ указанная вольныя общества; попробуемъ поставить вопросъ, не было ли вольнымъ обществомъ „Союза Благоденствія“ и общество „Зеленой Лампы“. Подъ опредѣленіе „вольнаго“ оно подходитъ безъ всякихъ оговорокъ: одинъ изъ установителей—Я. Толстой, членъ Союза Благоденствія; существованіе послѣдняго не было открыто; особенной же своею дѣятельностью „Зеленая Лампа“ могла бы способствовать достиженію цѣлей Союза.

Нужны бы только фактическія подтвержденія этого предположенія. Они найдутся въ запискахъ М. А. Фонвизина. „Члены Союза—пишетъ онъ—учреждали и отдѣльныя отъ него общества, подъ вліяніемъ его духа и направленія: таковы были общество военное, члены котораго узнавали другъ друга по надписи, вырѣзанной на клинкахъ шпагъ и сабель: „за правду“, литературныя,—одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ, послѣднее подъ названіемъ „Зеленой Лампы“, и двѣ масонскія ложи“¹. Мы довѣряемъ этому свидѣтельству, произнесенному не для слѣдователей и не въ застѣвкѣ. Но есть и другое современное указаніе на связь „Зеленой Лампы“ съ политическимъ обществомъ. Въ извѣстномъ доносѣ,

¹ Обществ. движ. въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы М. А. Фонвизинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. Спб. 1905, стр. 187, 188.

поданномъ гр. Бенкендорфомъ имп. Александру I въ 1821 году и не получившемъ никакого хода, находимъ слѣдующія строки: „члены, приготовляемые мало-по-малу для Управы (Союза Благоденствія) или долженствовавшіе только служить орудіями, составляли Побочныя управы, подъ предсѣдательствомъ одного члена Коренной,—назывались для прикрытія разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и, подъ видомъ литературныхъ вечеровъ или просто пріятельскихъ обществъ, собирались какъ можно чаще“¹.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы имѣемъ право установить связь „Зеленой Лампы“ съ „Союзомъ Благоденствія“. Мы лично принимаемъ кружокъ „Зеленой Лампы“ за „вольное общество“, но и несогласные съ нами именно въ этомъ не могутъ отрицать его связи съ „Союзомъ“. Кружокъ какъ бы являлся отображеніемъ Союза; невѣдомо для Пушкина, для большинства членовъ, Союзъ давалъ тонъ, сообщалъ окраску собраніямъ „Зеленой Лампы“. Пушкинъ не былъ членомъ „Союза Благоденствія“, не принадлежалъ ни къ одному тайному обществу, но и онъ въ кружкѣ „Зеленой Лампы“ испыталъ на себѣ организующее вліяніе тайнаго общества.

Этотъ выводъ чрезвычайно важенъ для исторіи жизни и творчества Пушкина 1818—1820 годовъ, ибо онъ устанавливаетъ тотъ уголъ зрѣнія, о которомъ мы говорили въ началѣ замѣтки. Басни же о „Зеленой Лампѣ“, распущенныя П. И. Бартеневымъ и П. В. Анненковымъ, должны быть разъ навсегда устранены изъ біографіи Пушкина.

Но „Зеленая Лампа“, занимавшая до сихъ поръ только пушкинистовъ, получаетъ теперь интересъ и для историковъ русской

¹ Эта записка печаталась неоднократно, въ послѣднее время въ книгѣ М. К. Лемке „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г.“. Спб. 1908, стр. 576.

общественности. Рисуя исторію общественнаго движенія 1816—1825 гг., историкъ не долженъ забыть и „Зеленой Лампы“—этого „вольнаго общества“ Союза Благоденствія¹.

Сестрорѣцкь.

Декабрь, 1907 года.

¹ Въ вышедшей въ 1909 году книгѣ В. И. Семевского „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“ кружокъ „Зеленой Лампы“ разсматривается какъ разъ съ точки зрѣнія исторіи общественнаго движенія (стр. 435—438); авторъ отмѣчаетъ неправильность мнѣнія П. В. Анненкова.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

Какъ мы сообщали выше, 26 іюля 1826 года Я. Н. Толстой обратился съ всеподданнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ онъ разсказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ тайнымъ обществамъ. Письмо было оставлено безъ отвѣта. 17 октября того же года Толстой отправляетъ уже всеподданнѣйшее прошеніе и прилагаетъ записку, въ которой съ нѣкоторыми дополненіями, подчеркивающими его лойяльность, повторяетъ свой разсказъ, изложенный въ письмѣ. Результатъ былъ тотъ, что 25 ноября 1826 года Толстой былъ уволенъ отъ службы съ сохраненіемъ чина. Такъ какъ письмо или записка заключаютъ показанія Толстого о тайныхъ обществахъ, въ дѣлахъ Слѣдственной Коммисіи отсутствующія, и являются, такимъ образомъ, первоисточникомъ, то мы воспроизводимъ цѣликомъ письмо, указывая въ прямыхъ скобкахъ дополненія и измѣненія, сдѣланныя Толстымъ въ запискѣ. Прошенія Толстого отъ 17 октября не печатаемъ, такъ какъ историческаго матеріала оно не содержитъ, а характеризуетъ скорѣе личность самого Толстого—въ очень непривлекательныхъ чертахъ.

Къ показанію Я. Н. Толстого нужно отнести критически. Онъ старается скрыть всякую принадлежность къ тайнымъ обществамъ и прикидывается ничего не понимающимъ мальчикомъ,

между тѣмъ, по выраженію кн. Оболенскаго въ позднѣйшихъ запискахъ, онъ былъ „первоначальнымъ“ членомъ, т.-е. членомъ Союза Благоденствія и не прекращалъ своихъ сношеній съ членами до самаго отъѣзда за-границу въ половинѣ 1823 года, т.-е. до начала организаціонныхъ засѣданій по реорганизаціи Сѣвернаго Общества. Изъ объясненій Толстого видно, что Ник. Ив. Тургеневъ дѣйствительно приглашалъ его, по его,—Толстого,—выраженію, вступить въ общество, неизвѣстное ему даже по имени; въ дѣйствительности же не бросать Общества послѣ отпуска. Между прочимъ, Тургеневъ ссылается въ своей книгѣ (*La Russie et les russes*, t. I, pp. 197—198) на письмо Я. Толстого, въ которомъ тотъ сообщалъ Тургеневу, что его принялъ въ общество не Н. И. Тургеневъ, а Семеновъ. Письмо это Толстой написалъ 5 іюня 1827 года, а годомъ раньше, какъ мы теперь знаемъ, въ своемъ прошеніи онъ весьма опредѣленно обрисовалъ роль Тургенева. Въ Тургеневскомъ Архивѣ сохранилась переписка А. Ив. Тургенева съ Я. Н. Толстымъ, о которой упоминаетъ Н. И. Тургеневъ. Для сопоставленія приводимъ и ее, при чемъ письма А. И. Тургенева съ копій, а письма Я. Н. Толстого—съ подлинника. Вообще же надо замѣтить, что въ 1826 году Толстой уже приготавлился къ той роли, въ какой мы знаемъ его позже.

Намъ кажется, что послѣ статьи Б. Л. Модзалевскаго о Я. Н. Толстомъ и матеріаловъ, опубликованныхъ нами раньше (во II-омъ вып. изд. „Пушкинъ и его современники“) на личности и дѣятельности Толстого до 1825 года больше не придется останавливаться ни пушкинистамъ, ни историкамъ. Для исторіи же Толстого № 2-ой нужно будетъ разсмотрѣть кипы (буквально) его донесеній изъ Франціи, хранящихся нынѣ въ архивѣ III Отдѣленія (что нынѣ Департаментъ Полиціи). Быть можетъ, они представляютъ даже интересъ для историковъ Франціи, ибо Толстой обстоятельно зна-

вомиль своихъ хозяевъ съ политической жизнью Франціи, съ революціями и сообщалъ даже „списки канальямъ“ (буквально!), принимавшимъ въ нихъ участіе.

I.

Всеподданнѣйшее письмо Я. Н. Толстого отъ 26 іюля 1826 года.

Всемиловѣйшій Государь!

Уповаю на мудрое милосердіе Вашего Императорскаго Величества дерзаю изложить чистосердечное объясненіе касающееся до сношеній моихъ съ тайными обществами. „Сердце царевъ въ рукахъ Божіей“, отъ коего истекаетъ благодать и всякое милосердіе, а мы суть стадо вѣренное Царскому попеченію, мы суть дѣти великаго семейства, надъ коимъ онъ поставленъ главою отъ Бога; итакъ да окажетъ онъ намъ отеческое снисхожденіе.

Въ 1818 [или 1819 году] составилось общество въ домѣ камеръ-юнкера [Никиты] Всеволожскаго.—Цѣль онаго состояла въ чтеніи литературныхъ произведеній.—Я былъ одинъ изъ первыхъ [главнѣйшихъ] установителей сего общества и избранъ первымъ предсѣдателемъ. Оно получило названіе „Зеленой лампы“ по причинѣ лампы сего цвѣта, висѣвшей въ залѣ, гдѣ собирались члены. Подъ симъ названіемъ крылось однако же двусмысленное подразумѣніе и девизъ общества состоялъ изъ словъ: *Свѣтъ* и *Надежда*; причемъ составлены [составились] также кольца, на коихъ вырѣзаны были лампы; члены обязаны были имѣть у себя по кольцу. Общество Зеленой Лампы [не взирая на то] не имѣло никакой политической цѣли.—Одно обстоятельство отличало его отъ прочихъ ученыхъ обществъ: статутъ приглашалъ въ засѣданіяхъ объясняться и писать [этого слова нѣтъ] свободно и каждый членъ давалъ слово хранить тайну [о существованіи онаго].—За всѣмъ

тѣмъ въ продолженіе года Общество Зеленой Лампы не измѣнилось и кромѣ нѣкоторыхъ республиканскихъ [вольнодумственныхъ] стиховъ и другихъ отрывковъ [подобныхъ статей] тамъ читанныхъ никакихъ вольнодумческихъ плановъ [никакихъ законопротивныхъ дѣйствій] не происходило. Число членовъ простиралось до 20 или немного болѣе [этой фразы нѣтъ].—Засѣданія происходили какъ я выше сказалъ въ домѣ Всеволожскаго, а въ отсутствіи его у меня. Однажды членъ отставной [этого слова нѣтъ] полковникъ Жадовскій объявилъ обществу, что правительство [полиція] имѣетъ о немъ свѣдѣнія и что мы подвергаемся опасности, не имѣя дозволенія на установленіе Общества.—Съ симъ извѣстіемъ положено было прекратить засѣданія и съ того времени общество рушилось.—Но изъ числа членовъ находились нѣкоторые, движимые политическими видами, и въ 1819 году (кажется) [и въ 1819 или 1820 году] коллежскій ассесоръ Токаревъ и полковникъ Глинка сошлись на квартирѣ перваго, пригласили меня и, присоединивъ къ себѣ князя Оболенскаго, титулярнаго совѣтника Семенова и прапорщика Катенина [последней фамиліи нѣтъ] положили составить политическое общество подъ названіемъ *Добра* и *Правды*. Уложеніе уже было написано колл. асс. Токаревымъ: оно состояло въ прекращеніи всякаго зла въ государствѣ, въ изобрѣтеніи новыхъ постановленій въ правительствѣ и наконецъ въ составленіи конституціи. [Уложеніе было уже заблаговременно написано Токаревымъ. Оно состояло въ томъ, что каждому члену поставлялось въ обязанность стараться искоренять зло въ государствѣ, заниматься изобрѣтеніемъ новыхъ постановленій, сочиненіемъ проэтовъ для удобнѣйшаго средства къ освобожденію крестьянъ и присвоенію новыхъ правъ различнымъ сословіямъ государства, наконецъ въ сочиненіи полныхъ конституцій, приспособленныхъ къ нравамъ и обычаямъ народа]. Нѣсколько дней спустя послѣ сего сходбища Токаревъ назначенъ былъ про-

куроромъ въ Орель и оставилъ Петербургъ [и вскорѣ послѣ того умерь]. Съ отъѣздомъ его прекратилось и сіе общество. Годъ послѣ того (если не ошибаюсь) [Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того] коллежскій ассесоръ Капнистъ, съ коимъ познакомилъ меня кн. Оболенскій, предложилъ мнѣ вступить въ общество, составленное въ Измайловскомъ полку на тѣхъ же почти основаніяхъ [условіяхъ]. Я явился къ нему въ назначенный день; но видя изъ словъ его, что правила общества и составъ его были весьма неразумительны, я не присоединился къ нимъ [но замѣтя, что Общество составлено по большей части изъ молодыхъ людей, коихъ неосновательныя сужденія обнаруживали незрѣлыя понятія о столь важномъ предметѣ; словомъ сказать, основаніе сего общества не сходствовало съ моими правилами; вслѣдствіе чего я рѣшительно отказался, не присоединился къ нимъ] и не былъ ни на одномъ засѣданіи, хотя въ донесеніи правительству я несправедливо названъ установителемъ сего общества [хотя въ донесеніи Слѣдственной Коммисіи я названъ установителемъ сего общества, по показанію тит. совѣтника Семенова, который, я полагаю, ошибся или не совершенно помнитъ сего обстоятельства]. Въ одно и то же время составилось другое подобное же общество въ домѣ офицера Измайловскаго полка Миклашевскаго.—Будучи приглашенъ къ нему на квартиру я нашелъ тамъ статскаго совѣтника Николая Тургенева, полк. фонъ-Бриггена, кн. Оболенскаго и титулярнаго совѣтника Семенова [Семенова и полковника Глинку]. Увлечень будучи убѣжденіемъ и краснорѣчіемъ перваго, я вступилъ въ ихъ сообщество, цѣль коего была постановленіе конституціи.—Однако же во время сего собранія я долго колебался находя основаніе несоотвѣтствующимъ моему образу мыслей. Несмотря на то я противъ воли вступилъ и далъ подписку. [Я склонился на приглашенія ихъ и вступилъ въ Общество, названіе коего мнѣ даже неизвѣстно; но цѣль онаго была

постановленіе конституціи; прежде нежели я далъ подписку, я долго колебался, съ жаромъ оспаривалъ ихъ въ томъ, что каждый членъ свободенъ оставить Общество, не подвергаясь мщенію прочихъ; я объявилъ имъ, что никогда не буду принадлежать сословію, гдѣ будутъ совершаться убійства (тогда толковали только о мщеніи должествующемъ воспослѣдовать за измѣну и предательство невѣрныхъ членовъ, но отнюдь и нисколько не помышляли объ ужасномъ Цареубійствѣ и даже о никакихъ насильственныхъ и законопреступныхъ мѣрахъ, коихъ я бы никакъ не допустилъ и въ случаѣ донесъ бы правительству съ пожертвованіемъ собственной жизни]. На другой день назначено было сойтись у полк. Митькова, но я, чувствуя уже раскаяніе, не поѣхалъ къ нему [но обмысливъ здраво, наканунѣ безумство и опасность нашихъ предпріятій, я къ нему не поѣхалъ]. Съ тѣхъ поръ клянусь Богомъ, честью и Государемъ моими, нога моя ни одного раза [ни однократно] не вступала въ сіи сословія и не взирая на убѣжденія прежнихъ моихъ товарищей [Тургенева, князей Оболенскаго и Трубецкаго] постоянно отказывался отъ сношеній съ ними.—Однажды объявилъ я Тургеневу [этого слова нѣтъ] на приглашеніе его, что не могу уже соучаствовать въ ихъ сходбищахъ, ибо далъ подписку правительству, что не буду принадлежать ни къ какимъ масонскимъ ни тайнымъ обществамъ.—Съ сего времени Тургеневъ совершенно ко мнѣ охладѣлъ и пересталъ ко мнѣ ходить; они называли меня недовольнымъ потому, что я часто жаловался на службу, на которую употребилъ 17 лѣтъ моей жизни, разстроилъ состояніе, утратилъ здоровье и не дослужилъ даже до штабъ-офицерскаго чина. [Вмѣсто послѣдней фразы „начиная съ сего времени“ читаемъ: Сіи обстоятельства были нѣкоторымъ образомъ причиною отъѣзда моего за-границу, гдѣ нахожусь близъ трехъ съ половиной лѣтъ, томимый жесточайшей болѣзнию и мучительнѣйшей горестью. Яковъ Толстой].

Вотъ въ чемъ состоитъ мое преступленіе; оправдывать я себя не дерзаю, но повергая участь мою къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества смѣю удостовѣрить, что ежели бы всѣ подданные были столь же преданы своему Государю, то конечно бы Россія благоденствовала и пагубныя злоумышленія не возмутили бы ни разу драгоценныхъ минутъ царствованія Вашего Величества. Къ величайшему несчастію моему, жестокая болѣзнь лишаетъ меня средствъ доказать на дѣлѣ всю приверженность мою къ престолу.

Всемилоствѣйшій Государь!

В. И. В. вѣрноподанный Яковъ Толстой,
д.-гв. Павловскаго полка штабъ-капитанъ.

Парижъ.

26 Юля 1826 года.

II.

Письмо А. И. Тургенева (черновое) Я. Н. Толстому отъ 31 мая 1827 года.

Милостивый Г. М. Яковъ Николаевичъ,

Изъ рапорта слѣдственной Коммиссіи, такъ, какъ и изъ приговора верховнаго уголовн. суда, вамъ извѣстно, что братъ мой Н. Т. былъ обвиненъ и осужденъ между прочимъ и какъ распространитель тайнаго общества и что въ числѣ тѣхъ лицъ, коихъ, якобы, онъ принялъ въ члены общества, находитесь и вы. Вмѣстѣ съ симъ конечно дошли и до васъ слухи, что нѣкоторые почитали брата моего сочинителемъ какой то статьи о тайныхъ обществахъ, во франц. журналѣ: La France Chretienne напечатанной! Слухъ

сей, вѣроятно повредившій брату моему въ лицѣ нашего правительства, дошелъ, чрезъ меня, и до брата. Въ объясненіи своемъ и въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ утверждаетъ, что никогда никакой статьи въ иностранныхъ журналахъ не печаталъ.

Братъ мой поручилъ мнѣ просить васъ, М. Г. мой, чтобы вы приняли на себя трудъ дать письменный отзывъ, были ли вы когда-нибудь приняты братомъ моимъ въ члены какого бы то ни было тайнаго общества.

Я же съ моей стороны, слышавъ, что тѣ же, кои прежде статью, во француз. журналѣ напечатанную, приписывали брату моему, впоследствии показали, что она сочинена вами, рѣшилъ покорнѣйше просить васъ дать также письменный отзывъ: вы или кто другой сочинитель статьи, о которой я упомянулъ выше [появленіе коей содѣйствовало, можетъ быть, весьма много бѣдствію, брата постигшему.

Сердцевидецъ слышитъ каждое слово, видитъ каждую мысль нашу. Онъ будетъ судить и васъ и судей вашихъ. Одна истина наконецъ торжествуетъ и только съ чистой совѣстью, не отягченною несчастіемъ, ближняго, можно жить и умереть спокойно¹. Съ полною довѣренностью къ вашимъ правиламъ буду ожидать вашей отзывъ и не скрою отъ Правл. Ген-ства.

Съ иск. поч. ч. и. б.

М. Г. М.

в. п. с. А. Т.

Парижъ Мая 31 дня.

¹ Фраза, поставленная въ [], перечеркнута.

III.

Отвѣтъ Я. Н. Толстого отъ 5 іюня 1827 года.

Милостивый Государь Александръ Ивановичъ!

Письмо, коимъ Вашему Превосходительству угодно было почтить меня прошлаго 31 Мая, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе вопросы:—Во-первыхъ: былъ ли я когда-либо принять братомъ Вашимъ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ въ члены какого бы то ни было тайнаго Общества? На сіе честь имѣю отвѣтствовать: что никогда братомъ Вашимъ Николаемъ Ивановичемъ въ члены никакого тайнаго общества принять не былъ; а полагаю, что причины, подавшія поводъ сему заключенію Слѣдственной Комиссіи и приговору верховнаго Уголовнаго Суда, основаны на слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1820 году Секретарь Семеновъ пригласилъ меня къ Г. Миклашевскому, служившему тогда Офицеромъ Л. Гв. въ Измайловскомъ полку, съ тѣмъ, чтобы участвовать въ предлагаемомъ составленіи тайнаго Общества. Пришедъ къ помянутому Миклашевскому, я нашелъ тамъ, между прочими брата вашего; совѣщанья наши длились нѣсколько часовъ, въ продолженіе коихъ я отъ брата вашего не слыхалъ никакого предложенія о вступленіи въ составляемое общество и помню только, что онъ (братъ вашъ) предлагалъ и въ сужденіяхъ своихъ съ жаромъ поддерживалъ одинъ предметъ, цѣлью коего было освобожденіе крестьянъ; въ прочихъ преніяхъ онъ мало участвовалъ и, какъ мы всѣ тогда замѣтили, одна мысль господствовала и управляла его разговорами, сія мысль, о коей я уже упомянулъ, состояла въ освобожденіи крестьянъ. Впрочемъ, въ продолженіе сего совѣщанія, никакой мятежной ниже преступной цѣли обнаруживано не было, сіе мнимое общество въ одно и то же время началось и прекратилось; ибо сіе было первое и послѣднее или лучше сказать единственное его застѣ-

даніе; оно не имѣло никакого устава и не отличалось никакимъ названіемъ; правда, что на семь совѣщаній, по предложенію одного изъ присутствовавшихъ, требовали съ насъ подписки для храненія тайнъ касательно нашихъ совѣщаній, въ чемъ я и подписался, не знаю, послѣдовали ли прочіе моему примѣру.—Послѣ того неоднократно видѣлся я съ братомъ вашимъ Николаемъ Ивановичемъ; но никогда отъ него собственно не слыхалъ ничего относительно тайныхъ Обществъ; хотя, по увѣренію Секретаря Семенова, братъ вашъ препоручалъ будто бы ему убѣждать меня не оставлять общества: но еслибъ слова Семенова были справедливы, то почему жъ братъ вашъ, съ коимъ я часто видѣлся, самъ мнѣ о томъ никогда ни слова не говорилъ? Изъ сего я заключаю, что братъ вашъ отказался отъ участія въ тайныхъ обществахъ въ одно время со мною, т.-е.: послѣ данной нами правительству подписки въ томъ, что не будемъ принадлежать ни къ какимъ масонскимъ и тайнымъ обществамъ.

Во-вторыхъ: Касательно статьи напечатанной въ Парижскомъ журналѣ: *La France Chretienne*, сочинителемъ коей по словамъ Вашего Превосходительства, нѣкоторые почитали первоначально брата вашего Николая Ивановича, а въ послѣдствіи подозрѣвали меня, я имѣю честь отвѣчать Вашему Превосходительству, что по мнѣнію моему, статья сія не могла быть сочинена Русскимъ, уповающимъ еще на справедливость и милосердіе А в г у с т ь Я ш а г о Императора нашего, а вѣроятно родилась въ головѣ буйнаго и дерзкаго иностранца. Тотъ, кто дерзаетъ гордиться званіемъ изгнанника (такъ изъясняется сочинитель сей статьи) не можетъ быть Россіяниномъ, отрицающимъ помилованіе; я же ласкаю себя надеждою, что та рука, которая укротила возмущеніе и спасла отечество, прольетъ также источники благодати и милосердія. Я съ моей стороны не могъ быть Авторомъ помянутой статьи также

и по той причинѣ, что она напечатана здѣсь 10 апрѣля 1826 г., я же въ это время находился въ Неаполѣ, въ чемъ удостовѣриться можно по паспорту моему, выданному мнѣ въ Неаполѣ въ исходѣ Марта того же года. Пересылка возмутительной и противозаконной статьи изъ Неаполя въ Парижъ столько же затруднительна, какъ и пересылка изъ Петербурга въ сей послѣдній городъ, да сверхъ того, въ Неаполѣ мы въ означенное время: т.-е., въ началѣ Апрѣля, не имѣли еще никакихъ свѣдѣній о слѣдственной коммисіи, сочинитель же сей статьи говоритъ о труд. оной, какъ о дѣлѣ ему извѣстномъ.

Вотъ М. Г. отвѣты мои; въ истинѣ оныхъ ручаюсь честью и готовъ подъ присягою подтвердить все то, что сказалъ Ваш. Превосх. въ семь моемъ письмѣ.

Мил. Гос. Ваш. Прев.

всепокорн. слуга

Яковъ Толстой.

Парижъ.

5 Іюня 1827.

Его Пр—ву

Александрѣ Ивановичѣ Тургенову.

IV.

Письмо А. И. Тургенева Я. Н. Толстому (копія) 1830 года.

Милостивый Государь

Яковъ Николаевичъ!

За двѣ недѣли предъ симъ я сообщилъ брату копію съ письма вашего отъ 5-го Іюня 1827 года, въ коемъ вы утверждаете, что вы отъ брата моего никогда не слыхали никакого предложенія о вступленіи въ составляемое общество, но что Секретарь Семеновъ

приглашалъ васъ въ общество и что въ единственномъ за-
сѣданіи, въ коемъ, по приглашенію Семенова, вы находились и ви-
дѣли брата моего, онъ ни о какихъ преступныхъ предметахъ не
разсуждалъ, а говорилъ только о пользѣ освобожденія крестьянъ;
вмѣстѣ съ симъ вы, въ видѣ предположенія, упоминаете, что вѣроятно
братъ мой отказался отъ участія въ Тайныхъ обществахъ въ одно время
съ вами; то-есть послѣ данной правительству подписки въ томъ,
что не будетъ принадлежать ни къ какимъ массонскимъ и тайнымъ
обществамъ.

Братъ, прочитавъ нынѣ письмо ваше со вниманіемъ, отвѣ-
чаетъ мнѣ, что онъ никогда не говорилъ объ учрежденіи новаго
общества, и что этого и потому быть не могло, что въ 1820 году
существовало еще старое общество и что, вѣроятно, секретарь
Семеновъ предлагалъ вамъ о вступленіи въ старое общество. Же-
лая привести сіи обстоятельства въ возможную ясность, я покор-
нѣйше прошу васъ Мил. Гос. мой удостоить меня отзывомъ на сіе
письмо.

Подл. подп. Александръ Тургеневъ.

Парижъ 1830.

Съ подлиннымъ вѣрно Александръ Тургеневъ.

V.

Отвѣтъ Я. Н. Толстого отъ 6 мая 1830 года.

Милостивый Государь

Александръ Ивановичъ!

Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства,
содержащее въ себѣ два вопроса, относящіеся къ поясненію преж-

ного письма моего, писаннаго къ Вамъ въ прошломъ 1827 году. Отвѣчая на оныя вопросы, я подтверждаю

Во-первыхъ: Что приглашалъ меня вступить въ Общество не братъ вашъ, а Г. Семеновъ, который не ясно истолковалъ мнѣ, вновь ли составляется Общество или предлагаютъ мнѣ вступить въ старое, а потому я и думалъ, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь еще не совершенно устроенномъ обществѣ; нынѣ же по внимательномъ прочтеніи рапорта слѣдственной комиссіи я удостовѣрилъ, что общество, въ которое приглашалъ меня Секретарь Семеновъ, не что иное какъ старое, извѣстное подъ именемъ Зеленой книги.

Во-вторыхъ: Касательно предположенія моего, что братъ вашъ оставилъ общество въ одно время со мною, я разумѣлъ, что со времени единственнаго собранія, о коемъ я упоминалъ, происходившаго въ 1820 году на квартирѣ Миклашевскаго, братъ вашъ никогда со мною о никакихъ обществахъ не говорилъ; слѣдственно, полагаю совершенно отъ оныхъ отказался.

Подписка же, данная вполѣдствіи правительству, вѣроятно для брата вашего, такъ какъ и для меня запечатлѣла твердыя намѣренія наши впредь никогда не участвовать ни въ какихъ обществахъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ,
честь имѣю быть милостивый Государь

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Яковъ Толстой.

Парижъ. 6 Маія

1830 года.

Его Превосходительству

Александрю Ивановичу

Тургеневу.

„Утаенная любовь“ А. С. Пушкина.

Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина¹.

I.

Съ большимъ интересомъ своевременно прочелъ я небольшую статью М. О. Гершензона о сѣверной любви Пушкина—

¹ Напечатано подъ заглавіемъ „Изъ разысканій“ и т. д. въ изданіи „Пушкинъ и его современники“ вып. XIV. (Были и отдѣльные оттиски).—Всѣ ссылки на рукописи Пушкина и заключенія, на нихъ опирающіяся, сдѣланы въ этой статьѣ на основаніи непосредственнаго изученія рукописей. Источники свѣдѣній о рукописяхъ, мнѣ недоступныхъ, всякій разъ точно указываются. Считаю долгомъ выразить живѣйшую благодарность С. А. Венгеру, давшему мнѣ возможность изучать рукописи, хранящіяся въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ, по прекраснымъ фотографіямъ, ему принадлежащимъ. Ссылки на старинные журналы и альманахи, въ коихъ впервые появлялись стихотворенія Пушкина, а также на различныя изданія его сочиненій, дѣлаются по подлинникамъ.

Изданія сочиненій Пушкина цитируются кратко лишь указаніемъ редактора, а, гдѣ этого недостаточно, и издателя: такъ „Пушкинъ—Ефремовъ—Суворинъ“ означаетъ „Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе А. С. Суворина“. Письма Пушкина и къ Пушкину цитируются по академическому изданію (Сочиненія А. С. Пушкина. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сaitова т. I и II); указывая дату письма, опускаю точное указаніе страницъ этого изданія. Ссылки на описаніе рукописей Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ, сдѣланное В. Е. Якушкинымъ и напечатанное въ „Русской Старинѣ“ за 1884 годъ, дѣлаются кратко: Якушкинъ, Описаніе, мѣсяць, страница. Краткія указанія: Анненковъ, Матеріалы и Майковъ, Матеріалы означаютъ извѣстныя книги П. В. Анненкова (А. С. Пушкинъ, Матеріалы для біографіи и оцѣнки его произведеній, Спб. 1873) и Л. Н.

на¹. Вопросы, имъ поднятые, важны и любопытны для ученаго, занимающагося Пушкинымъ, и если бы выводы и предположенія Гершензона оказались справедливыми, то въ исторіи жизни и творчества Пушкина прибавилась бы новая страница.

Вотъ положенія Гершензона въ сжатомъ видѣ и въ собственныхъ его выраженіяхъ. Еще до невольной высылки изъ Петербурга въ маѣ 1820 года Пушкинъ томился свѣтской, столичной жизнью, тайно изнывалъ въ „суетныхъ оковахъ“—онъ жаждалъ свободы. И несмотря на то, что изъ Петербурга онъ удаленъ принудительнымъ образомъ, ему кажется, что онъ *самъ* бѣжалъ въ поискахъ свободы и свѣжихъ впечатлѣній. Но вырвавшись на свободу хотя бы и такимъ образомъ, онъ испытывалъ полную апатію, былъ недоступенъ какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ. Безчувственность, омертвѣлость духа въ первое время его ссылки сказывалась и временной утратой поэтическаго вдохновенія. Въ глубинѣ же души онъ въ эти самые дни лелѣялъ какое-то живое и сильное чувство. Пушкинъ вывезъ изъ Петербурга любовь къ какой-то женщинѣ, и эта любовь жила въ немъ на югѣ еще долго, во всякомъ случаѣ до Одессы. Предметомъ этой сѣверной любви Пушкина на югѣ, по

Майкова (Материалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина, Спб., 1902). Книгу Н. О. Лернера „Труды и дни А. С. Пушкина, 2-ое изд. Спб., 1910“ цитирую кратко „Лернеръ, страница“.

Наконецъ, упоминаемая и цитируемая въ текстѣ письма А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому и обратно, хранящаяся въ Тургеневскомъ Архивѣ, появляется въ печати въ изданіи Академіи Наукъ „Тургеневскій Архивъ“ подъ ред. Н. К. Кульмана, котораго благодарю за предоставленіе въ мое распоряженіе корректурныхъ листовъ этой переписки.

¹ „Вѣстникъ Европы“ 1908, январь, стр. 275 — 302. За краткостью статьи отдѣльныхъ ссылокъ на страницы не привожу. Надѣясь на то, что М. О. Гершензонъ и другіе авторы не посѣтуютъ на меня, опускаю при повтореніи ихъ фамилій обычную бузву Г. и инициалы, дабы не усложнять работы наборщика.

предположенію Гершензона, была княгиня Марья Аркадьевна Голицына, урожденная Суворова-Рымникская, внучка генералиссимуса. „Въ перепискѣ Пушкина—говоритъ Гершензонъ—нѣтъ никакого намека на его отношенія къ ней или къ ея семьѣ, біографы Пушкина ничего не говорятъ о ней. Свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать о ней, скудны. Она родилась 26 февраля 1802 года: значитъ, въ моментъ ссылки Пушкина, ей было 18 лѣтъ. Она вышла замужъ 9 мая 1820 года, т. е. дня черезъ три послѣ высылки Пушкина, за князя Мих. Мих. Голицына, и умерла она въ 1870 году. Вотъ все, что мы о ней знаемъ“. Считаю несомнѣнно относящимся къ ней три стихотворенія Пушкина („Умолкну скоро я“. . . 1821 года; „Мой другъ забыты мной“ 1821 г.; „Давно о ней воспоминае“. . . . 1823 г.), Гершензонъ пользуется ими для уясненія личности женщины, которую любилъ Пушкинъ, и характера самой его любви. Прилагая добытые имъ выводы о душевномъ состояніи Пушкина въ первое время ссылки на Кавказъ и въ Крыму къ „Кавказскому Плѣннику“, Гершензонъ находитъ, что весь психологическій сюжетъ этой поэмы исчерпывается тѣми тремя элементами, которые преобладали въ эту пору въ самомъ Пушкинѣ. Это: 1) чувство свободы и увѣренность, что онъ самъ бѣжалъ отъ стѣснительныхъ условій и оковъ; 2) нравственная омертвѣлость, невоспримчивость къ радостному чувству; 3) тоска и нѣга по давней и нераздѣленной любви. Этой сѣверной любовью вдохновлялась поэзія Пушкина на югѣ цѣлыхъ два года, ею внутренъ былъ не только „Кавказскій Плѣнникъ“, но и „Бахчисарайскій Фонтанъ“. „Чуднымъ свѣтомъ—пишетъ Гершензонъ—озаряется для насъ творчество поэта—мы нисходимъ до таинственныхъ источниковъ вдохновенія“.

Изъ этого коротенькаго изложенія взглядовъ Гершензона видна ихъ первостепенная важность для исторіи жизни и творчества

поэта, и это обстоятельство обязывает съ тѣмъ большимъ вниманіемъ и осторожностью провѣрить факты, наблюденія и разсужденія Гершензона. Пушкиновѣдѣніе давно ощущаетъ потребность въ синтезѣ; на встрѣчу этой потребности идетъ попытка Гершензона. Но другая, столь же необходимая задача пушкинскихъ изученій—критическое разсмотрѣніе уже вошедшаго въ обиходъ матеріала, критическое выясненіе происхожденія тѣхъ или иныхъ утверждений, обычно повторяющихся и въ изданіяхъ сочиненій поэта, и въ изслѣдованіяхъ о немъ. Такъ называемая Пушкинская литература довольно велика и обильна, но духъ критицизма, отличающій научный характеръ работъ, чуждъ ей: исключенія крайне малочисленны. Мы должны отдать отчетъ въ нашихъ знаніяхъ о жизни и творествѣ поэта и разжаловать многія біографическія, текстуальныя и историко-литературныя утвержденія изъ ихъ догматическаго сана; само собой понятно, осложненіе старыхъ легендъ и предположеній новыми, собственнаго изобрѣтенія, только задерживаетъ научное изученіе Пушкина. Но не будетъ ли синтезъ Гершензона новой легендой?

II.

Работая надъ біографіей Пушкина, я уже давно обратилъ вниманіе на эпизодъ отношеній Пушкина къ княгинѣ М. А. Голицыной и на стихотворенія, связываемыя съ ея именемъ. Теорія о тайной и исключительной любви поэта именно къ ней была выдвинута еще въ 1882 году покойнымъ А. И. Незеленовымъ въ его книгѣ о Пушкинѣ¹. По существу о взглядахъ Незеленова намъ придется еще сказать при разборѣ разсужденій Гершензона. Есте-

¹ А. И. Незеленовъ. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи (1799—1826). Ист.-лит. изслѣд. Переиздано въ 1903 году въ „Собраніи Сочиненій“. Томъ I.

ственно было, конечно, обратиться за разрѣшеніемъ вопроса или, по крайней мѣрѣ, хоть за его освѣщеніемъ къ біографическимъ даннымъ объ этой женщинѣ. Біографы и издатели Пушкина, дѣйствительно, ограничиваются сообщеніемъ тѣхъ датъ, которыя суммировалъ Гершензонъ, но все же въ печатной литературѣ найдется нѣсколько свѣдѣній о ней, не привлекавшихъ до сей поры вниманія изслѣдователей. Эти данныя немногочисленны, но любопытны настолько, что заставляютъ жалѣть о ихъ скудости. Личность княгини Голицыной оказывается интересной въ историко-культурномъ и историко-психологическомъ отношеніяхъ; она, повидимому — изъ того слоя русскихъ людей, котораго еще никто не вводилъ въ исторію нашей культуры, но которому со временемъ будетъ отведена въ ней своя страничка. Это — русскіе люди, мужчины и, главнымъ образомъ, женщины, которые, принадлежа къ богатымъ и родовитымъ фамиліямъ, жили почти всю свою жизнь за границей, вращались въ западномъ обществѣ, были въ общеніи со многими западными знаменитостями, принимали нерѣдко инославное исповѣданіе, вступали въ родство съ иностранцами, открывали свои салоны и т. д. Стоитъ вспомнить о роли, которую играли салоны М-ме Свѣчиной, княгини Багратіонъ, графини Ливенъ, m-me Сиркуръ (урожд. Хлюстиной). Эти люди, непритѣнлившіеся у себя на родинѣ и осѣдавшіе на западной почвѣ, по своему содѣйствовали прививкѣ западнаго міросозерцанія и европейской психики къ русскому уму и сердцу и имѣютъ право быть занесенными въ исторію развитія русскаго интеллигентнаго (въ широкомъ смыслѣ слова) чувства. Съ точки зрѣнія такой исторіи пріобрѣтаетъ интересъ и изученіе обстоятельствъ жизни княгини М. А. Голицыной и собраніе свѣдѣній о ней. Предлагаемъ собранныя нами данныя съ подробностями, быть можетъ, кое—гдѣ и докучными, въ надеждѣ, что та или иная дата, тотъ или иной фактъ, быть можетъ, наве-

деть на открытіе и опубликованіе документовъ, писемъ и воспоминаній о княгинѣ М. А. Голицыной.

Сначала—данныя внѣшнія, даты генеалогическія и хронологическія ¹.

Сынъ знаменитаго Суворова свѣтлѣйшій князь Аркадій Александровичъ (род. 1780) сочетался 13 іюля 1800 года бракомъ съ Еленой Александровной Нарышкиной (род. 1785). Отъ этого брака родилась 26 февраля 1802 года княжна Марія Аркадьевна. Въ 1811 году ея отецъ утонулъ въ рѣкѣ Рымникѣ. Мать долго жила за границей, покоряла и очаровывала современниковъ на Веронскомъ конгрессѣ и вышла во второй разъ въ Берлинъ въ 1823 году за князя Василія Сергѣевича Голицына ². Дочь была фрейлиной Высочайшаго двора ³ и 9 мая 1820 года была выдана за князя Михаила Михайловича Голицына (род. 4 февр. 1793 года), прямого потомка петровскаго М. М. Голицына. За свое искусство мужъ М. А.

¹ См. книги Н. Н. Голицына: 1) Матеріалы для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ. Кіевъ 1880—корректурное изданіе. 2) Родъ князей Голицыныхъ. Томъ 1-ый Спб. 1892. Указанія этихъ книгъ не всегда вѣрны.

² Свѣдѣнія объ А. А. Суворовѣ можно найти въ изданіи Вел. Кн. Николая Михайловича „Русскіе Портреты XVIII и XIX столѣтій“. Т. I, № 68. Здѣсь же свѣдѣнія и о Е. А. Суворовой, рожд. Нарышкиной въ т. I, № 51 (въ этой статьѣ не мало фактическихъ неточностей) и въ т. IV № 135. Извлекаемъ изъ статьи IV тома нѣсколько свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ „Архива кн. Воронцова“ (т. XXXV). „Е. А. Суворова принимала ухаживаніе многочисленныхъ поклонниковъ: друзья ея—кузень гр. М. С. Воронцовъ, С. Н. Маринъ, мягкій и сентиментальный полковникъ Д. В. Арсеньевъ—питали къ ней нѣжныя чувства... С. Н. Маринъ, любуясь ея маленькой Мими (это и есть Марія Аркадьевна), писалъ: „Какъ она стала мила, и я думаю, что она, если это возможно, будетъ такъ же умна и любезна, какъ ея мать“, но въ то же время онъ находилъ, что „божество“ имѣетъ въ себѣ „все“, что вѣтренность и кокетство имѣетъ опаснаго“. Объ Е. А. Суворовой современникъ писалъ: „она соединяетъ въ себѣ съ замѣчательной красотой природную живость ума и обаяніе нѣжной и возвышенной души“.

³ Она показана фрейлиной въ „Мѣсяцесловѣ“ на 1820 годъ, часть I.

Голицыной получилъ прозвище Вестриса, но онъ былъ не только танцоръ, а по своему времени незаурядный человекъ ¹. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ пансіонѣ извѣстнаго Николая, потомъ учился въ Вѣнской Инженерной Академіи и завершилъ образованіе въ Парижской Политехнической Школѣ. Вернувшись въ Россію въ 1811 году, онъ вступилъ на службу по квартирмейстерской части колонновожатымъ и послѣ блестящаго экзамена произведенъ въ офицеры. Состоя при 4-омъ корпусѣ, Голицынъ принималъ участіе въ сраженіяхъ 1812 года и подъ Бородинымъ былъ раненъ. Еще не оправившись совершенно отъ ранъ, въ 1813 году опять вступилъ въ строй, въ корпусъ графа Сень-При. За участіе въ Лейпцигской битвѣ былъ награжденъ чиномъ подпоручика. Въ 1814 году онъ участвовалъ въ штурмѣ Реймса; здѣсь на его рукахъ скончался графъ Сень-При, которому оторвало плечо. По возвращеніи въ Россію, Голицынъ состоялъ при начальникѣ Главнаго Штаба князѣ Волконскомъ; при немъ онъ находился и во время вторичнаго занятія русскими Парижа. Между прочимъ, онъ былъ назначенъ встрѣтить и проводить въ Парижъ графа д'Артуа. Послѣдній, ставъ Карломъ X, вспомнилъ о Голицынѣ и далъ ему офицерскій крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1816 году Голицынъ былъ зачисленъ въ сформированный тогда Гвардейскій Генеральный Штабъ, гдѣ оставался до полученія полковничьяго чина. „Будучи назначенъ—читаемъ въ некрологѣ—оберъ-квартирмейстеромъ резервнаго Гвар-

¹ Данныя о личности и служебной дѣятельности М. М. Голицына извлечены изъ некрологическихъ статей—русской въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1856 годъ № 162 отъ 20 іюля стр. 330 и французской—въ „Le Nord“ № 186 отъ 4 Juillet 1856 (Correspondance particulière, S.-Petersbourg 10/22 Iuin). Почти полное совпаденіе обѣихъ статей указываетъ на одного автора. Н. Н. Голицынъ въ „Матеріалахъ“ называетъ авторомъ французской статьи брата М. М. князя Андрея Михайловича Голицына, бывшаго витебскимъ, могилевскимъ и смоленскимъ генераль-губернаторомъ при Николаѣ I (1792—1863).

дейскаго Кавалерійскаго Корпуса, онъ всегда отличался своими математическими познаніями и своимъ безпристрастіемъ особенно при испытаніи молодыхъ людей, поступавшихъ въ гвардію, за что и награжденъ имп. Александромъ орденомъ св. Анны 2-й степени⁴.

По случаю бракосочетанія княжны М. А. Суворовой и князя М. М. Голицына Джузеппе Галли, заслуженный учитель латинскаго, французскаго и итальянскаго языковъ въ барскихъ семьяхъ того времени, написалъ итальянскій сонетъ, который напечатанъ въ книжечкѣ его стихотвореній въ 1825 году¹. Изданіе книжки, по словамъ автора въ предисловіи, было вызвано желаніемъ отблагодарить всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ въ продолженіе 45 лѣтъ училъ итальянскому языку. Должно быть, къ числу его ученицъ принадлежала и княжна Суворова. Сей торжественный сонетъ носить названіе— „Per le faustissime nozze di sua Eccellenza il signor Principe Michele Golitzin con sua Eccellenza la signora principessa Maria Italski Contessa Suvoroff-Rimnikski sonetto.“—Содержаніе его, вполне соотвѣтствующее условной манерѣ и условнымъ фразамъ, не даетъ намъ никакихъ фактическихъ подробностей.

Рядомъ съ упоминаніемъ о сонетѣ умѣстно привести свидѣтельство некролога о М. М. Голицынѣ: „съ пылкимъ и благороднымъ сердцемъ онъ былъ самый нѣжный супругъ и отецъ“. Отъ брака, столь прославленнаго, родились, какъ видно изъ разысканій Н. Н. Голицына, три дочери: 17 января 1823 года — Александра, въ 1824 году—Леонила и 16 февраля 1831 года—Елена.

Въ 1829 году „по домашнимъ обстоятельствамъ“ (слова некролога), князь М. М. Голицынъ былъ вынужденъ оставить военную службу и на другой день послѣ отставки былъ принятъ ко двору камергеромъ и произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

¹) Raccolta di differenti poesie di Giuseppe Galli Maestro approvato di lingua latina, italiana e francese S.-Pietroburgo. 1825, p. 49.

Въ 1833 году онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій къ Новороссійскому Генераль-губернатору графу М. С. Воронцову, но вскорѣ опять перешелъ въ военную службу по квартирмейстерской же части ¹. Скончался онъ 21 мая 1856 года въ чинѣ генераль-маіора, оставивъ послѣ себя „много замѣчательныхъ сочиненій“ ².

Княгиня Марія Аркадьевна пережила своего мужа и скончалась въ Веве 16 (28) февраля 1870 года ³. И она, и ея мужъ похоронены на кладбищѣ Александро-Невской лавры⁴.

¹ Вотъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о службѣ Голицына изъ того же источника, которыя, быть можетъ, пригодятся при розыскахъ матеріаловъ о кн. Голицыной. Въ 1826 году онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера при отрядѣ Гвардейскаго Корпуса, слѣдовавшемъ въ Москву на время коронаціи имп. Николая I. При возвращеніи изъ службы военной въ статскую, Голицынъ получилъ прежній чинъ полковника съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Военнаго Министра и Генераль-квартирмейстера Главнаго Штаба Е. И. В. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ и членомъ Военно-цензурнаго комитета. Въ 1841 году онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры съ назначеніемъ Оберъ-квартирмейстеромъ Отдѣльнаго Корпуса внутренней стражи. Въ 1854 году оставивъ этотъ постъ, онъ былъ причисленъ къ Генеральному Штабу. „Въ этихъ различныхъ занятіяхъ онъ былъ всегда назначаеми для присутствованія при испытаніяхъ молодыхъ людей, выпускаемыхъ изъ Николаевской Военной Академіи, другихъ подобныхъ заведеній и корпусовъ, и отличался всегда своимъ безпристрастіемъ, справедливостью и глубокими познаніями по разнымъ предметамъ военнаго искусства“ Въ „Родѣ кн. Голицыныхъ“ (стр. 306) сообщено также, что М. М. Голицынъ былъ адъютантомъ В. К. Михайла Павловича.

² Еще живописнѣе сказано во французскомъ некрологѣ: „les poésies remarquables qu'il nous a laissées sont un monument impérissable“. Князь Н. Н. Голицынъ тоже свидѣтельствуетъ, что онъ писалъ французскія сатирическія стихотворенія. Но намъ неизвѣстно ни одного изъ его стихотвореній. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ „харьковскій писатель“, показанъ въ „Источникахъ словаря русскихъ писателей Собралъ С. А. Венгеровъ“. Томъ II С.-Пб. 1910 стр. 13. Тутъ явное недоразумѣніе: ссылка на статьи и портретъ Голицына въ „Молодикѣ“ Бецкого, на „Матеріалы“ П. А. Ефремова, на списокъ Кепшена относятся совсѣмъ не къ этому М. М. Голицыну, а къ М. М. Голицыну изъ XVIII вѣка, ревнителю харьковскаго просвѣщенія.

³ М. А. Голицына была еще и кавалерственной дамой ордена св. Екатерины (Родъ кн. Голицыныхъ, 335).

⁴ Невѣрная дата смерти М. А. Голицыной, приведенная въ „Родѣ кн. Голи-

Мужского потомства Голицыны не оставили; браки средней и младшей дочери были бездѣтны, и только отъ второго брака старшей дочери Александры съ графомъ фонъ Мюнстеръ, германскимъ посломъ въ Лондонѣ, а потомъ въ Парижѣ, остался сынъ, который и оказался единственнымъ наслѣдникомъ большихъ русскихъ имѣній князя Андрея Михайловича Голицына, завѣщавшаго ихъ мужскому потомству своего брата¹.

III.

Отъ дать чисто внѣшняго, справочнаго характера переходимъ къ свидѣтельствамъ, дающимъ нѣкоторое освѣщеніе личности М. А. Голицыной.

Княгиня Голицына занимаетъ извѣстное мѣсто въ жизни и поэзіи Ивана Ивановича Козлова, извѣстнаго слѣпца поэта. Извѣстно, что въ 1818 году его постигла тяжелая болѣзнь; послѣ перваго удара паралича онъ лишился ногъ, и затѣмъ постепенно терялъ зрѣніе вплоть до полной его утраты. Несчастіе разбудило его духовныя силы, онъ началъ писать стихи, и его поэзія находила у современниковъ высокое одобреніе. Въ 1825 году друзья и покровители Козлова выдали въ свѣту его „Чернеца кievскую повѣсть“. Въ предисловіи, написанномъ В. А. Жуковскимъ², чи-

цынных“ (стр. 167 и 516), исправляется указаніемъ В. И. Саятова въ „Петербургскомъ Некрополѣ“ М. 1883, стр. 36.

¹ Родъ кн. Голицыныхъ, стр. 275. Княгиня Александра Михайловна въ первомъ бракѣ была за кн. Дм. Ник. Долгоруковымъ, убитымъ на дуэли кн. Яшвилемъ. Второй ея бракъ закончился разводомъ. Умерла она 4 (16) апрѣля 1884 года во Флоренціи. Вторая дочь Леонилла была съ 1856 года за итальянскимъ графомъ Корніани; умерла 22 іюня (4 іюля) 1875 года въ Веве. Младшая Елена, замужемъ за полк. Влад. Вас. Голицынымъ, умерла 15 (27) декабря 1885 года въ Парижѣ (назв. соч., стр. 191).

² О томъ, что предисловіе писано В. А. Жуковскимъ, узнаемъ изъ сообщенія А. И. Тургенева въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому „Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ“, т. III, Спб. 1899, стр. 114.

таемъ: „Въ молодыхъ лѣтахъ, проведенныхъ въ разсѣянности большого свѣта, онъ (Козловъ) не зналъ того, что таилось въ его душѣ, созданной понимать высокое и прекрасное—несчастье открыло ему эту тайну: похитивъ у него лучшія блага жизни, оно даровало ему поэзію. Вотъ уже пятый годъ, какъ онъ безъ ногъ и слѣпъ; существенный міръ исчезъ для него навсегда; но міръ души, міръ поэтическихъ мыслей, высшихъ надеждъ и вѣры открылся ему во всей красотѣ своей: онъ живетъ въ немъ и въ немъ забываетъ свои страданія часто несносныя. Мы не входимъ въ подробности—пускай онъ самъ будетъ своимъ историкомъ: прилагаемъ здѣсь его посланіе къ другу (написанное въ 1822 году), въ которомъ съ величайшею вѣрностію изобразилъ онъ настоящую судьбу свою; оно есть не произведеніе поэта, а искренняя, трогательная исповѣдь страдальца“... Въ этомъ посланіи „къ другу В. А. Ж.“, т. е. Жуковскому, Козловъ поминаетъ признательнымъ словомъ тѣхъ, чья поддержка могущественно помогла ему: вѣрнаго своего друга Жуковского, свою жену, А. А. Воейкову и М. А. Голицыну. Обѣ эти женщины явились въ самый тяжелый часъ его жизни со словами сердечнаго утѣшенія.

„Тогда въ священной красотѣ
Внезапно дружба мнѣ предстала:
Она такъ радостно сіяла!
Въ ея нашель я чистотѣ
Утѣху, нѣжность, сожалѣнье,
И ею жизнь озарена...

А. А. Воейкова въ этомъ посланіи названа Свѣтланой; княгиня М. А. Голицына не указана именемъ и скрыта подъ мѣстоименіемъ *Она*. Что Козловъ говоритъ именно о М. А. Голицыной, видно изъ письма А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому

отъ 15 апр. 1825 года. Посылая только что изданнаго „Чернеца“, Тургеневъ писалъ: „Она—послѣ Свѣтланы,—внягиня Голицына, урожденная Суворова, которая пѣвала и утѣшала пѣвца нѣкогда, когда еще онъ былъ въ модѣ только у Жуковского и у меня“¹.

Вотъ отрывокъ посланія, относящійся до княгини М. А. Голицыной.

А тамъ съ улыбкой прилетѣлъ
И новый Ангель-утѣшитель,
И сердца милый ободритель,
Прекрасный другъ тоски моей:
Небесной кротостью своей
И силой нѣжныхъ увѣщаній
Она мнѣ сладость въ душу льетъ,
Ласкаетъ, радуется, поетъ,
И рой моихъ воспоминаній
Съ цвѣтами жизни молодой,
Какъ въ блескѣ радужныхъ сіяній,
Летаетъ снова надо мной“².

И. И. Козловъ, помимо этого упоминанія, выразилъ свои чувства и въ особомъ посланіи „Къ княгинѣ М. А. Голицыной“, напечатанномъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 годъ. Вотъ и оно:

Ты видала, какъ играетъ
Солнце раннею порой,

¹ Тамъ же, 114.

² Предисловіе къ „Чернецу“ и посланіе къ другу В. А. Ж. цитирую по изданію 1825 года. Въ новѣйшемъ „исправленномъ и дополненномъ“ Арс. Ив. Введенскимъ изданіи (Сиб. 1892, изд. А. Ф. Маркса) предисловія совсѣмъ нѣтъ, а текстъ посланія напечатанъ съ грубыми ошибками: такъ, напр., вмѣсто „летаетъ снова надо мной“ читаемъ „летаетъ слава надо мною“!

И лилея расцвѣтаетъ,
Окропленная росой;
Ты слыхала, какъ весною
Соловей въ ночи поетъ,
Какъ съ безцѣнною тоскою
Онъ раздумье въ душу льетъ;
Подъ черемухой душистой,
Часто взоръ плѣнялся твой
Блескомъ радуги огнистой
Надъ прозрачною рѣкой.
Такъ твое воспоминанье,
Твой плѣнительный привѣтъ,
Для сердець очарованье
И прекраснаго завѣтъ.
Но съ увядшею душою,
Между радостныхъ друзей,
Какъ предстану предъ тобою
Съ лирой томною моею?
Хоть порой съ мечтами младость
И блеститъ въ моихъ очахъ;
И поется мною радость
На задумчивыхъ струнахъ:
Такъ цвѣтокъ въ поляхъ мелькаетъ
Вмѣстѣ съ кошенной травой,
Такъ свѣтъ лунный озаряетъ
Хладный камень гробовой!
Лишь желать, молить я смѣю:
Да надеждъ прелестныхъ рой
Вьется вѣчно надъ твою
Свѣтло-русой головой.

Въ свѣтѣ гостя молодая,
 Жизнью весело играй;
 Булямъ издали внимая,
 Обо мнѣ вспоминай!¹

Немного, конечно, можно извлечь изъ поэтическихъ признаковъ И. И. Козлова для характеристики княгини М. А. Суворовой, но и это немного рисуетъ ея тихій и кроткій образъ. Запоминается еще одна вѣшняя подробность—искусство пѣнія, которымъ она, повидному, обладала въ высокой степени, такъ какъ и въ остальныхъ свидѣтельствахъ, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ, мы встрѣтимъ не разъ указанія на пѣніе княгини Суворовой-Голицыной. Врядъ ли далекимъ отъ истины будетъ предположеніе, что вниманіе молодой дѣвушки на пораженнаго недугомъ поэта обратилъ Жуковскій. Давній пріятель И. И. Козлова еще съ Москвы, онъ какъ разъ въ это время (въ концѣ 10-хъ и началѣ 20 годовъ) былъ учителемъ Вел. Кн. Александры Теодоровны, былъ принятъ въ придворный кругъ, былъ баловнемъ фрейлинъ, а къ одной изъ нихъ, графинѣ Самойловой, даже питалъ нѣжное чувство. Въ этомъ кругѣ, по всей вѣроятности, онъ и встрѣтился съ княжной Суворовой и заинтересовалъ ее участію своего друга². И впоследствии Жуковскій не разъ упоминаетъ о ней въ письмахъ своихъ къ И. И. Козлову; эти упоминанія немного пополняютъ наши фактическія свѣдѣнія о ней. Должно быть, къ ней относятся слова

¹ Текстъ—по альманаху въ переизданіи „Русскаго Архива“, М. 1881, стр. 329—331.

² Не Жуковскій ли познакомилъ Пушкина съ княжной Суворовой? Ночью съ 16 на 17 августа 1819 года А. И. Тургеневъ привезъ Пушкина изъ Царскаго Села въ Павловскъ къ Жуковскому. „Дорогой—сообщаетъ Тургеневъ князю П. А. Вяземскому—писалъ онъ посланіе о Жуковскомъ къ павловскимъ фрейлинамъ, но еще не кончилъ“ (Ост. Арх., т. I, стр. 296). Это посланіе не дошло до насъ.

изъ французской записочки Жуковского къ Козлову: „Mon cher, je pars dans le moment; je vous embrasse. Je n'ai rien entendu du mariage de la P-sse Souvoroff“, и, слѣдовательно, эту записочку надо датировать временемъ около 9 мая 1820 года¹. Въ 1826 году Жуковскій встрѣтилъ княгиню Голицыну въ Эмсѣ, и 3/15 іюля² писалъ И. И. Козлову: „Здравствуй изъ Эмса, мой милый Иванъ Ивановичъ... Въ Эмсѣ довольно скучно; но жизнь идетъ однообразно, что мнѣ не непріятно. Здѣсь между прочими русскими княгиня Голицына-Суворова. Я ее вижу довольно часто и слушаю съ большимъ удовольствіемъ ея милое пѣніе. Она чрезвычайно поправилась; но ей запрещено возвращаться въ Россію, и мы ее долго не увидимъ. Нашъ климатъ ей не по натурѣ. Она тебя помнитъ и любить и всегда говоритъ о тебѣ, да и собирается сама къ тебѣ писать. Вотъ все, что для тебя интересно“. А 23 іюля (4 августа) того же года Жуковскій, прилагая письмо Голицыной, писалъ И. И. Козлову: „прилагаю письмо отъ княгини Голицыной, которая пробудетъ въ Эмсѣ еще нѣсколько дней. Ея

¹ Записочка безъ даты напечатана К. Я. Гротомъ въ его брошюрѣ „Къ біографіи И. И. Козлова“, Спб. 1904 (отд. отт. изъ „Изв. Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н.“, т. IX, 1904, кн. 2), стр. 12. Тутъ же напечатана (стр. 14) другая записка, безъ даты, при которой Жуковскій „посылалъ письмо княжны Суворовой съ посылкой“. Но такъ какъ она написана послѣ вѣзда въ Россію принцессы Шарлоты (вел. кн. Елены Павловны), состоявшагося 23 ноября 1823 года, а въ это время княжна Суворова была уже княгиней Голицыной, врядъ ли тутъ идетъ рѣчь объ интересующемъ насъ лицѣ. Можетъ быть, въ дневникахъ И. И. Козлова, сохранившихся, между прочимъ, отъ 1818, 19 и 20 годовъ и принадлежащихъ нынѣ К. Я. Гроту, найдутся упоминанія о княжнѣ М. А. Суворовой. Къ сожалѣнію, г. Гротъ напечаталъ только выборки, по своему вкусу, изъ дневниковъ Козлова („Старина и Новизна“, книга XI, Спб. 1906, стр. 34 и слѣд. и отд.: „Дневники И. И. Козлова“, Спб. 1906).

² Это письмо напечатано въ „Русск. Арх.“ 1867, стр. 825—826 и въ „Сочиненіяхъ В. А. Жуковского“. Изд. 7-ое. Томъ 6, Спб. 1878, стр. 464, съ невѣрной датой 3 (15) іюня, исправленной И. А. Бычковымъ въ примѣчаніи къ „Дневникамъ В. А. Жуковского“, Спб. 1903, стр. 185.

здоровье весьма поправилось. Она очень любезна и добра. Я бывал довольно часто у нея и всякій раз пѣнялся ея милымъ пѣніемъ¹. Дѣйствительно, въ дневникахъ Жуковскаго за 1826 годъ находятся краткія помѣты о княгинѣ Голицыной и встрѣчахъ съ нею подъ 19 іюня (1 іюля); 23 іюня (5 іюля) (обѣдъ у княгини Голицыной, пѣніе); (15) іюля (смѣшной разговоръ съ Голицыной) и 21 авг. (2 сент.)².

Новый рядъ извѣстій идетъ изъ переписки А. И. Тургенева съ княземъ П. А. Вяземскимъ, какъ сохранившейся въ Остафьевскомъ Архивѣ и напечатанной въ извѣстномъ изданіи подъ редакціей В. И. Саитова, такъ и хранящейся въ Тургеневскомъ Архивѣ и имѣющей появиться въ изданіи Академіи Наукъ. Такъ 7 мая 1827 года Тургеневъ изъ Лейпцига сообщалъ Вяземскому: „Сегодня сюда пріѣзжаютъ русскіе: графъ Головкинъ, княгиня Голицына (Суворова), которая все проситъ тебѣ о чемъ-то напомнить“³. Особенно часты упоминанія о Голицыной въ письмахъ Тургенева къ Вяземскому за 1833 годъ (Тургеневскій Архивъ). Въ это время Тургеневъ жилъ въ Женевѣ, а княгиня Голицына на дачѣ подъ Женовой, въ Версуа. Какъ разъ въ это лѣто здѣсь проживала и извѣстная Марья Антоновна Нарышева, и графиня Е. К. Воронцова. Съ ними Голицына была въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Тургеневъ встрѣчалъ Голицыну на общественныхъ праздникахъ: то на праздникахъ въ Веве въ августѣ, то „на одной изъ вечеринокъ, конми женевскіе аристократы угощаютъ теперь 75-лѣтнюю парижанку графиню Румфордъ..., вдову славнаго Лавуазье, за коего вышла тому 60 лѣтъ“. Не разъ Тургеневъ бывалъ и у нея. 1 сентября онъ сообщалъ Вяземскому о встрѣчѣ съ извѣстнымъ Декан-

¹ „Русск. Арх.“ 1867, ст. 823 и Соч. Жук., указ. изд. и томъ, стр. 464.

² Дневники В. А. Жуковскаго съ прим. И. А. Бычкова, Спб. 1903, стр. 184—187.

³ „Ост. Арх“, т. III, стр. 159.

додемъ и писалъ: „послѣ завтра провожу съ нимъ вечеръ въ Версуа, у княгини (Мери) Голицыной, которая велѣла тебѣ сказать, что она нарочно прїѣдетъ въ П-бургъ для того, чтобы ты проводилъ ее до Кронштадта такъ, какъ провожалъ ты насъ, Резеду, Салтыковыхъ и проч., о чемъ мною ей объявлено въ свое время, а я слышалъ объ этихъ проходахъ отъ того, кто былъ тутъ же и съ кѣмъ ты собирался писать мнѣ, но предался очарованію отъѣзжавшихъ... Скажи Жуковскому, что и ему она кланяется“. А 6 сентября Тургеневъ писалъ: „Былъ я въ проливной дождь въ Versoix на балѣ у княгини Голицыной, гдѣ заставляли меня вальсировать. Красавицы *Саладенъ*, здѣшняя аристократическая фамилія богатая дачами и красавицами, дѣти Шуваловой-Полье, которая наканунѣ прїѣхала, были для меня новыя лица“. Вмѣстѣ съ Голицыной Тургеневъ осматривалъ садъ и домъ m-me Стальвъ Коппе, а 24 сентября онъ между прочимъ писалъ: „A propos d'église Grecque; nous avons assisté avant-hier avec quelques dames Russes au service divin dans une chapelle Grecque, desservie par un Moine, accompagné d'un marchand grec qui chantait et des petites et grandes Princesses Golitzine qui regardaient dans une lithurgie slave, qui était vraisemblablement encore du Grec pour elles. Avant la messe Grecque nous avons entendu un beau sermon protestant“. 30 сентября Тургеневъ „былъ на Австрійско-Женевской вечеринкѣ, которую давали въ честь нашей княгини Голицыной-Суворовой, отъѣзжающей во Флоренскъ“, т. е. Флоренцію.

Всѣ эти свѣдѣнія рисуютъ кругъ заграничной жизни княгини Голицыной; въ перепискѣ Тургенева съ Вяземскимъ сохранились еще очень любопытныя указанія на переписку Шатобріана съ нашей Голицыной. Въ письмѣ Вяземскаго къ Тургеневу отъ 25 марта 1833 года читаемъ: „Шатобріанъ не силенъ въ географіи. Я читалъ письмо его къ Мери Голицыной, въ которомъ, жалѣя, что она не въ Парижѣ, говоритъ ей: „Au reste, étant à Mittau, vous êtes

encore parmi nous, car les polonais et les français ont toujours été compatriotes“¹. Тургеневу Голицына подарила въ сентябрѣ 1833 года „два письмаца Шатобриана съ прелестными фразами“. Въ письмѣхъ отъ 7 сентября Тургеневъ цитироваль письма Шатобриана: „Voici ce que Chateaubriand écrivait à la Princesse Golitzine, née Souvoroff, le 3 janvier 1831 de Paris: „Moi, toujours prêt à partir pour la Suisse et toujours retenu par ma santé ou mes travaux, j'ai ajourné au printemps mon voyage; aurai-je le bonheur, Madame, de Vous voir en Suisse ou retrouveriez-vous aux Pyrenées? Je voudrais pourtant *ne Vous chercher* pas si longtems sur la terre, car ma vie s'en va; voilà encore une année écoulée, et c'est une chose singulière avec les années qui nous ôtent du tems et nous donnent des jours“.—Изъ Женевы отъ 3 октября 1831: „J'ai été soir et matin occupé d'une défense de mon pauvre *Henri*, qu'on veut proscrire de nouveau avec ses parents. Je vais aller à Paris imprimer cette défense, car je ne sais point faire le brave à l'abri de l'ennemi, derrière une montagne. Ma vie est attachée à mon honneur et l'une va où l'autre l'appelle. Si j'avois su, Madame, que le *paquet* étoit encore moi, je ne vous l'aurai point apporté; j'ai bien assez d'être chargé une fois du poids de ma personne“ (онъ ей привезъ пакетъ изъ Парижа—съ своими сочиненіями)“².

Гдѣ въ настоящее время находятся письма Шатобриана къ Голицыной, появились ли они во французской печати, упоминаеть ли объ этихъ отношеніяхъ Шатобриана специальная о немъ біогра-

¹ Тамъ же, стр. 229. Между прочимъ, 19 іюля 1833 года Вяземскій въ отвѣтъ на сообщеніе Тургенева просилъ передать усердный поклонъ Голицыной и спрашиваль, „что пѣніе ея“? (тамъ же стр. 254).

² Въ письмахъ, напечатанныхъ въ IV томѣ „Остафьевскаго Архива“, Тургеневъ изъ Парижа сообщаетъ о своихъ встрѣчахъ съ Голицынными и княземъ Мих. Голицынымъ (стр. 34, 47, 281 и 134). Не совсѣмъ ясно, о мужѣ ли М. А. Голицыной здѣсь идетъ рѣчь. См. еще упоминанія въ „Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, Лейпцигъ. 1872, стр. 40 и сл. изъ Эмса въ іюль 1827 (Перепечат. въ „Русск. Арх.“ 1895, III, стр. 40—41).

фическая литература,—на всѣ эти интересные вопросы я, къ сожалѣнію, лишень возможности отвѣтить, не имѣя подъ рукою, въ петербургскихъ библіотекахъ, біографическихъ работъ и матеріаловъ о Шатобріанѣ¹.

Въ концѣ 1836 и въ началѣ 1837 года княгиня М. А. Голицына жила во Флоренціи. Здѣсь въ это время было довольно много знатныхъ русскихъ, а среди нихъ—не мало окатоличившихся и обитательнившихся. Такова была, напримѣръ, фамилія Бутурлиныхъ. Одинъ изъ ея членовъ, сохранившій впрочемъ, свою національность и вѣру, графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ воспоминаніяхъ² рисуетъ яркую картину флорентійскаго свѣта, въ которомъ не послѣднюю роль играли и наши соотечественники. Нѣсколько занимательныхъ строкъ находимъ у него и о княгинѣ М. А. Голицыной. Онъ прибылъ во Флоренцію осенью 1836 года съ беременной женой и, не желая пускаться въ свѣтъ безъ нея, возобновилъ знакомство только съ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ и съ „временно проживавшей во Флоренціи княгиней Марією Аркадьевой Голицыной, урожденной княжною Суворовой“³. Въ салонѣ ея онъ видѣлъ скульпторшу де Фово,—изъ ярыхъ французскихъ аристократическихъ легитимистовъ, и знаменитаго историка Сисмонди.

¹ Отмѣтимъ также упоминанія о княгинѣ М. А. Голицыной въ „Запискахъ Д. Н. Свербеева“, М. 1900. Свербеевъ жилъ въ Швейцаріи въ 1823—1826 годахъ (онъ служилъ при нашей миссіи и жилъ въ Бернѣ); перечисляя своихъ знакомыхъ въ Женевѣ за это время, онъ упоминаетъ, между прочимъ, и княгиню Голицыну, жившую на своей виллѣ въ Versoix (т. II, стр. 300). Свербеевъ рассказываетъ, какъ онъ „провелъ однажды пѣлый вечеръ у жившей подъ Берномъ великой княгини Анны Ѳедоровны (разведенной жены вел. кн. Константина Павловича) въ пѣніи съ кн. Голицыной, матерью М. А., и съ ней самой (т. II, стр. 206). Мать Голицыной тоже славилась своимъ пѣніемъ.

² „Русск. Арх.“ 1897, 1898, 1901 годы.

³ Мужа княгини—князя М. М. Голицына Бутурлинъ видалъ въ домѣ своей матери еще въ концѣ 1810-хъ годовъ въ Москвѣ: „Русск. Арх.“ 1897, кн. 1 (№ 3), стр. 428. А княгиню онъ встрѣчалъ во Флоренціи весной 1826 года въ первый свой пріѣздъ: „Русск. Арх.“ 1897, т. II (№ 5), стр. 54.

„Княгиня М. А. Голицына—разсказываетъ графъ Бутурлинъ—въ то время или немного позднѣе предалась, какъ слышно было, особому мистицизму, кончившемуся будто бы переходомъ въ протестантство. Изъ Италиі она переѣхала на жительство въ Швейцарію“¹. Бутурлинъ разсказываетъ еще, что княгиней увлекался въ это время маркизъ Чезаре Бочелла, „литераторъ и меломанъ, бывшій чѣмъ-то при дворѣ миниатюрнаго герцога Луккскскаго“². Онъ „былъ довольно умный и начитанный челоѣкъ (ученостью же не отличалась вообще тогда итальянская аристократія), но воспламенялся (всегда, впрочемъ, платонически) то къ одной, то къ другой женщинѣ, идеализируя ее какимъ-то сверхъестественнымъ въ психологическомъ отношеніи созданіемъ изъ всѣхъ Евиныхъ дочерей. Таковою представлялась ему нѣкогда княгиня М. А. Голицына (рожд. княжна Суворова), завлекшая его въ туманный мистицизмъ, который у него дошелъ до полупротестантизма, а у княгини, если вѣрить молвѣ, до перехода въ это исповѣданіе“³.

¹ „Русск. Арх.“ 1897, кн. III (№ 9), стр. 49.

² Тамъ же, стр. 91 и 92.

³ Тамъ же, 1901, кн. III (№ 10), стр. 217. Не этотъ ли маркизъ Bocella перевелъ на итальянскій языкъ поэмы Пушкина? Вотъ заглавіе перевода: „I quattro poemi maggiori di Alessandro Pouschkine, tradotti da Cesare Bocella“, Pisa, co' carotteri di Didot. 1841 (16), XXII, 134 p. Геннади пишетъ объ этомъ переводѣ: „Это едва ли не лучший итальянскій переводъ изъ сочиненій Пушкина—извѣстнаго итальянскаго писателя Бочелла: онъ передалъ нашего поэта бѣлыми стихами, слѣдуя буквальному переводу, сдѣланному для него, какъ для незнакомаго съ русскимъ языкомъ. Содержаніе книги: предисловіе, очеркъ жизни Пушкина и его поэмы—Бахчисарайскій Фонтанъ, Пльнникъ, Цыганы и Братья Разбойники (Переводы сочиненій Пушкина. М. 1859. Стр. 14—15. Отд. отд. изъ „Библиографическихъ Записокъ“ 1859 года; тоже повторено Геннади въ „Приложеніяхъ къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, изданнымъ Я. А. Исаковымъ, Спб. 1860, стр. 45). Добавить слѣдуетъ, что переводъ посвященъ „alla nobile Elisabeta Cheremeteff nata Martinoff in segno di riconoscente amicizia“. Несмотря на то, что Геннади именуетъ Бочелла извѣстнымъ писателемъ, въ наиболѣе распространенныхъ книгахъ по исторіи итальянской ли-

Молва о лютеранствѣ княгини нашла мѣсто и въ перепискѣ П. А. Плетнева съ Я. К. Гротомъ. 11 ноября 1843 года Плетневъ писалъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ Гроту: „На чай отправился къ Суворовымъ, здѣсь поселившимся. Мужъ [князь Константинъ Аркадьевичъ] отправился ко двору датскому для негоціацій о свадьбѣ В. К. Александры Николаевны съ принцемъ Гессенскимъ. У жены нашель двухъ большихъ княженъ Голицыныхъ, родныхъ племянницъ этого князя Суворова. Онѣ выросли и воспитались въ Парижѣ, почему и смѣшно еще говорятъ по-русски: мать ихъ, урожденная княжна Суворова, даже приняла лютеранскую вѣру“¹.

Точныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ отпаденіи княгини М. А. Голицыной отъ православія находимъ въ очень рѣдкомъ и совершенно неизвѣстномъ въ русской литературѣ трудѣ извѣстнаго діакона Вильяма Пальмера, которому довелось играть не малую роль въ исторіи религіозной жизни княгини. Пользуясь этой книгой, я ограничусь здѣсь только краткимъ сообщеніемъ о ея религіозномъ кризисѣ.

Отпаденіе княгини отъ православія случилось въ концѣ 1839 или въ началѣ 1840 года, когда она вмѣстѣ съ дочерьми

тературы онъ совершенно не упоминается даже по имени. Этому же Бочелла принадлежит изданный въ Пизѣ переводъ поэмы Козлова „Чернецъ“ (Il monaco, poema di Kozloff, tradotto dal Russo in Italiano, Pisa. MDCCCXXXV). Этотъ переводъ былъ въ библиотекѣ А. С. Пушкина (см. В. Л. Модзалевскій. Библиотека А. С. Пушкина. Спб., 1910, стр. 263) и въ библиотекѣ В. А. Жуковского, входящей нынѣ въ составъ Онѣгинскаго Музея (см. Описание В. Л. Модзалевскаго въ XII вып. сборн. „Пушкинъ и его современники“, стр. 46).

¹ Переписка П. А. Плетнева съ Я. К. Гротомъ, т. II, стр. 151. Получивъ это письмо, Я. К. Гротъ 17 ноября спрашивалъ Плетнева: „Мать Голицыныхъ, урожд. Суворова, не та ли Наташа, къ которой фельдмаршалъ писалъ забавныя письма?“ (стр. 152). Плетневъ на это 24 ноября отвѣчалъ: „Мать Голицыныхъ, урожд. Суворова, есть дочь Арк. Алдр. Суворова, т. е. сына фельдмаршала; стало быть, она внучка фельдмаршала,—и послѣдній не могъ писать къ ней письма, ибо ея не было на свѣтѣ“ (стр. 158).

послѣ продолжительнаго пребыванія въ Италіи перебралась на жительство въ Женеву. Любопытно, что, живя въ общеніи съ католическимъ міромъ, она вынесла отрицательное впечатлѣніе о „суетѣри“ католической религіи. Неизвѣстно, подѣ какимъ вліаніемъ Голицыны восприняли протестантскую точку зрѣнія на руководственное значеніе Св. Писанія. Но, читая Св. Писаніе, онѣ пришли къ заключенію о рѣшительномъ несоотвѣтствіи Св. Писанію ученія и обрядовъ православной церкви, и, наоборотъ, знакомство съ англійской „Книгой общихъ молитвъ“ (Common Prayer-Book) внушило имъ мнѣніе о полномъ согласіи съ Св. Писаніемъ гимновъ, молитвъ и наставленій этой книги. Отсюда возникъ интересъ къ англиканству. Сначала старшая дочь, а потомъ мать и средняя дочь начали посѣщать англійскую церковь въ Женевѣ и принимать участіе въ общеніи Св. таинствъ. Случайно бывшій въ Женевѣ Ирландскій дewanъ (Lord Edward Chichester) принялъ ихъ въ лоно англиканской церкви. О своемъ отпаденіи и переходѣ онѣ написали въ Петербургъ князю М. М. Голицыну, а княгиня М. А.—и самому Николаю Павловичу, который выразилъ свое крайнее неудовольствіе по этому поводу. Самъ М. М. Голицынъ былъ въ отчаяніи: онъ неясно представлялъ себѣ сущность англиканства и самъ признавался, что ему меньше было бы горя слышать о переходѣ своей семьи въ католичество. Были приняты официальные мѣры къ возвращенію Голицыныхъ въ православіе: священнику нашей Бернской миссіи было поручено увѣщевать отпавшихъ, но первыя его попытки были безплодны и, если дальнѣйшія увѣнчались успѣхомъ, хотя только въ отношеніи къ дочери, то, главнымъ образомъ, благодаря вмѣшательству въ этотъ религіозный инцидентъ семьи Голицыныхъ извѣстнаго діакона Вильяма Пальмера, который въ сороковыхъ годахъ упорно, но тщетно хлопоталъ о соединеніи церкви англиканской и православной и совершилъ съ этою цѣлью

рядъ поѣздокъ въ Россію. (Большою извѣстностью у насъ въ Россіи пользуется его переписка съ А. С. Хомяковымъ въ VIII томѣ „Сочиненій“ послѣдняго и по англійски въ книгѣ Birkbeck W. J., *Russia and the English Church during the last fifty years. Volume I, London. 1895*). Обращеніе Голицыной сыграло большую роль въ исторіи возбужденнаго Пальмеромъ вопроса о соединеніи церквей,— роль, совершенно не освѣщенную ни въ нашей богословской, ни въ нашей исторической литературѣ. Чтобы понять значеніе инцидента Голицыной для дѣла самого Пальмера, надо сказать, что онъ вначалѣ считалъ англиканскую и православную церковь вѣтвями единой каѳолической церкви и на этомъ основаніи добивался отъ нашего Синода разрѣшенія допустить его, какъ члена истинной церкви, къ принятію Св. Тайнъ. Такое допущеніе въ общеніе въ таинствахъ, по мысли Пальмера, и должно было послужить началомъ соединенія церквей. Принятіе же Голицыной въ лоно англиканской церкви противорѣчило такой точкѣ зрѣнія Пальмера, ибо ясно, что англиканская церковь не имѣетъ права принимать православныхъ, какъ обращенныхъ, разъ не усматривается существенныхъ различій между православіемъ и англиканствомъ. Поэтому, когда въ первую поѣздку свою въ Россію въ 1840—1841 годахъ (объ этой поѣздкѣ см. дневникъ, очень любопытный, Пальмера: Palmer W. A., *Visit to the Russian Church 1840—1841. Edited by Cardinal Newman, London. 1882*; тутъ есть нѣкоторыя подробности и о Голицыныхъ) Пальмеръ услышалъ отъ князя Голицына рассказъ объ обращеніи его жены, то онъ сразу заявилъ, что это очевидное недоразумѣніе, и что православный человѣкъ не можетъ быть „обращенъ“, а можетъ принимать участіе въ англиканскомъ богослуженіи, оставаясь членомъ православной церкви. М. М. Голицынъ заинтересовался словами Пальмера и просилъ его изложить свои взгляды съ тѣмъ, чтобы онъ могъ послать въ Женеву его письмо.

Пальмеръ согласился, написалъ одно, потомъ другое письмо М. М. Голицыну, а затѣмъ вступилъ въ непосредственную переписку съ его дочерью. Когда въ 1841 году князь Голицынъ уѣзжалъ въ Женеву, онъ даже взялъ съ Пальмера слово пріѣхать, если нужно, въ Женеву. Письма ли Пальмера подѣйствовали, или убѣжденія отца, но старшая дочь вернулась въ православіе и вмѣстѣ съ отцомъ возвратилась въ этомъ году въ Россію, а М. А. Голицына переѣхала въ Парижъ. М. М. Голицынъ написалъ Пальмеру отчаянное письмо съ просьбой пріѣхать въ Парижъ и убѣдить его жену. Пальмеръ весьма тщательно и настойчиво позаботился о выполненіи этой просьбы. Онъ доказывалъ княгинѣ, что она неправильно считаетъ себя „обращенной“, такъ какъ, съ одной стороны, при сходствѣ исповѣданій нѣтъ надобности въ обращеніи, а съ другой стороны для дѣйствительнаго „обращенія“ недостаточно было принять участіе въ богослуженіи и принимать Св. Тайны по обряду англиканскому, а надо быть принятымъ, послѣ отреченія отъ старой вѣры съ соблюденіемъ формальностей и съ надлежащаго разрѣшенія. Всѣ эти условія не были соблюдены, но княгиня Голицына, осуждая православіе, твердо считала себя членомъ англиканской церкви, и въ то же время отказывалась отъ исполненія какихъ-либо условій. „Всѣ попытки вернуть меня къ православію, писала она Пальмеру, будутъ тщетны. Я не ишу, я обрѣла... Помимо всего, мы исходимъ изъ совершенно различныхъ принциповъ. Вы дѣлаете изъ религіи общеніе душъ, религіозную дисциплину. Для меня религія—воплъ потерпѣвшаго крушеніе къ Спасителю, отвѣтъ Спасителя и благодать“. Въ январѣ 1842 года Пальмеръ лично познакомился съ княгиней и имѣлъ съ ней бесѣды. Такъ какъ княгиня Голицына желала участвовать въ англиканскомъ богослуженіи не какъ членъ православной и близкой, по взгляду, религіи, а какъ членъ англиканской,—для чего она не хотѣла

представить оснований, то Пальмеръ, найдя единомышленника въ шотландскомъ архіепископѣ въ Парижѣ Матвѣѣ Лескомбѣ (Matthew Luscombe), добился того, что Голицыной было отказано въ допущеніи къ англиканской Евхаристіи. Но это не измѣнило ея взглядовъ, и она отправилась въ Лондонъ и тамъ продолжала посѣщать англійскія церкви. Частный случай далъ Пальмеру поводъ поставить общій вопросъ, на какихъ же условіяхъ должно совершаться принятіе православныхъ въ англиканскую церковь. Этотъ же вопросъ приводилъ къ постановкѣ еще болѣе общаго вопроса—о возможности церковнаго общенія и единенія, если разница между православіемъ и англиканствомъ несущественна. Эти вопросы послужили предметомъ апелляціи, съ которою Пальмеръ и сочувствующія ему духовныя лица обратились къ синодамъ шотландской церкви. Какъ матеріаль для сужденія, была составлена огромнѣйшая книга, содержащая подробнѣйшее и документированное изложеніе всей исторіи Голицыной и пальмеровскихъ попытокъ обращенія къ русскому Синоду. Эта книга была отпечатана не для продажи и является очень рѣдкой. Ея заглавіе: „An Appeal to the scottish Bishops and Clergy and generally to the Church of their Communion“, Edinburg. MDCCCXLIX. Стр. XVIII+CCXL+464. Сообщаемыя нами данныя извлечены изъ этой именно книги. Голицына не названа по фамиліи, а упоминается подъ Madame A. Но еще до апелляціи, составленной въ 1848 году, Пальмеру было не мало дѣла съ Голицыной. Когда она на короткое время пріѣзжала въ Россію, здѣсь какъ разъ былъ Пальмеръ, который и тутъ воспрепятствовалъ ей участвовать въ богослуженіи въ англійской церкви. Но, несмотря на все это, княгиня вездѣ, гдѣ только могла, посѣщала англійскія церкви и продолжала считать себя членомъ англиканской церкви. Такъ было и въ моментъ составленія апелляціи въ 1848—1849 году. Любопытно, что въ 1844 году притѣсненія и

преслѣдованія за вѣру русской княгини стали предметомъ многочисленныхъ статей и памфлетовъ въ западной прессѣ, доставившихъ не мало огорченія княгинѣ. Исторія ея религіозныхъ переживаній заслуживала бы подробнаго изложенія, но на это потребно другое время и другое мѣсто.

Нельзя не отмѣтить любопытной особенности религіознаго обращенія княгини Голицыной. Она жила, повидимому, въ католической атмосферѣ; ея современники и современницы изъ высшаго свѣта измѣняли своей вѣрѣ ради католичества. Естественнѣе было бы ожидать и отъ нея перехода въ это исповѣданіе, но ее плѣнилъ мистицизмъ протестантскій. Такимъ образомъ ея религіозныя переживанія трудно считать шаблонными, и если въ обращеніяхъ нашей знати къ католичеству, которыя одно время были почти эпидемическими, можно указать не мало случаевъ—результатовъ неразсуждающаго подражанія, моды и другихъ чисто внѣшнихъ вліяній, то на протестантскій піэтизмъ моды не было, и обращенія въ лютеранство были рѣдки... ¹

Нѣжное участіе къ больному поэту, доступность высокимъ наслажденіямъ искусства, общеніе съ выдающимися людьми Запада (Шатобрианъ, Сисмонди), наконецъ своеобразный религіозный опытъ, завершившійся обращеніемъ къ протестантской мистикѣ—все это указываетъ на натуру недюжинную и можетъ послужить къ оправданію нашего намѣренія привлечь вниманіе къ этой княгинѣ-лютеранкѣ и обратиться съ просьбой ко всѣмъ лицамъ, въ распоряженіи которыхъ находятся какія-либо свѣдѣнія или документы о

¹ Очевидно, подъ вліяніемъ увѣренности въ силѣ шаблона, и Н. Н. Голицынъ отмѣтилъ въ числѣ совратившихся въ католичество членовъ рода Голицыныхъ и княгиню М. А. Голицыну, которая, по его сообщенію, состояла въ католичествѣ „временно за границей около 1841 года“ (Родъ кн. Голицыныхъ, стр. 347).

ней или ея переписка, не отказать въ сообщеніи всѣхъ подобныхъ матеріаловъ въ Коммиссію по изданію сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

IV.

Но существовавшій интересъ къ личности княгини М. А. Голицыной созданъ не изложенными данными о ней, впервые нами собранными, а нѣкоторыми отношеніями ея къ жизни и поэзіи Пушкина. Она—„сѣверная любовь“ Пушкина! Переходя къ разбору гипотезы о сѣверной любви, выдвинутой Гершензономъ, не лишнее замѣтить, что его мнѣніе, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ оспаривалъ въ печати одинъ Н. О. Лернеръ¹. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы должны считаться и съ разсужденіями Лернера. Гершензонъ пришелъ къ своимъ выводамъ съ помощью метода психологическаго: онъ пристально читалъ стихи Пушкина и вѣрилъ имъ, и наблюденія его лишь результатъ „медленнаго чтенія“. Сущность той работы, которую продѣлалъ Гершензонъ въ своемъ опытѣ „медленнаго чтенія“,—заключается въ томъ, что несвязанныя высказыванія въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина онъ освоилъ современнымъ, личнымъ сознаніемъ и заполнилъ, такимъ образомъ, пробѣлы въ доступной намъ исторіи переживаній поэта. Такого освоенія не слѣдъ, конечно, бояться, но только въ томъ случаѣ, если въ нашемъ распоряженіи фактовъ настолько достаточно, что сила ихъ дѣйствія на наше сознаніе въ свое время скажется и заявитъ противодѣйствіе субъективизму изслѣдователя. А какъ разъ при изученіи Пушкина насъ подавляетъ скудость фактовъ и, что еще важнѣе, скудость фактическихъ обобщеній;

¹ Въ примѣчаніяхъ ко 2-му тому соч. Пушкина подъ ред. Венгерова. (Спб. 1908).

вѣдь въ сущности изученіе Пушкина только теперь еле-еле становится научнымъ. Но Гершензонъ въ „медленномъ чтеніи“ основывался на слѣдующемъ утвержденіи: „біографы поэта оставили безъ вниманія весь тотъ біографическій матеріалъ, который заключенъ въ самыхъ стихахъ Пушкина. Пушкинъ необыкновенно правдивъ, въ самомъ элементарномъ смыслѣ этого слова; каждый его личный стихъ заключаетъ въ себѣ автобіографическое признаніе совершенно реального свойства“. Это положеніе—для Гершензона аксіома, съ которой начинается изученіе Пушкина, но оно въ дѣйствительности могло бы быть принято, если бы только явилось результатомъ предварительнаго тщательнаго сравнительнаго изученія исторіи его жизни и творчества, но никто еще не произвелъ научнымъ образомъ всей той фактической работы, изъ которой съ логической неизбежностью вытекало бы то или иное рѣшеніе этого положенія. Пока оно только—впечатлѣніе изслѣдователя *ad hoc*. Гершензонъ не снабдилъ разъясненіями своей аксіомы. Что такое реальная элементарность правдивости Пушкина въ его поэзіи? Если она означаетъ, что переживаніе, выраженіе котораго находимъ въ поэзіи, было въ душѣ поэта, то такое мнѣніе, конечно, можно принять, но какое же остается за нимъ руководственное значеніе для біографовъ? Ихъ задачей являются разысканія въ области фактической жизни поэта, которыя должны выяснитъ удѣльный вѣсъ всякаго переживанія въ ряду другихъ. Вотъ тутъ и начинаются долгіе споры, при которыхъ придется привлекать фактическія данныя.

Оппонентъ Гершензона Лернеръ работаетъ при помощи другихъ методовъ: онъ держится въ области фактовъ, разыскиваетъ ихъ, разсматриваетъ и сопоставляетъ. Въ его работахъ научное изученіе Пушкина найдетъ для себя не мало полезныхъ матеріаловъ. Недостатки метода Лернера—односторонность, къ которой

приводить изслѣдователя отсутствіе перспективъ; кромѣ того, примѣненіе такого метода требуетъ большой остротности и сдержанности. Какъ разъ послѣднихъ свойствъ не хватаетъ Лернеру. Подобно всякому фактическому изслѣдователю, Лернеръ нерѣдко бываетъ однокрылымъ и забываетъ о должной осторожности. Мы не разъ будемъ имѣть случай отмѣчать своеобразные промахи Гершензона и Лернера, вытекающіе изъ ихъ пріемовъ работы.

Гершензонъ рассказалъ исторію любви Пушкина къ княгинѣ М. А. Голицыной, выяснилъ характеръ этой привязанности поэта и даже нарисовалъ образъ этой женщины—и все это онъ сдѣлалъ исключительно на основаніи трехъ стихотвореній Пушкина, ею вызванныхъ. Намъ необходимо сосредоточить вниманіе на этихъ произведеніяхъ, и поэтому представляется неизбѣжнымъ привести текстъ (въ той редакціи, въ какой она появилась при жизни поэта) и сообщить ихъ „послужной списою“. Въ цѣляхъ краткости въ дальнѣйшемъ изложеніи, элегія „Умолкну скоро я“ обозначается цифрой I, элегія „Мой другъ забыты мной“—цифрой II, и посланіе „Давно о ней воспоминаніе“—цифрой III.

Въ отношеніи къ сохранившимся рукописямъ исторія I и II одинакова. Возникли оба стихотворенія почти одновременно: I—23 августа 1821 года, II—въ ночь съ 24 на 25 августа. Рядомъ (II сейчасъ же за I) записаны они въ черновой кишиневской тетради (нынѣ Румянцовскаго Музея № 2365). Здѣсь ихъ первоначальная, соотвѣтствующая моменту возникновенія элегій, редакція. Черновой набросокъ I—не всего стихотворенія, а только части (послѣдней)—занимаетъ правую сторону тетради или иными словами, переднюю страницу 47 листа ¹. Заглавія нѣтъ, а внизу

¹ Отмѣтимъ содержаніе страницъ предшествующихъ. На об. л. 45 по описанію Якушкина (1883, апр., 100) „какіе то зачеркнутые стихи. Тутъ же помѣта—18 juillet. Nouvelle de la mort de Napoleon. Bal chez l'archevêque Arme-

страницы помѣта 23 авг. 1821 года; видно, что цифра 3 исправлена изъ 4. Сейчасъ же вслѣдъ за нимъ идетъ черновикъ II, занимающій оборотъ 47 и лицо 48 листа. На 47 об. вверху слѣва

pien 1821⁴. Другими чернилами съ боку: „Напрасно рощу оглашаетъ Охотника веселый рогъ“. С. А. Венгеровъ эти два стиха ввелъ въ текстъ своего изданія (II, 88) и далъ слѣдующія разъясненія въ примѣчаніяхъ (II, 588). „Эти два стиха единственные, которые можно разобрать въ исчерканномъ черновикѣ..... Сами по себѣ незначительные, стихи имѣютъ интересъ, какъ указаніе на замыселъ какого-то произведенія—эпического характера“. Эти разъясненія требуютъ исправленій. Черновикъ дѣйствительно почти весь перечеркнутъ, но все же поддается разбору. Это—продолженіе написаннаго на предшествующихъ страницахъ наброска къ „Гробу юноши“ [укажемъ, что Майковъ въ „Матеріалахъ“ (121) приводитъ текстъ стихотворенія, пользуясь вариантами именно съ л. 45 об.]. Поэтъ набрасываетъ рядъ картинъ жизни: юноша мертвъ, и „напрасно блещетъ лучъ денницы“....; „напрасно утромъ за малиной къ ручью красавица съ корзиной“.... Подъ густо зачеркнутыми линіями кое-что можно разобрать; вотъ нѣкоторыя слова и строки, мною прочитанныя.

Съ корзиной

идуть въ ближній лѣсъ идутъ
къ
и отдыхаютъ гробницей
приподымаетъ
И въ прохладу и холодъ водъ
Ногою робкою ступаетъ
Пугливо тихонько ногу опускаетъ
За ягодой напрасно молод по ягоды
Слѣшать съ корзиной дѣвушки долины
И лѣсни
И съ берега
За поцелуемъ

А на этихъ перечеркнутыхъ стихахъ поэтъ набросалъ и продолженіе

Напрасно рощу оглашаетъ
| Охотника | | веселый | | рогъ |
| Охоты звонкіе рога |
| И стая гончихъ |
Охотника веселый прѣб.
| И стая гончихъ прибѣгаетъ |

Совершенно очевидно, что два стиха, введенные теперь въ текстъ, какъ самостоятельный набросокъ, являются только вариантомъ къ „Гробу юноши“. Но такимъ образомъ находящаяся здѣсь помѣта „18 iuillet... 1821“ даетъ воз-

помѣта „24 Авг. въ ночь“. По рукописи видно, что текстъ I заносился въ тетрадь именно 23 августа, а текстъ II—ночью 24 августа.

Изученіе рукописей поэта даетъ возможность установить обычный у него пріемъ двукратной обработки темы. Первая обработка свидѣтельствуетъ о мукахъ творчества и бросается въ глаза исчерканностью и обиліемъ поправокъ; видно, что поправки являются сейчасъ же вслѣдъ за возникновеніемъ каждаго стиха или даже слова. Во второй обработкѣ—пѣса вносится начисто безъ поправокъ и затѣмъ уже подвергается исправленіямъ, но ихъ уже не такъ много, какъ въ первой редакціи. Наконецъ, посылая пѣсу въ печать, Пушкинъ переписывалъ ее изъ тетради на бѣло. Этихъ положеній нельзя, конечно, прилагать ко всѣмъ пѣсамъ; исключеній не мало, но обычно ходъ работы именно таковъ. Онъ хорошо иллюстрируется черновиками поэмъ, хотя бы „Цыганъ“, „Овѣгина“; нерѣдко за исчерканной первой редакціей строфы сейчасъ же, непосредственно идетъ вторая редакція, съ немногими уже исправленіями. Хорошіи примѣры даютъ и занимающій насъ текстъ I и II.

можно болѣе точной датировки стихотворенія. На стр. 46 начало письма, программа Братевъ-разбойниковъ, два стиха „Одна черта руки моей“, и историческая программа. Эта страница воспроизведена въ изданіи Венгерова, II, 159. На оборотѣ 46 листа, т. е. налѣво отъ черновика I, видимъ рядъ рисунковъ, помѣту 26 Juillet 1821 и нѣсколько зачеркнутыхъ стиховъ. Не безъ труда, но можно подъ зачеркнутымъ разобрать отдѣльныя слова и стихи приблизительно такъ: И плѣнникъ думалъ ...И юный плѣнникъ, съ этихъ поръ живетъ съ печалью одинокой, И не встрѣчалъ уже, Онъ тщетно“. Очевидно, эти стихи—не нашедшій дальнѣйшаго развитія вариантъ къ „Кавказскому Плѣннику“,—именно къ ст. 155 и слѣд. Якушкинъ въ описаніи (апр., 100) оставилъ безъ разбора эти стихи, приведя только одинъ стихъ „И плѣнникъ думалъ“; не обратилъ онъ на нихъ вниманія и тогда, когда подводилъ варианты черновыхъ къ „Кавказскому Плѣннику“ въ академическомъ изданіи. Стихи листа 46 об. находятъ ближайшее соотвѣтствіе въ приводимомъ здѣсь (Пушк.—Акад. II) вариантѣ на стр. 464.

Вторую обработку I и II находимъ въ тетради 2367. Здѣсь передъ нами оба стихотворенія съ исправленіями, сдѣланными по перепискѣ, въ сравнительно законченномъ, но все же еще не завершенномъ видѣ. I занимаетъ здѣсь л. 10 и 10 об. и имѣетъ заглавіе „Элегія“, а подъ заглавіемъ помѣту „1821 Авг. 23“, а II—находится на л. 11 и 11 об. съ заглавіемъ: „Элегія“ и съ помѣтой подъ послѣднимъ стихомъ „25 авг. 1821“. Такъ какъ по занесеніи элегій въ тетрадь оставалось на об. 10 и на об. 11 листовъ свободное мѣсто, то Пушкинъ воспользовался имъ, вписавъ свои мелочи—на об. 10—„Лизѣ страшно полюбить“ и на об. 11—Эпиграмму — „У Кларисы денегъ мало“ съ помѣтой подъ ней „1822 Генв.“¹.

¹ Пересматривая *первые листы* тетради 2367, мы видимъ, что Пушкинъ сначала предназначалъ эту тетрадь для занесенія сюда бѣловыхъ редакцій или вторыхъ обработокъ своихъ стихотвореній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо взглянуть, хотя бы на факсимиле, 1, 1 об. и 2 листовъ, данныя во II томѣ Пушк.—Акад. Приблизительно такой же внѣшній видъ имѣютъ и послѣдующія страницы. Къ большинству переписанныхъ сюда стихотвореній сохранились и первоначальныя черновыя въ другихъ тетрадяхъ: такъ, черновыя „Увы, зачѣмъ она блистаетъ“, „Дочери Кара-Георгія“,—въ тетради, хранящейся въ Имп. Публ. Библиотекѣ; а посланія къ Чаадаеву, „Овидію“, „Наполеонъ“—въ тетради № 2365 и т. д. Существованіе двухъ редакцій слѣдуетъ имѣть въ виду исследователямъ при опредѣленіи хронологіи недатированныхъ произведеній по ихъ „положенію“ въ рукописи. Если эти произведенія находятся среди первоначальныхъ редакцій и если ихъ нахожденіе не допускаетъ мысли о *случайности* ихъ появленія здѣсь, то тогда „положеніе“ даетъ матеріалъ для хронологическаго приуроченія; но если недатированныя произведенія находятся, хотя бы и не случайно, среди другихъ произведеній завѣдомо извѣстныхъ годовъ, но переписанныхъ во вторичной редакціи, то о чемъ же свидѣтельствуетъ „положеніе“? Всего только о томъ, что эти недатированныя произведенія появились тутъ не въ извѣстный намъ хронологическій моментъ возникновенія, а въ неизвѣстный для насъ моментъ ихъ внесенія во второй редакціи въ тетрадь. Да не надо еще забывать, что многія стихотворенія, извѣстныя въ одномъ рукописномъ спискѣ, несомнѣнно предполагаютъ существованіе недошедшихъ до насъ черновиковъ первоначальной редакціи. Когда, напримѣръ, Пушкинъ сталъ заполнять тетрадь 2367,

Наконецъ, въ окончательной редакціи, приготовленной для отсылки въ печать, читаемъ I и II въ тетради П. И. Капниста, о которой мы еще будемъ говорить: I—на об. листа 18 съ помѣтой: „Элегія XI (1821)“, и II—на л. 16—16 об. съ помѣтой „Элегія VIII (1821)“¹.

Именно этотъ текстъ I и II появился въ печати въ „Стихотвореніяхъ Александра Пушкина“, Спб. 1826. I занимаетъ здѣсь на 15-й страницѣ 9-ое мѣсто въ отдѣлѣ „Элегій“, а II—4-ое мѣсто въ томъ же отдѣлѣ на 8-й страницѣ. До выхода въ свѣтъ собра-

заноса бѣловые тексты произведеній, безъ опредѣленнаго порядка, 1817 года (Въ Альбомѣ Зубову), 1820 (Нереида, Рѣдѣть облаковъ, Къ портрету Вяземскаго), 1821 (очень многія), 1822 (Ф. Н. Глинкѣ, Гречанкѣ)? Вѣрнѣе предположить, что это было въ 1822 году. А между тѣмъ именно по „положенію“ и только по „положенію“ въ этой тетради оказываются датированными подъ 1821 годомъ 1) „Лизѣ страшно полюбить“, 2) „Клеветникъ безъ дарованія“, 3) „Оставля честь судьбѣ на произволъ“ (только Л. Н. Майковъ отнесъ къ 1822 году), 4) „Эмилій человекъ пустой“ (только Майковъ—къ 1822). Но относительно „положенія“ всѣхъ этихъ мелочей надо сказать: во 1) всѣ онѣ занимаютъ свободные концы листовъ 10 об., 3 об., 4 об., 5; слѣд. могли быть вписаны и въ 1822, и въ 1823 году, послѣ того, какъ уже были вписаны остальные стихотворенія, и во 2) если даже предположить, что онѣ были занесены въ эту тетрадь одновременно съ большими стихотвореніями, то вѣдь большія стихотворенія попали сюда не въ моментъ (намъ извѣстный) ихъ возникновенія изъ художественнаго настроенія поэта, а въ пору (намъ точно неизвѣстную) вторичной обработки. А такъ какъ вѣроятнѣе всего, что Пушкинъ сталъ заносить сюда стихи въ 1822 году, то не лучше ли будетъ перенести ихъ въ 1822 годъ? Мнѣ кажется, что именно такія соображенія имѣлъ въ виду Майковъ, относя 3) и 4) въ 1822 годъ. Между прочимъ, текстъ 2), какъ извѣстно, сообщенъ въ письмѣ къ брату 24 января 1822 года, но остается совершенно непонятнымъ, почему на основаніи этой даты заносится это произведеніе въ 1821 годъ? Вопросъ о хронологіи тетради 2367 будетъ разобранъ мной въ особой статьѣ.

¹ Съ тетрадью П. И. Капниста мы знакомы только по описанію Майкова въ указанныхъ „Матеріалахъ“, а также и въ его сообщеніи „Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту“, Спб. 1896 (отд. и въ „Сборникѣ Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н. Томъ LXIV, № 5). Далѣе это сообщеніе цитируется кратко „Автографы Капниста“.

нiя стихотворенiй II было напечатано въ 11-ой книжкѣ „Новостей литературы, изданныхъ А. Воейковымъ“ (мартъ 1825) подъ заглавiемъ „Къ***“ съ подписью „А. Пушкинъ“. Этотъ текстъ представляетъ нѣсколько отличiй отъ текста тетради Капниста и „Стихотворенiй“ 1826 года, находящихъ свое оправданiе въ исторiи текста, какъ она рисуется по черновымъ тетрадямъ. При жизни Пушкина, I и II были напечатаны еще разъ въ первой части „Стихотворенiй Александра Пушкина“, Спб. 1829. Здѣсь они помѣщены въ отдѣлѣ произведенiй 1821 года, I на 4-омъ мѣстѣ (стр. 108) и II на 1-мъ мѣстѣ (стр. 103—104). Текстъ изданiй 1826 и 1829 года совершенно одинаковъ, и разница только въ пунктуацiи, при чемъ въ этомъ отношенiи надо предпочесть изданiе 1826 года, по которому мы и даемъ текстъ, въ скобкахъ общая пунктуацiя 1829 года.

I.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
 Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
 Но если юноши, внимая молча мнѣ,
 Дивились долготу любви моей мученью;
 Но если ты сама, предавшись умиленью,
 Печальные стихи твердила въ тишинѣ
 И сердца моего языкъ любила страстной;
 Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
 Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
 Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной! (.)
 Когда меня навѣкъ обмететъ смертный сонъ;
 Надъ урною моей промѣли съ умиленьемъ:
 Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
 И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ! (.)

П.

Мой другъ! (.) Забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.

Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,

Что я любилъ, что измѣнило мнѣ! (.)

Пускай я радости вкушаю неполнѣ! (;)

Но ты, невинная, ты рождена для счастья.

Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови! (:)

Душа твоя жива для дружбы, для любви,

Для поцѣлуевъ сладострастья;

Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;

Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.

Еъ чему тебѣ внимать безумства и страстей

Незанимательную повѣсть?

Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;

Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;

Довѣрчивой души безпечность улетитъ,

И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.

Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,

Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій: (.)

Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній! (:)

Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я! (.)

Третье стихотвореніе, связываемое съ Голицыной, извѣстно намъ по единственному автографу на оборотѣ листа 44-го той черновой тетради (№ 2369), которою Пушкинъ пользовался въ 1822, 1823 и 1824 годахъ и въ которой мы находимъ начало „Онѣгина“. Набросокъ начинается съ самаго верха страницы, такъ что хронологической связи съ предшествующими страницами, при

пушкинскомъ безпорядкѣ въ пользованіи тетрадами, устанавливать не приходится. Отмѣтимъ, что III занимаетъ лѣвую сторону тетради и, если отвернуть этотъ листъ, то на оборотѣ 43 листа увидимъ отрывокъ „Все кончено: межъ нами связи нѣтъ“, а за нимъ, на этой же страницѣ начинается и заканчивается на слѣдующей страницѣ (44 пер.), занимая ее всю, черновикъ того письма къ Бестужеву, которое въ бѣловомъ помѣчено 8 февраля 1824 года. Если бы Пушкинъ заполнялъ листы тетради 2369 по порядку, то тогда было бы возможно заключить, что III занесено въ нее не раньше 8 февраля 1824 года. По своей внѣшности стихотвореніе на л. 44 об. представляетъ редакцію, уже выработанную съ нѣкоторыми поправками въ отдѣльныхъ стихахъ и совершенно не напоминаеть тѣхъ черновиговъ, которые современны моменту возникновенія самаго произведенія ¹⁾. Стихи

¹ Сейчас же вслѣдъ за III на той же страницѣ начинается и переходитъ на лицевую сторону 45 листа черновикъ посланія Чаадаеву „Къ чему холодныя сомнѣнія“. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на эти страницы или посмотреть транскрипцію посланія, данную Якушкинымъ (Пушк.—Акад. II, стр. 327—329), чтобы признать здѣсь именно черновикъ перваго типа, т. е. соответствующій моменту возникновенія стихотворенія. Извѣстно разногласіе въ вопросѣ о хронологіи этого посланія Чаадаева: Пушкинъ и самъ засвидѣтельствовалъ, что написалъ его въ 1820 году, и печаталъ его самъ подъ 1820 годомъ, но несомнѣнно то, что на 44 об. и 45 листахъ тетради 2369 (единственная извѣстная намъ его рукопись) оно не только вписывалось, но и сочинялось. Трудно согласиться съ Якушкинымъ, разрѣшающимъ недоумѣніе указаніемъ на то, что посланіе къ Чаадаеву было создано въ 1820 году, а окончательно обработано въ 1824 году. Нельзя ли допустить въ такомъ случаѣ не процессъ окончательной обработки, а процессъ возстановленія по памяти и на бумагѣ стихотворенія, оригинала котораго у Пушкина не было подъ рукою? Замѣтимъ, что въ 1824 году ни Пушкинъ, ни Дельвигъ, для альманаха котораго предназначалось письмо съ посланіемъ къ Чаадаеву, не могли получить оригинала, такъ какъ Чаадаевъ въ это время былъ за границей. Совершенно произвольно и уже поэтому не требуетъ опроверженій предположеніе П. О. Морозова о томъ, что „въ январѣ 1824 года въ Одессѣ поэтъ вспомнилъ о другомъ своемъ другѣ—княгинѣ М. А. Голицыной—и, можетъ

имѣють заглавіе К. М. А. Г. Надпись эта, какъ намъ кажется сдѣлана не въ одно время съ текстомъ и, быть можетъ, не рукою Пушкина. Но Анненковъ, упоминая объ одномъ, сдѣланномъ Пушкинымъ спискѣ стихотвореній до 1826 года включительно, говоритъ, что въ немъ обозначена словами: „Къ кн. Гол.“ извѣстная его пьеса „Давно о ней воспоминаніе“¹.

Пушкинъ не помѣстилъ III въ собраніи своихъ стихотвореній ни въ 1826, ни въ 1829 годахъ, но при жизни его оно появилось въ изданномъ В. Н. Олинымъ альманахѣ „Карманная книжка для любителей русской старины“ на 1830 годъ (стр. 30—31) съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Кн. Голицыной, урожденной Суворовой“ и съ помѣтой подъ стихотвореніемъ „1823. Одесса“. Вотъ текстъ III.

Давно о ней воспоминанье
 Ношу въ сердечной глубинѣ;
 Ея минутное вниманье
 Отрадой долго было мнѣ.
 Твердилъ я стихъ обворуженный,
 Мой стихъ, унынья звукъ живой,

быть, началъ писать ей посланіе съ воспоминаніями объ Ифигеніи и Орестѣ и о торжествѣ Пиладовой дружбы. Можетъ быть, именно Голицыну и означаетъ таинственная буква Г—, попавшая подъ перо Пушкина въ черновомъ письмѣ къ Дельвигу“ (Пушкинъ—Венгеровъ, II, стр. 550—551). Морозовъ имѣеть въ виду строки письма „Тутъ посѣтили меня рѣзны на памятникѣ дружбы. Я думалъ стихами о Г—“. Самое простое объясненіе буквы Г—: „Я думалъ стихами о Гусарѣ“. Вѣдь Чаадаевъ какъ разъ и былъ „вышшею волею небесъ... офицеръ гусарскій“. Добавимъ, что разсужденія Морозова о несвязанности двухъ частей этого посланія, отдѣленныхъ точками, тоже лишены всякаго основанія такъ же, какъ и неправильная ссылка на рукопись, въ которой будто бы только всего и относится къ этой части два стиха „Хотѣлъ развалинамъ инымъ оставить имя роковое“. См. транскрипцію, данную Якушкинымъ. Къ Голицыной же посланіе къ Чаадаеву рѣшительно никакого отношенія не имѣеть.

¹ Анненковъ, Матеріалы, стр. 145 и Пушкинъ—Анненковъ, 1 стр. 152

Такъ мило ея повторенный,
 Замѣченный ея душой.
 Вновь лирѣ слезъ и хладной скуки
 Она съ участіемъ вняла—
 И нынѣ ей передала
 Свои плѣнительные звуки...
 Довольно! въ гордости моей
 Я мыслить буду съ умиленьемъ:
 Я славой былъ обязанъ ей,
 А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

Первый и важѣйшій вопросъ—на какомъ основаніи относить Гершензонъ всѣ три стихотворенія къ княгинѣ М. А. Голицыной? Но основаній Гершензонъ не разыскивалъ, а положился на авторитетъ издателей. Правда, онъ бросилъ нѣсколько словъ о нѣкоторомъ тождествѣ содержанія I и III и о хронологической нераздѣльности I и II, но не потратилъ времени на развитіе этихъ соображеній. Намъ придется коснуться ихъ при анализѣ содержанія этихъ трехъ пьесъ. Сейчасъ же мы останавливаемся исключительно на *объективныхъ фактическихъ основаніяхъ* для приуроченія всѣхъ трехъ пьесъ къ княгинѣ Голицыной. Мы вправѣ обратиться за ними къ Лернеру. Во 2-мъ изданіи „Трудовъ и дней Пушкина“ (стр. 69) онъ относитъ I и II къ княгинѣ Голицыной на томъ основаніи, что... ихъ относить къ ней Морозовъ въ своемъ изданіи. А у Морозова находимъ категорическое указаніе на то, что I и II писаны къ Голицыной, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Въ новѣйшей своей работѣ—въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Пушкина въ редакціи Венгерова—Лернеръ выдвигаетъ приуроченіе I и II къ Голицыной, какъ собственное мнѣніе, и обставляетъ его аргументами.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о рукописяхъ и изданіяхъ I—II—III видно, что безспорно усвоеніе княгинѣ Голицыной одного III. И при жизни Пушкина оно было напечатано съ полной ея фамиліей, и въ черновой тетради имѣеть въ заглавіи инициалы „М. А. Г.“ и въ собственноручномъ перечнѣ Пушкина оно помѣчено „Къ кн. Гол.“. Сомнѣній тутъ не можетъ быть, и вопросъ идетъ только о I и II. Но для приуроченія I и II къ княгинѣ Голицыной мы не находимъ рѣшительно никакихъ данныхъ ни въ исторіи ихъ рукописнаго и печатнаго текста, ни въ исторіи традиціи, ибо они не были относимы къ ней ни въ изданіи сочиненій, выпущенномъ наслѣдниками или, вѣрнѣе, опекой, ни въ послѣдовавшемъ за ними изданіи Анненкова, ни во всѣхъ изданіяхъ Геннади. Впервые въ текстъ сочиненій Пушкина съ именемъ Голицыной были внесены I и II покойнымъ Ефремовымъ въ 1880 году (3-е изданіе Я. А. Исакова). Побойный Ефремовъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ по изданію русскихъ писателей, все же былъ только любителемъ и не имѣлъ ни научной подготовки, ни критическаго чутья, замѣняя по временамъ эти свойства чрезмѣрнымъ—даже до удивленія—апломбомъ и догматизмомъ. Онъ внесъ не мало совершенно произвольныхъ мнѣній по вопросамъ текста, хронологіи и даже біографіи поэта. Къ сожалѣнію, до самаго послѣдняго времени въ пушкиновѣдѣніи выдаются за положительныя данныя такія утвержденія, которыя по разслѣдованію оказываются всего на всего домыслами Ефремова. Именно такъ стоитъ дѣло и въ нашемъ случаѣ.

Лернеръ, признавъ правильнымъ отнесеніе I и II къ Голицыной, доказываетъ мнѣніе Ефремова слѣдующимъ образомъ: „изъ словъ самого Пушкина, который, готовя въ 1825 году сборникъ своихъ стихотвореній, писалъ 27 марта брату: „тиснуть еще стихи Голиц.-Суворовой; возьми ихъ отъ нея“, можно видѣть, къ кому относится элегія (I), дѣйствительно появившаяся въ изданіи

1826 года¹. Въ этомъ выводѣ и дала себя знать однобрылость увлеченнаго фактическаго изслѣдователя. Вотъ вопросъ, на который Лернеръ, конечно, не можетъ дать отвѣта: откуда же ему извѣстно, что Пушкинъ имѣлъ въ виду стихотвореніе I или II, а не какое-либо другое? Какое же это доказательство, что I и II напечатаны въ изданіи 1826 года! Вѣдь рѣшительно ничто не мѣшаетъ намъ думать, что тутъ рѣчь идетъ о III или даже, можетъ быть, и другомъ, намъ неизвѣстномъ. Но не станемъ предполагать существованія неизвѣстныхъ намъ стихотвореній Пушкина и останемся въ кругу дошедшихъ до насъ. Мы считаемъ вполне достовѣрными слѣдующія положенія: 1) въ письмѣ къ брату Пушкинъ говорилъ именно о III стихотвореніи, хотя оно и *не появилось*, въ изданіи 1826 года, и 2) Пушкинъ ни въ коемъ случаѣ не имѣлъ въ виду ни I, ни II. Для того, чтобы передъ нами обнаружилась правильность этихъ утвержденій, надо только вспомнить исторію появленія въ печати перваго изданія стихотвореній Пушкина въ 1826 году.

Объ отдѣльномъ изданіи своихъ стихотвореній Пушкинъ началъ думать съ 1819 года. Въ 1820 году Пушкинъ „переписалъ свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ“², но рукопись эту онъ проигралъ Всеволожскому. Послѣдній не осуществилъ своего издатель-

¹ Пушкинъ—Венгеровъ, II, 572.

² Переписка Пушкина, I, 150. Это сообщеніе о „переписанномъ враньѣ“ запрещаетъ отождествлять рукопись Всеволожскаго съ тетрадю № 2364. Соображенія по этому поводу Якушкина (Пушк.—Акад. II, 265) не имѣютъ тутъ силы, а главнѣйшій доводъ противъ отождествленія: тетрадь Всеволожскаго не существуетъ съ марта 1824 года; она, какъ мы видимъ изъ письма къ брату отъ 14 марта 1825 года изъ Михайловскаго и изъ исторіи возникновенія тетради Капниста, была разорвана Пушкинымъ по листамъ. Кстати: въ письмѣ къ брату отъ конца октября 1824 года (Переписка I, 139) Пушкинъ проситъ прислать ему „его рукописную книгу“. Но тутъ не о рукописи Всеволожскаго рѣчь. Не имѣлъ ли въ виду Пушкинъ тетради № 2364?

скаго права. Пушкину пришлось выкупать у него эту рукопись, когда онъ приступилъ, будучи уже въ Михайловскомъ, къ изданію своихъ стиховъ. Братъ Левъ Сергѣевичъ добылъ рукопись только въ мартѣ 1825 года. Пушкинъ 14 марта изъ Тригорскаго писалъ ему: „Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также и Аристарха Всеволожскаго. Пришли же мнѣ проклятую мою рукопись— и давай уничтожать, переписывать и издавать... Элегии мои переписаны—потомъ посланія, потомъ Смѣсь“... А 15 марта, прибывъ въ Михайловское и найдя рукопись, онъ писалъ брату: „Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое спилъ на живую нитку“¹. Пересланная въ этотъ день Пушкинымъ рукопись сохранилась и пушкинѣяцамъ извѣстна подъ названіемъ тетради Капниста. Владѣлецъ тетради графъ П. И. Капнистъ предоставилъ эту рукопись во временное распоряженіе Академіи Наукъ, и Майковъ описалъ ее². Изъ его описанія видно, что Пушкинъ чуть ли не въ буквальномъ смыслѣ произвелъ всю ту работу надъ рукописью, о которой онъ такъ картинно выразился въ письмѣ. „Сперва тетрадь, по словамъ Майкова, состояла изъ боль-

¹ Итакъ, въ одинъ-два дня, 14—15 марта 1825 года, Пушкинъ приготовилъ къ печати стихотворенія, находившіяся въ рукописи Всеволожскаго и внесенныя туда въ 1820 году до отъѣзда изъ Петербурга. Возникаетъ вопросъ, къ какому времени относятся исправленія въ тетради 2364. Обычно утверждаютъ, что Пушкинъ исправлялъ стихи этой тетради, готовя изданіе въ 1825 году, но не были ли сдѣланы эти исправленія передъ тѣмъ, какъ по этой тетради Пушкинъ приготовилъ списокъ своихъ стихотвореній въ 1820 году, очутившійся въ рукахъ Всеволожскаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ важенъ для исторіи текста и требуетъ для своего разрѣшенія дальнѣйшихъ наблюденій.

² Автографы Капниста. Къ сожалѣнію, описаніе Майкова крайне бѣгло и не даетъ отвѣта на многіе любопытные вопросы. Объ этомъ приходится пожалѣть сугубо, такъ какъ рукопись въ свое время была возвращена изъ Академіи Наукъ по принадлежности, а гдѣ она находится теперь, не удалось выяснить, несмотря на всѣ розыски.

шого количества листовъ, но нѣкоторые изъ нихъ были вырѣзаны, а остальные спиты вновь, притомъ не въ надлежащемъ порядкѣ... Вся тетрадь писана Пушкинымъ собственноручно... Сюда внесены лишь тѣ стихотворенія, которыя Пушкинъ считалъ достойными печати; притомъ нѣкоторыя піесы не вписаны въ тетрадь цѣликомъ, а лишь указаны своимъ заглавіемъ или первымъ стихомъ: Плетневу и Л. Пушкину представлялось извлечь полный текстъ этихъ произведеній изъ тѣхъ альманаховъ и журналовъ, гдѣ они впервые были напечатаны... На основаніи этого сборника изготовлена была та рукопись, съ которой печаталось изданіе 1826 года... Всѣ стихотворенія, помѣщенные въ этой тетради, вошли въ изданіе 1826 года въ той редакціи, въ какой находятся въ этой тетради, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣсколькихъ стиховъ, подвергшихся еще разъ поправкѣ¹. Самая рукопись заканчивается слѣдующей записью: „если найдутся и другія“ (т. е. эпиграммы и надписи, перечень которыхъ приведенъ Пушкинымъ на этой страницѣ), „то тисни. Нѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ находятся у Бестужева; возьми ихъ отъ него. Дай всему этому порядокъ, какой хочешь, но разнообразіе“².

Братъ Пушкина отнесся къ порученію поэта весьма небрежно. Онъ долженъ былъ произвести розыски стихотвореній, не напечатанныхъ поэтомъ въ тетради Капниста, и переписать всѣ стихотворенія для представленія въ цензуру. Но, судя потому, что

¹ Автографы Капниста, стр. 1, 2, 8. Необходимо отмѣтить ошибку Майкова. Въ изданіе 1826 года не вошли: 1) и 2) посланія Щербинину (1819), Баратынскому (изъ Бессарабіи), 3) посланіе Каверину, 4) „Я видѣлъ смерть“ и 5) „Морфею“. 1 и 2 указаны въ тетради Капниста, текстъ 3 приведенъ цѣликомъ; 4—въ тетради сохранилась часть текста, а остальная оборвана; текстъ 5 вписанъ въ тетрадь, но тутъ же Пушкинъ приписалъ: „если оставить, такъ перенести въ мелкія стихотворенія“.

² Тамъ же, стр. 7.

изданіе 1826 года въ сравненіи съ тетрадью П. И. Капниста имѣеть немного дополненій, да изъ этихъ дополненій львиная доля вставлена самимъ Пушкинымъ или взята изъ номеровъ журналовъ, вышедшихъ въ періодъ подготовки изданія, можно заключить, что онъ не производилъ никакихъ особыхъ розысковъ. Не спѣшилъ Левъ Сергѣевичъ и съ перепиской стихотвореній, присланныхъ братомъ и собранныхъ имъ при помощи Плетнева. 28 іюля Пушкинъ писалъ брату: „я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ— онѣ еще не собраны, не цензурованы“. Но 5 августа Плетневъ сообщалъ Пушкину: „Левушка... отшучивается, когда я ему говорю, какъ онъ спѣшитъ перепиской разн. стих. Прикривни на него по старому, и онъ разомъ отдастъ мнѣ тетрадь готовую для Цензора“. 29 августа Плетневъ опять совѣтовалъ Пушкину „велѣть Льву въ половинѣ сентября непременно отдать мнѣ разныя стихотворенія, чисто и со всѣми своими поправками переписанныя, чтобы 1-го октября взялъ я ихъ отъ Цензора и снесъ въ типографію“. Только къ 26 сентября Плетневъ получилъ отъ Льва переписанную имъ тетрадь. Оглавленіе ея 26 сентября Плетневъ послалъ къ Пушкину на утвержденіе. Неизвѣстно, гдѣ находится въ настоящее время эта тетрадь, но ею еще пользовались и Анненковъ и Ефремовъ. Сравнивая эту тетрадь (по списку Плетнева) съ книгой, видимъ, что въ книгу не попали слѣдующія десять пьесъ, имѣющіяся въ тетради: Я видѣлъ смерть 1816, Къ ней 1817, Уныніе 1816, Воспоминаніе въ Царскомъ селѣ 1814, Романсъ 1814, Наѣздники 1815, Мѣсяцъ 1816, Усы, Живъ, живъ курилка, Къ Н. Я. П. 1818, но за то въ изданіи находимъ три не бывшихъ въ этой тетради пьесы: Въ альбомѣ 1825, Ex ungue leonem, Юношѣ Сафо¹. Изъ сопоставленія же оглавленія переписанной Львомъ Пушкинымъ

¹ Анненковъ, говоря объ этой тетради, пишетъ: „кстати сказать между прочимъ, что въ тетради 1826 года зачеркнуто П. 9-ть пьесъ, именно: Подра-

тетради съ указаніями тетради Капниста видимъ, что онъ не розыскалъ и не включилъ посланія къ Щербинину, къ Баратынскому изъ Бессарабіи, къ Каверину и элегіи „Морфкою“.

О пополненіи и исправленіи притоговляемаго къ печати въ Петербургѣ братомъ и Плетневымъ собранія стихотвореній Пушкинъ началъ заботиться тотчасъ по отсылкѣ своей рукописи въ мартѣ мѣсяцѣ. То и дѣло въ письмахъ къ Плетневу и брату онъ сообщалъ поправки, давалъ совѣты включить то и то. Мы остановимся только на одномъ подобномъ распоряженіи Пушкина въ письмѣ къ брату отъ 27 марта 1825 года, т. е. какъ разъ на томъ, на которомъ основывается Лернеръ, относя I стихотвореніе къ княгинѣ М. А. Голицыной. Припомнимъ, что свою рукопись Пушкинъ отослалъ брату 15 марта. „Тиснуть еще стихи К. Голиц.-Суворовой; возьми ихъ отъ нее“—пишетъ онъ брату. Изъ сказанной только что исторіи подготовленія къ печати перваго собранія стихотвореній Пушкина ясно, что подобное распоряженіе могло относиться только къ такимъ стихотвореніямъ, которыя раньше имъ не были указаны ко включенію въ изданіе и текста которыхъ онъ не сообщилъ. Но мы уже знаемъ, что въ тетради Капниста, отосланной 15 марта, переписаны цѣликомъ и I и П¹—I на л. 18 об., а П—на л. 16—16 об.¹. Но отсюда съ совершенной очевидностью вытекаетъ, что, предлагая брату взять стихи княгинѣ Голицыной-Суворовой и тиснуть, Пушкинъ никоимъ образомъ не имѣлъ въ виду ни I, ни П².

жаніе 1816 (т. е. Я видѣлъ смерть П. Щ.), Къ ней 1817, Уныніе 1816, Восп. въ Царскомъ Селѣ 1815, Романсъ 1814, Наѣздникъ 1815, Мѣсяцъ 1810 Усы“ (Пушкинъ—Анненковъ II, стр. 32). Любопытно, что Анненковъ говоритъ о 9 пьесахъ, а перечисляетъ только 8. По указанію Плетнева видно, что въ тетради была и эпиграмма „Живъ, живъ курилка“ и посланіе „Къ Н. Я. П.“ 1818.

¹ Автографы Капниста, стр. 6—7. По недосмотру Майковъ не далъ здѣсь указанія, что приведенъ *весь* текстъ пьесы I, но см. его „Матеріалы“ стр. 125.

² Можно привести и слѣдующее тому подтвержденіе. Мы уже указы-

Но какіе же стихи Голицыной-Суворовой поручалъ поэтъ брату взять отъ нея? Не прибѣгая къ гипотезѣ недодешаго до насъ посланія Голицыной, мы должны разумѣть подъ ними, конечно, III. Правда, оно не было напечатано въ изданіи 1826 года, но что означаетъ его отсутствіе въ этомъ изданіи? Братъ Левъ или пренебрегъ распоряженіемъ брата (а мы знаемъ, что онъ дѣлалъ это неоднократно), или не имѣлъ возможности исполнить его, такъ какъ М. А. Голицыной какъ разъ съ это время могло и не быть въ Петербургѣ ¹. Посланіе, ей адресованное, появилось въ 1830 году въ альманахѣ В. Н. Олина. Здѣсь она названа полной фамиліей съ титуломъ, и стихотвореніе дано съ помѣтой „1823, Одесса“. Весьма правдоподобно, что В. Н. Олинъ получилъ рукопись стихотворенія не отъ Пушкина, а прямо или черезъ другихъ отъ княгини Голицыной. Во всякомъ случаѣ, очень похоже на то, что онъ печаталъ посланіе со списка, представлявшаго окончательную, поднесенную Пушкинымъ редакцію.

Но мы были бы несправедливы къ Лернеру, если бы оставили безъ вниманія еще одно приводимое имъ фактическое основаніе или,

вали, что II появилась въ мартовской книжкѣ журнальчика Воейкова „Новости Литературы“. Цензурное дозволеніе на этой книгѣ отъ 2 марта. Надо думать, что къ 27 марта книжка эта могла быть уже получена въ Михайловскомъ, а въ томъ самомъ письмѣ отъ 27 марта, въ которомъ находится распоряженіе „тиснуть стихи Голицыной-Суворовой“, непосредственно передъ этими словами читаемъ: „Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—то ли дѣло не красть, не ругаться по „.....“, не перепечатывать, писемъ не перехватывать и пр. Люди не осудятъ, а я скажу спасибо“. Можно ли въ такомъ случаѣ выраженіе „тиснуть стихи Голицыной“ относить ко II, которое лежало передъ Пушкинымъ въ полученной имъ книжкѣ „Новости Литературы?“

¹) Изъ воспоминаній Бутурина мы знаемъ, что въ началѣ 1826 года княгиня М. А. Голицына была во Флоренціи. Объявленія о предстоящемъ выѣздѣ за границу княгини М. А. Голицыной были напечатаны въ „СПБ. Вѣд.“— первое— 28 апр. 1825, и третье—5 мая того же года.

вѣрнѣе, тѣнь такого основанія, по которому I и II пьесы могли бы быть усвоены М. А. Голицыной. Говорю, тѣнь, ибо все сводится къ обмолвкѣ или неясности, допущенной Анненковымъ. Послѣдній, рассуждая о творчествѣ Пушкина въ кишиневскій періодъ, пишетъ въ своихъ „Матеріалахъ“: „одинъ за другимъ слѣдовали тѣ художественно-спокойные образы, въ которыхъ ужъ очень полно отражается артистическая натура Пушкина: *Дюнея, Дѣва, Муза (Въ младенцествѣ моемъ она меня любила), Желаніе (Кто видѣлъ край), Умолкну скоро я, М. А. Г.* Въ послѣднихъ двухъ глубокое чувство выразилось въ удивительно величавой и спокойной формѣ, которая такъ поражаетъ и въ пьесѣ *Примѣты*“¹. Какую же пьесу обозначалъ въ этомъ перечнѣ Анненковъ заголовкомъ „М. А. Г.“? Въ его изданіи именно подъ такимъ заголовкомъ напечатано III, но III написано въ Одессѣ. Очевидно, Анненковъ впалъ въ невольную ошибку, говоря о III при оцѣнкѣ произведеній кишиневского періода. Впрочемъ, возможно, что ошибка была иного рода; III названо вмѣсто какого-то другого и въ такомъ случаѣ, всего вѣроятнѣе, вмѣсто II. Въ послѣднемъ случаѣ, имѣя въ виду II, Анненковъ долженъ былъ бы написать и соответствующее заглавіе *Мой другъ забытъ мной*, но описался и внесъ не подходящее тутъ „М. А. Г.“ Вѣроятнѣе, пожалуй, именно послѣднее предположеніе, потому что Анненковъ, печатая текстъ I и II, обратилъ вниманіе на хронологическую близость этихъ пьесъ. Въ примѣчаніи къ I онъ говоритъ „I написано днемъ ранѣе II, что заставляеть предполагать и единство поводовъ къ созданію ихъ. Въ обѣихъ, особливо въ послѣдней, изящество внѣшней формы находится въ удивительной гармоніи съ свѣтлымъ, кроткимъ чувствомъ, какое предназначено ей содержать“².

¹ Анненковъ, Матеріалы, 83 и Пушкинъ—Анненковъ, I, 89.

² Пушкинъ—Анненковъ, II, 314.

Эта обмолвка или неясность ввела въ заблужденіе сначала Ефремова, вслѣдъ за нимъ повѣрившихъ ему слѣдующихъ издателей и, наконецъ, въ наши дни Лернера. Ефремовъ первый изъ издателей пропечаталъ въ текстѣ сочиненій пьесу I съ заголовкомъ „Элегія“ [Къ М. А. Г.]¹. Очевидно, упомянутое въ перечнѣ Анненкова „М. А. Г.“ онъ принялъ не за заглавіе стихотворенія, какъ это слѣдовало принимать по принятому тутъ Анненковымъ способу приводить заглавія, а за приложеніе, поясняющее заголовокъ предшествующей пьесы, т. е. „Умолкну скоро я“. Послѣ подобнаго установленія фактической связи I съ княгиней Голицыной Ефремову уже не стоило никакихъ трудовъ, опираясь на сдѣланное Анненковымъ сближеніе I и II, установить то же самое и относительно II и даже... укорить Анненкова за непослѣдовательность (обычный приемъ покойнаго библиографа!). Въ примѣчаніи къ I Ефремовъ говоритъ: „I написано къ одному и тому же лицу, какъ и слѣдующее, на другой день набросанное поэтомъ „Мой другъ, забыты мной“, впервые напечатанное въ „Новостяхъ Литературы“ 1825. Г. Анненковъ, указывая на тѣсную связь этихъ стихотвореній, написанныхъ одно за другимъ, все-таки помѣстилъ ихъ порознь, притомъ послѣднее въ началѣ, а первое въ концѣ 1821 года“².

Такова исторія появленія имени М. А. Голицыной въ текстѣ сочиненій Пушкина при I и II. Лернеръ, какъ видимъ, исходилъ изъ достовѣрнаго для него, а на самомъ дѣлѣ мнимаго указанія самого Пушкина на отношеніе I къ княгинѣ Голицыной, и по связи I и II устанавливалъ фактическую связь II съ Голицыной, въ подтвержденіе ссылаясь на обмолвку Анненкова. „Повидимому—пишетъ Лернеръ—Пэлегію Анненковъ обозначилъ инициалами „М. А. Г.“, говоря о ней въ связи съ I элегіей, посвященной княгинѣ М. А.

¹ Пушкинъ—Ефремовъ—Исаковъ I, стр. 382, 383.

² Тамъ же, стр. 558.

Голицыной“¹. Мы видимъ теперь всю неосновательность и неправильность усвоенія I и II княгинѣ М. А. Голицыной; ясенъ для насъ и процессъ возникновенія и укрѣпленія ошибочнаго мнѣнія.

Итакъ, ни I, ни II никоимъ образомъ не могутъ и не должны быть связываемы съ именемъ Голицыной; только одна пьеса III несомнѣнно написана ей и вызвана ея вліяніемъ.

V.

Остановимся на содержаніи „Стиховъ княгинѣ Голицыной-Суворовой“ (III). Поступить такъ мы имѣемъ тѣмъ болѣе оснований, что для комментаторовъ поэта пониманіе этого стихотворенія представляло затрудненія, и содержаніе его казалось темнымъ. Такъ, проф. Незеленовъ, приведя послѣднія четыре строки стихотворенія, пишетъ: „сердечность тона всего произведенія, сдержаннаго, но далеко не холоднаго, показываетъ, что слова эти сказаны не на вѣтеръ, не въ видѣ простой любезности, мадригала. Но они не совсѣмъ понятны, потому что *темно* (и должно быть, *Пушкинъ сдѣлалъ это съ намъпреніемъ*), *темно* выраженіе

„Вновь лирѣ слезъ и тайной муки

Она съ участіемъ вняла

И нынѣ ей передала

Свои плѣнительные звуки“².

А Гершензонъ поясняетъ посланіе слѣдующимъ образомъ: „Пушкинъ вспоминаетъ тотъ давній, памятный ему случай, когда онъ узналъ, что его стихи ее очаровали; теперь случилось нѣчто

¹ Пушкинъ—Венгеровъ II, 573.

² А. И. Незеленовъ. Собраніе сочиненій Т. I. А. С. Пушкинъ въ его поэзія Спб. 1903, стр. 177. Курсивъ въ стихахъ принадлежитъ Незеленову, въ словахъ самого Незеленова—нашъ.

другое—объ этомъ второмъ случаѣ Пушкинъ говоритъ неясно. Возможно, что она чрезъ сестру Башмакову ¹, съ которой Пушкинъ встрѣчался у Воронцовыхъ, прислала ему какіе-нибудь свои, вѣроятно, французскіе, стихи въ отвѣтъ на его поэтическія пѣсни:

„Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вяла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки“.

Итакъ, въ увлеченіи загадкой, Незеленовъ свое непониманіе приписалъ намѣренному со стороны поэта затемнѣнію смысла, а Гершензонъ, ничего не зная о княгинѣ Голицыной, заставилъ ее писать французскіе стихи. Дѣло же обстоитъ гораздо проще. Въ приведенныхъ выше данныхъ имѣются превосходныя реаліи къ этому стихотворенію. Мы знаемъ, что Голицына не только пѣла, но и занималась пѣніемъ. Надо думать, ея искусство было выше обыкновеннаго диллетантскаго уровня: объ этомъ можно заключать изъ частыхъ упоминаній именно объ ея пѣніи; стоитъ только А. И. Тургеневу, князю Вяземскому, Жуковскому заговорить въ письмѣ о княгинѣ Голицыной, какъ сейчасъ же подъ перо подвертываются эпитеты и отзывы объ ея пѣніи. Слѣпой Козловъ утѣшался ея пѣніемъ; Жуковскій, тонко чувствующій искусство, наслаждался ея милымъ пѣніемъ. Быть можетъ (это только предположеніе!) она сама создавала музыку къ нравившимся ей стихамъ. Если мы вспомнимъ всѣ эти данныя, то содержаніе посланія станетъ для насъ совершенно яснымъ: это дань признанія и благодарности художника слова, который услышалъ свои стихи въ чарующемъ испол-

¹ Ея сестра Варвара Аркадьевна, по мужу Башмакова, дѣйствительно жила въ эти времена въ Одессѣ и Крыму. О ней см. „Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 391, и „Архивъ Раевскихъ“, т. II, Спб. 1909.

ненія художника плѣнія. Когда-то давно, задолго до написанія посланія (оно написано въ 1823 году), княгиня оказала *минутное* вниманіе поэту, мило повторивъ или по-просту спѣвъ его стихи¹. Стихъ поэта былъ зачарованъ, былъ обворожень для него звуками ея голоса. Теперь (въ 1823 году) она снова подарила вниманіемъ его лиру и передала ей свои плѣнительные звуки, т. е. опять спѣла его стихи. И въ первый разъ *минутное* вниманіе княгини было долго отрадой поэту, и онъ повторялъ свой стихъ, услышанный изъ ея устъ. А теперь онъ будетъ гордъ и станетъ считать себя обязаннымъ ей за свою славу, а быть можетъ, и за вдохновеніе, если оно придетъ. Вотъ и все, что Пушкинъ сказалъ въ этомъ посланіи. Смущавшее Незеленова и Гершензона четверостишіе теряетъ свой недоумѣнный характеръ.

Но и безъ всѣхъ этихъ реалій смыслъ стиховъ

Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...

можно было бы уяснить, сопоставивъ ихъ съ слѣдующими стихами изъ стихотворенія 1817 года „Къ ней“:

На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки—
И гულъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки“.

И въ 1823, и въ 1817 году поэтъ стремился выразить природу одного и того же явленія: тамъ голосъ женщины, поющей

¹ Скорѣе всего можно предполагать, что впервые это было еще въ Петербургѣ, а второй разъ въ Одессѣ въ 1823 году.

стихи поэта, передаетъ свои звуки лирѣ, здѣсь гуль дубравъ передаетъ ихъ горамъ. Нѣкоторая неясность выраженія, создававшая затрудненіе для комментаторовъ, объясняется, какъ мнѣ кажется, его не русскимъ происхожденіемъ. Позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе для разъясненія исторіи появленія этого образа въ юношеской лирикѣ Пушкина. Слѣдуетъ сопоставить стихи 1817 года со стихами 6-ой элегіи 4 книги хорошо знакомаго Пушкину Парни ¹.

„Ma bouche indiscrete a prononcé son nom
Je l'ai redit cent fois, et l'écho solitaire
De ma voix douloureux a prolongé le son“.

Мы не хотимъ сказать, что Пушкинъ подражалъ или воспроизводилъ именно этотъ отрывокъ Парни. Къ сожалѣнію, вопросъ о степени и характерѣ вліянія французской эротической поэзіи на Пушкина до сихъ поръ, можно сказать, не былъ подвергнутъ научному изученію, и дѣло, въ сущности, не пошло дальше аналогій и сопоставленій, по большей части любительскаго характера. А вѣдь поэтика Пушкина отсюда выросла. Слѣдовало бы, наконецъ, изучить поэтику и стиль этихъ французскихъ легкихъ стихотворцевъ, любезныхъ сердцу Пушкина,—и не только названныхъ имъ поименно, но и не названныхъ. О послѣднихъ у насъ никто изъ изслѣдователей и слова не заводилъ! Подобное изученіе показало бы, что молодой Пушкинъ былъ переполненъ мотивами, образами, фигурами, эпитетами, характеризующими французскую легкую лирику, что онъ все время переводилъ ея поэтическій языкъ на русскій и широко пользовался матеріалами этой поэтики. И приведенное нами трехстишіе Парни характеризуетъ не столько этого поэта, сколько вообще современную ему поэтику. Вотъ, въ при-

¹ Oeuvres d'Évariste Parny. A Paris. Tome 1-er, 1808, p. 96.

мѣру, на ту же тему (влюбленный въ разлукѣ повторяетъ имя милой, а эхо воспроизводитъ его) ¹ стихи изъ VIII элегіи 4-й книги знаменитаго Пиндара XVIII вѣка Лебрена (Ponce-Denis Escouchard Le Brun, 1729—1807):

„*Une sauvage Echo, du fond de ces bois sombres
Prolongeait mes accens, egarés sous leurs ombres
Les antres, les fôrets, les rochers attendris
Plus sensibles qu'Eglé, répondaient à mes cris*“ . ²

Мы не случайно привели примѣръ изъ Лебрена; кажется, имя его не было произнесено ни Пушкинымъ, ни въ пушкинской литературѣ, а трудно предположить, чтобы Пушкинъ, при своемъ широкомъ знакомствѣ съ Французской литературой, не зналъ этого прославленнаго его временемъ поэта ³. Любопытно отмѣтить одну его довольно длинную элегію (2-ую въ 3-ей книгѣ элегій), въ которой онъ умоляетъ Делію о свиданіи, обѣщая ей защиту Венеры, и т. д. Содержаніе ея для насъ не важно, но въ ней есть одинъ мотивъ—

„*Toi, Délie, ose fuir un Argus odieux;
Ose: Venus sourit aux coeurs audacieux*“ ⁴.

Совпаденіе и самаго мотива, и именъ (Делія, Аргусъ; вообще же эти имена часты во французской эротикѣ) съ тѣми, что встрѣчаются въ самомъ раннемъ его, извѣстномъ намъ стихотвореніи, очевидно и указываетъ скорѣе на заимствованіе именно изъ этого источника, чѣмъ на воспроизведеніе обще-элегическихъ мѣстъ.

¹ Конечно, и тема не изобрѣтена французской поэзіей.

² Oeuvres de P. D. Le Brun, T. 2a, Paris. 1811, p. 109.

³ Въ началѣ ноября 1824 года Пушкинъ заказывалъ брату прислать ему „Oeuvres de Le Brun, odes, élégies etc.“, но врядъ ли для перваго ознакомленія.

⁴ Le Brun, *ibid*, p. 66.

Возвращаясь къ помянутой элегіи Парни, мы должны сказать, что она даетъ хорошую иллюстрацію къ пушкинской манерѣ (юношескихъ лѣтъ) пользоваться сокровищницей французской поэзіи. Допустимъ, что въ стихотвореніи „Къ ней“ Пушкинъ могъ и не пользоваться непосредственно и сознательно приведеннымъ нами трехстишіемъ. За то, несомнѣнно, онъ прямо воспроизводилъ эти стихи въ элегіи 1816 года „Осеннее утро“¹.

„Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее—лишь гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ откликнулся въ дали“².

Но и еще одно непререкаемое заимствованіе изъ этой элегіи Парни можно указать въ элегіи „Мечтателю“. По содержанію и по строенію это стихотвореніе совершенно не схоже съ элегіей Парни, но Пушкину занадобилось вложить въ уста мечтателю, не имѣющему силъ разстаться съ своей любовью, восклицаніе къ богамъ:

„Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
Довольно я любилъ,—отдайте мнѣ покой...“

И все это восклицаніе оказалось (конечно, совершенно безсознательно для самого Пушкина) простымъ переводомъ Парни.

¹ Заимствованіе изъ Парни въ „Осеннемъ утрѣ“ указывалъ Морозовъ (Пушкинъ—Венгеровъ I, 390).

² А въ черновомъ наброскѣ

Я звалъ ее, и гласъ уединенный
Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.

См. Пушкинъ—Акад. I, стр. 213 и примѣч., стр. 315.

„O dieux! o rendez-moi ma raison égarée,
Arrachez de mon coeur cette image adorée“.

Тутъ ужъ заимствованіе ясно.

Послѣ представленныхъ соображеній посланіе Голицыной „Давно о ней воспоминаше“ становится совершенно яснымъ. Въ немъ нѣтъ рѣшительно ни одного слова, которое свидѣтельство-вало бы о какомъ-либо, даже самомъ легкомъ увлеченіи поэта пѣвицей,—не говорю уже—о какой-либо любви или страсти. Правда, это не обычный мадригалъ, не завязтая надпись въ дамскій альбомъ. Поэтъ, дѣйствительно, сердечно тронуть такимъ вниманіемъ художника голоса и искренне благодарить пѣвицу. Посланіе, быть можетъ, выросло не только изъ чисто внѣшняго желанія отдарить княгиню М. А. Голицыну, а, возможно, и изъ внутреннихъ побужденій: поэтъ могла заинтересовать связь двухъ искусствъ въ одной темѣ; его поэтическое воображеніе должно было быть затронуто наблюденіемъ, какъ его звуки—плоды его творчества—оживаютъ новой жизнью въ музыкѣ голоса. Давая распоряженіе тиснуть это посланіе въ изданіи 1826 года, Пушкинъ, надо думать, выдѣлялъ его, какъ имѣющее объективную цѣнность, не считалъ его случайнымъ, подобнымъ многимъ своимъ, написаннымъ по просьбѣ почитательницъ и почитателей его таланта произведеніямъ, которыя онъ не достаивалъ печати. Набрасывая перечень своихъ стихотвореній, онъ не забылъ вписать въ него и это стихотвореніе, написанное для Голицыной.

Значеніе поэтическаго отзыва Пушкина о пѣніи княгини Голицыной обрисуетъ еще ярче, если мы напомнимъ общее сужденіе Пушкина объ эстетическомъ вкусѣ русскихъ женщинъ: „Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, пола-

гая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какаѣ же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одѣливъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностью самую раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстраиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятій... Исключенія рѣдки“¹. Должно быть, однимъ изъ такихъ исключеній

¹ Эту замѣтку Пушкинъ выбралъ вмѣстѣ съ другими изъ своихъ черновыхъ тетрадей и напечаталъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828 годъ подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія (извлечено изъ неизданныхъ записокъ)“; невозможно поэтому относить всѣ эти „Отрывки“ пѣликомъ къ 1827 году, какъ это дѣлаетъ Лернеръ (стр. 165). Въ частности выписанная нами замѣтка извлечена изъ тетради № 2369, л. 2 и 2 об. Вслѣдъ за этой замѣткой идетъ на той же страницѣ отрывокъ, печатающійся нынѣ подъ заглавіемъ „О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности“ и относимый по связи содержанія съ строфами Онѣгина и по указанію въ письмѣ 1824 года, къ 1824 году. Тетрадь 2369 Пушкинъ пользовался, необычно для себя, довольно систематично въ 1822, 1823 и 1824 годахъ (см. согласное съ нашимъ наблюденіемъ свидѣтельство Якушкина—Пушк. Акад. II, прим., стр. 330); въ такомъ случаѣ, положеніе въ тетради обѣихъ замѣтокъ не мѣшаетъ отодвинуть ихъ къ 1823 году: какъ разъ впереди на л. 2 идетъ „Эпиграммъ“ (или вступленіе) къ „Бахчисарайскому Фонтану“, а позади на 3 об. заключительные стихи этой поэмы. Конечно, отнесеніе ихъ къ 1823 году, въ концѣ концовъ, предположеніе, и если мы дѣлаемъ это предположеніе, то только потому, что не слѣдуетъ такъ категорически помѣщать „О причинахъ и т. д.“ подъ 1824 годомъ, ибо свидѣтельства, приводимыя въ подтвержденіе этого года, мирятся и съ допущеніемъ ранняго года. Замѣтимъ, что въ той же тетради, гдѣ находится замѣтка о женскомъ вкусѣ, вписано и посланіе княгини Голицыной. Не лишнее указать, что текстъ тетради по сравненію съ текстомъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ представляетъ не мало отличій, до нынѣ не отмѣченныхъ. Мы цитировали ихъ по Пушкинъ—Морозовъ—Просвѣщеніе, т. VI, стр. 16.

была княгиня Голицына, если только..... Пушкинъ былъ искрененъ въ своемъ посланіи.

I и II писаны не Голицыной, III писано ей, но въ немъ нѣтъ рѣшительно никакого намека на какое-либо нѣжное чувство поэта къ княгинѣ Голицыной. Но вѣдь Голицына—„сѣверная любовь“ Пушкина, которую онъ увозилъ изъ Петербурга въ изгнаніе и которою онъ жилъ въ 1820—1823 годахъ: гдѣ же искать исторію этой таинственной любви? Во всякомъ случаѣ посланіе 1823 года не даетъ не только матеріаловъ для такой исторіи, но даже и основаній предполагать такую любовь. Выводъ, конечно, единственный и ясный, какъ день: эта сѣверная любовь къ Голицыной создана воображеніемъ Гершензона и Незеленова; въ дѣйствительности же ея никогда и не существовало.

Можно еще привести одно соображеніе, специально, для Гершензона: на самомъ дѣлѣ, если вмѣстѣ съ нимъ видѣть въ I—II отраженіе *начальной*, а въ III—*заключительной* стадіи этой привязанности поэта, то при выясненномъ и совершенно опредѣленномъ смыслѣ и значеніи III не почувствуется ли психологическая невозможность связывать такой конецъ сердечной исторіи съ такимъ началомъ? И, несомнѣнно, гдѣ отношенія, которыя запечатлѣны въ III, безъ нарушенія психологической правды нельзя вывести изъ отношеній, предполагаемыхъ I—II.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ объ упомянутой нами усмотрѣнной не только Гершензономъ, но и нѣкоторыми издателями, связи I и III по содержанію и даже отдѣльнымъ стихамъ. Намъ говорить Гершензонъ: „конецъ I и III тождественны; далѣе въ I есть ясный намекъ на то, что данная женщина была очаро-

вана какими-то печальными стихами Пушкина—и этот случай вспоминает поэтъ въ III“. Но тутъ „медленное чтеніе“ Гершензона измѣнило ему, не принесло добрыхъ плодовъ или, быть можетъ, не было все же достаточно вдумчивымъ. Въ дѣйствительности только при невнимательномъ чтеніи можно усмотрѣть въ этихъ стихахъ какое-либо тождество.

Вотъ „тожественные“ концы.

I—1821 г.

Когда меня навѣкъ обьметъ хладный сонъ,
Надъ урною моею промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одоженъ
И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновенъемъ.

III—1823 г.

Довольно! въ гордости моею
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ быть, и вдохновенъемъ.

Но гдѣ же тождество? Неужели для признанія его достаточно двухъ одинаковыхъ рифмъ: умиленье и вдохновенье, повторяющихся и здѣсь, и тамъ? Въ III поэтъ, совсѣмъ не представляющій себя обреченнымъ на скорую смерть, думаетъ съ гордостью о славѣ, которой онъ обязанъ женщинѣ, и о вдохновенѣ, на которое она его, быть можетъ, вызоветъ; въ I поэтъ, представляющій себя подводящимъ счеты съ жизнью и расстающійся прощальною пѣснью съ любовью, накануне могилы просить любимую имъ женщину не забыть о немъ и сказать послѣ его смерти: „я его любила, онъ мнѣ былъ обязанъ послѣднимъ вдохновенъемъ и любви, и пѣсенъ“. Но докучны и излишни дальнѣйшіе комментаріи, ибо

уже изъ одного параллельнаго обозрѣнія концовъ I и II ясно отсутствіе тождества.

Столь же мнимо и другое тождество, указанное Гершензономъ. Въ I читаемъ:

Ты сама, предавшись умиленью,
 Печальные стихи твердила въ тишинѣ
 И сердца моего языкъ любила страстный,
 а въ III—поэтъ твердитъ свой стихъ,
 Такъ мило ея повторенный.

Гершензонъ видитъ въ I и II единство факта. Но если ужъ и допустить въ комментарий къ лирикѣ такой буквализмъ и протоколизмъ, то, разъ мы знаемъ, что въ III идетъ рѣчь о пропѣтомъ стихотвореніи Пушкина, различіе факта въ III и въ совершенно ясныхъ словахъ I вполне очевидно. Но Гершензонъ не обратилъ вниманія на первоначальную редакцію I: она, быть можетъ, заставила бы его отказаться отъ установленія тождества. Свой окончательный видъ эти стихи получили только въ тетради Капниста, т. е. вѣроятно всего въ 1825 году и во всякомъ случаѣ позже возникновенія III. Въ черновой же (№ 2367) мы находимъ:

И дѣвы, [нѣжному] томному предавшись умиленью,
 Печальные стихи [твердили] читали въ тишинѣ
 И сердца моего языкъ любили страстной.

И даже въ тетради Капниста до исправленія эти стихи все еще читались такъ:

И дѣвы, нѣжному предавшись умиленью,
 Печальные стихи твердили въ тишинѣ
 И сердца моего языкъ любили страстный¹.

¹ Майковъ, Матеріалы, стр. 125, 126.

Значить, въ моментъ созданія I, поэтъ и не думалъ о томъ фактѣ, тождественный которому находится въ III. Да, наконецъ, мы имѣемъ дѣло не столько съ фактомъ, сколько съ элегической поэтикой.

Невозможность настаивать на какомъ-либо тождествѣ еще разъ уяснится передъ нами при изученіи исторіи возникновенія I пьесы и раскрытіи ея автобіографическаго смысла. Эту исторію мы должны будемъ извлечь изъ анализа группы I—II; пока только замѣтимъ, что въ основѣ III лежитъ опредѣленный реальный фактъ, въ основѣ II—находимъ опредѣленное свидѣтельство объ отношеніяхъ, дѣйствительно существовавшихъ, а I есть чисто литературное, сдѣланное во вкусѣ эпохи произведеніе.

VI.

Такимъ образомъ падаютъ не только далеко идущія предположенія Незеленова и Гершензона объ исключительномъ значеніи Голицыной въ жизни Пушкина, но и оказываются лишенными всякихъ основаній и болѣе скромныя догадки Ефремова, Лернера и другихъ, отводящія М. А. Голицыной мѣсто въ длинномъ ряду женщинъ, которыми увлекался поэтъ. Правда, въ такъ называемыхъ донъ-жуанскихъ спискахъ поэта, оставленныхъ имъ на страницахъ альбома Ушаковыхъ¹, встрѣчается имя Маріи, но нужно быть ужъ черезчуръ поверхностнымъ изслѣдователемъ, чтобы рѣшиться безъ всякихъ основаній отождествлять эту Марію съ М. А. Голицыной. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же основанія? Произведенія поэта не даютъ, какъ мы видѣли, положительно никакого матеріала для разрѣшенія вопроса, существовало ли вообще въ дѣйствитель-

¹ Воспроизведены въ „Альбомѣ Московской Пушкинской выставки“ М. 1882.

ности увлеченіе поэта княгиней М. А. Голицыной. Друзья поэта и его современники, родные и близкіе Голицыной не обмолвились ни однимъ словомъ, которое позволило бы намъ выставить хоть только предположеніе о возможности увлеченія. Въ бумагахъ поэта, въ его черновыхъ тетрадахъ, въ его письмахъ мы опять-таки не найдемъ рѣшительно ни одного указанія на существованіе какихъ-либо интимныхъ отношеній къ М. А. Голицыной.

Упомянутое, приведенное нами, о Голицыной въ письмѣ къ брату, отмѣтка въ перечнѣ стихотвореній фамиліи Голицыной противъ заглавія пьесы III тоже, конечно, не дають никакихъ основаній, подкрѣпляющихъ мнѣніе Гершензона, Незеленова, Ефремова, Лернера и другихъ. Всѣ названные изслѣдователи могли бы впрочемъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, сослаться на одно упоминаніе въ пушкинскихъ тетрадахъ, если бы оно не ускользнуло съ поля ихъ зрѣнія. Обычно, въ изданіяхъ сочиненій поэта въ отдѣлѣ примѣчаній къ маленькому стихотворенію 1828 года „Ты и вы“

Пустое *вы* сердечномъ *ты*
 Она, обмолвась, замѣнила,
 И всѣ счастливыя мечты
 Въ душѣ влюбленной возбудила и т. д.

указывается, что въ рукописи это стихотвореніе „сопровождается тремя помѣтками: „18 мая у княгини Голицыной etc.“, „20 мая 1828“ и, въ концѣ стихотворенія, — „23 мая“. Такъ въ изданіи Морозова, такъ у Ефремова, такъ у Лернера, который въ „Трудахъ и дняхъ Пушкина“ отводитъ 18, 20 и 23 мая на созданіе этого маленькаго стихотворенія. Всѣ названные изслѣдователи берутъ

это свѣдѣніе, конечно, изъ описанія Якушкина¹. Стоило только изслѣдователямъ обратить вниманіе на эти помѣты и на связь первой изъ нихъ именно съ стихотвореніемъ „Ты и вы“, и они непремѣнно дополнили бы исторію любви Пушкина къ Голицыной указаніемъ на эпизодъ, рассказанный въ стихотвореніи. Но тутъ въ сущности полное недоразумѣніе, ибо описаніе Якушкина въ данномъ случаѣ и не полно и не точно.

Листъ 14 об. тетради № 2371, на которомъ находятся эти помѣты, заполненъ не вдоль сверху внизъ, а поперекъ страницы. Справа идетъ конецъ пьесы „Воспоминаніе“, начатой на 13 об. и занимающей 13 об. и 14 листы. Послѣдній стихъ на 14 об. написанъ такъ:

О тайнахъ [вѣчности] щастія и гроба ².

18 мая у княгини Голицыной etc.

19 мая.

По положенію помѣтъ можно думать, что краткая помѣта „19 мая“ есть дата окончанія пьесы „Воспоминаніе“, а другая помѣта, быть можетъ, не имѣетъ прямого отношенія къ стихамъ поэта и сдѣлана имъ съ другими цѣлями или просто для памяти.

Съ лѣвой стороны страницы, опять же поперекъ тетради и, по отношенію къ концу „Воспоминанія“, въ обратномъ положеніи, т. е. вверху низомъ, идетъ черновикъ стихотворенія „Ты и вы“.

¹ Пушкинъ—Морозовъ—Просвѣщеніе, II, стр. 435; Пушкинъ—Ефремовъ—Суворинъ VIII, стр. 284; Лернеръ, 2-ое изд., 172; Якушкинъ, Описаніе іюль, 40.

² Въ рукописи совершенно явственно зачеркнуто слово вѣчности и написано „щастія“. Эта строфа „Воспоминанія“ при жизни Пушкина не появилась въ печати. Теперь же во всѣхъ изданіяхъ печатается именно „вѣчности“.

Въ концѣ его обычный пушкинскій заключительный знакъ и помѣта „23 мая“, а на правомъ, оставшемся свободнымъ полѣ противъ первыхъ стиховъ новая помѣта „20 мая 1828 [нрзб. сл.]“ 23 мая—несомнѣнно дата стихотворенія „Ты и вы“, а „20 мая 1828“, быть можетъ, также помѣта съ особыми цѣлями. Значеніе ея, можетъ быть, и выяснилось бы, если бы удалось разобрать приписанное рядомъ слово. Изъ этого описанія ясно видно, что пьесу „Ты и вы“ никоимъ образомъ не должно связывать съ помѣтой „18 мая“ у княгини Голицыной etc.“. Пьеса „Ты и вы“—сама по себѣ, а помѣта—сама по себѣ. Взятая вѣтъ связи со стихотвореніями Пушкина, она, конечно, тоже не даетъ никакого матеріала для заключенія о характерѣ отношеній поэта къ Голицыной.

Но у какой же княгини Голицыной былъ Пушкинъ 18 мая 1828 года? Мы знаемъ еще одну княгиню Голицыну—Евдокію Ивановну (Princesse Nocturne), которою Пушкинъ увлекался еще въ годы своей первой молодости, между Лицеємъ и ссылкой. Вполнѣ допустимо, что помѣта указываетъ именно Е. И. Голицыну. Княгиня въ это время жила еще въ Петербургѣ, собиралась „отправиться въ чужіе края дописывать свое сочиненіе“. Объ этомъ мы узнаемъ изъ хранящагося въ Тургеневскомъ Архивѣ письма князя Вяземскаго А. И. Тургеневу изъ Петербурга отъ 18 апрѣля 1828 года. Но правдоподобно и то, что это была какъ разъ княгиня М. А. Голицына, если только правильное истолкованіе извѣстія въ письмѣ опять же князя Вяземскаго къ Тургеневу отъ 17 мая того же года. „Вчера (т. е. 16 мая)—писаль Вяземскій—Пушкинъ читаль свою трагедію у Лаваль: въ слушателяхъ были двѣ княгини Michel, Одоевская-Ланская, Грибоѣдовъ, Мицкевичъ, юноши, Балкъ, который слушалъ трагически. [Кажется, всѣ были довольны, сколько можно быть довольнымъ, мало понимая А старуха Michel

безподобна: мало знает по русски, вовсе не знает русской исторіи, а слушала, какъ умница“. Это письмо не вошло въ изданные томы „Остафьевскаго Архива“; его нѣтъ и въ Тургеневскомъ Архивѣ. Извѣстно же оно только по отрывку, приведенному въ воспоминаніяхъ княземъ П. П. Вяземскимъ¹. Въ сноскѣ П. П. Вяземскій поясняетъ прозвище: старуха Michel—княгиня Голицына. Въ такомъ случаѣ двѣ княгини Michel должны означать жену князя Михаила Михайловича Голицына,—княгиню Марью Аркадьевну, и его мать, Прасковью Андреевну, рожденную Шувалову (род. 19 декабря 1867, ум. 11 декабря 1828 года). П. А. Голицына извѣстна, между прочимъ, какъ писательница, но писала она по французски: къ ней подходит и сдѣланная княземъ П. А. Вяземскимъ характеристика. Любопытный разсказъ о ней находимъ въ статкѣ князя П. А. Вяземскаго „Мицкѣвичъ о Пушкинѣ“. „Одна умная женщина княгиня Голицына, урожд. графиня Шувалова, извѣстная, въ концѣ минувшаго столѣтія своею любезностью и французскими стихотвореніями, царствовавшая въ петербургскихъ и заграничныхъ салонахъ, сердечно привязалась къ Татьянѣ. Однажды спросила она Пушкина: „Что думаете вы сдѣлать съ Татьяной? Умоляю Васъ, устройте хорошенько участь ея“.—„Будьте покойны, княгиня“,—отвѣчалъ онъ, смѣясь: „выдамъ ее замужъ за генераль-адъютанта“.—„Вотъ и прекрасно“—сказала княгиня—„благодарю“². Но если княгиня М. А. Голицына 16 мая 1828 года была

¹ См. Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго. Изд. гр. С. Д. Шереметева Спб. 1893, стр. 516—517. Также въ изд. П. А. Бартенева: „А. С. Пушкинъ. Новонайденныя его сочиненія“ etc. Вып. II. М. 1885, стр. 39.

² Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземскаго, т. VІІ, Спб. 1882, стр. 319. О княгинѣ Голицыной см. въ „Словарѣ русскихъ писательницъ“ Н. Н. Голицына (также первоначально въ „Русск. Арх.“ 1864, ст. 1412). Ее воспитывала Stewenss, мать жены М. М. Сперанскаго. См. „Воспоминанія Фаддея Булгарина“ въ „Библиотекѣ для Чтенія“⁴, т. LXXXVIII, стр. 190 (и отд. изд. ч. 5-ая стр. 324).

въ Петербургѣ, Пушкинъ могъ отмѣтить свой визитъ именно ей, а не Е. И. Голицыной.

Отмѣтимъ еще тоже ничего не говорящую отмѣтку „Еъ Гал. Сув.“, сдѣланную Пушкинымъ на 1-ой страницѣ тетрадки съ „Графомъ Нулинымъ“¹.

Вотъ, кажется, всѣ упоминанія о Голицыной, какія только можно отыскать въ бумагахъ Пушкина².

Заключимъ наши наблюденія еще разъ утвержденіемъ, что М. А. Голицына въ исторіи увлеченій поэта не занимаетъ никакого мѣста или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, которыя позволяли хотя бы только предполагать увлеченіе поэта княгиней М. А. Голицыной.

VII.

Предлагаемъ нѣсколько замѣчаній къ истолкованію двухъ элегій Пушкина „Умолкну скоро я“ (I) и „Мой другъ, забыты мной“ (II).

Пьеса I написана 23 августа, а пьеса II—въ ночь на 25 августа 1821 года. Такая близость моментовъ возникновенія обѣихъ пьесъ необходимо предполагаетъ единство настроенія и чувства, владѣвшихъ въ эти дни Пушкинымъ. Это обстоятельство отмѣтили еще Анненковъ. Но дѣйствительная біографическая цѣнность I и II различна. Руководящее указаніе для оцѣнки стихотвореній съ такой точки зрѣнія даетъ намъ самъ Пушкинъ. Обѣ эти пьесы для самого поэта были „элегіями“. Набрасывая въ черновой тетради перечень произведеній, написанныхъ въ 1821 году, Пушкинъ указываетъ „три элегій“, конечно, имѣя въ виду I и II; переписи-

¹ Въ собраніи А. Ѳ. Ояѣгина. См. описаніе Б. Л. Модзалевскаго въ „Пушкинъ и его современники“. Вып. XII. Спб. 1909, стр. 24.

² Я не могъ опредѣлить, о какой княгинѣ Голицыной идетъ рѣчь въ письмахъ Пушкина къ невѣстѣ изъ Болдина осенью 1830 года.

сывая ихъ для печати, онъ заноситъ ихъ въ отдѣлъ элегій. Но для II пьесы у Пушкина нашлось и другое названіе „Къ ***“, съ которымъ она и появилась впервые въ печати (до выхода въ свѣтъ собранія 1826 года). Эта пьеса обращена къ опредѣленному, скрытому подъ звѣздочками лицу и по своему содержанію предполагаетъ обстановку реальную, отношенія, въ дѣйствительности существовавшія.

Много писали о тѣхъ литературныхъ вліяніяхъ, которыми отмѣчено творчество Пушкина въ первые годы его ссылки. По указанію изслѣдователей, произведенія Шатобріана и Байрона дали Пушкину краски для изображенія того героя, котораго нашъ поэтъ выводилъ въ рядѣ своихъ произведеній, открывающемся „Кавказскимъ Плѣнникомъ“. Чисто литературныя разысканія и сравненія недостаточны для разрѣшенія вопроса о формахъ и степени этихъ литературныхъ вліяній: необходимы и чисто біографическія изученія. Герои чужеземные вліяли не на изображенія лицъ въ поэмахъ Пушкина, не на литературу, а на жизнь; прежде всего они были образцами для жизни. Какимъ былъ Пушкинъ дѣйствительный въ первое время ссылки¹? Въ тѣ годы, когда возникли вліянія Шатобріана и Байрона, Пушкинъ еще не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что было сущностью его духовной личности. Онъ самому себѣ казался романтическимъ героемъ; находя нѣкоторыя соотвѣтствія въ своей жизни съ тѣми обстоятельствами, которыя характерны и для властителей его думъ и для ихъ героевъ, Пушкинъ искренне думалъ, что онъ имъ подобенъ, и долженъ осуществить ту жизнь, какой жили его воображаемые и жив-

¹ Не слѣдуетъ предполагать какого-то переворота: точно Пушкинъ былъ однимъ до ссылки и сталъ другимъ послѣ нея. Уже въ Петербургѣ развитіе Пушкина направилось по тому пути, по которому оно продолжалось и развивалось на Кавказѣ, въ Крыму и въ Кишиневѣ.

ше герои и какая казалась столь безумно очаровательной со страниц их произведений. Таким образом, литература, создавая героев, прежде всего влияла на жизнь, вызывая подражание в фактической жизни. И когда Пушкин переходил от повседневной жизни к творчеству, ему не нужно было прибѣгать къ внѣшнимъ заимствованіямъ для изображенія своего героя. Онъ былъ искрененъ и оригиналенъ, черпая матеріалъ для характеристики въ самомъ себѣ и считая созданное имъ представленіе о самомъ себѣ тождественнымъ тому внутреннему существу своему, которое было тогда закрыто для него. Въ это время въ его жизни было много игры, свободной игры его духовныхъ силъ; по мѣрѣ силъ своихъ и своей пылкости Пушкинъ осуществлялъ въ 1820—1823 годахъ любезный ему романтическій идеалъ. Мы можемъ судить о томъ, каковъ былъ или, вѣрнѣе, какимъ казался тогда Пушкинъ, по его признаніямъ. Изъ собственнаго его признанія мы, напримѣръ, знаемъ, что въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ онъ изображалъ себя или того Пушкина, за какого онъ стремился себя выдать. Но, оставляя въ сторонѣ автобіографическія указанія поэмы, мы можемъ указать и на свидѣтельства объективныя. Вспомнимъ наивное, указывающее романтическую настроенность признаніе въ письмѣ къ брату отъ 24 сентября 1820 года. Говоря о той стражѣ, которая охраняла Раевскихъ во время путешествія на Кавказѣ, Пушкинъ добавляетъ: „Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію“. Въ вишиневскомъ дневникѣ Пушкинъ, получивъ письмо отъ Чаадаева, помѣчаетъ: „твоя дружба замѣнила счастье — одного тебя можетъ любить холодная душа моя“¹. Но вотъ свидѣтельство женщины, которая могла хорошо узнать поэта во время совмѣстнаго путешествія, Екатерины Нико-

¹ Пушкинъ—Морозовъ—Просвѣщеніе, IV, стр. 453.

лаевны Раевской (съ 15 мая 1821 года Орловой). 12 ноября 1821 года она пишетъ брату Александру: „Пушкинъ больше не корчить изъ себя жестокаго, онъ очень часто приходитъ къ намъ и т. д.“¹) Сопоставимъ съ этимъ свидѣтельствомъ холодность и жестокость Кавказскаго плѣнника. Когда Пушкинъ сталъ разбираться въ самомъ себѣ, то онъ нашель, что онъ не годится въ романтическіе герои, и добродушно призналъ свою игру въ жестокость. 30 ноября 1825 года изъ Михайловскаго онъ писалъ А. А. Бестужеву: „Къ стати; кто писалъ о горцахъ въ Пчелѣ? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли, герой моего воображенья?“ (NB. Якубовичъ славный въ свое время бреттеръ, дуэлистъ, отчаянный человекъ, пошедшій за 14 декабря въ каторгу). „Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева etc.—Въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была бы лучше“.

Какія же автобіографическія признанія находимъ мы въ пьесѣ „Мой другъ, забыты мной“? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы ни на одну минуту не должны упускать изъ вниманія того угла зрѣнія, подъ которымъ смотрѣлъ на себя въ это время и подъ которымъ показывалъ себя другимъ Пушкинъ.

Эта „Элегія“ кажется отрывкомъ, выхваченнымъ изъ романтической поэмы. На разнообразныхъ путяхъ души показывалъ Пушкинъ своего героя; одинъ изъ путей запечатлѣнъ и въ этомъ стихотвореніи. Тема элегии — противоположеніе двухъ образовъ, двухъ характеровъ. Кто такое „онъ“ элегии? Этотъ „онъ“ пережилъ мятежное теченіе молодости, измѣны и любовь. Его прошлая жизнь—повѣсть безумства и страстей, таящая опасныя откровенія;

¹ М. О. Гершензонъ. Исторія Молодой Россіи, М. 1908, стр. 27.

его любовь—такова, что ей можно ужаснуться. Самый рассказ о сердечной жизни возмутит тихій умъ, заставит проливать слезы, содрогаться сердцемъ. Женскій образъ, вдохновлявшій поэта въ этой пьесѣ, проступаетъ ярко изъ легкихъ очертаній, набросанныхъ элегіей, и изъ скрытаго, но чувствуемаго противоположенія этого образа только что очерченному образу героя. „Она“—невинная, рожденная для счастья, съ душой чистой, живой для дружбы, свободной отъ унынья; она—съ младенческой совѣстью, свѣтлой, какъ ясный день; съ безпечной довѣрчивостью. Но, вскрывая сущность элегіи, мы видимъ, что ея герой весьма близокъ къ романтическому герою поэмъ, а героиня—къ женскому образу „Кавказскаго Плѣнника“ и къ Маріи въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“. Элегія застигаетъ героя въ такомъ положеніи, изображенія которому мы не находимъ въ поэмѣхъ. Весьма любопытна постепенность, съ какой развивается исторія сердца въ „Плѣнникѣ“, въ элегіи и въ „Фонтанѣ“. Въ первой поэмѣ герой послѣ бурно прожитой жизни, пресыщенный и носящій невѣдомыя раны, не въ состояніи даже просто вдохновиться искреннимъ и сильнымъ чувствомъ:

„Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой“.

Поздно пришла къ нему любовь черкешенки: онъ безъ упованья, безъ желаній уядалъ жертвою страстей, онъ умеръ для счастья. Въ элегіи положеніе мѣняется. Герой смягчается; онъ готовъ вкушать, хоть и не вполне, радости (въ вариантѣ: счастье). Но между нимъ и невиннымъ, непорочнымъ существомъ,—его прошлое съ безумствомъ и страстями. Возможность соединенія сомнительна, такъ какъ допустима только при томъ условіи, если она не узнаетъ о прошломъ. Наконецъ, въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ невозможность соединенія обнаруживается со всей яркостью. Герой страстно

жаждать раздѣленной любви, но Маріи непонятенъ языкъ мучительныхъ страстей. Герой отвергнуть.

Но не чувствуется ли въ этой романтической исторіи чувства бытовая основа,—столкновеніе очень молодого человѣка, богатаго опытами чувственной жизни, уже довольно послужившаго Афродитѣ земной, знакомаго съ ласками не только любовнаго увлеченія, но и оплаченнаго любовнаго искусства, съ дѣвушкой, чуждой еще всякимъ опытамъ любви, но духовно сильной въ своей чистотѣ и невинности? Такое столкновеніе происходило въ 1820 и слѣдующемъ годахъ въ жизни Пушкина. Мы знаемъ, что столкновеніе Гирея съ Маріей кончилось высокимъ торжествомъ женскаго начала, но эту побѣду Пушкинъ изобразилъ уже въ концѣ своей сердечной исторіи. Но онъ не сразу пришелъ къ такому исходу: въ этотъ періодъ противоборства страстей (1820—1823) поэтъ прошелъ стадію чисто циническаго отношенія. Вспомнимъ сюжетъ „Гавриліады“, вспомнимъ признанія поэта:

„Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда“.

Переходя къ пьесѣ „Умолену скоро я“ (I), написанной за сутки до только что разобранный элегіи, мы должны, прежде всего, отмѣтить, что если бы изслѣдователи не имѣли хронологическаго указанія, заставляющаго связывать настроеніе II съ настроеніемъ I, они и не подумали бы искать въ I указаній на конкретные факты. Врядъ ли и Гершензонъ, который, конечно, не вѣрится въ реальное пользованіе лирой въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка, сталъ бы допускать реальное бытіе юношей, которые дивились долгому мученью любви поэта. На самомъ дѣлѣ, не нужно производить спе-

ціальныя историко-литературныя сравненія и разысканія, чтобы видѣть, что пьеса I въ извѣстной намъ редакціи обработана Пушкинымъ вполне въ томъ условно-элегическомъ родѣ, въ которомъ Пушкинъ писалъ въ годы лицейской юности и петербургской молодости по образцамъ французской, *до-романтической* элегіи, представленной въ лирикѣ Парни, Лебрена, Бертена, Мильвуа. Въ I на лицо все тѣ общія мѣста, детали и мотивы, которые въ обилии можно указать, въ тѣхъ или иныхъ соединеніяхъ, въ элегіяхъ названныхъ поэтовъ и въ произведеніяхъ самого Пушкина. Тутъ и лира, отвѣчающая страданіямъ поэта ¹; юноши, внимающіе его пѣснямъ или (въ вариантѣ) дѣвы, читающія его стихи ², или она, твердящая эти стихи ³; посмертная урна и утѣшеніе, что она вспомнить надъ этой урной о любви поэта ⁴. Цѣлый рядъ условностей, далекихъ отъ конкретныхъ указаній на факты ⁵.

Но если мы обратимся къ черновымъ рукописямъ Пушкина, то увидимъ, что условно-элегическій характеръ пьеса I получила только въ окончательной редакціи. У поэта было не мало колебаній при обработкѣ этой пьесы. Если бы мы, подобно тому, какъ сдѣ-

¹ Срвн. воззваніе къ лирѣ „О вѣрная, грусти, грусти со мной“ („Уныніе“ 1816). Пушк.—Акад. I, стр. 209.

² Срвн. тамъ же продолженіе „Пускай твои небрежные напѣвы Изобразятъ уныніе любви, И слушая бряцанія твои, Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы“.

³ Срвн. въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“: Глаза прелестныя читали Меня съ улыбкою любви, Уста волшебныя шептали Мнѣ звуки сладкіе мои!“

⁴ Срвн. чрнв. редакцію элегіи „Я видѣлъ смерть“: „И можетъ быть, объ участи моей Она вздохнетъ надъ урной гробовою“ Пушк.—Акад. I, примѣч., стр. 311.

⁵ Мы не приводимъ французскихъ параллелей (срвн. напр. 2-ую элегію 1-ой книги Лебрена); изученію вліяній французской эротической поэтики на Пушкина мы имѣемъ въ виду посвятить особое изслѣдованіе, въ которомъ будутъ даны все подробности.

лали раньше при анализѣ II, попытались обрисовать два образа— мужской и женскій—этой пьесы I, то мы не ощутили бы препятствій къ сближенію женскаго образа I съ героиней II и, наоборотъ, съ полной опредѣленностью должны были бы признать невозможность сближенія героя пьесы I и героемъ пьесы II. Съ психологической точки зрѣнія разность двухъ типовъ совершенно очевидна. Несомнѣнно, языкъ страсти во II пьесѣ только подъ стать тому герою, который послѣ ряда творческихъ попытокъ нашелъ окончательное изображеніе въ Онѣгинѣ; но ясно, что изъясняться въ любви стилемъ I пьесы, конечно, необыкновенно пристало бы Ленскому. Отмѣтимъ, что блистательную разработку темы элегии мы найдемъ именно въ полныхъ „любовной чепухи“ предсмертныхъ стихахъ Ленскаго:

Но ты

Придешь ли, дѣва красоты,
Слезу пролить надъ ранней урной
И думать: онъ меня любилъ,
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣтъ печальный жизни бурной!..

Столь коренная противоположность двухъ образовъ бросается въ глаза лишь въ окончательной редакціи; въ моментъ же возникновенія, который для обѣихъ пьесъ почти совпадалъ (23—25 августа 1821 года), столь ясно выраженное противорѣчіе безъ психологической несообразности не могло бы быть допустимо. Его и не было въ дѣйствительности. Въ первоначальной редакціи ¹ Элегія I начиналась такъ:

¹ Въ тетради № 2367. Въ первоначальномъ наброскѣ не сохранилось первой половины стихотворенія.

Нѣтъ! поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье
 Ничто души моей уже не воскреситъ
 [Мнѣ] [сердцу] Ей чуждо [сердца] страсти упоенье
 [Твой взоръ, твой нѣжный взоръ] И счастье, тихое меня не
 веселитъ
 [Увяль я въ цвѣтѣ лѣтъ] Умолкну скоро я.... но если въ
 день печали....

Но тѣ черты, которыя придаетъ себѣ поэтъ въ этихъ стихахъ, напоминаютъ характеристику романтическаго героя въ стадіи „Кавказскаго Пльнника“. Совпадаютъ даже отдѣльныя выраженія

Но поздно: умеръ я для счастья....
 Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ....
 Безъ упоенья, безъ желаній
 Я вьну жертвою страстей....

Но не только это начало выбросилъ Пушкинъ изъ окончательной редакціи. Послѣ стиха „счастливымъ именемъ любовницы прекрасной“ въ черновики слѣдовало:

Не бойся вѣтренныхъ невѣждъ
 Не бойся клеветы ревнивой...
 Не обмани моихъ надеждъ
 Своею скромностью пугливой.

Въ первомъ наброскѣ этотъ мотивъ долженъ былъ быть развитъ еще полнѣе¹.

Не бойся вѣтр[енныхъ невѣждъ]ой молвы
 Не бойся клеветы ревнивой
 Не обмани [моихъ надеждъ] моихъ надеждъ

¹ Въ тетради № 2365. Майковъ въ „Матеріалахъ“ указалъ варианты только тетради № 2367, оставивъ безъ вниманія приводимую нами редакцію.

[Переживи меня]
[Переживи меня]

[Не разрушай (?)]

И скромностью нрзб.
[моихъ надеждъ]

стыдливой

[Скажи] [Скажи]

[нрзб.]

[Скажи без робкой]

Онъ мною былъ любимъ, ^{Онъ}
и мнѣ былъ одолженъ

[Послѣдній]

[ихъ нрзб.]

[Послѣднимъ щастіемъ] послѣдней поздней отрадой]

[Славою нрзб.]

Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновеньемъ

Переживи

[Когда нрзб.] [Когда меня]

Переживи меня и нѣкогда [не будетъ]

[нрзб.] быть можетъ

И скоро[ль] милая [когда] меня не будетъ

Но сердце чье нибудь поэта не забудетъ

[Скажи] [нрзб.] меня навѣкъ обмыетъ [нрзб.]

хладный

Когда [но] [покроешь] [вѣч] [вѣчный] сонъ

[Когда]

[И урну] [м] [переживи меня] и молви съ умилениемъ

Въ окончательной редакціи исчезли всѣ слѣды этого мотива. Конечно, для того условно-элегическаго рода, въ которомъ Пушкинъ отдѣлалъ пьесу I, были не у мѣста ни начало, рисующее романтическаго героя, который ужъ вѣрно не удовлетворился бы посмертными о немъ воспоминаніями „прекрасной любовницы“, ни этотъ мотивъ, своимъ живымъ и бытовымъ содержаніемъ врѣзающійся въ тихую мелодію элегіи.

Объ условной манерѣ стихотворенія свидѣтельствуетъ и первоначальная передѣлка послѣднихъ четырехъ стиховъ пьесы, кото-

рую поэтъ чуть было не оставилъ въ послѣдней редакціи. Во 2-омъ наброскѣ эти стихи были написаны такъ:

Когда меня навѣкъ обыметъ хладный сонъ,
 Надъ урною моею промолви съ умиленьемъ
 Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
 Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновеньемъ.

Пушкинъ исправилъ ихъ такъ:¹

Когда меня навѣкъ обыметъ хладный сонъ,
 Надъ ранней урною пусть молвятъ съ умиленьемъ
 Онъ Лидой былъ любимъ, онъ мнѣ (sic! конечно, ей) былъ
 одолженъ
 Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновеньемъ.

Эта Лида, конечно, вводитъ насъ въ міръ поэзіи XVIII вѣка; она—олицетвореніе условности. Но въ кишиневскіе годы своей жизни Пушкинъ уже тяготился подобными условностями, и въ окончательной редакціи, которая пошла отъ поэта въ печать, онъ уничтожилъ эту Лиду и установилъ извѣстное намъ чтеніе.

Такъ въ процессѣ обработки исчезли всѣ субъективныя элементы, и въ концѣ концовъ, тогда какъ элегія II, сохранявшая живое воспоминаніе о дѣйствительномъ моментѣ, являлась для Пушкина посланіемъ „Къ***“, элегія I въ окончательной отдѣлкѣ потеряла память о своей близости къ II пьесѣ. Въ тетради Капниста, въ собраніи стихотвореній 1826 года (въ отдѣлѣ элегій) и въ собраніи 1829 года (въ отдѣлѣ произведеній 1821 года) элегіи были размѣщены не рядомъ одна съ другой, а раздѣлены другими стихотвореніями.

¹ Майковъ, Матеріалы, 126.

Но нельзя отрицать все же, что элегии I и II и въ моментъ возникновенія уже имѣютъ и въ самомъ тонѣ стиховъ, и въ содержаніи лирической психологіи нѣкоторую противоположность. И въ первый моментъ „Я“ I-ой элегии въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кажется противорѣчащимъ „Я“ II-ой элегии. Но такое противорѣчіе, не допускаемое хронологической близостью обоихъ „Я“, легко объяснимо. Вѣдь романтическимъ героемъ Пушкинъ только старался представиться, но его душа была много сложнѣе казавшейся сложной души романтическаго героя, и тѣ элементы въ душѣ его, которыхъ онъ будто не замѣчалъ въ своей игрѣ, вели глухую и неустанную борьбу противъ склонностей и особенностей, которыя Пушкинъ старался привить къ себѣ. И если, создавая „Онѣгина“, онъ воплощалъ самого себя и въ Ленскомъ, и въ Онѣгинѣ одновременно, то и въ августѣ 1821 года жившая въ его душѣ, не миренная и даже несознанная въ то время противоположность между Ленскимъ и Онѣгинымъ отразилась въ элегіяхъ „Умолкну скоро я“ и „Мой другъ, забыты мной“.

VIII.

Гершензонъ связываетъ происхожденіе „Бахчисарайскаго Фонтана“ съ увлеченіемъ Пушкина княгиней М. А. Голицыной. По его предположенію, она была той женщиной, поэтической разсказъ которой Пушкинъ суевѣрно перекладывалъ въ стихи поэмы; откликомъ любви къ ней явилась сама поэма. На этомъ предположеніи надо остановиться. Правда, оно выставлено въ сущности безъ малѣйшихъ фактическихъ основаній и съ явнымъ пренебреженіемъ къ тѣмъ даннымъ изъ переписки поэта, которыя обычно ех officio приводятся комментаторами и біографами. Мы должны будемъ еще разъ перебрать всѣ эти данныя и для того, чтобы отвергнуть

предположенія Гершензона, и для того, чтобы извлечь отсюда окончательные и бесспорные выводы.

Въ своей перепискѣ Пушкинъ обычно сообщалъ своимъ друзьямъ о своихъ поэтическихъ замыслахъ, о ходѣ своихъ работъ, но какъ разъ о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ мы имѣемъ весьма недостаточныя и немногочисленныя упоминанія. Врядъ ли случайно это отсутствіе свѣдѣній, и врядъ ли оно можетъ быть объяснено только ссылкой на то, что не вся переписка дошла до насъ. Скорѣе всего надо объяснять эту скудость чрезмѣрной интимностью происхожденія этой поэмы: душевныя глубины были взволнованы сильнымъ и яркимъ чувствомъ, и это волненіе, какъ бы застывшее въ поэмѣ, до сихъ поръ сохраняетъ неувядаемую прелесть этого „любовнаго бреда“. Такое названіе далъ Пушкинъ поэмѣ, когда закончилъ ее: созданіе поэмы означало и освобожденіе отъ раздражающей силы чувства.

У насъ нѣтъ *точныхъ* данныхъ о томъ, когда Пушкинъ задумалъ поему и когда началъ ее писать. „Кавказскій Пльнникъ“ былъ законченъ вчернѣ въ началѣ 1821 года, а уже 23 марта этого года Пушкинъ, извѣщая Дельвига объ окончаніи „Пльнника“, писалъ: „Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы—но что теперь ничего не пишу—я *перевариваю воспоминанія* и надѣюсь набрать вскорѣ новыя“¹. А въ письмѣ къ Гнѣдичу, помѣченному 24 марта того же года, Пушкинъ „молитъ Теба и Казанскую Богоматерь, чтобы возвратиться ему въ Петербургъ съ молодостью, воспоминаніями и еще новой поэмой“. Надо думать, Пушкинъ имѣетъ въ виду именно „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Не для подготовительныхъ ли работъ понадобились Пушкину и книги: „Таврида“ Боброва, которую онъ 27 іюня 1821 года проситъ при-

¹ Это свидѣтельство очень цѣнно при разрѣшеніи вопроса о степени подражательности поэмъ Пушкина.

слать ему и которой, какъ извѣстно, онъ и воспользовался въ „Фонтанѣ“, и „Histoire de Crimée“, о возвращеніи которой онъ проситъ въ запискѣ къ В. Ѡ. Раевскому, датируемой 1821 годомъ или во всякомъ случаѣ не позднѣе 6 февраля 1822 года? Черновыя тетради сохранили незначительное количество первоначальныхъ записей „Фонтана“ и не даютъ возможности точно датировать начало творческой работы поэта. Повидимому, въ тетради № 2365 на лист. 48 об., 49 об., и 50 находимъ *первоначальный* набросокъ къ началу поэмы (ст. 1—13)¹; какъ разъ передъ 48 об. идутъ стихотворенія, внесенныя въ тетрадь въ августѣ 1821 года, но, какъ извѣстно, при пушкинскомъ пользованіи рукописями, подобное сближеніе не даетъ твердой опоры для хронологическихъ выводовъ. Но совокупность всѣхъ приведенныхъ нами предположительныхъ указаній приводитъ насъ къ убѣжденію, что начало осуществленія поэтического замысла „Бахчисарайскаго Фонтана“ надо относить къ 1821 году². Но въ какой мѣрѣ подвигалось впередъ

¹ Въ этой же тетради на л. 39 об. находится отрывокъ, имѣющій отношеніе къ поэмѣ. Въ виду того, что изслѣдователи не связывали его съ поэмой, привожу транскрипцію

въ [задумчивый] [въ уныны]
нрзб. нрзб.

Тамъ нѣкогда [мечтаньемъ упоенный]

(1) [Бахчи Сарай] [обитель гордыхъ хановъ]
дворецъ [Бахчи Сарая]

(2) Я посѣтилъ [пустынный твой дворецъ]
уединенный.

Сейчасъ же вслѣдъ за этими фразами идетъ набросокъ „Діонеи“.

² Въ трудѣ Лернера „Труды и дни П.“ 2-ое изд., стр. 81 находимъ рѣшительное утвержденіе, что „Фонтанъ“ начатъ лѣтомъ 1882 года; но, какъ это не рѣдко бываетъ съ рѣшительными [утвержденіями этого изслѣдователя, оно при ближайшемъ разсмотрѣніи теряетъ не только въ рѣшительности, но и въ правильности. Лернеръ ссылается на П. И. Бартенева въ „Русск. Арх.“ 1866, столб. 1179. Во-первыхъ, мнѣніе Бартенева вовсе не есть фактическое основаніе, а во-вторыхъ, ссылка на него вовсе не оправдываетъ утвержденія Лернера, ибо П. И. Бартеневъ говоритъ въ цитируемомъ мѣстѣ только о томъ,

исполненіе замысла, мы не знаемъ. Тѣ отрывки поэмы, что сохранились въ тетради № 2366, *скорѣе всего* писаны въ 1822 году. Преимущественно занимался Пушкинъ поэмой въ 1822 году, а въ слѣдующемъ онъ закончилъ ее.

Первоначально онъ хотѣлъ назвать поэму „Гаремомъ“. Объ этомъ мы знаемъ изъ позднѣйшей его замѣтки. Можемъ еще привести свидѣтельство изъ хранящагося въ Тургеневскомъ Архивѣ письма князя Вяземскаго А. И. Тургеневу отъ 30 апрѣля 1823 года: „На дняхъ получилъ я письмо отъ Бѣса-Арабскаго Пушкина. Онъ скучаетъ своимъ безнадежнымъ положеніемъ, но, по словамъ пріѣзжаго, пишетъ новую поэму Гаремъ о Потоцкой, похищенной котормь-то ханомъ, событіе историческое; а что еще лучше, сказываютъ, что онъ остепенился и становится разсудителенъ“.

Первое извѣстіе о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ находимъ въ письмѣ къ брату отъ 25 августа 1823 года изъ Одессы. Назвавъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“, Пушкинъ въ скобкахъ поясняетъ: „новая моя поэма“. Надо думать, Левъ Сергѣевичъ и самъ впервые изъ этого письма узналъ о поэмѣ. Но слухи о поэмѣ быстро распространились, дошли до Петербурга и отсюда вернулись къ самому поэту. Въ распространеніи слуховъ оказался повиненъ Вас. Ив. Туманскій, восторженный и довѣрчивый поэтъ. Пушкинъ и Туманскій появились въ Одессѣ приблизительно въ одно время, лѣтомъ 1823 года: Туманскій—изъ Петербурга, вступивъ на службу къ

что лѣтомъ 1822 года П. писалъ „Фонтанъ“ (а не началъ его писать). Относятся безъ критики къ мнѣніямъ и воспоминаніямъ, можно было бы, напр., отнести поэму къ 1820 году, сославшись на другого Бартенева—Ю. Н., передающаго вздорный рассказъ доктора Ланга о знакомствѣ съ Пушкинымъ и о происхожденіи „Фонтана“ („Русск. Арх.“ 1899 г., т. II (августъ), стр. 576). Нельзя, конечно, вѣрить и разсказу (изъ вторыхъ рукъ) графа П. И. Капниста о томъ, что Пушкинъ писалъ свой „Фонтанъ“ *въ Гурзуфѣ* во время пребыванія у Раевскихъ („Русск. Стар.“, т. ХСVII, май, 242).

графу Воронцову, Пушкинъ—изъ Кишинева. Въ помянутомъ письмѣ Пушкинъ писалъ брату: „Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ, напр., онъ пишетъ въ Пб. письмо, гдѣ говоритъ, между прочимъ, обо мнѣ: Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр... Фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!“ Письмо заканчивается припиской: „Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ,—а жаль!“ Можно думать, что въ недошедшемъ до насъ письмѣ князь Вяземскій писалъ о „Фонтанѣ“ и просилъ рукописи. Не онъ ли сообщилъ Пушкину и о содержаніи слуховъ?¹ А 14 октября того же года, очевидно, на запросъ Вяземскаго, до насъ недошедшій, Пушкинъ писалъ ему: „Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянъ, но эпиграфъ его прелесть“. Въ черновикѣ этого письма можно еще прочесть „Бахч. Фон. дрянъ [но эпиграфъ его преле.] не говори это однако никому я скоро пришлю тебѣ соч.“—4 ноября Пушкинъ, посылая поэму, писалъ: „Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма. Я выбросилъ то что Цензура выбросила бѣ и безъ меня, и то что *не хотѣлъ выставить передъ публикою*. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то

¹ А Вяземскому могъ сообщить объ этомъ Тургеневъ, знавшійся съ издателями „Полярной Звѣзды“ Бестужевымъ и Рылѣевымъ, съ которыми переписывался изъ Одессы Туманскій. Тургеневъ 26 сентября 1823 года (Ост. Арх., т. II, стр. 352) сообщалъ, что онъ досталъ два отрывка (стиховъ тридцать) изъ Пушкина „Бахчисарайскаго ключа“ и двѣ піески, присланныя имъ для „Полярной Звѣзды“.

напечатай...“ Къ 18-му ноябрю поэма была въ рукахъ Вяземскаго,— именно 18-го онъ писалъ о ея полученіи А. И. Тургеневу¹. Прочитавъ поэму, онъ отправилъ Пушкину письмо, не дошедшее до насъ, съ изложеніемъ своего мнѣнія и съ требованіемъ перемѣнъ. Сохранился за то отвѣтъ Пушкина².

На основаніи петербургскихъ слуховъ и Дельвицъ обратился къ Пушкину съ просьбой о присылкѣ ему поэмы. 16 ноября Пушкинъ писалъ ему: „Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана—онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь“. Въ Петербургѣ ждали Фонтана съ большимъ нетерпѣніемъ. Уже 1 ноября 1823 года въ засѣданіи С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей наукъ и художествъ Рылѣевъ прочелъ отрывокъ изъ новой поэмы Пушкина „Бахчисарайскій Фонтанъ“³. 29 ноября, 14 и 18 декабря А. И. Тургеневъ настойчиво требуетъ отъ Вяземскаго прислать ему списокъ поэмы. А. Бестужевъ свой „Взглядъ на Русскую словесность въ теченіе 1823 года“, которымъ открывается „Полярная Звѣзда“ на 1824 годъ, заключилъ слѣдующимъ оповѣщеніемъ: „Еще спѣшимъ обрадовать любителей поэзіи. Маленькая и, какъ слышно и какъ несомнѣнно, прекрасная поэма А. Пушкина: „Бахчисарайскій Фонтанъ, уже печатается въ Москвѣ“⁴.

¹ Ост. Арх., II, стр. 367.

² Этотъ отвѣтъ напечатанъ въ акад. изд. переписки (т. I, стр. 84—86) и датированъ „между 4 и 11 ноября“, очевидно, на основаніи свидѣтельства слѣдующаго письма отъ 11 ноября. Но тутъ какое-то недоразумѣніе, ибо въ промежутокъ между 4 и 11 ноября въ то время не могъ быть совершенъ обмѣнъ письмами между Москвой и Одессой.

³ „Русск. Стар.“, т. ХСVIII, 1899, май, стр. 473, въ статьѣ И. А. Бубаева „А. С. Пушкинъ—членъ Спб. Вольнаго Общества“.

⁴ Полярная Звѣзда. Карманная книжка на 1824 годъ. Издавшая А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ. Спб., стр. 18.

„Полярная Звѣзда“ вышла въ самомъ концѣ 1823 г.¹, и Бестужевъ тотчасъ же отправилъ ее въ Одессу Пушкину съ письмомъ, до насъ недошедшимъ. Пушкину альманахъ принесть большое огорченіе. Въ немъ было напечатано нѣсколько его стихотвореній², и среди нихъ—съ заглавіемъ „Элегія“—стихотвореніе „Рѣдѣть облаковъ летучая гряда“ (стр. 198). Бестужевъ получилъ эту элегію отъ какого-то неизвѣстнаго намъ лица, а не отъ Пушкина³; поэтъ разрѣшилъ ему напечатать ее съ исключеніемъ трехъ послѣднихъ стиховъ, но Бестужевъ не исполнилъ воли поэта и тиснулъ элегію цѣликомъ. Вотъ въ какомъ видѣ она появилась въ „Полярной Звѣздѣ“:

Рѣдѣть облаковъ летучая гряда
 Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
 Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
 И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
 Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ,
 Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
 Я помню твой восходъ знакомое свѣтило,
 Надъ мирною страной гдѣ все для взоровъ мило;
 Гдѣ стройны тополы въ долинахъ вознеслись
 Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
 И сладостно шумятъ полуденныя волны.

¹ Цензоръ Биружовъ печатать дозволилъ декабря 20-го дня 1823 года.

² Съ подписью—„Друзьямъ“ (стр. 24—25), „Нереида“ (29), „Въ Альбомѣ малюткѣ“ (т. е. Адели, 60), „Къ Морфею“ (91), „Элегія“ (Рѣдѣть облаковъ..., 193), „Отрывокъ изъ посланія В. Л. П—ну“, (237), „Домовому“ (318), и безъ подписи (съ звѣздочкой):—„Элегія“, вызванная любовью къ А. Ризничъ (314). „Надпись къ портрету“ (Вяземскаго—319).

³ Гершензонъ допускаетъ ошибку, говоря, что послалъ элегію Пушкинъ.

Въ сохранившемся черновикѣ этого письма находимъ выпущенную въ бѣловомъ подробность: „Ты напечаталъ [ту элегію] тѣ стихи [объ] которыхъ именно просилъ тебя не выдавать [еще] ихъ въ п. Ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно [А и сколько я желалъ [не выдавать въ публику первыя про]—[Онѣ относятся писаны къ женщинѣ которая читала ихъ. я. просится]“.

Комментируя элегію и три стиха, завѣтныхъ для Пушкина, Гершензонъ пишетъ: „Это былъ конкретный намекъ, возможно — на одну изъ Раевскихъ (и тогда—на Елену: „дѣва юная“). Но и въ этихъ трехъ стихахъ нѣтъ намека на любовь; напротивъ, весь характеръ воспоминанія исключаетъ мысль о какомъ либо остромъ чувствѣ: „Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь“, говоритъ Пушкинъ о себѣ“. Такой комментарий, какъ сейчасъ увидимъ, неприемлемъ, ибо Гершензонъ совершенно не принялъ во вниманіе ясныхъ свидѣтельствъ самого поэта ¹.

Письмо Пушкина разошлось съ письмомъ Бестужева, въ которомъ онъ сообщалъ объ успѣхѣ „Бахчисарайскаго Фонтана“ ² и требовалъ отъ Пушкина для будущей книжки десятка пьесъ. Пушкинъ отвѣтилъ на это недошедшее до насъ письмо 8 февраля 1824 года. „Ты не получилъ видно письма моего,—писалъ Пушкинъ.—Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ“. Тутъ же, переходя къ поэмѣ, онъ не удержался отъ столь часто цитируемаго признанія о ея происхожденіи: „Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суетвѣрно перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины.“

¹ Пушкинъ печаталъ Элегію въ изданіяхъ стихотвореній 1826 и 1829 года, опуская эти три стиха.

² Въ это время „Фонтанъ“ еще не появился въ печати, но въ Спб. онъ широко распространился въ рукописяхъ и спискахъ. Пушкинъ весьма негодовалъ на друзей своей славѣ, распускавшихъ его стихи до появленія ихъ въ печати и тѣмъ подрывавшихъ, по его мнѣнію, распространеніе книги.

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve ¹.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому что деньги были нужны“. Но это признаніе заставило Пушкина испытать еще пуще огорченіе. Письмо, адресованное Бестужеву, попало въ руки Ѳ. Булгарину, онъ распечаталъ его и какъ разъ приведенныя только что строки напечаталъ въ „Литературныхъ Листкахъ“ въ замѣткѣ о скоромъ появленіи въ свѣтъ поэмы Пушкина ². Такая безцеремонность крайне раздражила и обидѣла поэта, необыкновенно чутко относившагося къ оглашенію интимныхъ подробностей своего чувства и творчества. „Булгаринъ хуже Воейкова—пишетъ онъ брату 1-го апрѣля—какъ можно печатать партикулярныя письма? Мало ли что приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все печатать—это разбой“..... Очевидно, на это же обстоятельство указывалъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому въ началѣ апрѣля: „Каковъ Булгаринъ и вся братья. Это не соловьи—разбойники, а грачи разбойники“.

Бестужеву Пушкинъ послѣ этого не писалъ. И самъ Бестужевъ могъ догадываться о непріятности, которую доставило печатное разглашеніе частнаго письма, да и слухи о раздраженіи Пушкина могли дойти до него. Поэтому молчаніе Пушкина онъ истолковалъ, какъ знакъ гнѣва и раздраженія. Это онъ высказалъ въ недошедшемъ до насъ письмѣ, на которое Пушкинъ отвѣчалъ 29 іюня 1824 года изъ Одессы. На этомъ письмѣ надо остановиться, такъ какъ оно важно для разрѣшенія нашего вопроса и такъ какъ Гершензонъ не оказалъ ему всего того вниманія, какого

¹ Это стихи А. Шенье изъ „La jeune captive“.

² 1824 годъ, № 4: „Литературныя новости“. Перепечатана въ сборникѣ В. Зелинскаго „Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина“ Ч. I. Изд. 3-е, М. 1903, стр. 126.

оно заслуживаетъ. Къ этому времени раздраженіе поэта уже улеглось, и онъ сравнительно добродушно выговариваетъ свои обиды на Бестужева и за одно на Булгарина и, очевидно, считая свое письмо отъ 12 января 1824 недошедшимъ до Бестужева, повторяетъ содержаніе своихъ упрековъ. „Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая что я сердить на тебя—лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на послѣднее твое письмо (другова я не получалъ). Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюбленному безъ памяти. Я обыкновенно [въ это время] въ такомъ случаѣ пишу элегіи какъ другой.... Но пріятельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мокрыя мои простыни? Богъ тебя простить! но ты остранилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ—напечатавъ 3 послѣдніе стиха моей элегіи“. Прерывая цитату, вспомнимъ комментарий Гершензона о нелюбовномъ характерѣ элегіи „Рѣдѣтъ облаковъ“, вспомнимъ, чтобы зачеркнуть его въ нашихъ соображеніяхъ. „Чортъ дернулъ меня написать еще къ стати о Бахч. Фонт. какія-то чувствительныя строчки и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу“. Эпитетъ элегической имѣетъ въ виду указаніе не на свойство ея характера, а на то, что женщина, разсказу которой обязана своимъ возникновеніемъ поэма, кромѣ того и внушительница элегіи. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ Пушкина: „Вообрази мое отчаяніе когда увидѣлъ ихъ напечатанными.—Журналъ можетъ попасть въ ея руки.—Чтожь она подумаетъ... вида съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ П. Б. моихъ пріятелей ¹. Обязана ли она знать что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ—что прокля-

¹ Слова подчеркнуты Пушкинымъ. Булгаринъ, печатая отрывокъ, предпослалъ ему фразу: „Авторъ сей поэмы писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургъ“ (Зелинский, н. соч., 126).

тая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ—и что никто не виновать. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу болѣе чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась“.....

Итакъ, съ полною достовѣрностью можно отождествить дѣву юную, искавшую во мглѣ вечерней звѣзды, съ той женщиной, рассказъ которой суевѣрно перелагали въ стихи Пушкинъ. Но все содержаніе, вся обстановка въ элегіи, писанной въ 1820 году въ Каменкѣ, приводитъ насъ въ Крымъ въ періодъ кратковременнаго пребыванія тамъ Пушкина, и еще опредѣленнѣе—въ семью Раевскихъ, въ которой жилъ Пушкинъ. У насъ нѣтъ ни одного даннаго за то, что Пушкинъ въ эти три гурзуфскихъ недѣли встрѣчался и общался съ какими-либо не принадлежащими къ семьѣ Раевского юными дѣвами и молодыми женщинами. Въ біографіяхъ Пушкина, не столько на основаніи критически провѣренныхъ указаній, сколько по смутной традиціи, давно стало общимъ мѣстомъ говорить о любви Пушкина къ одной изъ Раевскихъ. Ихъ было четыре сестры—Екатерина, Елена, Софія и Марія, и ни одна изъ нихъ не ускользнула отъ любопытныхъ поисковъ Пушкинскихъ біографовъ и отъ зачисленія въ ряды вдохновительницъ любви и творчества поэта. Мы уже видѣли, каково было огорченіе и раздраженіе Пушкина при вѣсти о невольномъ разглашеніи исторіи происхожденія поэмы. И не только надо принимать во вниманіе обычную щепетильность поэта въ дѣлахъ интимныхъ, но еще надо и вспомнить его связи со всѣми членами семьи Раевскихъ, надо подумать о томъ, сколь дороги для него были общеніе и близость съ этой семьей; тогда мы поймемъ, съ какою заботливостью онъ долженъ былъ охранять отъ чужихъ взоровъ тайну своей любви къ сестрѣ того Николая Раевского, который и въ годы зрѣлости поэта былъ для него старшимъ, того Александра

Николаевича Раевского, который былъ „демономъ“ Пушкина. Да кромѣ того, „одной мыслию этой женщины Пушкинъ дорожилъ болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей публики“. Эти соображенія необходимо взять въ расчетъ при оцѣнкѣ еще одного идущаго отъ самого Пушкина извѣстія о происхожденіи поэмы, находящагося въ „Отрывкѣ изъ письма А. С. Пушкина къ Д.“. „Отрывокъ“ напечатанъ, конечно, съ вѣдома и согласія автора въ альманахѣ Дельвига „Сѣверные Цвѣты на 1826 годъ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1826 года¹. Пушкинъ досадовалъ на Бестужева и Булгарина за разглашеніе нѣсколькихъ строкъ его письма, которое въ связи съ извѣстными слухами могло открыть женщину, ему дорогую. Напечатанный Булгаринымъ отрывокъ могъ быть еще въ памяти. Несомнѣнно, Пушкинъ взвѣшивалъ все это, когда позволилъ Дельвигу напечатать слѣдующія строки: „Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes“ (стр. 105). Совершенно ясенъ тотъ смыслъ, который поэтъ влагалъ въ это извѣстіе для читателей, для знакомыхъ и друзей. Раньше по слухамъ и по публикаціи Булгарина мысль любопытнаго могла бы обратиться на одну изъ сестеръ Раевскихъ. Но теперь самъ Пушкинъ обозначилъ фамилію этой женщины неожиданной буквой К (а не Р), да, кромѣ того, прибавилъ, что рассказъ о Фонтанѣ онъ слышалъ раньше посѣщенія Бахчисарая или Крыма. Упомянемъ, что самое письмо къ Дельвигу писалось въ срединѣ декабря 1824 года въ Михайловскомъ. Сохранились два черновыхъ наброска, и въ обоихъ совершенно явственно стоятъ буква К, но за то изъ одного черновика и видно, что Пушкинъ, если не предназначалъ его для печати, то все же имѣлъ въ виду оглашеніе среди друзей.

¹ Стр. 101—106.

Кажется, ясно, что Пушкинъ, дѣлая новое признаніе о происхожденіи „Бахчисарайскаго Фонтана“, именно хотѣлъ устранить непріятныя для него толкованія прежняго признанія—и отдалить тотъ смыслъ, который находятъ въ цитатѣ изъ письма къ Дельвигу біографы и комментаторы. Извѣстны многообразныя ухищренія объяснить эту литеру К. Въ современныхъ изданіяхъ (не стоитъ дѣлать точныя ссылки!) и даже въ академическомъ ¹, безъ всякаго, хотя бы малѣйшаго, основанія и объясненія буква К просто приравнивается къ Еватеринѣ Николаевнѣ Раевской (съ 1821 года уже Орловой); кое гдѣ, впрочемъ, поясняется, что К начальная буква имени Катерина. Невозможная грубость именно такого упоминанія („Катерина поэтически описывала“ и т. д.) обходится ссылкой на то, что Пушкинъ, конечно, ставилъ тутъ уменьшительное имя ². Выходитъ такъ, что Пушкинъ, столь щекотливый въ дѣлахъ интимныхъ, Пушкинъ, раньше горько досадовавшій на разглашеніе интимнаго признанія, не содержавшаго намека на имя, теперь совершенно безцеремонно поставилъ первую букву имени женщины, мнѣніе которой—это извѣстно біографамъ—онъ такъ высоко ставилъ, и съ мужемъ которой былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Явная несуразность! Отрывокъ изъ письма къ Дельвигу о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ можетъ быть комментированъ только такъ, какъ мы указывали. Пушкинъ хотѣлъ отвести любопытствующихъ съ того пути, по которому можно было бы добраться до его вдохновительницы. Слѣдовательно, для разрѣшенія вопроса о ней отрывокъ не можетъ принести никакихъ данныхъ.

Гершензонъ, отмѣтивъ, что для отождествленія К. съ Е. Н. Орловой не имѣется въ сущности объективныхъ основаній, при-

¹ Пушкинъ—Акад. П., 346.

² Проф. Лобода предлагаетъ примѣрныя уменьшительныя имена Китти Катя (Пушкинъ—Венгеровъ, Ц, 107).

водитъ еще и доказательства невозможности отождествленія ¹. Не останавливаясь на нихъ, переходимъ къ разбору выставленнаго Гершензономъ предположенія о томъ, что этой элегической красавицей, въ которую Пушкинъ былъ влюбленъ безъ памяти, была его сѣверная любовь—княгиня М. А. Голицына. Гершензонъ совершенно не посчитался (даже не обмолвился о нихъ!) съ рядомъ поэтическихъ свидѣтельствъ о любви Пушкина, въ обстановкѣ Тавриды не только развивавшейся, но и зародившейся. Онъ оставилъ безъ вниманія важныя свѣдѣнія о тожествѣ лица, о которомъ поэтъ вспоминаетъ въ элегій „Рѣдѣтъ облаковъ“, съ той женщиной, изъ устъ которой Пушкинъ услышалъ легенду о Фонтанѣ. Разъ для Гершензона именно М. А. Голицына является повѣствовательницей этой легенды, то онъ неизбѣжно долженъ допустить пребываніе княгини М. А. Голицыной въ Крыму въ августѣ 1820 года, а главное признать, что она то и есть „юная дѣва“ элегій. Не знаемъ, была ли она въ Крыму въ это время, но достовѣрно знаемъ что 9 мая 1820 года она вышла замужъ.

¹ У Гершензона два доказательства. 1) Пушкинъ узналъ легенду о Фонтанѣ еще въ Петербургѣ, еще до посѣщенія Бахчисарая, а съ женской половиной семьи Раевскихъ онъ познакомился только на югѣ. Мы еще будемъ говорить объ отрывкѣ, на который ссылается Гершензонъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, а тутъ отмѣтимъ, что „если ничто не даетъ основаній думать, что П. въ Петербургѣ былъ вхожъ въ это семейство“, то съ другой стороны ничто не препятствуетъ держаться мнѣнія противоположнаго. 2) Несовмѣстимость въ характеристикѣ одного лица такихъ чертъ, какъ „Элегическая красота, bouche aimable et naive“ и . . . „славная баба, похожая на Марину Мнишекъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ (такъ называлъ Е. Н. Орлову Пушкинъ въ письмѣ къ Вяземскому въ 1826 году). Такое психологическое соображеніе на самомъ дѣлѣ ничего не доказываетъ: стоитъ напомнить, какъ Пушкинъ совмѣстилъ въ характеристикѣ одной и той же женщины „генія чистой красоты“ съ „вавилонской блудницей“. По истинѣ, у Пушкина было всеу свое время. Есть одно современное свидѣтельство о предметѣ страсти Пушкина, ускользнувшее отъ Гершензона. 23 февраля 1821 года А. И. Тургеневъ изъ Петербурга сообщалъ князю П. А. Вяземскому: „Михайло Орловъ женится на дочери генерала Раев-

Но Гершензонъ, пытаясь обосновать свое мнѣніе о томъ, что легенду о Фонтанѣ Пушкинъ услышалъ еще въ Петербургѣ, привлекаетъ къ дѣлу одинъ любопытный отрывокъ. „Важно и вполне несомнѣнно то, что о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ Пушкинъ впервые услышалъ въ Петербургѣ отъ женщины, побывавшей въ Египту. Объ этомъ съ ясностью свидѣтельствуетъ черновой набросокъ начала „Бахчисарайскаго Фонтана“

Давно, когда мнѣ въ первый разъ
 Любви повѣдали преданье,
 Я въ шумѣ радостномъ унылъ
 И на минуту позабылъ
 Роскошныхъ оргій ликованье.
 Но быстрой, быстрой чередой
 Тогда смѣнялись впечатлѣнья, и т. д.

Здѣсь такъ ясно обрисована петербургская жизнь Пушкина, что сомнѣній быть не можетъ“. Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ говоритъ, что К* поэтически описывала ему фонтанъ, называя его „la fontaine des larmes“, а въ самой поэмѣ онъ говоритъ объ этомъ:

Младья дѣвы въ той странѣ
 Преданье старины узнали,
 И мрачный памятникъ онѣ
 Фонтаномъ слезъ именовали“.

О возможности сослаться на письмо къ Дельвигу мы уже говорили. Интереснѣе указаніе Гершензона на отрывокъ, который

скаго, по которому въдычалъ Пушкинъ“ (Ост. Арх., т. II, стр. 168). Но это свидѣтельство въ сущности недостаточно для утвержденія, что предметомъ страсти была Е. Н. Раевская, ибо, во-первыхъ, Тургеневъ писалъ по слухамъ и, во-вторыхъ, имя дочери Раевского не было названо.

онъ считаетъ наброскомъ начала поэмы. Такъ какъ въ Пушкинской литературѣ онъ является, какъ увидимъ, въ нѣкоторой мѣрѣ загадочнымъ и въ послѣднее время заподозрѣна его ближайшая связь съ „Бахчисарайскимъ Фонтаномъ“, то мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ подробно. А пока теперь же согласимся съ Гершензономъ, что Пушкинъ слышалъ легенду о Фонтанѣ еще въ Петербургѣ; но, перечитывая отрывокъ, недоумѣваемъ, какъ можно отождествить это петербургское сообщеніе, оставленное безъ вниманія поэтомъ и оставшееся внѣ области поэтического зрѣнія Пушкина, не произведшее никакого впечатлѣнья на его душу, какъ можно отождествлять это сообщеніе съ тѣмъ рассказомъ, который передавали ему милыя и наивныя уста, который былъ зачарованъ звуками милого голоса и коснулся сокровенныхъ глубинъ творческой организациі поэта? Съ рѣшительностью можно утверждать, что въ этомъ отрывкѣ и въ свидѣтельствѣ письма къ Бестужеву о происхожденіи поэмъ имѣются въ виду обстоятельства совершенно различныя.

IX.

Исторія отрывка представляется въ слѣдующихъ чертахъ. Впервые онъ былъ напечатанъ Анненковымъ въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“¹. „Въ бумагахъ Пушкина—читаемъ у Анненкова—есть не изданное стихотвореніе, которое сперва назначено было служить вступленіемъ къ поэмѣ. Откинутое при окончательной переправкѣ и совсѣмъ забытое впослѣдствіи, оно подтверждаетъ свидѣтельство письма (къ Дельвигу) о происхожденіи поэмы.

Печаленъ будетъ мой рассказъ!

Давно, когда мнѣ въ первый разъ

¹ Отд. изд. Спб. 1873, стр. 98 и 99 и Пушкинъ—Анненковъ, I, 1855, стр. 104.

Любви повѣдали преданье,
 Я въ шумѣ радостномъ уныль—
 И на минуту позабылъ
 Роскошныхъ оргій ликованье.
 Но быстрой, быстрой чередой
 Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
 Веселье—тихою тоской,
 Печаль—восторгомъ упоенья.

Поэтическая передача разсказа должна была, какъ легко понять, упустить изъ вида дѣйствіе драмы и только сохранить тонъ и живость впечатлѣнія, которыми пораженъ былъ самъ поэтъ-слушатель“.

Въ 1903 году проф. Шляпкинъ напечаталъ текстъ этого отрывка по копіи въ тетради Пушкинскихъ произведеній, приготовленной для себя Анненковымъ ¹. Текстъ этотъ совершенно сходенъ съ напечатаннымъ; отличія только въ пунктуаціи. Въ копіи, по сообщенію Шляпкина, зачеркнуто заглавіе: „Эпилогъ“ (вступленіе).

Въ послѣднее время нашелся и оригиналъ этого отрывка въ Майковской коллекціи, хранящейся въ Академіи наукъ. Это листокъ на одной сторонѣ котораго находится бѣловой списокъ стиховъ изъ конца „Бахчисарайскаго Фонтана“ (нач. „Повинувъ сѣверъ наконецъ“, конч. „Сія надгробные столбы“ съ немногими поправками), а на другой—интересующій насъ отрывокъ ². Текстъ его—тоже бѣловой, не первоначальный, а заглавіе вѣрно передано въ копіи Анненкова: зачеркнуто „эпилогъ“ и написано „вступленье“.

¹ И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, Спб. 1903, стр. 66.

² См. Описаніе В. И. Срезневскаго въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“. Вып. IV, стр. 4.

Первоначальную, черновую редакцію этого отрывка находимъ въ черновой тетради № 2369 на оборотѣ 1 листа. По этой тетради напечаталъ его Якушкинъ въ своемъ Описаніи. Онъ „привелъ по возможности послѣднюю редакцію, далеко, конечно, не оконченную“:

Исполню я твое желанье
 Начну обѣщанный разговоръ
 Давно, когда мнѣ въ первый разъ
 Повѣдали сіе преданье,
 Тогда я грустью омрачился,
 Но не надолго юный умъ,
 Забывъ веселыхъ оргій шумъ,
 Въ унынье, въ думы углубился.
 Какую быстрой чередой
 Тогда смѣнялись впечатлѣнья,
 Восторги—тихою тоской,
 Печаль—порывомъ упоенья...

„Далѣе—сообщаетъ Якушкинъ—идутъ еще нѣсколько строкъ, представляющихъ варианты того же:

Мнѣ стало грустно; (рѣзвый) умъ
 Минутной думой омрачился,
 Но скоро пылкихъ оргій шумъ...

и еще:

Мнѣ стало грустно; на мгновенье
 Забылъ я [пылкихъ] оргій шумъ...

„Вслѣдъ затѣмъ вырвано не менѣе 18 листовъ ¹.

Текстъ, напечатанный Якушкинымъ, перепечатывался **всѣми**

¹ „Русск. Старина“, 1884, июнь, 551.

позднѣйшими издателями, обыкновенно, въ примѣчаніяхъ къ „Бахчисарайскому Фонтану“. Никто не входилъ въ ближайшее разсмотрѣніе отрывка, но и не отрицалъ связи его съ поэмой.

Впервые Лернеръ выразилъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли онъ имѣетъ какое-либо отношеніе къ поэмѣ; считая установленную Анненковымъ связь отрывка съ поэмой лишь предположеніемъ изслѣдователя, Лернеръ отвѣтилъ отрицательно на этотъ вопросъ. Такъ вышелъ онъ изъ того затрудненія, въ которое ставила его необходимость признать указанное Гершензономъ петербургское происхожденіе вдохновившаго Пушкина разсказа. „Изъ того, что эти стихи находятся на одномъ листкѣ съ отрывками поэмы“—говоритъ Лернеръ,—„Анненковъ сдѣлалъ выводъ, что они должны были служить вступленіемъ (или эпилогомъ) къ „Бахчисарайскому Фонтану“. Между тѣмъ, слова Пушкина: „Я прежде слыхалъ и т. д.“ не даютъ намъ никакихъ существенныхъ подробностей, и нѣтъ рѣшительно ни малѣйшихъ основаній связывать поэтическій разсказъ К** о памятникѣ съ тѣмъ „преданьемъ любви“, о которомъ такъ неясно и глухо говорится въ предполагаемомъ вступленіи; послѣднее, быть можетъ, имѣло свое особое значеніе, нынѣ едва ли и могущее быть выясненнымъ. Въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ разсказано „любви преданье“, но нѣтъ основаній категорически утверждать, что именно объ этомъ преданіи говорится въ приведенныхъ стихахъ. Но предположеніе Анненкова, какъ и многія догадки этого талантливаго біографа, никогда никѣмъ не было подвергнуто сомнѣнію... Гершензонъ счелъ неизбежно установленнымъ и неопровержимымъ то, что можно разсматривать лишь какъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе Анненкова“¹.

Такъ какъ „никто и никогда“ и т. д., то Лернеръ, наконецъ, подвергъ сомнѣнію утвержденіе Анненкова. Критицизмъ похваленъ

¹ Пушкинъ—Венгеровъ, II, стр. 617.

и необходимъ. Отчего не критиковать и Анненкова, не надо дѣлать это съ большой осторожностью, — и каждый занимающійся Пушкинымъ долженъ помнить, что Анненковъ зналъ о Пушкинѣ многое, чего онъ не огласилъ и чего мы не знаемъ; что онъ имѣлъ передъ своими глазами такія рукописи и бумаги Пушкина, которыхъ у насъ нѣтъ и которыхъ мы не можемъ донскаться. Ученое, академическое изученіе Пушкина въ будущемъ произведетъ, конечно, точное выясненіе, какими именно источниками располагалъ Анненковъ. Слабыя мѣста работъ Анненкова—его сужденія и оцѣнки событій и дѣйствій Пушкина, и къ нимъ всегда должно относиться критически, имѣя въ виду, что эти сужденія проходили сквозь призму его моральнаго сознанія. Опровергать же его фактическія данныя можно только съ доказательствами въ рукахъ. Въ данномъ случаѣ Лернеръ какъ разъ проявилъ критицизмъ рѣшительно безъ всякихъ основаній. На самомъ дѣлѣ, почему онъ, напримѣръ, думаетъ, что Анненковъ счелъ этотъ отрывокъ принадлежащимъ къ поэмѣ только потому, что на другой сторонѣ листа оказались стихи изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“? Предположеніе Лернера является совершенно ненужнымъ, лишнимъ, такимъ, какового мы не имѣемъ права учинять, не зная существующей, но недоступной рукописи, не продѣлавъ работы по изученію черновыхъ. *Непрелътное обращеніе къ рукописямъ—это для пушкиновѣднїя вопросъ метода изученія, и на немъ надо настаивать съ особой силой: иначе изученіе жизни и творчества Пушкина не станетъ научнымъ, работа не станетъ планомѣрной и останется въ предѣлахъ любительскаго любопытства.*

Въ какой мѣрѣ указанное предположеніе Лернера дѣйствительно оказывается излишнимъ, покажетъ изученіе чернового текста, который мы привели выше въ транскрипціи Якушкина.

Онъ находится, какъ сказано, въ тетради № 2369. На вну-

тренней сторонѣ передней доски переплета этой тетради съ рощерками, завитушками написано „27 мая 1822 Кишиневъ Pouschkin, Alexeef, Пушкинъ“. [Намъ представляется правдоподобнымъ принять это число, какъ дату дня, въ который была заведена эта тетрадь для черновыхъ записей Пушкина]. На лицевой сторонѣ 1-го листа довольно тщательно въ два столбца переписанъ „Отрывокъ“ (Ты сердцу непонятный мракъ)¹, а на оставшемся свободнымъ мѣстечкѣ въ концѣ второго столбца уписаны стихи 1—8 стихотворенія „Иностранкѣ“. На оборотѣ этого 1-го листа находится интересующій насъ отрывокъ и конецъ стиховъ „Иностранкѣ“. Давать исчерпывающую транскрипцію всего написаннаго на 1-ой страницѣ не входитъ въ нашу задачу; для нашей цѣли вполне достаточно точнаго ея описанія. Страница эта сильно исчеркана. Съ самаго верха, послѣ тщательно зачеркнутаго заглавія, идетъ основной текстъ, состоящій изъ 12 стиховъ съ немалочисленными поправками и уже приведенный нами въ транскрипціи Якушкина. За этими стихами обычный пушкинскій заключительный знакъ:

Послѣ черты съ правой стороны страницы идутъ перечеркнутые стихи, представляющіе развитіе той же темы и тоже приведенные нами. А слѣва, въ тѣсной близости къ этимъ стихамъ

¹ „Отрывокъ“ здѣсь въ тетради № 2369 представляетъ текстъ бѣловой по сравненію съ тѣмъ черновикомъ, что находится въ тетради № 2366, листы 14—15. Именно по тетради № 2369 напечатанъ „Отрывокъ“ въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 168). Любопытно отмѣтить, что издатели просмотрѣли редакцію тетради № 2369, и потому, зная только черновой текстъ 2366-ой тетради, не находили его, конечно, тождественнымъ съ текстомъ посмертнаго изданія, печатавшаго стихотвореніе по бѣловому тексту, и строго критиковали редакторовъ посмертнаго изданія: Анненковъ укорялъ ихъ за то, что они выдумали заглавіе „Отрывокъ“ (имѣющееся въ бѣловомъ текстѣ; см. Пушкинъ—Анненковъ, II, стр. 337); Майковъ писалъ, что въ посмертномъ изданіи редакція „сообщена не вполне согласно съ музейной рукописью и притомъ съ вѣко-

Пушкинъ набросалъ программу „Бахчисарайскаго Фонтана“. Этой программы Якушкинъ не замѣтилъ или не отмѣтилъ, и она по сіе время остается неизвѣстной изслѣдователямъ. Программа набросана въ шести строчкахъ. Всѣ онѣ зачеркнуты, кромѣ послѣдней, 6-ой; 2-ой и 3-ей я не могъ разобрать. Вотъ онѣ:

[Гаремъ]

[.....]

[.....]

[Монахъ. Зарема и Марія]

• [Ревность. Смерть М. и З.]

Бахчисарай Р.

Въ послѣдней строкѣ букву Р можно принять и за Ф. (Фобу, наискось написанъ стихъ

Улыбка усть, улыбка взоровъ.

Есть еще рисунки: одинъ, полустертый, трудно разобрать; остальные три—женскія ножки въ стременахъ.

Но, читая эту программу „Бахчисарайскаго Фонтана“, находящуюся на одной страницѣ съ отрывкомъ, въ непосредственномъ соединеніи съ нимъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что отрывокъ этотъ принадлежитъ, конечно, къ составу поэмы. Слѣдовательно, и утвержденіе Анненкова—не личное его предположеніе, и сомнѣнія Лернера является досадно излишними.

Основной текстъ не имѣетъ такого вида, какой приданъ ему транскрипціей Якушкина. Въ немъ много зачеркнутыхъ словъ, поправокъ и вставокъ. Якушкинъ стремился дать текстъ уже

торыми измѣненіями, очевидно посторонней руки“ (Майковъ, Матеріалы, 147); Морозовъ вслѣдъ за Майковымъ находилъ въ текстѣ „перемѣны, которыя, можетъ быть, и не принадлежатъ Пушкину“ (Пушк.—Морозовъ—Просвѣщеніе I, 622) А между тѣмъ, всѣ эти догадки вызваны простымъ недосмотромъ!

выправленный, но все таки онъ не ввелъ всѣхъ поправокъ въ текстъ. Намъ кажется, что для многихъ отрывковъ, для стихотвореній, которыя Пушкинъ начиналъ исправлять, но не выдавалъ въ свѣтъ, слѣдовало бы принять иной методъ изданія, болѣе пригодный для цѣлей научныхъ. Надо было бы воспроизводить не такъ называемый окончательный текстъ, а наоборотъ—тотъ первоначальный, который былъ до начала исправленій, и къ этому первоначальному тексту давать поправки автора. При такомъ методѣ изданія легче слѣдить за работой поэта, да, кромѣ того, мы избавляемся отъ укора въ томъ, что сообщаемъ стихотвореніе въ такомъ видѣ, въ какомъ его не видалъ никогда авторъ, ибо мы въ большинствѣ случаевъ не имѣемъ возможности о такихъ брошенныхъ Пушкинымъ отрывкахъ сказать, закончилъ ли онъ свои исправленія или бросилъ ихъ на полдорогѣ. Конечно, иногда такое возстановленіе текста, въ особенности изъ-подъ зачеркивающихъ линій, бываетъ технически затруднительнымъ и даже невозможнымъ. Данный отрывокъ не трудно возстановить; но не легко было уловить подъ густой краской чернилъ заглавіе отрывка; однако, все-таки удалось разоблачить и тайну зачеркнутого заглавія; оно оказалось таково:

Н. Н. Р.

—литеры, хорошо знакомыя и сопровождающія не одно произведеніе Пушкина; онѣ означаютъ, конечно: „Николаю Николаевичу Раевскому“. А самый текстъ до того, какъ Пушкинъ началъ его править, читался такъ:

Н. Н. Р.

Исполню я твое желанье,
Начну обѣщанный разказъ.

Давно печальное преданье
Повѣдали мнѣ въ первый разъ
Тогда я въ думы углубился;
Но не надолго рѣзвый умъ
Забывъ веселыхъ оргій шумъ
Невольной грустью омрачился.—
Какою быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья:
Веселье—тихою тоской,
Печаль—восторгомъ наслажденья!

Отмѣтимъ и одинъ вариантъ. Стихи 3—4 не сразу приняли ту редакцію, въ которой они напечатаны Якушкинымъ; они испытали еще и такую промежуточную редакцію:

Давно печальное преданье
Ты мнѣ повѣдалъ въ первый разъ.

Этотъ вариантъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, отъ кого поэтъ услышалъ, еще будучи въ Петербургѣ, легенду о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ. Конечно, отъ Николая Николаевича Раевского. Обнаруживающійся теперь фактъ—намѣреніе Пушкина посвятить ему и вторую свою южную поэму—лишній разъ подтверждаетъ то великое значеніе, какое имѣлъ этотъ замѣчательный человекъ въ жизни и творествѣ Пушкина.

Итакъ, намъ теперь совершенно ясно фактическое указаніе, заключающееся въ отрывкѣ, и, слѣдовательно, теряетъ всякое фактическое основаніе выставленное Гершензономъ предположеніе о томъ, что ту версію легенды, которая вызвала появленіе самой поэмы, слышалъ Пушкинъ въ Петербургѣ отъ М. А. Голицыной (тогда еще княжны Суворовой). Но свидѣтельство отрывка опять

приводить насъ въ семью Раевскихъ. Легенда, рассказанная Н. Н. Раевскимъ Пушкину, конечно, была извѣстна всей семьѣ Раевскихъ и, слѣдовательно, всѣмъ сестрамъ. О нихъ, разумѣется, вспоминаетъ Пушкинъ:

„Младья дѣвы въ той странѣ
 Преданье старины узнали,
 И мрачный памятникъ онѣ
 Фонтаномъ слезъ именовали“.

Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ какъ разъ и приводитъ это названіе по французски: „la fontaine des larmes“.

Какое же мѣсто занималъ этотъ отрывокъ въ поэмѣ Пушкина? Въ той редакціи, въ какой онъ намъ нынѣ извѣстенъ, онъ долженъ былъ начинать поэму. „Начну обѣщанный рассказ“, „Печалень будетъ мой рассказъ“—эти выраженія указываютъ на вступленіе. Въ теперешнемъ видѣ отрывокъ явно не законченъ. Ходъ мысли поэта можно возстановить приблизительно такъ: легенда о Фонтанѣ, услышанная имъ среди свѣтскаго шума, оставила въ поэтѣ лишь мимолетное впечатлѣніе и не дала возбужденія его поэтическому воображенію.—Объ этомъ говорятъ извѣстные намъ стихи, а дальше Пушкинъ долженъ былъ бы продолжать: нужно было притти иному времени и нужны были иныя возбужденія, чтобы заставить работать его поэтическую фантазію.

Гдѣ же искать продолженія отрывка? Вспомнимъ, что въ рукописи, хранящейся въ Майковской коллекціи, отрывокъ писанъ на одной сторонѣ листка, а на другой идутъ стихи поэмы (ст. 505—525): начинается

Покинувъ сѣверъ наконецъ
 Пиры надолго забывая,

Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ

и такъ далѣе; послѣдній стихъ, записанный на этой страницѣ

Сіи надгробные столбы

не имѣеть рифмы. Слѣдовательно, продолженіе слѣдовало на другихъ, пока неизвѣстныхъ намъ, листкахъ.

Однихъ внѣшнихъ данныхъ достаточно для того, чтобы считать лицевой стороною листка ту, на которой набросанъ отрывокъ, а оборотной, продолжающей текстъ,—ту, на которой—стихи изъ конца поэмы. Но если мы вникнемъ въ содержаніе стиховъ и той, и другой страницъ, то станетъ совершенно очевидно, что стихи, находящіеся нынѣ въ составѣ поэмы, развиваютъ безъ всякаго логическаго перерыва мысль отрывка, и являются непосредственнымъ его продолженіемъ. Съ другой стороны, если мы посмотримъ на то, въ какомъ логическомъ отношеніи стоитъ та часть поэмы, которая начинается стихомъ 505-мъ: „Покинувъ сѣверъ наконецъ“, къ той части, что находится непосредственно передъ этимъ стихомъ, мы сразу констатируемъ непослѣдовательность и отсутствіе какой-либо связи. Предшествующіе 505-му стихи, несомнѣнно, представляютъ окончаніе пѣлаго—части или главы. Но въ такомъ случаѣ передъ нами стоитъ уже новый вопросъ, чѣмъ былъ въ поэмѣ этотъ кусокъ, начинающійся словами: „Печалень будетъ мой рассказъ“ и включающій часть поэмы со стиха „Покинувъ сѣверъ наконецъ“? По первоначальному замыслу поэта, весь этотъ кусокъ былъ эпилогомъ поэмы. И въ этомъ листкѣ мы находимъ зачеркнутое названіе „Эпилогъ“, а соотвѣтственно сему и первый стихъ первоначально читался такъ:

„Печалень вѣрный мой рассказъ“.

Затѣмъ поэтъ рѣшилъ этимъ отрывкомъ начать поэму, зачеркнувъ слово эпилогъ и вмѣсто него написалъ вступленіе, а вмѣсто „вѣрный“ поставилъ слово „будеть“.

Гдѣ же должно было по новому плану поэта окончиться вступленіе, рѣшить невозможно. Во всякомъ случаѣ, за послѣднимъ стихомъ листка изъ Майковской коллекціи текстъ, надо думать, продолжался тождественно печатному, ибо тѣмъ (525-мъ) стихомъ еще не завершилось фактическое описаніе посѣщенія Бахчисарайскаго дворца. Заключивъ описаніе стихами:

Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось...

поэтъ возвращается къ прерванной личной темѣ вступленія (или эпилога). Были оргіи, были пиры, когда въ первый разъ поэтъ услышалъ преданье любви...; теперь все забыто, теперь иная жизнь, иныя возбужденія. Не размышленіями о погибшемъ величій хановъ было полно сердце:

Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью;
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Послѣ этого стиха въ первомъ изданіи поэмы 1824 года шла строка тире и точекъ; а въ изданіяхъ 1827 и 1830 года былъ оставленъ пробѣлъ. Всѣми этими внѣшними знаками поэтъ имѣлъ въ виду указать нѣкій пропускъ. Вѣроятно, и здѣсь былъ тотъ любовный бредъ, который Пушкинъ съ сожалѣніемъ, но все же выбросилъ, отправляя поэму въ печать.

Эта дѣва, мелькавшая по дворцу летучей тѣнью передъ поэтомъ, сердце котораго не могла тронуть въ то время и старина Бахчисарая,—образъ реальный и не мечтательный. Она была тутъ во дворцѣ въ одинъ часъ съ поэтомъ, и сердце его было полно ею.

Послѣ пробѣла, указаннаго тире и точками, въ извѣстномъ намъ текстѣ слѣдуетъ вопросъ, которому (онъ не совсѣмъ ясенъ для насъ) какъ будто назначено отклонить мысль читателя отъ реальныхъ образовъ и ввести его въ міръ фантастическій.

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
 Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдовалъ меня
 Неотразимый, неизбѣжный?
 Маріи ль чистая душа
 Явилась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностью дыша
 Средь опустѣлаго гарема.
 Я помню столь же милый взглядъ
 И красоту еще земную....

Дальше въ изданіяхъ поэмы, выпедшихъ при жизни поэта, опять слѣдовали внѣшніе знаки (въ изд. 1824 года полторы строки тире и точекъ, а въ изданіи 1827 и 1830 годовъ пробѣлъ), обозначавшіе пропускъ „любовнаго бреда“. Этотъ пропускъ восстановленъ только Анненковымъ по рукописи, которая намъ уже неизвѣстна:

549 Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
 550 Объ ней въ изгнаніи тоскую....
 Безумецъ! полно, перестань,
 Не растравляй тоски напрасной!

Мятежнымъ снамъ любви несчастной
 Заплачена тобою дань —
 555 Опомнись! долго ль, узникъ томный,
 Тебѣ оковы лобызать,
 И въ свѣтѣ лирою нескромной
 558 Свое безумство разглашать? ¹

Рукопись, по которой Анненковъ напечаталъ эти стихи, мы не рѣшаемся отождествить съ текстомъ на об. 3 листа въ тетради № 2369, нѣсколько расходящимся съ чтеніемъ Анненкова. ²

X.

Остановимся на черновыхъ наброскахъ „Бахчисарайскаго Фонтана“, сохранившихся въ тетради № 2366. Какъ это ни странно, но до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь, ни одинъ издатель не обратилъ на нихъ своего вниманія. Эти черновики пренебрежены

¹ Пушкинъ—Анненковъ, томъ VII, стр. 68. Анненковъ замѣчаетъ: Последніе два стиха („И въ свѣтѣ“ и т. д.) имѣютъ соотношеніе съ тремя стихами элегіи 1820 г. „Рѣдѣетъ облаковъ летучая града“, опубликованіемъ которыхъ Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, весьма недоволенъ“. Это указаніе Анненкова не вѣрно фактически (рукопись „Фонтана“ была отослана Вяземскому для печати въ началѣ ноября 1823 года, а разглашеніе элегіи имѣло мѣсто въ январѣ 1824), но свидѣтельствуетъ о томъ, что Анненкову были извѣстны всѣ фактическія обстоятельства, въ средѣ которыхъ возникла поэма. Разглашеніе же безумства, конечно, общее мѣсто: всякое стихотвореніе, навѣянное любовью, есть уже и ея разглашеніе.

² На 3 об. № 2369 читается конецъ поэмы: стихи 546—578. Привожу всѣ первоначальныя чтенія, здѣсь же исправленныя, и исправленія, которыхъ мы не находимъ въ печатномъ текстѣ.

- 550 [Ее зову] объ ней въ изгнаніи тоскую
 551 [Мятежъ]—[Ужели] [Безумецъ] [Ужели]! полно! перестань
 552 [Не разтравляй] Не оживляй тоски напрасной
 553 [Любви] [слѣпой] [пустой] Мятежнымъ снамъ любви несчастной
 561 [0] Я скоро [лъ] васъ увижу вновь
 568 Все [живо тамъ] [тѣ же вы] живо тамъ: холмы, лѣса
 571 И [волнь] струй и тополей прохлада
 572 Все [взоры] чувства путника [влечеть] [манить] живить

до такой степени, что рѣшительно нигдѣ не найти указанія, ка-
кимъ же стихамъ поэмы они соотвѣтствуютъ. А изученіе ихъ,
между тѣмъ, могло бы сохранить энергію изслѣдователей, избавивъ
ихъ отъ многихъ излишнихъ разсужденій. Въ нихъ мы найдемъ
подтвержденіе нашимъ наблюденіямъ надъ связью интересующаго
насъ отрывка съ поэмой и даже отроемъ нѣсколько стиховъ того
„любовнаго бреда“, который Пушкинъ такъ ревностно вытравлялъ
изъ поэмы, отсылая ее въ печать. Эти черновики дадутъ намъ
нѣкоторый достовѣрный матеріалъ для характеристики чувства
поэта къ той, которая вдохновила его на созданіе самой поэмы.

Черновики поэмы занимаютъ въ тетради № 2366 листы
20—29, но видно, что не мало листовъ было вырвано, а именно
между 21 и 22, между 22 и 23, между 23 и 24, между 27 и 28
листами ¹.

На листахъ 20 и 21 находятся черновыя къ стихамъ: 31—
42; 43—58; 59—65, 80—86; 68—79. Тутъ листы вырваны, и
дальше идутъ стихи 166—180 и опять листы вырваны. На листѣ
23 ₁ и ₂ находимъ развитіе темы „положеніе Маріи въ гаремѣ хана“
приблизительно въ рамкахъ стиховъ 211—232: точнаго соотвѣт-
ствія печатному тексту нѣтъ. Затѣмъ вновь пропускъ, и съ обо-
рота 24 листа идутъ черновики къ послѣдней части поэмы; ханъ,
возвратясь съ набѣга, воздвигнулъ фонтанъ и т. д. (ст. 482 и
слѣд.). На об. 24 листа—перечеркнутые наброски къ стихамъ
485—494, на л. 25₁ продолженіе 495—504. Стиховъ 499—500,

575 Привычный конь его [несетъ] бѣжить

576 [И волнь лазоревая] [когда лазоревая] И зеленѣющая влага

577 [Предъ нимъ] и блещеть [зеленѣеть] сверкаетъ и [бѣжить] шумить.

Изъ указанныхъ разночтеній любопытно измѣненіе вопроса (О скоро ль
васъ увижу) на утвержденіе (Я скоро васъ увижу).

¹ Якушкинъ, Описаніе, май, 333.

содержащихъ сравненіе слезъ фонтана со слезами матери, нѣтъ. Послѣ 504 стиха:

И мрачный памятникъ онѣ

Фонтаномъ слезъ [уже] [его] его назвали

пушкинскій заключительный знакъ. Тутъ, очевидно, и въ этой первоначальной редакціи заканчивалась чисто повѣствовательная, историческая часть поэмы¹. Что же слѣдовало дальше? На об. 25 листа находимъ новую редакцію стиховъ 482—492, уже набросанныхъ, какъ мы видѣли, на об. 24 листа, а на л. 26 Пушкинъ продолжалъ поэму. Сообщивъ на л. 25, что преданье старины узнали младыя дѣвы, поэтъ въ послѣдующемъ хотѣлъ сказать, какъ дошло до него это преданье. На л. 26₁ читаемъ слѣдующія *зачеркнутыя* строки и слова—

Когда онѣ повѣдали

Я видѣлъ памятникъ печальной

давно минувшее преданье Ког рассказали мнѣ

давно Когда мнѣ повѣдали

плачевное

Мнѣ стало грустно умъ

сердцемъ

Я тогда я—*приунылъ*

И на минуту позабылъ

безумныхъ пировъ и дружбы орѣи ликованье.

Незачеркнуты въ этомъ наброскѣ только слова, набранныя курсивомъ. Среди этихъ вариантовъ обращаетъ вниманіе:— „онѣ (т. е. младыя дѣвы) повѣдали, рассказали преданье“. Но тутъ же

¹ Послѣ этого заключительнаго знака на этой страницѣ записаны отдѣльные стихи въ предыдущему: между прочимъ. 463—469. 486—487.

Пушкинъ даетъ набросокъ въ исправленной версіи и отчасти съ новымъ содержаніемъ:

Мой другъ я кончилъ свой рассказъ (1)
 Онъ конченъ вѣрный мой рассказъ (2)
 Исполнилъ я [твое] друзей желанье
 [Ты мнѣ повѣдалъ] давно я слышалъ въ I разъ
 Сіе печальное преданье.

Мы видимъ, что именно эту версію, предназначенную сначала для эпилога, Пушкинъ развивалъ въ отрывкѣ, получившемъ впоследствии значеніе вступленія¹. Здѣсь въ тетради 2366 не получилъ развитія намекъ на обстоятельства шумной петербургской жизни, и поэтъ продолжалъ на об. 26 листа:

Но бросивъ наконецъ
 Надолго сѣверъ покидая
 Я посѣтилъ Бахчисарая
 [Забытый славою]
 [забвенью преданный]
 Въ забвеньи дремлющій дворець
 Въ забвеньи [тлѣющій] дворець.

Черновикъ на листѣ 26₂ захватываетъ ст. 505—515, а листъ 27₁—ст. 516—526, наконецъ, и листъ 27 об.—ст. 527—530. Стихи 531—532 набросаны дважды. Въ первый разъ—

Но [нрзб.]— не тѣмъ
 въ то время сердце полно было....

¹ Я не даю полной транскрипціи, не нужной для цѣлей нашего изслѣдованія. Отмѣчу, что на л. 26₁ находится и эпиграмма „Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ“. Повидимому, она писана въ одно время со стихами поэмы.

[Я вокруг себя смотрѣлъ] [бродилъ уныло]
 а второй разъ въ такомъ видѣ—

[Все измѣнилось] [Но н
 [Въ то]

я думалъ о другомъ

[Другія] [занимали]

Иныя думы волновали

[Лишь мнѣ извѣстныя] мечты

[Меня глубоко занимали—].

Такимъ образомъ, стихи 531—532 получали развитіе, слѣдовъ котораго печатный текстъ не сохранилъ, но, къ сожалѣнію, черновая рукопись не сохранила продолженія, ибо какъ разъ слѣдующій за 27-ымъ листъ вырванъ. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуесть оставшійся у корешка тетради кусочекъ листа. Тутъ, очевидно, шель „любовный бредъ“; идущій за клочкомъ оборваннаго листа нынѣшній 28-ой листъ сохранилъ его продолженіе въ слѣдующемъ видѣ. Даемъ полную транскрипцію

л. 28₁

Или—но кто пойметъ меня
 [Надеж (?)] Печали [Мечтанья] желанья
 [страданья].

И безнадежныя страданья

[плѣнительный]

[Или таинственный] предметъ

[Или] [Но] [полно]—ихъ ужъ нѣтъ

Во глубинѣ души остылой

[иль нрзб. нрзб. нрзб.]

[любви] [унылой]

Иль только сладостный предметъ

Любви таинственной унылой—

[нрзб.] Тогда... но полно! вась ужъ

[нрзб.] Мечты [нрзб.] [безумный]

[Мечты безумн] [юныхъ]

[нрзб.]

Во глубинѣ души остылой

[Не тлѣеть вашъ] [безумный]

[слѣдъ]

л. 28 об.

Мечтатель! полно! перестань

[Забудь] [Забыть] [мужъ] напрасной

[Пора] [Тебя никто не понимаетъ]

Не пробуждай тоски

[Забу]

[Иль мало ты]

[мечтамъ] [тоскѣ]

[Принесъ] [любви] [пр] [о]

[Слѣпой] [любви], [т] несчастной

[Платиль безумства] [дань]

[безумныхъ] — [мечтѣ] [безумной] любви

[слезъ]

Заплачена тобою дань

слѣпой

[Тебя никто не понимаетъ]

[доволенъ будь]—

рабъ послушный

[нрзб.] поэту

[малодушной]

Опомнись!—долго д[и]вь [въ упоен]
 [въ уныньи] [Неволи]
 Тебѣ цѣпь лобзать
 [въ свѣтѣ] съ [музою]
 [И въ мірѣ] [И] [лирой] [послушной]--
 [въ уныньѣ робкомъ]
 [по свѣ] въ свѣтѣ
 И [Своей стыдъ] лирою по свѣту
 [праздной]

[лирою]

Свое безумство разглашать
 [Тебя никто] не понимаетъ —
 два сердца въ мірѣ можетъ быть

л. 29,

Кому понятн[ѣ]и буд[е]уть

Забудь

[Или] мучительный предмѣтъ
 [Любви отверженной и вѣчной]
 [Невозвратимыхъ заблужденій]

[Забудь] [Чего ты жаждешь —] [наслажденій]

[Забудь] [прзб.]

[Чего ты] [Забудь] — раннихъ
 [И слабость (?)] [отроческихъ] лѣтъ
 Ты возмужаль среди испытаній

[Забудь] Заглядь(?) проступки раннихъ лѣтъ

2) Забудь мучительный предмѣтъ
 [вспоминаній (?)]

1) Постыдныхъ слезъ, [нѣмыхъ желаній]

[Уединен]

[Уединенныхъ] И безотрадныхъ ожиданій.

На этомъ 29₁ листѣ кончаются черновики поэмы, на об. 29 л. написано только одно слово „Теперь“, на л. 30 набросано загадочное французское письмо къ неизвѣстной намъ женщинѣ, любовнаго содержания, напечатанное въ 1-мъ томѣ „Переписки“ подъ № 43.

Эти незаконченные и неотдѣланные наброски даютъ намъ нѣсколько фактическихъ указаній о любви Пушкина. Предметъ ея—мучительный, таинственный. Самое чувство—любовь унылая, таинственная съ безнадежными страданіями. Она вызывала въ поэтѣ постыдныя слезы, нѣмыя желанія; ей сопутствовали уединенныя и безотрадныя ожиданія. Чувство поэта осталось не раздѣленнымъ, не нашло отвѣта, но все же у поэта нашлись эпитеты для этой любви—„любви отверженной и *вѣчной*“. И несмотря на то, что чувство поэта оказалось отверженнымъ, онъ все вѣрить, что если кто и можетъ понять его и его безнадежныя страданья, такъ это только одно сердце, бьющееся въ груди мучительнаго „предмета“.

Въ этихъ перечеркнутыхъ строчкахъ можно уловить двѣ темы: 1) увѣщаніе къ самому себѣ прекратить безумства страсти и не растревлять старой тоски: поэтъ старается увѣрить себя, что его чувство прошло и душа уже остыла; 2) кто пойметъ страданья поэта? Его никто не понимаетъ, и только два сердца поймутъ эти страданья (два сердца—его и ея²⁾). Первая тема обработана, какъ мы видѣли, на л. 3 об. тетради 2369 и появилась въ поэмѣ въ ст. 551—558. Но эти стихи самимъ Пушкинымъ

• П. ~~.....~~—о Пушкинѣ

не печатались и впервые сообщены Анненковымъ ¹. Вторая же тема нашла развитіе въ отвѣтъ поэта на вопросъ книгопродавца въ „Разговорѣ“: ужели ни одна не стоитъ ни вдохновенья, ни страстей поэта? (ст. 137—175) ². „Я всёмъ чужой.... Слова мои поймаешь одно сердце“.... отвѣчаетъ поэтъ и вспоминаетъ свою нераздѣленную любовь—тяжкій сердца стонъ—и ту, кто отвергла заклинанья, мольбы и тоску его души. Несомнѣнно, это—та самая отверженная и вѣчная любовь, о которой мы читаемъ въ наброскахъ „Фонтана“. Стихи изъ „Разговора“ обыкновенно цитируются, когда говорятъ объ исключительной любви Пушкина:

156 Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?

Одна была—предъ ней одной

Дышала я чистымъ упоеньемъ

Любви поэзіи святой.

Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,

Гдѣ льются вѣчныя струи,

Я находилъ огонь небесный

Старая жаждою любви ³.

¹ Обычно эти 551—558 стихи поэмы сопоставляются со стихами 125—128 „Разговора книгопродавца съ поэтомъ“. Такое сопоставленіе законно, если оно нейдетъ дальше указанія чисто внѣшняго сходства, ибо сходное по формѣ обращеніе къ лирѣ, разглашающей безумства любви, дѣлается въ томъ и другомъ случаѣ при обстоятельствахъ, далеко не сходныхъ.

² „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ находится въ тетради 2369 л. 13 об.—17, и подъ послѣднимъ стихомъ имѣетъ помѣтку 25 сент. 1824 года. Чернила этой рукописи указываютъ на разновременность внесенія въ тетрадь текста и поправокъ. 4 декабря 1824 года поэтъ писалъ брату: „нельзя ли еще подъ разговоромъ поставить число 1823 годъ?“ Эти слова позволяютъ сдѣлать заключеніе, что „Разговоръ“ былъ написанъ въ 1823 году, а дата въ тетради означаетъ не моментъ созданія, а только моментъ внесенія его въ тетрадь. Отмѣтимъ также и то, что въ тетради это стихотвореніе отнюдь не носитъ тѣхъ внѣшнихъ указаній, которыя въ Пушкинскихъ рукописяхъ позволяютъ утверждать, что произведеніе вписывалось въ тетрадь въ моменты, соответствующіе его возникновенію, а не позже.

³ Въ черновой нѣсколько иначе (№ 2369 л. 16):

Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?

Итакъ предъ нами слѣдующіе достовѣрные выводы. Легенда о Бахчисарайскомъ фонтанѣ была хорошо извѣстна членамъ семьи Раевскихъ. Разказъ о немъ Пушкинъ впервые услышалъ, еще будучи въ Петербургѣ, отъ Н. Н. Раевского, и тогда этотъ разказъ не оставилъ впечатлѣнія. Мы знаемъ, что Пушкинъ собирался посвятить свою поэму Н. Н. Раевскому, но не исполнилъ своего намѣренія. Не потому ли, что не разказъ Раевского далъ краски поэмѣ, установилъ тонъ чувства? ¹. Разказывали старинное преданье и младыя дѣвѣ, и въ устахъ одной изъ нихъ легенда привела въ необыкновенное возбужденіе поэтической даръ поэта, и, перелагая въ стихи ея повѣсть, поэтъ создалъ поэму и излилъ въ ней свое сердце, полное любви къ этой „младой дѣвѣ“, отринувшей тѣмъ не менѣе всѣ мольбы поэта. Но какая же изъ четырехъ сестеръ возбудила столь сильное и мучительное чувство и наполнила его умъ неизъяснимымъ волненіемъ?

XI.

Два современника Пушкина, оба его хорошіе знакомые, назвали намъ имя той Раевской, которой былъ писанъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Кажется, оба эти свидѣтельства не обратили вни-

Объятый грустнымъ упоеньемъ
 Съ неизъяснимою тоской
 Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ чудесный
 Гдѣ льются вѣчныя струи
 Я находилъ языкъ небесный.
 Одна была... предъ ней одной

¹ Впоследствии одно изъ позднѣйшихъ изданій „Фонтана“ Пушкинъ собирался посвятить кн. П. А. Вяземскому, стараніями котораго она была издана. Объ этомъ свидѣтельствуетъ набросокъ посвященія въ Майковской коллекціи № 11. См. Пушкинъ и его современники. Вып. IV, стр. 5.

манія изслѣдователей и въ Пушкинской литературѣ не поминались при разрѣшеніи вопроса о поэмѣ.

Одно принадлежитъ графу Густаву Олизару, другое—Василію Ивановичу Туманскому.

Олизаръ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ прямо говоритъ, что „Пушкинъ написалъ свою прелестную поэму для Маріи Раевской“¹. А онъ могъ имѣть точныя свѣдѣнія объ этомъ обстоятельстве: онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ ко всей семьѣ Раевскихъ. Когда Раевскіе въ концѣ 2-го и началѣ 3-го десятилѣтія ХІХ вѣка жили въ Кіевѣ, Олизаръ былъ предводителемъ дворянства въ Кіевской губерніи и въ это время завязалъ съ ними знакомство, продолжавшееся очень долго. О близости знакомства свидѣтельствуетъ, напримѣръ, и тотъ фактъ, что когда Раевскіе въ 1821 году отъправились въ гости въ Кишиневъ къ Орловымъ, съ ними былъ и Олизаръ². Въ началѣ знакомства Олизара съ Раевскими Марія Николаевна представлялась ему „мало интереснымъ смуглымъ подросткомъ“. На его глазахъ Марія Раевская изъ ребенка съ неразвитыми формами превратилась въ „стройную красавицу“, смуглый цвѣтъ лица которой находилъ оправданіе въ черныхъ кудряхъ густыхъ волосъ и пронизывающихъ, полныхъ огня очахъ“³. Олизаръ увлекся Маріей Раевской и былъ сильно и долго въ нее влюбленъ. Но любовь осталась „отверженной“. Въ 1823 году онъ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ. Въ письмѣ отца М. Н., приведенномъ въ „Воспоминаніяхъ“ Олизара, мотивомъ отказа было выставлено различіе религіи и народности. Олизаръ

¹ См. Pamiętniki (1798—1865) Gustawa Olizara z przedm. J. Leszczycza, Lwów, 1892, стр. 174. Эти воспоминанія изложены и отчасти переведены А. Ѡ. Копыловымъ, въ „Русск. Вѣстн.“ въ статьѣ „Мемуары графа Олизара“, 1893, авг. и сентябрь.

² „Русскій Архивъ“ 1866, столб. 1258 (Воспом. И. П. Липранди).

³ „Русск. Вѣстн.“ 1893 г., сент., стр. 102.

былъ убитъ отказомъ; онъ уединился съ своей сердечной грустью въ купленное имъ въ Крыму помѣстье, которое онъ окрестилъ греческимъ именемъ „Карди Ятриконъ“ (лекарство сердца). Здѣсь онъ тосковалъ и писалъ сонеты о своей безнадежной любви. О его безнадежной и отвергнутой любви упоминаетъ Мицкевичъ въ одномъ изъ своихъ крымскихъ стихотвореній. Онъ сохранилъ свѣтлую память о Маріи Раевской. „Нельзя не сознаться, пишетъ онъ въ запискахъ, что если во мнѣ пробудились высшія, благородныя, оживленныя сердечнымъ чувствомъ стремленія, то ими во многомъ я былъ обязанъ любви, внушенной мнѣ Маріей Раевской. Она была для меня той Беатриче, которой было посвящено поэтическое настроеніе, и, благодаря Маріи и моему къ ней влеченію, я приобрѣлъ участіе къ себѣ перваго русскаго поэта и пріязнь нашего знаменитаго Адама“¹. По всей вѣроятности, черезъ Раевскихъ Олизаръ вошелъ въ знакомство съ Пушкинымъ; объ его участливомъ отношеніи къ своей сердечной исторіи онъ вспоминалъ, когда писалъ свои „Воспоминанія“. Въ черновой тетради (№ 2370) сохранился исчерканный набросокъ посланія Пушкина къ нему². Пушкинъ касается въ немъ и горькаго сердцу Олизара отказа, полученнаго имъ отъ Раевскихъ, и даетъ нѣчто въ родѣ его истолкованія. „Русская дѣва“, по словамъ Пушкина,

Привлекши сердце поляка,
Не приметъ гордою душою
Любовь народнаго врага³.

¹ Тамъ же, стр. 104.

² Пушкинъ—Венгеровъ, т. II, стр. 261. См. также примѣчанія къ этому стихотворенію въ т. III, стр. 555. Тутъ ошибочно указанъ переводъ записокъ Олизара въ „Русск. Обзор.“ вм. „Русск. Вѣстн.“. Къ приведенной тутъ литературѣ объ Олизарѣ надо добавить свѣдѣнія, разсѣяанныя въ книгѣ В. И. Семевского: „Общественныя и политическія идеи декабристовъ“, Спб. 1909. и въ „Архивъ Раевскихъ“, т. II. Авторъ примѣчанія также не обратилъ вниманія на указаніе Олизара, кому писанъ „Фонтанъ“.

³ Отказъ Олизару былъ сдѣланъ не столько „русской дѣвой“ М. Н. Раев-

Всѣ эти данныя показываютъ, что Олизаръ имѣлъ полную возможность знать исторію возникновенія „Бахчисарайскаго Фонтана“, и позволяютъ съ рѣшительнымъ довѣріемъ отнести къ его свидѣтельству о Маріи Раевской, какъ той, къ кому писана поэма.

Мы уже знаемъ, что Василию Ивановичу Туманскому Пушкинъ прочелъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ лѣтомъ 1823 года и не скрылъ отъ него интимнаго происхожденія поэмы. Былъ ли названъ по имени „мучительный и таинственный предметъ“? Въ 1891 году были напечатаны родственныя и совершенно откровенныя письма Туманскаго къ его двоюродной сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ Туманской. Въ одномъ изъ его писемъ, отъ 5 декабря 1823 года изъ Одессы, находимъ слѣдующую любопытную характеристику семьи Раевскихъ: „У насъ гостятъ теперь Раевскіе и насъ къ себѣ приглашаютъ. Вся эта фамилія примѣчательна по рѣдкой любезности и по оригинальности ума. Елена сильно нездорова; она страдаетъ грудью и хотя нѣсколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцуетъ, но любитъ присутствовать на балахъ, которые нѣкогда украшала. *Марія* идеалъ Пушкинской Черкешенки (собственное выраженіе поэта) дурна собой, но очень привлекательна острою разговоровъ и нѣжностью обращенія“¹. Это свидѣтельство Туманскаго о Маріи допускаетъ два толкованія, и примемъ ли мы то или иное толкованіе, его біографическая важность не уменьшится. Для насъ не совсѣмъ ясно, кого имѣлъ въ виду указать Туманскій: черке-

ской, сколько ея отцомъ. А въ какой мѣрѣ самое М. Н. характеризовали націоналистическія—вплоть до враждебной къ иноземцамъ окраски—чувства, положительно неизвѣстно.

¹ Письма Вас. Ив. Туманскаго и неизданныя его стихотворенія. Черниговъ, 1891, стр. 54.

шенку ли, героиню „Кавказскаго Пѣнника“, или грузинку поэмь, слышанной имъ въ чтеніи самого автора, ошибочно въ послѣднемъ случаѣ назвалъ ее черкешенкой. Ошибка вполне возможная. Если вѣрно первое, то мы имѣемъ любопытную и цѣнную подробность къ исторіи созданія первой южной поэмь и къ исторіи возникновенія сердечнаго чувства Пушкина. Но если бы вѣрно было второе предположеніе объ ошибкѣ въ названіи, тогда мы имѣли бы не менѣе цѣнное свидѣтельство къ исторіи созданія „Бахчисарайскаго Фонтана“: правда, съ перваго взгляда нѣсколько неожиданнымъ показалось бы отождествленіе Маріи Раевской не съ кроткимъ образомъ Маріи, а съ страстнымъ—Заремы.

Называю отождествленіе неожиданнымъ, ибо противъ него обычное представленіе о Маріи Раевской, какъ о женщинѣ великаго самоотверженія, преданности и долга. Но еще очень спорный вопросъ, соотвѣтствуетъ ли дѣйствительности обычное представленіе. Вѣдь Марія Раевская въ сущности намъ неизвѣстна, мы знаемъ только княгиню Волконскую, а образъ Волконской въ нашемъ воображеніи созданъ не непосредственнымъ знакомствомъ и изученіемъ объективныхъ данныхъ, а въ извѣстной мѣрѣ мелодраматическимъ изображеніемъ въ поэмѣ Некрасова. Въ концѣ концовъ намъ неясны даже тѣ внутренніе мотивы, которые подвинули ее къ прославившему ее героическому дѣйствию. Самъ Сергѣй Григорьевичъ Волконскій безконечно ниже своей жены и по уму, и по характеру, и по духовной организаци. Среди декабристовъ онъ былъ даже и не крупный человекъ, а просто мелкій, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ тому высокому представленію, которое имѣетъ о немъ наша читающая публика. Во время слѣдствія и суда въ 1826 году его мелкая психика сказалась очень ярко. Когда знакомишься съ его слѣдственнымъ дѣломъ, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ, и съ нѣкоторыми

подробностями, заключающимися въ другихъ дѣлахъ, выносишь тяжелое впечатлѣніе: охватываетъ сильно и глубоко чувство грусти отъ созерцанія раскрывающагося противорѣчія между ранѣ существовавшимъ представленіемъ и дѣйствительно бывшимъ. Вотъ ужъ, по истинѣ, именно Волконскій не тотъ человѣкъ, который можетъ самъ себя или котораго могутъ другіе представлять героемъ! Своей женѣ онъ былъ чужой человѣкъ. Предложеніе его было принято по настоянію старика Раевского, который при всѣхъ своихъ отмінныхъ достоинствахъ былъ большимъ деспотомъ въ семьѣ; Марія Николаевна выходила замужъ не по своей волѣ, не по личной страсти. Объ этомъ упоминаетъ даже Розень¹. Сама М. Н. въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, конечно, очень глухо объ этомъ. „Я вышла замужъ въ 1825 году за князя С. Г. Волконскаго, достойнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей; мои родители думали, что обезпечили мнѣ блестящую, по свѣтскимъ возрѣніямъ, будущность. Мнѣ было грустно съ ними разставаться: словно, сквозь подвѣчный вуаль, мнѣ смутно видѣлась ожидавшая насъ судьба“². До свадьбы, пишетъ сама Волконская, она почти не знала мужа; духовная близость не могла возникнуть между ними и въ первый брачный годъ жизни. Въ этотъ годъ она провела съ мужемъ только три мѣсяца. Въ это время энергичной работы по тайному обществу жена была такъ далека, такъ чужда С. Г. Волконскому, что онъ не подѣлился съ ней своими опасеніями, своими переживаніями. Грустно звучитъ объясненіе, которое даетъ М. Н. Волконская его скрытности. „Онъ былъ старше меня лѣтъ на двадцать и потому не могъ имѣть ко мнѣ довѣрія въ столь важномъ дѣлѣ“³. Мы

¹ А. Е. Розень, Записки декабриста, стр. 129.

² Записки кн. Маріи Николаевны Волконской, 2-ое изд., Спб 1906, стр. 4.

³ Характеристику М. Н. Волконской см. въ нашей статьѣ: „Подвигъ русской женщины“ („Истор. Вѣстн.“ 1904, май, стр. 530—550). Вопросъ объ отношеніяхъ ея къ Пушкину въ то время нами еще не ставился и не подвергался разслѣдованію.

знаемъ о жестокой и непосильной борьбѣ съ отцомъ и братьями, которую выдержала М. Н. Волконская для того, чтобы осуществить свое намѣреніе послѣдовать въ Сибирь, на каторгу за своимъ мужемъ ¹. Она послѣдовала за мужемъ въ Сибирь, но кто была она — женщина ли великаго самоотверженія, или великихъ страстей, мы не можемъ сказать съ положительностью. Во всякомъ случаѣ, ея внутренняя природа слишкомъ сложна для того, чтобы можно было опредѣлить ее въ одномъ словѣ.

Не можемъ мы также сказать съ достовѣрностью, дала ли она Пушкину матеріалъ для изображенія Маріи въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, или для изображенія Заремы.

Какой она представлялась Пушкину? Пушкинъ зналъ ее, наблюдалъ, изучалъ и любилъ не одинъ мѣсяцъ и, кажется, уловилъ ея образъ не сразу. Съ развитіемъ чувства шло попутно и постиженіе ея образа. Для самого Пушкина былъ неясенъ его идеаль.

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Явилась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема.

Нельзя, не указать и на то, что, набрасывая для дѣтей, въ концѣ 50-хъ годовъ, свои записки и перебирая въ памяти стихи,

¹ Объ этомъ можно найти свѣдѣнія и въ „Запискахъ“ Волконской, и въ статьѣ Гершензона въ книгѣ: „Исторія Молодой Россіи“, и въ изданныхъ томахъ „Архива Раевскихъ“.

написанные для нея Пушкинымъ, Волконская приводитъ и стихи изъ поэмы. „Позже въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ Пушкинъ сказалъ

ея очи
Яснѣ дня,
Темнѣ ночи“¹.

Но вѣдь эти стихи какъ разъ изъ характеристики грузинки. О ней говорить поэтъ:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣ дня, чернѣ ночи.
Чей голосъ выразить сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній? и т. д.

Всѣ эти соображенія позволяютъ намъ *предполагать* въ письмѣ Туманскаго ошибочность упоминанія о черкепенкѣ вмѣсто грузинки и, слѣдовательно, допускать, что именно Марія Раевская была идеаломъ Пушкина во время созданія поэмы. Но наличность бытовыхъ чертъ въ образѣ Заремы очень поучительна, ибо критики какъ разъ настаиваютъ на байроничности Заремы въ поэмѣ Пушкина.

Наконецъ, приведемъ еще свидѣтельство графа П. И. Капниста, который могъ быть хорошо освѣдомленъ въ обстоятельствахъ жизни Пушкина на югѣ изъ хорошо сохраненной традиціи. „Я слышалъ—говорить онъ—что Пушкинъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей генерала Раевскаго и провелъ нѣсколько времени съ его семействомъ въ Крыму, въ Гурзуфѣ, когда писалъ свой „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Мнѣ говорили, что впоследствии, создавая „Евгенія Онѣгина“, Пушкинъ вдохновился этой любовью, которой онъ пламенѣлъ въ виду

¹ „Записки“, стр. 24.

моря, лобзающаго прелестные берега Тавриды, и что къ предмету именно этой любви относится художественная строфа, начинающаяся стихами: Я помню море предъ грозою“ etc.¹. Но кн. Волконская въ „Записках“, а до ихъ появленія въ печати Некрасовъ въ „Русскихъ женщинахъ“ рассказали тѣ обстоятельства, при которыхъ были созданы эти стихи, вызванные именно М. Н. Раевской.

XII.

Современники, близкіе поэту люди, говорятъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ и писалъ поэму для М. Н. Раевской. Но Раевская оставила свои „Записки“, намъ извѣстныя. Въ нихъ она упоминаетъ о Пушкинѣ. Не найдемъ ли мы здѣсь опредѣленнаго свидѣтельства о чувствѣ Пушкина? Но мы не должны забывать, что М. Н. Волконская писала свои записки для своихъ дѣтей, уже въ концѣ 50-хъ годовъ, на склонѣ дней, послѣ жизни, столь тяжелой, сложной и богатой событіями. М. Н. Волконская хотѣла рассказать своимъ дѣтямъ исторію своихъ страданій и намѣренно опустила „разказы о счастливомъ времени, проведенномъ ею подъ родительскимъ кровомъ“. И какъ, дѣйствительно, далеки отъ нея были въ это время и путешествіе 1820 года по Кавказу и Крыму, жизнь въ Гурзуфѣ, Каменкѣ, Кіевѣ, поѣздки въ Кишиневъ! Сквозь призму грустныхъ лѣтъ и чувства, завоеваннаго столь тяжелой цѣной, прошли и ея воспоминанія о поэтѣ. Последній разъ она видѣла Пушкина въ Москвѣ 27 декабря 1826 года на вечерѣ, устроенномъ для нея княгиней Зинаидой Волконской. Описывая этотъ вечеръ въ „Записках“, она присоединяетъ и нѣсколько строкъ о Пушкинѣ. Вотъ онѣ: „Тутъ (на вечерѣ) былъ и Пушкинъ,

¹ „Русск. Стар.“ 1899, май, стр. 242, статья П. И. Капниста „Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его имѣніе Псковской губерніи“. Эта статья сообщена въ редакцію журнала Л. Н. Майковымъ.

нашъ великій поэтъ; я его давно знала; мой отецъ приютилъ его въ то время, когда онъ былъ преслѣдуемъ имп. Александромъ I за стихотворенія, считавшіяся революціонными. Отецъ принялъ участіе въ бѣдномъ мелодомъ челоувѣкѣ, одаренномъ такимъ громаднымъ талантомъ, и взялъ его съ собой на Кавказскія воды, такъ какъ здоровье его было сильно расшатано. Пушкинъ этого никогда не забылъ; онъ былъ связанъ дружбою съ моими братьями и ко всѣмъ намъ питалъ чувство глубокой преданности. Въ качествѣ поэта, онъ считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ встрѣчалъ. Я помню, какъ во время этого путешествія, недалеко отъ Таганрога, я ѣхала въ каретѣ съ Софьей (это—сестра М. Н. П. III.), нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами, и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала, для забавы, бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня наступала; подъ конецъ у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету. Пушкинъ нашелъ эту картину такой красивой, что воспѣлъ ее въ прелестныхъ стихахъ, поэтизируя дѣтскую шалость; мнѣ было только 15 лѣтъ.

Какъ я завидовалъ волнамъ,
 Бѣгущимъ бурной чередою
 Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
 Какъ я желалъ тогда съ волнами
 Коснуться милыхъ ногъ устами!

Позже, въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ онъ сказалъ:

ея очи
 Ясны дня,
 Темны ночи.

Въ сущности, онъ любилъ лишь свою музу и облекалъ въ поэзію все, что онъ видѣлъ. Но во время добровольнаго изгнанія въ Сибирь жень декабристовъ онъ былъ полонъ искренняго восторга; онъ хотѣлъ поручить мнѣ свое „Посланіе къ узникамъ“, но я уѣхала въ ту же ночь, и онъ его передалъ Александрѣ Муравьевой... Пушкинъ мнѣ говорилъ: „Я намѣренъ написать книгу о Пугачевѣ. Я поѣду на мѣсто, переѣду черезъ Уралъ, поѣду дальше и явлюсь къ вамъ просить пристанища въ Нерчинскихъ рудникахъ“. Онъ написалъ свое великолѣпное сочиненіе, всѣми восхваляемое, но до насъ не доѣхалъ“¹.

Вотъ и все, что М. Н. Волконская нашла возможнымъ сообщить объ отношеніяхъ Пушкина къ ней. Трудно отсюда извлечь какія-либо данныя къ исторіи и характеристикѣ чувства Пушкина, но содержаніе сообщенія не даетъ основаній отрицать самое существованіе привязанности поэта къ М. Н. Раевской. Она въ сущности не отрицаетъ того, что поэтъ былъ влюбленъ и въ нее, но не придаетъ никакого значенія любви Пушкина: вѣдь онъ „въ качествѣ поэта считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ“. Нельзя не отмѣтить сходства этихъ словъ съ замѣткой о себѣ самого поэта: „Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement moquées de moi,—toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes“. Волконская послужила любви дѣятельной, а не мечтательной, и съ высоты выстраданной ею страсти отнеслась съ пренебреженіемъ къ увлеченію поэта, столь же легкому (казалось ей), какъ и остальные его увлеченія. Не безъ ироніи говоритъ она объ общаніи Пушкина пріѣхать въ Нерчинскъ: „сочиненіе онъ написалъ, но до насъ не

¹ Записки, стр. 22, 24, 26.

доѣхалъ!“ Но не слышатся ли въ этомъ позднемъ разсказѣ кн. Волконской отзвуки того отношенія, которымъ въ дѣйствительности отвѣтила она на любовь поэта?

Она отвергла заклинанья
Мольбы, *тоску души* моей!

М. Н. Волконская рассказываетъ дѣтскую шалость, опозитивированную Пушкинымъ въ XXXIII строфѣ 1-ой главы „Онѣгина“. Вотъ полностью эта строфа:

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланить,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

Эта 33-ья строфа 1-ой главы была камнемъ преткновения для изслѣдователей. Въ набросанной на листкѣ хронологіи созданія Онѣгина Пушкинъ точно указалъ дату начала романа: Кишиневъ 1823 года 9 мая ¹. Дату окончанія 1-ой главы (Octobre 22,

¹ И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, Спб. 1903, стр. 46 и IX.

1823, Odessa) онъ записаль подъ черновымъ наброскомъ послѣдней строфы 1-ой главы ¹. Между тѣмъ, подъ черновымъ наброскомъ 33-ей строфы, находящимся въ тетради 2366 л. 13 об., сдѣлана совершенно четкая помѣтка 16 августа 1822 года. Эта дата осложнила вопросъ о хронологіи „Онѣгина“ и даже заставила изслѣдователей отнести съ подозрѣніемъ къ точности собственноручныхъ указаній поэта. Такъ Якушкинъ, принимая дату подъ XXXIII строфой и опираясь на то, что даты въ черновой тетради передъ первой строфой первой главы содержали только указаніе мѣсяцевъ безъ обозначенія года (Якушкинъ читаль изъ 28 мая и 9 іюня), нашель возможнымъ исправить дату начала и отнести ее на 28 мая 1822 года ². Такое исправленіе можетъ быть оправдано только очень серьезными основаніями, а въ данномъ случаѣ всѣ основанія, кажется, исчерпываются желаніемъ Якушкина принять дату XXXIII строфы 1-ой главы. Якушкинъ не хотѣлъ повѣрить указанію листка съ хронологіей, не хотѣлъ вѣрить и заявленію, сдѣланному въ 1827 году въ изданіи 3-ей главы „Онѣгина“ о томъ, что „первая глава Евгенія Онѣгина написана въ 1823 году“. Такія сомнѣнія, конечно, не должны имѣть мѣста, ибо они только задерживаютъ плодотворное изученіе.

Л. П. Поливановъ по поводу исправленія Якушкина доказаль лишній разъ, что „Онѣгинъ“ начатъ въ 1823 году, и что черновые наброски 1-ой главы въ тетради 2369 писаны именно въ 1823 году. Недоумѣніе, вызываемое въ такомъ случаѣ помѣтой подъ 33-ей строфой 1-ой главы, Поливановъ разрѣшилъ утвержденіемъ, что Пушкинъ сдѣлалъ въ рукописи описку въ годѣ: „вмѣсто 16 авг. 1823 года, когда онъ дѣйствительно занесъ въ

¹ Въ тетради 2369, л. 22 об. См. Якушкинъ, Описаніе, іюнь, стр. 557.

² Евгений Онѣгинъ. Ромаль въ стихахъ А. С. Пушкина. Изд. Общ. любят. Россійск. словесн. при Имп. Моск. Унив. подъ ред. В. Якушкина, М. 1837 стр. 305—306.

тетрадь эту 33-ью строфу, онъ по ошибкѣ написалъ 1822 годъ“. Поливановъ, исходя изъ наблюденія, что въ черновыхъ наброскахъ 1-ой главы, идущихъ почти подрядъ въ тетради 2369, какъ разъ не имѣется 33-ьей строфы, предполагалъ, что, дописавъ въ тетради 2369 строфу 32-ую, Пушкинъ взялъ тетрадь 2366 и набросалъ въ ней непосредственное продолженіе—строфу 33-ью ¹. Предположеніе Поливанова нашло у изслѣдователей такое полное довѣріе, что, напр., Лернеръ въ своихъ „Трудахъ и дняхъ“, вопреки рѣшительной очевидности помѣты Пушкина, не сомнѣваясь ни мало, указалъ ее не подъ 1822, а подъ 1823 годомъ ². Приемъ, недопустимый для точной фактической работы!

И Якушкинъ, и Поливановъ обратились къ совершенно искусственнымъ предположеніямъ и прошли мимо самого естественнаго. Не надо измышлять описки у Пушкина, и должно принять, что стихи, занесенные въ тетради 2366 на л. 13 об., вписаны туда дѣйствительно 16 августа 1822 года, значить, — до обращенія Пушкина къ работѣ надъ „Онѣгинымъ“ и, можетъ быть, задолго до возникновенія самаго замысла романа и, слѣдовательно, не имѣя никакого отношенія къ „Онѣгину“, представляютъ произведеніе самостоятельное, изъ цикла посвященныхъ таврической любви. А когда Пушкинъ писалъ 1-ую главу „Онѣгина“, онъ воспользовался этими стихами и внесъ ихъ въ свой романъ. Вотъ самое естественное предположеніе. Но оно пріобрѣтаетъ полное фактическое основаніе, если мы обратимся къ изученію черновиковъ. Въ данномъ случаѣ пренебреженіе изслѣдователей къ черновикамъ является весьма непонятнымъ, такъ какъ они сравнительно полно исчерпаны Якушкинымъ въ изданіи „Онѣгина“. Черновики того, что изслѣ-

¹ Пушкинъ—Поливановъ, Томъ 4-ый, 2-ое изд. М. 1895, стр. 177—179.

² Лернеръ, стр. 88.

дователямъ угодно звать 33-ей строфой, находятся на об. лист. 13 и на об. лист. 17. Пресловутая помѣта находится на лист. 13 об., но изслѣдователи впали въ странную и смѣшную ошибку, утверждая, что тѣ стихи, что датированы здѣсь 16 августа 1822 года, являются 33-ей строфой 1-ой главы „Онѣгина“. На самомъ дѣлѣ прошу вспомнить приведенный выше текстъ этой строфы и сравнить съ нимъ слѣдующіе наброски ¹.

За нею по наклону горь
 Я шель дорогой неизвѣстной
 И примѣчалъ мой робкій взоръ
 Слѣды ноги ея прелестной—
 Зачемъ не смѣлъ ея слѣдовъ
 Коснуться жаркими устами.

 Нѣтъ никогда среди бурныхъ дней
 Мятежной юности моей

¹ Эти наброски на оборотѣ того листа, на которомъ Пушкинъ набросалъ заглавіе

Таврида

1822

Gieb meine Jugend mir zurück.

Оборотъ страницы сверху занять тремя строками программы, надо думать имѣющей отношеніе къ „Тавридѣ“: „Страсти мои утихаютъ, тишина царить въ душѣ моей — ненависть, раскаянье все исчезаетъ—любовь одушевл —“. Затѣмъ послѣ черты идутъ интересующіе насъ наброски. Для нашихъ цѣлей важно отмѣтить только объемъ ихъ содержанія, и потому мы не даемъ полной и точной транскрипціи (См. „Евгеній Онѣгинъ“ Ред. В. Е. Якушкина, стр. 238), лишь кое-гдѣ поправляя чтеніе Якушкина. Такъ, въ 1-мъ стихѣ приведенномъ нами, ясно читается „по наклону“ и слѣд. выходитъ и стихъ, а Якушкинъ прочелъ „по склону“. Якушкинъ въ Описаніи (май, 331) отмѣтилъ вышнюю подробность этой страницы: записанныя вокругъ текста цифры годовъ. Только онъ невѣрно указываетъ, что „цифры годовъ съ 1811 по 1824 по нѣсколько разъ кругомъ“. Пушкинъ записалъ тутъ и 1828 и 1829 и 1830.

Я не желалъ съ такимъ волненъемъ
 Лобзать уста младыхъ Цирцей ¹
 И перси полныя томленъемъ
 [Как]
 [Какъ я желалъ]
 [Сей милый слѣдъ]

Если мы хотимъ быть точны, то можемъ только сказать, что Пушкинъ для 33-ей строфы воспользовался нѣсколькими стихами изъ этого наброска. Въ этомъ наброскѣ и въ строфѣ 33-ей Пушкинъ вспоминаетъ о разныхъ фактическихъ событіяхъ: въ первомъ поэтическомъ воспоминаніи о томъ, какъ онъ, влюбленный, шель по горамъ за нею, во второмъ—о томъ, какъ на морскомъ берегу волны прибѣгали и убѣгали отъ „ея“ ногъ. Очевидно, конечно, что мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ замысломъ.

Мотивъ, разработанный въ 33-ей строфѣ, мы находимъ въ черновикѣ на 17 об., но тутъ нѣтъ никакихъ датъ. Подробности черновой редакціи таковы, что не даютъ возможности говорить о ней, какъ о наброскѣ именно 33-ей строфы, а, наоборотъ, подтверждаютъ значеніе ея, какъ самостоятельнаго замысла. Пушкинъ предполагалъ сначала форму обращенія къ ней: поэтому мы читаемъ ты, твой. Такая форма была бы не послѣдовательна, если бы отъ 32-ой строфы въ тетради 2369 Пушкинъ дѣйствительно перешелъ къ строфѣ 33-ей въ тетради № 2366. Затѣмъ самое построеніе стихотворенія въ зачеркнутыхъ деталяхъ также за-

¹ Къ слову „Цирцей“ Пушкинъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Цирцей* замѣчаніе Алексѣева“. Въ печатномъ текстѣ Цирцей замѣнены Армидами. Правдоподобнѣе допустить, что замѣчаніе по поводу Цирцей сдѣлано тогда, когда писались эти стихи, т. е. 16 авг. 1822 въ Кишиневѣ, гдѣ жили тогда Пушкинъ и Алексѣевъ, а не 16 авг. 1823 въ Одессѣ, гдѣ въ это время жилъ Пушкинъ.

ставляет думать о самостоятельном замыслѣ. Привожу черновикъ, предупреждая, что не отмѣчаю, что зачеркнуто и что оставлено, такъ какъ для насъ это обстоятельство не имѣетъ значенія, да, кромѣ того, можно сказать, что набросокъ почти весь перечеркнутъ.

Ты помнишь море предъ грѣзою
 У моря ты Близъ моря
 Могу ли вспомнить равнодушный
 Она Я помню берегъ Она Надъ моремъ ты
 Мнѣ памятно А ты кого назвать не смѣю
 Она Стояла надъ волнами подъ скалой
 Какъ я завидовалъ волнамъ—
 Бурными рядами чередою
 Бѣгущимъ изъ дали послушно
 Съ любовью пасть къ твоимъ ногамъ
 Какъ я желалъ
 И цѣловать
 И, о какъ я желалъ съ волнами
 Хоть милый слѣдъ
 Коснуться ногъ твоихъ ея устами и т. д.

Можно, кажется, послѣ всѣхъ выставленныхъ соображеній считать доказаннымъ, что помѣта 16 августа 1822 года не есть описка, и что для 33-ей строфы Пушкинъ воспользовался набросками, которые свидѣтельствуютъ о какомъ-то самостоятельномъ замыслѣ. Замыселъ этотъ, конечно, вызванъ любовными воспоминаніями о М. Н. Раевской. Черновикъ на 17 об. прибавляетъ одну маленькую, но яркую подробность къ характеристикѣ чувства поэта. Какъ онъ обращается къ ней въ своей черновой тетради, которая, казалось бы, недоступна для постороннихъ взоровъ? Онъ не имѣетъ смѣлости назвать ее:

„0 ты кого назвать не смѣю“
гласить зачеркнутая строка.

XIII.

Всѣ наши наблюденія приводятъ насъ къ заключенію, что мучительнымъ и таинственнымъ предметомъ любви Пушкина на югѣ въ 1820 и слѣдующихъ годахъ была М. Н. Раевская, но при всей ихъ доказательности должно признать, что они все же нуждаются въ фактическомъ подкрѣпленіи, которое возвело бы предположенія и догадки на степень достовѣрныхъ утверженій. Мы можемъ указать такое подкрѣпленіе.

Пушкинъ оставилъ поэтическое свидѣтельство, которое не только удостовѣряетъ насъ въ томъ, что поэтъ любилъ именно Марію Раевскую, но и указываетъ на глубину и серьезность чувства поэта и набрасываетъ въ тонкихъ очертаніяхъ характеристику этой страсти. Это поэтическое свидѣтельство — посвященіе къ „Полтавѣ“; напомнимъ его.

Посвященіе.

- 1 Тебѣ—но голосъ музы темной
- 2 Коснется ль уха твоего?
- 3 Поймешь ли ты душою скромной
- 4 Стремленье сердца моего?
- 5 Иль посвященіе поэта,
- 6 Какъ нѣкогда егѣ любовь,
- 7 Передъ тобою безъ отвѣта
- 8 Пройдетъ, непризнанное вновь?
- 9 Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
- 10 Бывало, милые тебѣ—
- 11 И думай, что во дни разлуки,
- 12 Въ моей измѣнчивой судьбѣ,

- 13 Твоя печальная пустыня,
14 Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей
15 Одно сокровище, святыня,
16 Одна любовь души моей¹.

Пушкинъ хранилъ такое глубокое молчаніе о томъ лицѣ, кому посвящена „Полтава“, что ни въ перепискѣ, ни въ воспоминаніяхъ его друзей и близкихъ не сохранилось даже намековъ, позволяющихъ дѣлать болѣе или менѣе правдоподобныя догадки. Даже Лернеръ, питающій особое пристрастіе къ построению рядомъ съ существующими въ пушкиновѣдѣніи предположеніями *и еще одного, собственнаго*, даже этотъ изслѣдователь безнадежно опустилъ руки передъ тайной Пушкина. „Кому посвящена *Полтава*—неизвѣстно, и нѣтъ возможности установить имя той, воспоминаніе о которой было „сокровище, святыня, любовь души“ поэта. Посвященію „Полтавы“ суждено остаться однимъ изъ таинственныхъ, „недоумѣнныхъ мѣстъ въ біографіи Пушкина“. Такъ пишетъ Лернеръ². Но зачѣмъ такая безнадежность и такой догматизмъ мнѣнія? Надо искать возможности установить желанное имя, а для этого надо обратиться прежде всего къ изученію черновиковъ поэта. Въ пушкиновѣдѣніи изученіе черного рукописнаго текста становится вопросомъ метода, и въ сущности ни одно изслѣдованіе, біографическое и критическое, не можетъ быть оправдано, если оно оставило безъ вниманія соотвѣтствующіе темѣ черновики. Можно утверждать, что ежели бы съ самаго начала была выполнена задача исчерпывающаго изученія рукописей поэта, то исторія жизни и творчества Пушкина была бы свободна отъ массы догадокъ, предположеній, разсужденій, а критики и біографы сохранили бы свою

¹ Пушкинъ—Венгеровъ, III, 31.

² Лернеръ. Труды и дни П. 2-ое изд., стр. 179.

энергію и духовныя свои силы, которыя пошли на всевозможныя измышленія и толкованія въ области пушкиновѣдѣнія.

„Посвященіе“ поэмы написано по окончаніи поэмы въ „Малинникахъ 27 окт. 1828 года“. Такова помѣта подъ черновымъ его наброскомъ, который находимъ въ тетради 2371, на листахъ 69 об. и 70 пр. Здѣсь двѣ редакціи: первоначальная, соответствующая моменту возникновенія, и другая, окончательная, представляющая все же варианты, не лишеныя интереса. Остановимся на послѣдней редакціи. Пушкинъ написалъ заголовокъ „Посвященіе“; потомъ зачеркнулъ его и написалъ вверху „Тебѣ“. Даже черновой тетради поэтъ не довѣрилъ этого имени, лелѣмаго его памятью, и только непосредственно передъ заголовкомъ, вродѣ эпиграфа, записалъ: „I love this sweet name“ (Я люблю это нѣжное имя). Самый текстъ до послѣднихъ исправленій читался такъ:

- 1 Тебѣ... но голосъ Музы темной
Коснется ль слуха твоего?
Поймешь-ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего,
- 5 Иль посвященіе поэта
Какъ утаенная любовь
Передъ тобою безъ привѣта
Пройдетъ непризнанное вновь?..
Но если ты узнала звуки
- 10 Души приверженной тебѣ,
О думай, что во дни разлуки
Въ моей измѣнчивой судьбѣ

¹ Варианты бѣловой редакціи отмѣчены далеко не полно въ Пушк.—Мороз.—Просвѣщеніе. III, стр. 644.

- Твоя печальная пустыня
 Твой образъ, звукъ твоихъ рѣчей
 15 Одно сокровище, святыня
 Для сумрачной души моея...

Въ этомъ текстѣ Пушкинъ сдѣлалъ поправки, послѣ которыхъ стихи 6, 14, 16 получили тотъ видъ, который они имѣютъ въ печати; стихи 2 и 7, отличные отъ печатнаго текста, поправкамъ въ этой рукописи не подверглись, въ 1-мъ стихѣ поэтъ переставилъ было „Но музы голосъ“, но тутъ же отмѣнилъ свою перестановку. Стихи 9 и 11 подверглись ряду измѣненій, но все же не получили окончательной редакціи. Вотъ послѣдовательныя редакціи рукописи:

- 9 0 если примешь эти звуки (1)
 0 если примешь тайны звуки (2)
 10 Цѣвницы преданной тебѣ (1)
 Гласъ музы преданный тебѣ (2)
 Цѣвницы преданной тебѣ (3)—незачеркн.
 Мечтой преданные тебѣ (4)—незачеркн.
 11 Вѣрь, Ангелъ что во дни разлуки (1)..

Наконецъ, въ 12 стихѣ Пушкинъ думалъ надъ эпитетомъ пустыни. Написавъ сначала „печальная“, онъ зачеркнулъ это слово и надписалъ „далекая“. Въ печатномъ текстѣ видимъ возвращеніе къ первоначальной редакціи.

Надо отмѣтить послѣднее колебаніе между эпитетами: печальная и далекая. Послѣдній эпитетъ могъ указывать на реальную дѣйствительность, и потому Пушкинъ отъ него отказался. Но кто же въ это время изъ извѣстныхъ намъ лицъ и близкихъ къ Пушкину находился въ далекой или печальной пустынѣ? Да

Марія Николаевна Волконская, послѣдовавшая въ Сибирь за осужденнымъ въ каторгу мужемъ, а въ 1828 году, когда писалось посвященіе, проживавшая подъ Читинскомъ острогомъ, гдѣ сидѣлъ ея мужъ. Намъ пришлось упоминать, что Пушкинъ послѣдній разъ видѣлъ Волконскую и слухалъ послѣдній звукъ ея рѣчей на вечерѣ у княгини З. А. Волконской въ декабрѣ 1826 года, когда М. Н. была въ Москвѣ по пути въ Сибирь. Извѣстны описанія этого вечера въ прозѣ Д. В. Веневитинова и въ стихахъ З. А. Волконской ¹. Приведу нѣсколько строкъ изъ хранящагося въ Тургеневскомъ Архивѣ письма князя Вяземскаго А. И. Тургеневу отъ 6 января 1827: „На дняхъ видѣли мы здѣсь проѣзжающихъ далѣе Муравьеву, Чернышеву и Волконскую-Раевскую. Что за трогательное и возвышенное обреченіе. Спасибо женщинамъ: онѣ дадутъ нѣсколько прекрасныхъ строкъ нашей исторіи. Въ нихъ, точно, была видна не экзальтація фанатизма, а какая-то чистая, безмятежная покорность мученичества, которое не думаетъ о Славѣ, а увлекается, поглощается однимъ чувствомъ тихимъ, но всеобъемлющимъ, всеодолющимъ. Тутъ ничего нѣтъ для Галлерей: да и гдѣ у насъ Галлерей? Гдѣ публичная оцѣнка дѣяній?“

Вариантъ „далекая пустыня“ находится во второй редакціи стихотворенія, на листѣ 70, о которой мы до сихъ поръ и вели рѣчь. Но на 69 об. и 70 листахъ есть еще, какъ мы упоминали, и первоначальная редакція. Пушкинъ набрасывалъ эту редакцію въ моментъ рожденія самаго замысла и, слѣдовательно, не думалъ о томъ, какой видъ получатъ стихи въ печати. И вотъ тутъ мы видимъ уже совершенно опредѣленный эпитетъ:

¹ У Лернера (Труды и дни П., стр. 146) свиданіе это датировано концомъ года со ссылкой на „Записки кн. Волконской“, но его можно датировать точно 27-мъ декабрѣ на основаніи письма Веневитинова, перепечатаннаго въ этихъ же запискахъ.

Сибири гладная пустыня.

Этотъ зачеркнутый вариантъ рѣшаетъ вопросъ.

Эта первоначальная редакція, до сихъ поръ не привлекавшая вниманія издателей, конечно, найдетъ исчерпывающую транскрипцію въ академическомъ изданіи ¹. Изъ другихъ вариантовъ укажемъ на цѣлый рядъ перечеркнутыхъ стиховъ, въ которыхъ Пушкинъ старался написать посвященіе такъ, чтобы оно, ставъ яснымъ для нея, оставалось непонятнымъ для другихъ:

Поймешь ли ты кому желаю
Ихъ посвятить
Предъ кѣмъ хочу,
Поймешь ли! ².

XIV.

Таковъ реальный біографическій фактъ. Любовь Пушкина къ Марьѣ Николаевнѣ Раевской, послѣ произведенныхъ наблюдений,—не та темная и смутная традиція, о которой старше біографы, знавшіе по слуху объ этой исторіи поэта, могли говорить только намеками, нерѣшительными утвержденіями; любовь Пушкина къ Раевской—не та романическая исторія, о которой новые біографы, лишеныя и слуховъ, пытались рассказывать на основаніи поэтическихъ признаній поэта, подобранныхъ безъ критики и вполне произвольно ³. Теперь мы можемъ не только считать это

¹ Эту транскрипцію я даю въ дополнительной, XV-ой главѣ „Разысканій“.

² Отмѣчу еще зачеркнутое „единный свѣтъ души моей“ и „твоей младенческой души“. Последнія слова напоминаютъ „младенческую совѣсть“ въ элегіи „Мой другъ, забыты мной“ 1821 года.

³ Въ Пушкинской литературѣ г. Н. Кузминъ съ настойчивостью показывалъ, что Пушкинъ былъ увлеченъ именно М. Н. Раевской, и излагалъ исто-

чувство достоверно бывшимъ, но и набросать, правда неполную, но за то фактическую, дѣйствительную исторію и даже выяснитъ индивидуальныя особенности этой привязанности поэта. Съ этими данными мы должны вдвинуть этотъ эпизодъ въ исторію жизни и творчества, опредѣлить и анализировать циклъ произведений, вызванныхъ отношеніями поэта къ М. Н. Раевской, и наконецъ раскрыть то дѣйствительное вліяніе, которое имѣло въ процессѣ душевнаго развитія и художественномъ міросозерцаніи Пушкина это чувство. А что вліяніе было весьма значительнымъ, объ этомъ можно судить уже по внѣшнимъ признакамъ: по хронологическимъ рамкамъ для этого чувства (1820—1823—1828) и по обилію художественныхъ произведений, имъ вызванныхъ или хранящихъ его отраженіе. Въдѣ помимо небольшихъ лирическихъ произведений и незаконченныхъ набросковъ двѣ поэмы: „Кавказскій Плѣнникъ“, писавшійся въ то время, когда Пушкинъ былъ поглощенъ этимъ чувствомъ, и „Бахчисарайскій Фонтанъ“ въ ихъ психологической части основаны исключительно именно на этомъ любовномъ опытѣ; „Цыганы“ и „Онѣгинъ“ заключаетъ не мало отголосковъ и отраженій этой сердечной исторіи. Излишне, конечно, говорить,

рлю этого чувства по стихотвореніямъ Пушкина. Мы намѣренно не упоминали до сихъ поръ объ его статьѣ: „Первая любовь Пушкина. Поэтическая (!) монографія изъ жизни Пушкина“. Приложение къ газетѣ „Заря“ въ мартѣ 1905 года. Въ этой статьѣ повторены съ дополненіями статьи того же автора: „Кольца Пушкина“ („Ежемѣсячныя Сочиненія“ 1901 г. мартъ, 239—244) и „О „талисманѣ“ Пушкина. Замѣтка“ (тамъ же, 1901, май, 61—62). Въ этой „поэтической“ монографіи Кузминъ не приводитъ рѣшительно никакихъ фактическихъ данныхъ, ибо самымъ серьезнымъ для него доказательствомъ существованія любви Пушкина именно къ М. Н. Раевской является... рассказъ Некрасова въ „Русскихъ Женщинахъ“. А въ примѣненіи къ эпизоду этой любви стихотворныхъ признаній и другихъ свидѣтельствъ Пушкина Кузминъ не опирается рѣшительно ни на какіе другіе критеріи, кромѣ собственнаго усмотрѣнія. За „поэтической“ монографіей Кузмина нельзя признать никакого научнаго значенія.

какъ важно полное уясненіе ея для постиженія историческаго, реальнаго Пушкина. Чѣмъ дольше вдумываешь въ эту исторію, тѣмъ глубже раскрываются глубины души и сердца поэта. Судите сами! Какой удивительный просвѣтъ открываютъ намъ даже тѣ немногія подробности, разъясненію достовѣрности которыхъ мы посвятили столько страницъ! Кишиневскій бреттеръ и гроза молдаванскихъ бояръ до смѣшного робокъ въ своихъ любовныхъ искаательствахъ; молодой человекъ, отвѣдавшій черезъ мѣру физической любви, циникъ, отчитывающій такую кокетку, какъ Аглая Давыдова, обладающій умѣньемъ склонять стыдливую красоту на ложе нѣтъ, скрываетъ въ себѣ задатки сентименталиста старой школы, питаетъ поистинѣ нѣжнѣйшее, тончайшее чувство, таитъ запасъ такой стыдливости и щепетильности, какія и подозрѣвать то было бы трудно; романтическій герой, гордящійся своей неприступностью, своимъ иммунитетомъ, пылаетъ и страдаетъ, молить (въ черновыхъ тетрадяхъ) о встрѣчахъ и взглядахъ. Побѣдитель и знатокъ женскихъ сердецъ, эпикуреецъ любви, разсужденія котораго выслушивалъ Левъ Пушкинъ въ письмахъ своего брата, а мы читаемъ въ признаніяхъ „Онѣгина“, оказывался просто „глупымъ“ предъ этимъ чувствомъ. Писатель, который нанесъ столь яростное оскорбленіе любви въ „Гавриладѣ“, ибо „Гаврилада“ оскорбляетъ не только чувство религіи, но и чувство любви, возноситъ тайныя мольбы своему божеству и полонъ благоговѣйнаго обожанія. Но да не объяснять этихъ чертъ двойственностью психики! Помимо того, что представленіе о двойственности несетъ какой-то привкусъ лицемѣрія, тутъ не идущій къ дѣлу, двойственность столь же мало объясняетъ душу Пушкина, какъ и выдвигаемое иными единство. Душа Пушкина, какъ и всякаго человѣка, живущаго внутренней жизнью, сложнѣе и простоты, и двойственности.

Весь эпизодъ отношеній Пушкина къ Раевской очень инте-

ресень и для чисто литературныхъ изслѣдованій, ибо игралъ большую роль въ той борьбѣ, которую велъ въ то время Пушкинъ, борьбѣ литературы съ жизнью. Такъ сквозь вычитанное и надуманное, сквозь навѣянное и воображаемое пробивались ростки дѣйствительной, своей жизни и распускались красивыми цвѣтами „новаго вида“.

Духъ и творчество Пушкина питались этимъ чувствомъ нѣсколько лѣтъ. Остается открытымъ вопросъ, былъ ли вхожь Пушкинъ въ семью Раевскихъ еще въ Петербургѣ и не познакомился ли онъ съ Маріей Раевской еще до своей высылки. Когда генералъ Н. Н. Раевскій подобралъ Пушкина больного, въ Екатеринославѣ, съ нимъ изъ 4 его дочерей въ это время ѣхали Марія и Софія, а Екатерина и Елѣна оставались еще въ Петербургѣ съ матерью и выѣхали позже прямо въ Крымъ. Чувство Пушкина могло зародиться еще на Кавказѣ во время совмѣстнаго путешествія, облегчающаго возможность сближенія. Вся семья Раевскихъ соединилась въ Гурзуфѣ въ двадцатыхъ числахъ августа 1820 года ¹. Здѣсь Пушкинъ провелъ „счастливейшія минуты своей жизни“. Его пребываніе въ Гурзуфѣ продолжалось „три недѣли“ и здѣсь расцвѣло и захватило его душу чувство къ М. Н. Раевской, тщательно укрываемое. Мы знаемъ, что съ отъѣздомъ Пушкина изъ Крыма не прекратились его встрѣчи съ семьей Раевского, и слѣдовательно Марію Николаевну Пушкинъ могъ встрѣчать и во время своихъ частыхъ посѣщеній Каменки, Кіева, Одессы, и во время наѣздовъ Раевскихъ въ Кишиневъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, жившей тутъ со своимъ му-

¹ По Гершензону, это было 18—19 августа, по Лернеру (стр. 484) около 26 августа или въ концѣ августа.

жемь Орловымъ. Но чувство Пушкина не встрѣтило отвѣта въ душѣ Маріи Николаевны, и любовь поэта осталась нераздѣленной. Разсказъ кн. Волконской въ „Запискахъ“ хранитъ отголосокъ дѣйствительно бывшихъ отношеній, и надо думать, что для Маріи Раевской, не выдѣлявшей привязанности къ ней Пушкина изъ среды его радыхъ, извѣстныхъ, конечно, ей увлеченій, остались скрытыми и глубина чувства поэта, и его возвышенность. А поэтъ, который даже въ своихъ черновыхъ тетрадяхъ былъ крайне робокъ и застѣнчивъ и не осмѣливался написать ея имя, и въ жизни неприлично стѣснялся и, по всей вѣроятности, тайлся и не высказывалъ своихъ чувствъ. Въ 1828 году, вспоминая въ Посвященіи къ „Полтавѣ“ прошлое, поэтъ признавался, что его „утаенная любовь не была признана и прошла безъ привѣта“. Этихъ словъ слишкомъ недостаточно, чтобы опредѣлить конкретную дѣйствительность, о которой они говорятъ. Въ августѣ 1823 года (въ началѣ одесскаго періода своей жизни) въ письмѣ къ брату Пушкинъ поминалъ объ этой любви, какъ о прошломъ, но это было прошлое свѣжее и недавнее, а воспоминанія были остры и болѣзненны. Въ это время онъ только что закончилъ или заканчивалъ свою поэму о Фонтанѣ, и ея окончаніе въ душевной жизни поэта вело за собой и нѣкоторое освобожденіе изъ-подъ тягостной власти нераздѣленнаго чувства. Надо думать, что къ этому времени онъ окончательно убѣдился, что взаимность чувства въ этой его любовной исторіи не станетъ его удѣломъ. Зная страстность природы Пушкина, можно догадываться, что ему не легко далось такое убѣжденіе. Тайная грусть слышна въ часто звучащихъ теперь и иногда насмѣшливыхъ припѣвахъ его поэзіи—обращеніяхъ къ самому себѣ: полно воспѣвать надменныхъ, не стоящихъ этого; довольно платить дань безумствамъ и т. д. А уже въ октябрѣ, заканчивая (22 октября) 1-ую главу „Онегина“, поэтъ писалъ:

Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блажень, кто съ нею сочеталъ
 Горячку рюмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поэзиі священный бредъ,
 Петраркѣ шествуя во-слѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,
 Поймалъ и славу между тѣмъ,
 Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.
 Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный умъ.
 Свободенъ, вновь ищу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
 Пишу, и сердце не тоскуетъ;
 Перо, забывшись, не рисуетъ
 Близъ неоконченныхъ стиховъ,
 Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
 Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ,
 Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ
 И скоро, скоро бури слѣдъ
 Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.... ¹.

¹ Черновикъ этихъ строфъ (LVIII и LIX) „Онѣгина“ въ тетради № 2369, л. 22. Неприведенные нами въ текстъ два послѣдніе стиха въ черновой читаются нѣсколько отлично отъ печатнаго текста:

Тогда-то я начну писать
 Поэму пѣсень въ 35.

Дальше слѣдуютъ въ рукописи слѣдующіе, не отмѣченные издателями стихи:

И снова милыя видѣнья
 Въ часы ночного вдохновенья
 [прзб.] Волнуясь легкою толпой
 Несутся надъ моею [главою (?)]

Но своей высоты примирительное настроеніе поэта достигаетъ въ „Цыганахъ“. Любовь поэта была не признана, отвергнута. Почему случилось такъ, гдѣ законы этого своеволія чувства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ „Цыганахъ“. Освобожденная отъ узъ закона стихійность чувства признана въ рѣчахъ стараго цыгана.

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:

Люби одно, не измѣнись!

.

Вольнѣ птицы младость.

Кто въ силахъ удержать любовь?

Предъ стихійностью чувства, которое не могло отвѣчать ему, долженъ былъ преклониться и поэтъ. Но сознание необходимости погасить свое чувство, сознание, вызванное горькой увѣренностью въ безнадежности его, не связывалось у Пушкина съ потемнѣніемъ любимаго образа. И въ іюнѣ 1824 года, когда Пушкину пришлось воснудиться своего чувства въ письмѣ къ Бестужеву, „мнѣніемъ этой женщины онъ дорожилъ болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики“.

Но нераздѣленная любовь бываетъ подобна степнымъ цвѣтамъ и долго хранить аромать чувства. Сладкая мучительность замираетъ и смѣняется тихими и свѣтлыми воспоминаніями: идеализація образа становится устойчивой, а не возмущенная реализмомъ чи-

Послѣ этихъ стиховъ, черновикъ 4 стиховъ опять изъ LIX строфы 1-ой строфы „Пишу и сердце не тоскуетъ“ и т. д. Не вошедшіе въ составъ „Онѣгина“ стихи очень близки къ тѣмъ, которые мы читаемъ въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“ (ст. 24—27):

Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизвѣсною красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.

стога общенія содѣйствуетъ возникновенію мистическаго отношенія къ прошлому. Исключительныя обстоятельства—великія духовныя страданія и героическое рѣшеніе итти въ Сибирь за любимымъ человѣкомъ—съ новой силой привлекли вниманіе поэта къ этой женщинѣ, едва ли не самой замѣчательной изъ всѣхъ, что появились въ Россіи въ ту пору, и образъ ея не только не потускнѣлъ, но и заблесталъ съ новой силой и въ новомъ блескѣ.

Рѣшившись въ серединѣ 1823 года бросить свой петраркизмъ, поэтъ отдался на волю своихъ похотей и страстей и жилъ разнообразной и широкой чувственной жизнью. Осенью 1823 года вмѣстѣ съ Амаліей Ризничъ онъ пережилъ всѣ стадіи бурной и раздѣленной страсти и испыталъ долго памятнаго ему мученія ревности ¹.

¹ Попытку опредѣлить цикл стихотвореній, вызванныхъ этой любовью къ А. Ризничъ, и выяснить индивидуальныя черты этой привязанности поэта я сдѣлалъ въ статьѣ „Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина“, появившейся въ „Вѣстникѣ Европы“ 1904, январь, и перепечатываемой въ настоящемъ сборникѣ. Въ настоящее время я поддерживаю выводы этой статьи во всемъ томъ, что касается исторіи Ризничъ и Пушкина, но долженъ сдѣлать оговорку: занятый исключительно стремленіемъ опредѣлить цикл Ризничъ, я долженъ былъ бы ограничиться простымъ констатированіемъ, что то или иное стихотвореніе къ этому циклу не относится, а я, не ограничиваясь этимъ, сдѣлалъ нѣкоторыя приуроченія такихъ стихотвореній, не совершивъ спеціальнаго критическаго разскаанія. Я имѣю въ виду отношенія Пушкина къ гр. Воронцовой, которыя для меня неясны и послѣ статьи Гершензона въ „Вѣстн. Евр.“ 1909, февр. и репликъ Лернера въ „Пушк.—Венгер.“. И Гершензонъ, и Лернеръ не углублялись въ разрѣшеніе вопроса. Позволю себѣ здѣсь дополнить наши фактическія свѣдѣнія разъясненіемъ помѣты въ черн. тетради № 2370, л. 11 об. Въ описаніи Якушкина (іюль, 6) помѣта прочтена такъ „5 сент. 1824, u. l. de... [une lettre de]“. Точками Якушкинъ обозначилъ довольно густо зачеркнутыя буквы. Эти буквы, кажется, можно разобрать. Пушкинъ написалъ сначала Rr потому что Rr покрылъ буквою V, а затѣмъ горизонтальными линіями зачеркнулъ ихъ. Желательно было бы, чтобы лица, имѣющія возможность посмотреть подлинную рукопись, высказались, правильно ли мое мнѣніе. Гершензонъ („Вѣстн. Евр.“ 1909 февр., 537) пишетъ по поводу помѣты: „почему письмо отъ“... означаетъ письмо именно отъ Воронцовой, это остается тайной вѣры. Въ рукописи за предлогомъ de слѣдовала одна прописная французская

Послѣ нея было новое увлеченіе (въ Одессѣ), исторія котораго пока совсѣмъ еще темна для насъ. Потомъ послѣдовали увлеченія не долгія и качественно различныя. Тутъ были и тригорскія барышни, и А. П. Кернъ, и крѣпостная „дѣвка“, и С. Θ. Пушкина и, можетъ быть, другія московскія дѣвицы. Въ 1828 году, когда Пушкинъ обдумывалъ и писалъ свою „Полтаву“, онъ кружился въ петербургскомъ свѣтѣ, присматриваясь къ нему ¹. Результаты наблюденій мы находимъ въ „Онѣгинѣ“. Въ этомъ 1828 году онъ сильно увлекался А. А. Олениной и А. Θ. Закревской. И подобно тому, какъ въ черновыхъ тетрадяхъ южныхъ онъ безпрестанно рисовалъ женскія ножки въ стременахъ и безъ стремянъ, такъ въ той тетради, которою онъ пользовался въ 1828 году, онъ безпрестанно чертилъ анаграмму имени и фамиліи Олениной ². Наивно-

буква, потомъ нѣсколько разъ зачеркнутая... Зачеркнутая въ тетради буква инициала очень похожа на R". Мой разборъ помѣты, кажется, правильнѣе разбора Гершензона.

¹ „Полтава“ начата 5 апрѣля. Эта помѣта сдѣлана передъ черновымъ, соответствующимъ моменту возникновенія, наброскомъ начала поэмы по первоначальному плану поэмы (Тетрадь 2371 л. 11). Пушкинъ самъ указалъ что „Полтаву“ онъ написалъ въ нѣсколько дней, а Анненковъ привелъ „цифры выставленныя въ концѣ каждой изъ пѣсней ея и сохранившіяся на клочкахъ черновой рукописи“: 3 октября—конецъ 1-ой пѣсни, 9 окт.—второй, 16 окт.—третьей“ (Анненковъ, Матеріалы, стр. 194 или Пушк.—Анненк. I 201). Эти клочки находятся въ М айковской коллекціи. См. Опис. Срезневскаго въ „Пушкинъ и его современники“, IV, стр. 10. Я не рѣшаюсь видѣть въ этихъ датахъ указаніе момента возникновенія: не означаютъ ли онѣ момента переписки уже сравнительно законченной редакціи? Не вникая въ подробности, сошлюсь, что положеніе и видъ черновики въ приводятъ къ необходимости заключить, что въ тетради 2371 „Полтава“ вписывалась гораздо раньше октября (начало—5 апр.; стихи на л. 23,—до половины августа). Кромѣ того, по черновымъ видно, что поэма не легко давалась Пушкину. Бѣловая редакція поэмы находится въ тетради 2372 безъ числовыхъ помѣтъ.

² Это—тетрадь № 2371. Якушкинъ почему-то не упомянулъ въ Описаніи объ этихъ помѣтахъ. Кстати, отмѣчу не упомянутую имъ дату, находящуюся на 1-мъ листѣ $\frac{1824}{1827}$ Москва 18 мая. Извѣстно, что въ ночь съ 18 на

стью вѣсть отъ этихъ Aninelo, Etenna, Aninelo, которыя разсыпаны въ тетради. На одной страницѣ намъ попалась даже тщательно зачеркнутая, но все же поддающаяся разбору записъ Annette Rouschkiene. А по поводу Закревской Вяземскій писалъ 15 октября 1828 года А. И. Тургеневу: „Цѣлое лѣто Пушкинъ крутился въ вихрѣ петербургской жизни, воспѣвалъ Закревскую“¹. Известны стихи Пушкина, посвященные этой увлекательной и эксцентричной женщиной. Ее попытался изобразить Пушкинъ въ этомъ же 1828 году, по свѣжимъ слѣдамъ, въ неоконченномъ наброскѣ „Гости съѣзжались на дачу“² въ героинѣ Зинаидѣ Вольской. Друзьямъ казалось, что разсыпанная жизнь, бурныя увлеченія могутъ погубить поэта³, но за этимъ бросавшимся въ глаза шумомъ и разгуломъ

19 мая Пушкинъ уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Не означаетъ ли помѣта день, въ который была заведена эта тетрадь (быть можетъ, поднесенная друзьямъ).

¹ Остафьевскій Архивъ. III, стр. 179.

² Черты, которыми охарактеризована Вольская въ неоконченной повѣсти Пушкина, какъ разъ тѣ самыя, которыя переданы въ воспоминаніяхъ о Закревской. Кромѣ того сравни отзывъ Минскаго въ повѣсти о Вольской („Она занята; я просто ея наперсникъ или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна“) съ отзывомъ Пушкина въ письмѣ къ Вяземскому отъ 1 сентября 1828 года: „Еслибъ не твоя мѣдная венера (т. е. А. Ѳ. Закревская), то я бы съ тоски умеръ—но она утѣшительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня въ свои сводники и т. д.“. Я говорю, Пучкинъ изображалъ ее по свѣжимъ слѣдамъ, т. е. въ 1828 году, ибо издатели и вслѣдъ за ними Лернеръ (стр. 259), относящій набросокъ къ 1831 году, не правы. Набросокъ повѣсти, находящійся въ тетради № 2371 (л. 27—36), писанъ несомнѣнно въ 1828 году. Доказательства: на л. 27, гдѣ начинается набросокъ, написано вверху нѣсколько стиховъ изъ „Полтавы“ („Полтава“ закончена въ октябрѣ 1828 года), при чемъ видно, что когда стихи эти записывались на этотъ листъ, набросокъ повѣсти уже былъ на немъ. Конецъ наброска повѣсти написанъ карандашомъ на л. 36 об. и сейчасъ же вслѣдъ карандашомъ же написаны стихи изъ „Полтавы“ („Самъ гетманъ сватовъ шлетъ“). Ясно, что повѣсть набросана раньше стиховъ изъ Полтавы, и очень похоже на то, что Пушкинъ непосредственно отъ прозы перешелъ къ стихамъ, ибо въ почеркахъ стиховъ и прозы нѣтъ рѣшительно никакой разницы.

³ Вотъ новый отрывокъ изъ хранящагося въ Тургеневскомъ Архивѣ

совершалась незамѣтная для другихъ работа совѣсти и сознанія ¹. Достаточно сказать, что въ маѣ этого года былъ написанъ покаянный псаломъ Пушкина: „Воспоминаніе“ и набросаны первыя, тоже „покаянныя“ строфы „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ ². Въ этомъ году Пушкинъ очень остро переживалъ свои воспоминанія и давалъ тяжкій отчетъ своей совѣсти. Его состояніе тягостно осложнилось еще разыгравшимся осенью этого года разслѣдованіемъ о „Гавриилѣдѣ“. Пушкина могла постигнуть тяжелая кара, быть можетъ, ссылка—

„Прямо, прямо на востокъ“.

Увѣренность поэта въ себѣ, въ собственной твердости въ это время подверглась большимъ испытаніямъ. Ожидая грозы, онъ писалъ:

Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль на встрѣчу ей

письма Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 18 апрѣля 1828 года: „Пушкинъ просился слѣдовать за главной квартирою, и ему позволили, только неизвѣстно еще, въ какомъ видѣ (это сообщеніе Вяземскаго было преждевременнымъ и невѣрнымъ)... Здѣсь (въ С.-Пб.) ведетъ онъ жизнь самую разсѣянную, и Петербургъ могъ бы погубить его. Ратная жизнь переварить его и напитаетъ воображеніе существенностью. До сей поры главная его поэзія заключалась въ немъ самомъ“.

¹ Любопытно, что какъ разъ въ этотъ годъ самоанализа и раскаяній Пушкинъ разоблачилъ Онѣгина: въ это время написаны строфы, описывающія, какъ Татьяна нашла разгадку Онѣгина.

² Подъ „Воспоминаніемъ въ Царскомъ Селѣ“ стоитъ дата 14 декабря 1829 года. Это несомнѣнно время окончательной отдѣлки. Приступъ же къ „Воспоминанію или тѣ наброски первыхъ двухъ строфъ, которые мы находимъ въ тетради 2371 (л. 17 об.), написаны несомнѣнно еще въ 1829 году. На самомъ дѣлѣ, работая надъ „Полтавой“ и наполнивъ стихами поэмы 18, листъ тетради, Пушкинъ по обычаю перешелъ на лѣвую сторону, но она была уже занята, и онъ могъ продолжать „Полтаву“ только на оставшейся свободной части л. 17 об. Занята же эта страница была, какъ сказано, началомъ „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“.

Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Среди такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ явился Пушкину образъ Маріи Волконской, женщины великаго и непреклоннаго духа; затихшее чувство снова взволновалось, и чистый аромать нераздѣленной любви сталъ острымъ и сильнымъ. Всѣ увлеченія поэта поблѣднѣли, подобно свѣчамъ, блѣднѣющимъ предъ лучами дня. Пустыня свѣта обнажилась. Въ эти минуты у поэта было одно сокровище, одна святыня—образъ М. Н. Волконской, послѣдній звукъ ея рѣчей¹.

Въ самой „Полтавѣ“, которую Пушкинъ такъ трогательно и таинственно посвятилъ М. Н. Волконской, мы находимъ исторію нераздѣленной любви. Пушкинъ, конечно, воспользовался своимъ опытомъ и вложилъ въ описаніе этой любви (въ сущности, для поэмы ненужное) много черточекъ субъективныхъ. И съ какой любовью, съ какимъ тщаніемъ онъ выписывалъ образъ своего романтическаго казака! Этотъ казакъ былъ тоже въ числѣ многихъ, презрѣнныхъ Маріей Кочубей. Онъ любилъ ее съ младенческихъ лѣтъ любовью страстной.

Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни украинскихъ черешень,
Бывало онъ Марію ждалъ
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ².

¹ Намъ извѣстна еще эпитафія Пушкина на смерть сына М. Н. Волконской („Арх. Раевскихъ“, т. I, стр. 266) и записочка, въ которой Волконская благодарить поэта за стихотвореніе. Этотъ обмѣнъ относится къ 1828—1829 годамъ.

² Сравни. набросокъ, относимый обычно къ 1820 году:

Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Екъ ней женихи,—изъ ихъ рядовъ
Унылъ и сирь онъ удалился.....

Не собственную ли свою исторію рассказываетъ въ этихъ стихахъ Пушкинъ? Читая повѣсть сердечныхъ страданій казака, М. Н. Волконская должна была бы узнать „звуки приверженной ей души“, „гласъ преданной ей музы“.

Задача нашихъ разысканій представляется намъ выполненной. Легендѣ, столь красиво рассказанной Гершензономъ, не мѣсто въ биографіи Пушкина, но объ исторіи „утаенной“ любви, любви „отверженной и вѣчной“, о которой мы знали по неясной традиціи, мы можемъ теперь говорить съ совершенной увѣренностью. Наши наблюденія надъ текстомъ и биографическія справки позволяютъ составить довольно опредѣленное и достовѣрное представленіе объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи сердца Пушкина.

Заключая на этотъ разъ свои разысканія, почитаю необходимымъ высказать глубочайшую благодарность Борису Львовичу Модзалевскому, Сергѣю Федоровичу Ольденбургу и Алексѣю Александровичу Шахматову за ихъ неизмѣнно сочувственное и дѣйстви-

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ,
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И вдаль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

ное вниманіе, которое было мнѣ такъ дорого во время работы, и за ихъ цѣнное содѣйствіе, которому обязаны появленіемъ въ печати эти мои разысканія.

С.П.Б. 29 іюня 1910 года.

XV.

Предшествующія главы разысканій были сообщены въ чистыхъ листахъ редакціей изданія „Пушкинъ и его современники“ М. О. Гершензону и вызвали съ его стороны возраженіе „въ отвѣтъ П. Е. Щеголеву“, напечатанное вслѣдъ за моею статьей въ томъ же, XIV выпускѣ изданія (стр. 167—198). Мнѣ показалось необходимымъ, въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія и окончательнаго разрѣшенія вопроса, дополнить разысканія еще одной главой, которая появилась въ той же книгѣ сейчасъ же за отвѣтомъ М. О. Гершензона. Воспроизвожу эти дополненія.

Возраженіе М. О. Гершензона въ отвѣтъ мнѣ заключаетъ, по преимуществу, изъясненіе его *мнѣнія* о моихъ разысканіяхъ и еще новое утвержденіе его *отры* въ дѣйствительность разсказанной имъ легенды о любви Пушкина къ княгинѣ Голицыной. Вижу, что М. О. Гершензонъ неубѣдимъ, и что работа моя ему не понравилась, но не почитаю необходимымъ и полезнымъ для дѣла останавливаться на этой сторонѣ его возраженія, ибо для выясненія истины не имѣетъ, въ сущности, значенія ни то или иное содержаніе мнѣнія М. О. Гершензона, ни та или иная степень его увѣренности въ правильности его построенія. Важны лишь указанія фактическія, соображенія по существу дѣла, но ими-то какъ разъ и бѣдно возраженіе М. О. Гершензона. Оно не содержитъ ни единого фактическаго сообщенія, которое дополняло бы и укрѣпляло мнѣнія, изложенныя имъ въ статьѣ „Сѣверная любовь Пушкина“ и по-

дробно разобранныя мною въ „Разысканіяхъ“. Въ то же время въ отвѣтъ мнѣ не находится и фактическихъ опроверженій моего разбора. Все, что можетъ предъявить М. О. Гершензонъ въ ослабленіе моихъ доводовъ, сводится къ единственному указанію на ошибочность моего „открытія“ въ рукописи „Посвященія“ къ „Полтавѣ“. Заявленіе о моей ошибкѣ, провозглашенное весьма категорично, опровергаетъ (на взглядъ М. О. Гершензона) одно изъ существенныхъ положеній моей работы, и поэтому мнѣ приходится подвергнуть анализу это заявленіе и установить настоящую ему цѣну.

Ни о какой *ошибкѣ* съ моей стороны не можетъ быть и рѣчи, и неправильность утвержденія М. О. Гершензона, будто въ тетради Пушкина написано не то, что я прочиталъ въ ней, очевидна—даже до обращенія къ рукописи—уже изъ дальнѣйшаго изложенія самого М. О. Гершензона, ибо, и по его свидѣтельству, то, что я прочелъ въ рукописи („Сибири хладная пустыня“), написано въ ней всѣми буквами. Слѣдовательно, самый терминъ „ошибка“ примѣненъ къ данному случаю безъ достаточныхъ основаній. Не о моей ошибкѣ надлежитъ говорить, а о цѣломъ рядѣ ошибокъ самого М. О. Гершензона, допущенныхъ имъ при передачѣ Пушкинскаго текста. Должно было ожидать, что, перенося центр тяжести вопроса въ область текста¹, онъ дастъ правильную и полную транскрипцію, если не всего текста, то хоть интересующей насъ части; но вмѣсто щепетильной точности, которая требуется отъ научныхъ работъ такого рода, М. О. Гершензонъ проявилъ удивительное пренебреженіе къ тексту, и его приемы при уста-

¹ Для меня вопросъ о текстѣ не возникалъ, а потому я и не далъ въ свое время транскрипціи. Жалѣю объ этомъ, ибо, дай я мѣсто транскрипціи, ни возраженія М. О. Гершензона въ этой его части, ни моего настоящаго дополненія не нужно было бы писать.

новленіи транскрипціи не заслуживаютъ названія научныхъ. Правда, съ перваго взгляда, какъ будто бы все у него въ „ученомъ“ порядкѣ: „окончательный“ текстъ вверху, а внизу подъ строкой, „основной“ въ сопровожденіи „ученыхъ“ примѣчаній, но это лишь видимость. Его сообщенія во всей ихъ совокупности не только не даютъ истиннаго представленія о рукописной дѣйствительности, но, должно сказать, могутъ повести только къ ложнымъ заключеніямъ, какъ это и случилось въ данномъ случаѣ съ М. О. Гершензономъ. Онъ не столько подвергъ рукопись ученому изслѣдованію, сколько, ограничившись любительскимъ набѣгомъ не нее, выловилъ изъ добычи то, что соотвѣтствовало его видамъ, и выбросилъ все то, что ему не годилось. Справедливость какъ этого общаго сужденія, такъ и ниже приводимыхъ замѣчаній легко провѣрить по прилагаемому снимку черновика „Посвященія“, занимающаго листы 69 об. и 70 лиц. въ тетради № 2371. Черновикъ набросанъ не вдоль страницы, а поперекъ: очевидно, Пушкинъ, раскрывъ тетрадь, перевернулъ ее на бокъ и началъ писать сверху внизъ сначала на лѣвой (69 об.), а затѣмъ на правой (70 лиц.) сторонѣ тетради. Обѣ страницы заняты первоначальными набросками, а для редакціи окончательной Пушкинъ воспользовался оставшимся мѣстомъ въ концѣ л. 70 лиц. Занимающій насъ набросокъ находится на правой сторонѣ тетради, но мы даемъ, во избѣженіе малѣйшихъ недоразумѣній, воспроизведеніе всего черновика, сопровождая его сильной транскрипціей на стр. 188—191. Для транскрипціи я пользуюсь двумя шрифтами: петитомъ и корпусомъ. Первымъ набраны слова и стихи, написанные между „строкъ“ или, вѣрнѣе, стиховъ и около нихъ. Я не придаю особаго значенія дѣленію текста по двумъ шрифтамъ и тѣмъ менѣе приписываю имъ значеніе указанія на ихъ хронологическую послѣдовательность. Чтò въ наброскахъ было основнымъ текстомъ и чтò къ нему не относится и приписано позже, опре-

~~Мне не надо, мне не надо, мне не надо~~
~~Мне не надо, мне не надо, мне не надо~~
~~Мне не надо, мне не надо, мне не надо~~
то
Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо

~~Мне не надо, мне не надо, мне не надо~~
~~Мне не надо, мне не надо, мне не надо~~
~~Мне не надо, мне не надо, мне не надо~~
уно
Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо

Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо

27 окт.
1894
Маминский.

Мне не надо, мне не надо, мне не надо

Мне не надо, мне не надо, мне не надо

Мне не надо, мне не надо, мне не надо

Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо

Мне не надо, мне не надо, мне не надо

Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо
Мне не надо, мне не надо, мне не надо

Мне не надо, мне не надо, мне не надо

дѣлать съ достовѣрностью невозможно. Неразобранныя мной слова обозначаются сокращенно нрз., нрзб., нрзбрч., прочитанныя предположительно—сопровождаются вопросительнымъ знакомъ въ боковыхъ скобкахъ; зачеркнутыя ставятся въ прямыя скобки. Расположеніе словъ и стиховъ необходимо провѣрять по снимку.

Мы остановимся на разборѣ части черновика, находящейся на л. 70 лиц. и заключающей наброски къ концу „Посвященія“ (ст. 11—16). Тема конца—обращенное къ „ней“ завѣреніе, что она и все, что ей близко, съ ней связано, дорого поэту: „Вѣрь, Ангелъ, что во дни разлуки, Въ моей измѣнчивой судьбѣ“ и т. д. Слѣдующіе стихи потребовали отъ поэта значительной работы и ряда набросковъ. Желая назвать святое и дорогое въ очаровавшей его женщинѣ, поэтъ вспоминаетъ „ея страданья, ея слѣды, ея пустыню, ея печали, ея образъ, послѣдній звукъ ея рѣчей“. „Пустыня“ является въ первыхъ же стихахъ правой страницы тетради (л. 70 лиц.), и въ первомъ же явленіи это слово—отнюдь не достояніе поэтического стиля, а столь же ясное, не допускающее сомнѣнія, указаніе на живую дѣйствительность, какъ и то, о которомъ вспоминаетъ поэтъ въ словахъ: „Твои печали, послѣдній звукъ твоихъ рѣчей“. Словомъ „пустыня“ поэтъ означалъ дѣйствительную мѣстность, въ которой пребывала она. Подбирая эпитеты, Пушкинъ стремился опредѣлить эту пустыню еще яснѣе, рѣзче: она и далекая, и печальная, и суровая (послѣдній эпитетъ не прочитанъ М. О. Гершензономъ). Набрасывая на этой же страницѣ, нѣсколько ниже, конецъ посвященія въ обработанной редакціи, Пушкинъ колеблется между двумя эпитетами: онъ пишетъ „печальная“, зачеркиваетъ и замѣняетъ словомъ „далекая“, но въ печати появляется все же первый эпитетъ „печальная“. Любопытно самое колебаніе въ вопросѣ, какое слово отдать читателю, выдать въ свѣтъ. Ясно, что въ послѣдней, рукописной и печатной, редакціи такъ же, какъ

Лѣвая сторона тетради—листь 69 об.

[нрзб.] [тебѣ]
[Гдѣ ты] — [тебѣ послушной]

[тебѣ]
[Воспоминаемъ (?) упоенный (?)]

[нрзб. нрзбрч.] [я]

[лиры]

[вѣрь Ангель]

[пѣсни]
[Дойдутъ ли звуки] [до тебя]

[тебѣ] тебѣ
но звуки [лиры] [нрзбрч.]

[лиры вдохновенной]

[Поймешь ли] прежній (?) гласъ (?) [гласъ душевной муки]
[Поймешь ли] [поэта] [звуки]
[Гласъ [сердечной] [мой]
[гласъ] [души] [моей]

[нрзбрч.] [коснется ль]
[дойдетъ ли пѣсня до тебя!]

Иль — посвященіе поэта

[ли ты]
[Поимешь кому] [желаю]

[утаенная]
[Какъ] [нѣкогда его] [любовь]

[нрзб.] [нынѣ(?) я]
[Ихъ посвятить] [нрзбрч. я]

Какъ утаенная любовь —
[Не будетъ признано тобою]

[нрзб.]
[Предъ кѣмъ хочу]

[Тобой непризнанное вновь] безъ привѣта

[Поймешь ли]

Поймешь—ахъ

Передъ тобо[ш]ю
[пройдетъ] [безъ(?)] [какъ нрзб. нрзб.]
[Не встрѣтитъ] [ни вздоха] [нрзб.]
[Безъ привѣта]

[пройдетъ] [какъ нрзб.]
[Какъ нѣкогда моя] [любовь]
Пройдетъ—непризнанное вновь

[Священны мнѣ]	[глуши]	
[Какъ]	[святыня]	
[Твоей]	[возвышенной]	[души]
	[младенческой]	

Но если въ [во дни разлуки]
[Но если ты] — [разлуки]

[нрзб.]
[нрзб. нрзб.] [въ глуши]

ты
[Но если признаешь] [узнала]
Поймешь [задуманные (?)] звуки —

[души] [нр.]
[Тебѣ] приверженной души

О думай

[Вѣрь] что во дни разлуки

моей [покорной (?)] [въ тягостной (?)]
измѣнчивой Въ [печальной], [въ радостной] судьбѣ

[Твои] [страданья]

нрзб.
[Твой образъ] вѣчно мой]
[сладкой (?)] [нрзб.] музы [темной (?)]
нрзб. лиры [звуки] пѣснѣ (?)
Тебѣ . . . но [лиры вдохновенной (?)]

[Дойти] Коснуться слуха твоего —

[нрзб.]
Поймешь ли [въ] [душевной (?)] нрзб.]
душою скромной

Стремление
[Желанья] сердца моего — —

[печальная] [далекая]

[суровая] печальная (?)

[Твои слѣды], [твоя пу]стыня

нрзб. [слезы] [нрзб.] [послѣдняя нрзб.] послѣдній
[рѣчей] звукъ

[Твои] [печали], [образъ твой]— [нрзб.]

[нрзб.] [нрзб. нрзб.]
[Твой вѣчный образъ] [м]

[Мнѣ святыня]

[И отверженный?]

[И ты] [и] [передъ ней] —

[Что ты одна моя святыня]

[И (я?)] [благовѣю]

J [have] love this sweet
name —

[Что ты] [единая]

[что]

святыня

[Одна] [одна ты] [мнѣ] [м]

[свѣтъ]

[Что безъ тебя] [Св. (?)] [мнръ]

[одна]

нрзб.

[Что ты] — [единая]

[Сибири хладная] [пустыня]

Тебѣ

[Посвященіе]

одно

сокровище

[Единственный свѣтъ души] [моей]

Моей души
[Единый (?)]

[души] моеи

далекая
Твоя [печальная] пустыня

Послѣдній
[Твой образъ] звукъ твоихъ рѣчей

Одно сокровище, святыня

Одна любовь
[для] [сумрачной] души моей

[2] [1]
Тебѣ... но голосъ Музы томной

Коснется ль слуха твоего?

Поймешь ли ты душою скромной

Стремленье сердца моего, [?]

Иль посвященіе поэта

нѣкогда его
Какъ [утаенная] любовь

Передъ тобою безъ привѣта

Пройдетъ непризнанное вновь?...

[Глазъ музы] [О] примешь [эти] тайны
[ты вѣб.] [Но] если [ты узнала] звуки
Мечтой [Цѣвницы] преданн[ой]и
[Души приверженной] тебѣ
Вѣрь, Ангель,

[О думай,] что во дни разлуки

Въ моей измѣнчивой судьбѣ—

27 окт.
1828
Малининки

и въ первоначальномъ извѣстномъ намъ черновикѣ, „пустыня“ — не метафорическое, а опредѣленное указаніе опредѣленной мѣстности. И такъ, въ непродолжительномъ, надо думать, процессѣ художественнаго созданія конца „Посвященія“ слово „пустыня“ сохраняетъ значеніе одной и той же, постоянной величины. И въ промежуточной стадіи этого процесса, засвидѣтельствованной серединой страницы, во встрѣчающемся тутъ, среди другихъ неотдѣланныхъ и перечеркнутыхъ стиховъ, стихѣ

Сибири хладная пустыня

„пустыня“ сохраняетъ то же значеніе опредѣленнаго указанія мѣстности, въ которой пребываетъ „она“. Выборъ эпитетовъ какъ бы указываетъ на желаніе устранить все, могущее навести на опредѣленный слѣдъ: „Сибири хладная“, конечно, совершенно ясно, устраняется эпитетъ „суровая“, „далекая“ и оставляется сравнительно не характерный „печальная“.

М. О. Гершензонъ пытается установить связь этого стиха съ однимъ изъ предшествующихъ и въ этой связи даетъ ему иное и — тутъ же скажу — искусственное, вздернутое толкованіе. „Пустыня“ для М. О. Гершензона въ этомъ стихѣ и въ этой промежуточной стадіи процесса созданія не имѣетъ значенія указанія на мѣсто-пребываніе ея, а является частью сравненія, стилистической фигурой: міръ безъ нея для поэта — Сибири хладная пустыня. Такое толкованіе противорѣчитъ представленію о единствѣ переживаній въ столь краткомъ процессѣ художественнаго творчества и, главное, совершенно не вяжется съ пушкинской поэтикой. Такое своеобразное сравненіе — не пушкинское. Эти общія соображенія о неприемлемости толкованія М. О. Гершензона находятъ рѣшительное подтвержденіе въ наблюденіяхъ надъ текстомъ, обнаруживающихъ въ полной мѣрѣ отсутствіе какихъ-либо основаній къ установленію

всего". Уже эта категоричность утверждения о томъ, *что хотѣлъ сказать* Пушкинъ, представляется странной: она тутъ рѣшительно не у мѣста, ибо мы имѣемъ дѣло лишь съ догадкой. Догадкой— только и всего. И на такую догадку могъ набрести лишь человекъ, небрежно разсматривавшій рукопись.

При установлении контекста не слѣдовало бы обходить вниманіемъ пробѣлъ въ стихѣ

Что безъ тебя мѣръ (2).

Пушкинъ оставилъ мѣсто для слова или словъ. Какихъ? Какъ опровергнуть М. О. Гершензонъ предположительное чтеніе на мѣстѣ пробѣла чего-либо въ родѣ „мнѣ скучень“? А при такомъ чтеніи рвется связь, прикрѣпляющая этотъ стихъ къ слѣдующему, ибо ихъ сочетаніе лишается смысла. Повидимому, на возможность связать съ приведеннымъ стихомъ стихъ

Сибири хладная пустыня (3).

наталкиваетъ точка послѣ слова „пустыня“. Но дѣло-то въ томъ, что нѣтъ точки въ рукописи и М. О. Гершензонъ незамѣтно, должно быть, для себя создалъ ее въ своемъ воображеніи, счелъ существующей и перенесъ въ транскрипцію. Нѣтъ ея, этой точки, замыкающей слова и смыслъ. Мало того: вслѣдъ за этимъ третьимъ стихомъ въ рукописи читается еще одинъ стихъ

Единый свѣтъ души моей (4).

М. О. Гершензону не угодно было удѣлить своего вниманія этому стиху: онъ его не замѣтилъ, или сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ,—и это очень жаль, ибо этотъ четвертый стихъ не вяжется съ предшествующимъ стихомъ въ контекстѣ М. О. Гершензона. Правда, изученіе рукописей показываетъ, что у Пушкина не въ обычаѣ было соблюдать знаки препинанія, и М. О. Гершензонъ

можетъ возразить: „я *вѣрю*, что тутъ кончается мысль и фраза Пушкина“. Но этой *вѣрѣ* можно противопоставить предположеніе, что мысль поэта оборвалась на второмъ стихѣ, а стихи третій и четвертый должны быть связаны. И для послѣдняго мнѣнія найдутся основанія, которыхъ нѣтъ для перваго. М. О. Гершензонъ опять таки не обратилъ вниманія и не оцѣнилъ того обстоятельства, что Пушкинъ между 2 и 3 стихомъ нашелъ возможнымъ вписать еще одинъ вариантъ: слѣдовательно, эти 2 и 3 стихи въ его сознаніи отдѣлялись. И вариантъ этотъ—„что ты единая“ и т. д. по строенію предложенія какъ разъ и примыкаетъ къ стиху „что безъ тебя мѣръ“. Конечно, въ такомъ случаѣ, пробѣлъ и долженъ былъ закончиться указаннымъ выше образомъ.

Но какъ вообще можно устанавливать опредѣленное отношеніе между незаконченными, неполными, перечеркнутыми отдѣльными стихами, когда такого отношенія между ними никогда, быть можетъ, и не было! Въ этихъ наброскахъ послѣдней части „Посвященія“ было нѣсколько приступовъ, мысль поэта искала выраженій; отыскавъ, поэтъ тотчасъ же отбрасывалъ и переходилъ къ новому строенію стиха или же просто останавливался на полдорогѣ. Затруднительно вычитывать изъ этихъ развалинъ одинъ опредѣленный смыслъ и невозможно признать принадлежность этихъ *tembra disiecta* одному опредѣленному построенію.

Отрицая за догадкой М. О. Гершензона какія-либо права на существованіе, мы не стремимся къ установленію связи 3-го стиха съ предшествующимъ и послѣдующимъ текстомъ и полагаемъ, что употребленное въ этомъ стихѣ слово „пустыня“ не измѣняетъ и здѣсь своему постоянному значенію, съ какимъ мы находимъ его и выше, и ниже на той же страницѣ. Эта хладная пустыня Сибири, очевидно, есть та же „ея далекая, печальная, суровая“ пустыня.

Такова цѣна единственному фактическому указанію, сдѣланному въ опроверженіе моихъ „Разысканій“. Фактическое въ сущности отсутствуетъ, и это указаніе раздѣляетъ въ нѣкоторомъ родѣ судьбу легенды, рассказанной М. О. Гершензономъ: его изслѣдованія въ области текста такъ же, какъ и его біографическія разысканія, являются плодомъ не столько ученой разсудительности, сколько воображенія, мечтательнаго воображенія. Только и всего.

Къ мѣсту отмѣтить одинъ пунктъ въ возраженіи М. О. Гершензона, наглядно показывающій, до какой степени властвуетъ надъ нимъ воображеніе. По его мнѣнію, мнѣ не удалось доказать, что стихотворенія I и II „не могутъ и не должны быть“ связываемы съ именемъ княгини М. А. Голицыной, но онъ согласенъ съ тѣмъ, что мой анализъ доказываетъ, что *нѣтъ документальныхъ основаній* относить I и II къ ней. (Меня удовлетворяетъ признаніе со стороны М. О. Гершензона и такого значенія за моей работой!). Но М. О. Гершензонъ, несмотря на признанное имъ отсутствіе документальныхъ основаній, „продолжаетъ, по его словамъ, думать, что I и II относятся къ Голицыной“. Очевидно, ни научный методъ изслѣдованія, ни фактическая дѣйствительность не имѣютъ въ его глазахъ преимущественной важности и уступаютъ въ своемъ значеніи передъ выводами, добываемыми путемъ нѣкоего мистическаго воспріятія. Но мы не послѣдуемъ, конечно, за М. О. Гершензономъ въ область воображенія и оставимъ его съ его вѣрой. Между прочимъ, онъ упрекаетъ меня за то, что я не рассмотрѣлъ его главнаго утвержденія о *фактѣ* сѣверной любви на югѣ, а подвергъ критикѣ второстепенную догадку о любви именно къ Голицыной. Да фактъ-то плохо засвидѣтельствованъ М. О. Гершензономъ и виситъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собой фактической почвы, для созданія которой требуются изученія и біографическія, и историко-

литературныя. Ни тѣхъ, ни другихъ М. О. Гершензонъ не дѣлаетъ. Какъ же его разбирать, этотъ фактъ? На самомъ дѣлѣ, если бы кому-либо заблагоразсудилось объявить, что онъ вѣрить въ такой-то и такой-то фактъ (для примѣра, въ то, что Пушкинъ былъ одержимъ тайной страстью къ супругѣ Императора Николая Павловича!), то нельзя же на основаніи такого заявленія считать вопросъ поставленнымъ и направлять силы на его разсмотрѣніе. Пусть М. О. Гершензонъ „считаетъ себя въ правѣ поставить на очередь вопросъ о сѣверной любви Пушкина и въ частности—объ его любви къ княгинѣ М. А. Голицыной“—это его дѣло, но наше дѣло потребовать отъ него документальныхъ, фактическихъ основаній къ постановкѣ подобныхъ вопросовъ и въ случаѣ непредставленія первыхъ не принимать къ разслѣдованію вторыхъ. Вопросъ же о любви къ княгинѣ М. А. Голицыной можно просто сдать въ архивъ и всю легенду М. О. Гершензона зачеркнуть сверху до низу. Разсказъ М. О. Гершензона пріятенъ и привлекателенъ игрой воображенія, но въ научномъ отношеніи совершенно безплоденъ.

Спб. 5 февраля 1911 года.

АМАЛІЯ РИЗНИЧЪ
вѣ поэзіи А. С. Пушкина.

I.

„Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепеть ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота.
И мщенье—бурная мечта
Ожесточеннаго страданья“.

Полный текстъ этого прекраснаго стихотворенія былъ опубликованъ впервые въ книгѣ проф. И. А. Шляпкина „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“². До тѣхъ поръ мы знали изъ него только четыре первыхъ строки; издатели относили ихъ къ 1826 году. На автографѣ этого стихотворенія, принадлежащемъ проф. И. А. Шляпкину, находимъ точную дату: „1825 Триг. 23 Тригорск. 22“.

¹ Напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1904, январь; здѣсь перепечатывается съ нѣкоторыми измѣненіями.

² Этой книгѣ, дающей много новаго и для текста и для біографіи Пушкина, принадлежитъ видное мѣсто въ Пушкинской литературѣ. Правда, не всѣ выводы и сообщенія проф. И. А. Шляпкина могли быть приняты специальной критикой. Въ нашемъ очеркѣ мы касаемся лишь одного недоумѣнія, возбуждаемаго трудомъ проф. И. А. Шляпкина и связаннаго съ важнымъ вопросомъ о біографическомъ элементѣ въ стихахъ Пушкина, съ вопросомъ о правильности нашихъ утвержденій о посвященіи тому или другому лицу различныхъ стиховъ Пушкина. Это—одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Пушкинскаго творчества.

Къ кому относится это стихотвореніе? Чьей памяти поэтъ приноситъ въ жертву всѣ драгоцѣнные порывы своей души? П. А. Ефремовъ въ изданіи 1882 года (т. II, стр. 398) высказалъ предположеніе, что эти стихи вызваны воспоминаніемъ объ одесской знакомой Пушкина, г-жѣ Ризничъ. Проф. И. А. Шляпкинъ полагаетъ, что въ виду даты: „1825 годъ“, раньше неизвѣстной, окончательно падаетъ предположеніе П. А. Ефремова, и высказывается положительно за то, что оно относится къ извѣстной Аннѣ Петровнѣ Кернъ. То или иное рѣшеніе вопроса о томъ, къ кому относятся различныя стихотворенія Пушкина, имѣетъ важное значеніе для біографій поэта. Несомнѣнными являются указанія его самого, но они рѣдки, и приходится дѣлать одни предположенія,— а между тѣмъ, въ собраніяхъ сочиненій, даже самыхъ новѣйшихъ, мы встрѣчаемъ не мало такихъ догматическихъ „усвоеній“ стихотвореній Пушкина тому или другому лицу,—усвоеній, которыя какимъ-то невѣдомымъ путемъ повысились изъ догадокъ на степень достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Въ особенности мало достовѣрны и спутаны указанія при стихотвореніяхъ, связанныхъ съ семьей Раевского и съ пребываніемъ Пушкина на югѣ, при посланіяхъ кн. М. А. Голицыной, урожд. Суворовой, при стихахъ, посвященныхъ Амаліи Ризничъ. Попытаемся разобраться въ томъ, кому же именно посвящено стихотвореніе: „Все въ жертву памяти твоей“, и т. д.

Относится ли оно къ А. П. Кернъ? Объ ея отношеніяхъ къ Пушкину, по крайней мѣрѣ, въ тотъ 1825-ый годъ, къ которому относятся это стихотвореніе, мы можемъ судить по письмамъ къ ней А. С. Пушкина, напечатаннымъ во всѣхъ изданіяхъ. Не вдаваясь въ подробности этихъ отношеній, отмѣтимъ только общій, чувственный характеръ увлеченія Пушкина. Невозможно допустить, чтобы Пушкинъ и „мщенье—бурную мечту ожесточеннаго страданья“

—принесъ въ жертву той, которую онъ называлъ „вавилонской блудницей“, которой онъ писалъ въ такомъ легкомъ тонѣ: „Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! Divine!.. et puis: „ахъ мерзкая“! Pardon, belle et douce, mais c'est comte ça“, и т. д. Врядъ ли бы сталъ Пушкинъ выражаться: „все въ жертву *памяти твоей*“, въ то время, какъ Кернъ была такъ недалеко отъ него: въ Тригорскомъ, или въ Ригѣ, или въ С.-Петербургѣ (съ момента встрѣчи въ 1825 году, Кернъ только въ этихъ мѣстахъ и была въ этотъ годъ). Всѣ эти соображенія приводятъ къ слѣдующему выводу отрицательнаго характера: предположеніе о посвященіи стихотворенія А. П. Кернъ не можетъ быть допущено. И такой выводъ имѣетъ свое значеніе.

Прежде, чѣмъ обратиться къ предположенію П. А. Ефремова, остановимся на комментаріяхъ проф. И. А. Шляпкина, которые могутъ послужить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать комментаріи. Разборъ ихъ поможетъ намъ вникнуть въ содержаніе стихотворенія, а выясненіе содержанія имѣетъ существенное значеніе для нашей цѣли. Высказавшись предположительно о посвященіи стиховъ А. П. Кернъ, проф. И. А. Шляпкинъ безъ оговорокъ распредѣляетъ партіи: „на Е. Н. Вульфъ намекаетъ поэтъ, когда говоритъ о слезахъ воспаленной дѣвы. „Трепетъ ревности моей“— конечно, намекъ на А. Н. Вульфа, уѣзжавшаго съ А. П. Кернъ въ Ригу“. Необходимо указать, что подобные комментаріи могутъ опощлять стихи Пушкина и лишать ихъ всякаго художественнаго смысла. Стихотвореніе прекрасно именно по глубокому чувству, его проникающему: поэтъ приноситъ въ жертву памяти о любимой женщинѣ все самое цѣнное для его души, и слезы воспаленной любовью дѣвушки, всякой дѣвушки, и мученія ревности, всякія мученія, и блескъ славы и т. д. И. А. Шляпкинъ низводитъ стихотвореніе почти до эпиграммы:—увы, поэтъ готовъ пожертвовать

памяти любимой имъ только слезы Евпраксii Николаевны Вульфъ; поэтъ готовъ ради памяти отказаться ревновать ее къ Алексѣю Николаевичу Вульффу.

Но правъ ли П. А. Ефремовъ, утверждая, что это стихотвореніе относится къ Ризничъ? Эпизодъ одесскаго увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ принадлежитъ къ интереснѣйшимъ и запутаннѣйшимъ пунктамъ біографіи поэта.

Всѣ фактическія данныя о г-жѣ Ризничъ исчерпываются всего двумя сообщеніями. Первое принадлежитъ проф. К. П. Зеленецкому, и оно появилось въ 1856 году въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ и тогда же было перепечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“¹. Проф. Зеленецкій заявилъ себя, какъ осторожный изслѣдователь, и на достовѣрность его сообщеній можно полагаться, но необходимо обратить вниманіе на особенность источника его свѣдѣній: онъ разузналъ о Ризничъ отъ одесскихъ старожиловъ,—а слѣдовательно, узналъ то, что *говорилось* о ней въ Одессѣ. Второе сообщеніе принадлежитъ проф. Халанскому: оно появилось въ „Харьковскомъ университетскомъ Сборникѣ“ 1899 года. Со словъ проф. Сречковича, г. Халанскій передаетъ рассказы мужа Ризничъ. По этимъ двумъ сообщеніямъ исторія Ризничъ выясняется въ слѣдующихъ чертахъ.

Иванъ Ризничъ, сынъ богатаго сербскаго купца, человѣкъ отлично образованный въ итальянскихъ университетахъ, сначала имѣлъ банкирскую контору въ Вѣнѣ, а потомъ переселился въ Одессу и занялся хлѣбными операціями. Съ Ризничемъ Пушкинъ познакомился въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Одессу изъ Кишинева. Въ 1822 году Иванъ Ризничъ уѣхалъ въ Вѣну жениться и весной 1823 года возвратился съ молодой женой. Въ началѣ

¹ Перепечатано въ книгѣ проф. В. А. Яковлева: „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“. Одесса, 1887. Добавленіемъ къ этой статьѣ являются нѣкоторыя данныя въ „Замѣткѣ о Пушкинѣ“ въ „Библиографическихъ Запискахъ“. 1858, стр. 137.

іюня этого года Пушкинъ переселился на жительство въ Одессу. Тогда же начинается его знакомство съ женой негоціанта. Кто же была она? Пушкинъ и его одесскіе современники считали ее итальянкой; проф. Зеленецкій сообщаетъ, что она—дочь вѣнскаго банкира Риппа, полунѣмка, полуйтальянка, съ примѣсью, быть можетъ, еврейской крови. Сречковичъ со словъ мужа Ризничъ утверждаетъ, что она была итальянка, родомъ изъ Флоренціи. Нѣтъ основаній не вѣрить словамъ Сречковича. Относительно необыкновенной красоты г-жи Ризничъ всѣ современники согласны: высокаго роста, стройная, съ пламенными очами, съ шеей удивительной формы, съ косой до колѣнъ. Она ходила въ необыкновенномъ костюмѣ: въ мужской шляпѣ; въ длинномъ платьѣ, скрывавшемъ большія ступни ногъ. Среди одесскихъ женщинъ она была поразительнымъ явленіемъ. В. И. Туманскій писалъ въ 1824 году изъ Одессы своей пріятельницѣ объ одесскихъ дамахъ: „недостатокъ свѣтскаго образованія чувствителенъ въ одесскихъ дамахъ. Женщины—первыя создательницы и истинныя подпоры общества. Слѣдовательно, имъ непростительно упущать всякую малость, способствующую выгодамъ сего новаго отечества. Всѣ приманки ума, ловкости просвѣщенія должны быть употреблены, дабы внушить въ мужчинъ и охоту къ свѣтскимъ удовольствіямъ, и сердечную признательность къ дамамъ. У насъ ничего этого нѣтъ,—замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичатся людей“, и т. д. Ризничъ, очевидно, подходила къ тому идеалу женщины, который рисуетъ Туманскій. Амалія Ризничъ не была принята въ высшемъ одесскомъ обществѣ, которое и сосредоточивалось—то въ одномъ домѣ графини Воронцовой. Что преграждало ей доступъ въ высшій свѣтъ: эксцентричность одежды, необыкновенность поведенія или соціальное положеніе, или, наконецъ, другія обстоятельства, о которыхъ глухо говоритъ проф. Зеленецкій? На

этотъ вопросъ мы отвѣтить не можемъ. Поклонники ея собирались въ домѣ Ризничъ. Ихъ было не мало: среди нихъ особенно настойчивымъ былъ Пушкинъ. По выраженію мужа Ризничъ, Пушкинъ увивался около Амаліи, какъ котенокъ (као маче,—по-сербски). Одесскіе старожилы передавали проф. Зеленецкому, что Пушкинъ встрѣтилъ соперника въ польскомъ шляхтичѣ Собаньскомъ. Иванъ Ризничъ называетъ князя Яблоновскаго. Пользовался ли Пушкинъ взаимностью Амаліи Ризничъ? Молва утверждаетъ, а Ризничъ, приставившій къ женѣ для наблюденія стараго своего слугу, отрицаетъ. Ризничъ пробыла въ Одессѣ недолго; мужъ говоритъ, что она разстроила свое здоровье и уѣхала лечиться. 30 апрѣля 1824 года, изъ одесскаго городского магистрата было выдано свидѣтельство на право выѣзда за границу г-ну Ивану Ризничу съ семействомъ, а въ первыхъ числахъ мая г-жа Амалія Ризничъ, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ Александромъ, слугою и двумя служанками выѣхала въ Австрію, Италію и Швейцарію. 30-го іюня Пушкинъ уѣхалъ въ Михайловское. Въ Одессѣ рассказывали, что вскорѣ послѣ отъѣзда Ризнича выѣхалъ и соперникъ Пушкина, Собаньскій; за границей онъ догналъ ее, проводилъ до Вѣны и бросилъ. Мужъ Ризничъ говоритъ, что за Ризничъ послѣдовалъ во Флоренцію князь Яблоновскій и здѣсь добился ея довѣрія. Ризничъ недолго прожила на родинѣ. По всей вѣроятности, въ началѣ 1825 года, она умерла. „кажется, въ бѣдности, призрѣнная матерью мужа“, какъ говорили въ Одессѣ. Но, по словамъ мужа, она не получала отъ него отказа въ денежныхъ средствахъ во время жизни въ Италіи. Этимъ ограничиваются всѣ наши фактическія свѣдѣнія объ Амаліи Ризничъ.

Амалія Ризничъ имѣетъ всѣ права на вниманіе по тому вліянію, которое оказала она на душу поэта и, слѣдовательно, на его творчество. Быть можетъ, когда-нибудь мы будемъ имѣть настоя-

щую біографію поэта,—не фактическую исторію вѣдшихъ событій его жизни, а исторію сокровенныхъ движеній его души, ея жизни. И будущій біографъ долженъ будетъ опредѣлить, что внесла въ эту жизнь Ризничъ, и выяснить, въ чемъ была индивидуальность этой любви Пушкина. Первый вопросъ, на которомъ нужно остановиться—вопросъ о томъ, какія же произведенія Пушкина вызваны этой женщиной. Тутъ царитъ большая путаница: съ именемъ Ризничъ связываютъ различныя стихотворенія, иногда прямо противоположныя по содержанію: Анненковъ создалъ даже „трехчленную лирическую пѣснь“ изъ стихотвореній: Элегія 1825 („Подъ небомъ голубымъ“), „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальней“—и связалъ эту пѣснь съ именемъ Ризничъ. Впрочемъ, онъ осторожно замѣтилъ, что трехчленная лирическая пѣснь обращена къ одной или двумъ особамъ, умершимъ за границей. Осторожныя замѣчанія Анненкова были расширены и перетолкованы позднѣйшими изслѣдователями, и Амалия Ризничъ получила исключительное значеніе въ жизни Пушкина; комментаторы и біографы стали принимать ее за ту таинственную женщину, которая внушила Пушкину вѣчную любовь къ ней. Для рѣшенія поднятаго въ началѣ нашей замѣтки вопроса о томъ, можно ли отнести къ Ризничъ отрывокъ „Все въ жертву памяти твоей“,—необходимо разобраться въ путаницѣ различныхъ приуроченій поэтическаго матеріала къ Амаліи Ризничъ. Намъ представляется далеко не лишней попытка опредѣлить характеръ отношеній поэта къ женѣ одесскаго негоціанта и выяснить, какія именно стихотворенія Пушкина запечатлѣны ея вліяніемъ.

II.

Намъ кажется, что внимательный анализъ стихотвореній Пушкина поможетъ намъ разобраться въ біографическихъ вопросахъ, вызываемыхъ ими. Начнемъ съ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“;

относительно этого стихотворенія можно съ достовѣрностью сказать, что оно относится къ Амаліи Ризничъ. Обратимъ вниманіе на обстоятельства, при которыхъ оно написано.

Амалія Ризничъ выѣхала изъ Одессы за границу въ первыхъ числахъ мая 1824, а Пушкинъ отправился въ ссылку 30 іюля,— должно быть, раньше, чѣмъ распространились слухи о томъ, что вслѣдъ за Ризничъ отправился его соперникъ. Послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Одессѣ мысли Пушкина были заняты другою женщиной. Въ стихотвореніи „Къ морю“, написанномъ непосредственно передъ отъѣздомъ, въ іюлѣ, поэтъ обращается къ морю:

„Ты ждалъ, ты звалъ... Я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я“.

Эти строки никакъ нельзя считать свидѣтельствомъ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которая въ это время была за границей: если бы онъ былъ окованъ могучей страстью къ Ризничъ,—незачѣмъ было бы оставаться у береговъ! Изъ этого можно было бы сдѣлать слѣдующій выводъ: увлеченіе Ризничъ нужно отнести къ начальному періоду пребыванія Пушкина въ Одессѣ. Въ стихотвореніяхъ 1830 года „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальней“ поэтъ рисуетъ слѣдующими чертами разлуку съ неизвѣстной намъ женщиной, въ которой комментаторы видятъ Ризничъ.

„Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой“. („Заклинаніе“).

„Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой,
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой;
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;

Томленья страстнаго разлуки
 Мой стоишь молилъ не прерывать.
 Но ты отъ горькаго лобзанья
 Свои уста оторвала;
 Изъ края мрачнаго изгнанья
 Ты въ край иной меня звала“, и т. д.

Но если принять во вниманіе, что поэтъ въ это время былъ очарованъ могучей страстью, приковывавшей его къ берегамъ Чернаго моря, если вспомнить, что вслѣдъ за Ризничъ уѣзжалъ и соперникъ поэта, то придется усомниться въ томъ, что оба эти стихотворенія вызваны воспоминаніемъ о разлукѣ съ Ризничъ.

Еслибы моментъ разставанія поэта съ Ризничъ соотвѣтствовалъ описанному въ этихъ строкахъ, то мы вправѣ были бы предположить, что и въ Михайловскомъ въ своихъ воспоминаніяхъ поэтъ обращался все къ той же Амаліи Ризничъ, страсть въ которой была такъ могуча. Но въ это время,—пишетъ Анненковъ,—настоящая мысль поэта постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ—далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ: послѣ XXXII-й строфы 3-й главы „Онѣгина“ онъ дѣлаетъ приписку: „1 сентября 1824 года—Une lettre de***. Сестра поэта, О. С. Павлищева, рассказывала Анненкову, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата,—послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ.¹ Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его

¹ Совершенно непонятно, на основаніи какихъ данныхъ В. Я. Брюсовъ въ своей статьѣ „Изъ жизни Пушкина“ („Новый Путь“, 1903, июнь) сообщаетъ: „Когда въ Михайловскомъ приходили письма отъ Ризничъ, Пушкинъ запирался у себя въ кабинетѣ и старался весь день не видаться ни съ кѣмъ“.

произведеніяхъ стихотвореніе „Сожженное письмо“ 1825 года. Къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Михайловскомъ относится элегія „Ненастный день потухъ“. Она и самимъ поэтомъ отнесена, въ изданіи стихотвореній 1826 года, къ 1823 году—и всѣми издателями печатается подъ этимъ годомъ, но анализъ содержанія даетъ несомнѣнныя указанія на то, что элегія написана въ Михайловскомъ. Въ первыхъ четырехъ стихахъ поэтъ рисуесть обстановку, которая окружаетъ его:

„Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой,
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взшла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ“.

Пейзажъ, несомнѣнно, сѣверный, и въ 1823 году поэтъ не могъ видѣть его передъ своими глазами. Этому пейзажу поэтъ противопоставляетъ слѣдующую картину.

„Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ,
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой,
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ *время*: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потоленнымъ шумящими волнами,
Тамъ, подъ *завѣтными* скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна“...

Нѣкоторые комментаторы относили эти стихи къ Ризничь, но это невѣрно, потому что Ризничь въ это время была въ Италіи, въ странѣ, въ которой не было для Пушкина „завѣтныхъ“ скалъ. Рѣчь идетъ, конечно, объ Одессѣ, и подъ скалами тутъ нужно понимать не скалы горъ, а скалы гротовъ. П. О. Морозовъ дѣлаетъ совершенно неосновательное предположеніе, что „она“—это Марія Николаевна Раевская, та Раевская, о которой 18 октября 1824 го-

да кн. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, декабристъ, писалъ изъ Петербурга Пушкину: „имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ пріятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Маріей Николаевной Раевскою. Не буду вамъ говорить о моемъ счастьи“. Врядъ ли можетъ быть отнесено къ М. Н. Раевской это стихотвореніе, въ особенности заключительныя его строки:

„Тамъ, подъ завѣтными скалами,
 Теперь она сидитъ, печальна и одна...
 Одна... Никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
 Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
 Одна... Ничьимъ устамъ она не предастъ
 Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

 Никто ея любви небесной не достоинъ.
 Не правда-ль: ты одна? ты плачешь? я спокоенъ.

 Но если “

Точки поставлены самимъ Пушкинымъ; рукопись этого стихотворенія намъ неизвѣстна. Итакъ, этой элегіи нельзя отнести ни къ М. Н. Раевской, ни къ Амаліи Ризничъ. Не относится ли она къ той особѣ, о которой такъ туманно говоритъ Анненковъ?

Среди стихотвореній, написанныхъ въ Михайловскомъ, мы встрѣтили еще одно, которое также даетъ доказательство того, что не Ризничъ владѣла мыслью поэта въ его уединеніи, что не она была могучей страстью Пушкина въ Одессѣ. Это—„Желаніе славы“ (7 іюля 1825 года); лицо, къ которому обращено это стихотвореніе, опять-таки мы должны искать не въ Тригорскомъ, а тамъ, гдѣ поэтъ былъ до ссылки въ Михайловское; стихотвореніе заключаетъ, по нашему мнѣнію, важное автобіографическое свидѣтельство, указаніе на обстоятельства, сопровождавшія разлуку поэта съ этой особой, и намекъ на какую-то связь этой любви поэта съ его высылкой изъ Одессы.

..Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,—
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ призваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: „Скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?“
А я стѣсненное молчаніе хранилъ;
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ; я мнилъ,
Что вѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... *И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета,— все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, ишь я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
И все передо мной затмилось! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья“.*

О минутѣ разлученья идетъ рѣчь и въ отрывкѣ, который на-
ходится въ одесской тетради Пушкина.

„Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
 Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни
 Прожношу я горестныя пени.
 Все кончено, я слышу твой отвѣтъ.
 Обманывать себя не стану,
 Тебя (роптаниемъ) преслѣдовать не буду
 (И невозвратное), быть можетъ, позабуду.
 (Я зналъ: не для меня) блаженство,
 Не для меня сотворена любовь...
 Ты молода, душа твоя прекрасна,
 И многими любима будешь ты“...

И въ этомъ, и въ предъидущемъ стихотвореніи любовная связь прекращается въ силу какихъ-то неясныхъ для насъ, внѣшнихъ обстоятельствъ. „Послѣднія моленья въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья“ перваго стихотворенія („Желаніе славы“) напоминаютъ „горестныя пени“ отрывка. Въ стихотвореніи взаимная горячая любовь гибнетъ отъ неожиданныхъ внѣшнихъ событій... „Слезы, муки, измѣны, клевета“, все вдругъ обрушилось на голову поэта. Въ отрывкѣ, по неяснымъ причинамъ, любимая поэтотъ приходитъ къ мысли о необходимости разорвать свои интимныя отношенія съ нимъ.

Наблюденія надъ рукописями этихъ пьесъ могутъ при дальнѣйшемъ разслѣдованіи исторіи увлеченій Пушкина, дать матеріалъ для любопытныхъ выводовъ. Отрывокъ по положенію его въ тетради (2369-ой) датируется 1824 годомъ; если отъ датировки требовать точности, то его можно было бы отнести и къ 1823 году, но во всякомъ случаѣ его не должно относить ко времени *позже 8 февраля 1824 года*, ибо на той страницѣ тетради, гдѣ онъ вписанъ, сейчасъ же вслѣдъ за нимъ находится несомнѣнно писанный позже отрывокъ черновикъ письма къ Бестужеву, которое въ бѣловомъ помѣчено 8 февраля 1824 года. Слѣдовательно, то дѣйствительное

событіе, о которомъ идетъ рѣчь въ отрывкѣ, случилось до 8 февраля 1824 года.

„Желаніе славы“ напечатано въ изданіи 1826 года подъ 1825 годомъ, въ бѣловомъ автографѣ стоитъ помѣта „7 іюля“. Въ тетради 2369-ой на об. 39 листа сохранился черновикъ, вверху, передъ этимъ находимъ черновикъ къ 39-ой строфѣ 2-ой главы „Онѣгина“, которая, какъ извѣстно, дописывалась въ концѣ ноября, въ началѣ декабря 1823 года; а на слѣдующей 40-ой страницѣ тетради черновикъ письма къ А. И. Тургеневу отъ 1 декабря 1823 года. Такимъ образомъ, если только конецъ страницы 39-ой об. не былъ заполненъ какъ-нибудь случайно позже, если на этихъ страницахъ Пушкинъ пользовался своей тетрадью систематично, то время появленія черновика относится къ декабрю 1823 года. Обращаясь къ перечеркнутому тексту, мы должны считать набросокъ на стр. 39-ой об. не столько черновой редакціей элегіи „Желаніе славы“, сколько первоначальной редакціей иного замысла, редакціей, которая послужила потомъ для обработки элегіи въ позднѣйшее время, именно въ 1825 году. Фактическія обстоятельства въ это время даже измѣнились. И если вступительные стихи наброска въ 1823 году говорили о настоящемъ времени: „когда [любовію] желаніемъ и [щастьемъ] нѣгой упоенный Я на тебя гляжу колѣнопреклоненный“, то въ 1825 году поэтъ пользуется уже прошедшимъ временемъ. Самое содержаніе первоначальной редакціи очень любопытно. Набросокъ читается съ большимъ напряженіемъ и вотъ что можно разобрать среди полузачеркнутыхъ и подъ зачеркнутыми строками

желаніемъ нѣгой [нрзб]
Когда [любовію] и [щастьемъ] [утомленный]
Я на тебя гляжу колѣнопреклоненный
 мнѣ главу [нрзб] [нрз.] уста
И ты [мнѣ] [нр] обнимешь, и [нрзб] въ уста
 и лѣчишь [нрзб]

[Цалуешь] поцалуемъ—
 Дыханье жар-
 еихъ усть [За чѣмъ тогда] [мрачить?]
 [съ любовію] ^{мы}
 вливаешь [Мы] [ждемъ тоскуемъ]
 [И] [на гла- Свое дыханье вливаешь
 захъ] [ты дум] я
 [И имъ]

Щастливъ ли [я].

Я не завидую богамъ

Въ пушкинской литературѣ укрѣпилось предположеніе, что та особа, къ которой летѣла мысль поэта въ Михайловскомъ и о которой такъ туманно говоритъ Анненковъ,—жена начальника по одесской службѣ Пушкина, графиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова; отношенія ея къ Пушкину совершенно не обслѣдованы биографами поэта. Такому разслѣдованію долго мѣшало, конечно, то обстоятельство, что графиня была жива и умерла только въ 1880 году. „Преданія эпохи,—писалъ въ 1874 году Анненковъ,—упоминаютъ еще о женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой она управляла мыслью и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головки, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни“. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не имѣемъ критическаго разслѣдованія отношеній Пушкина къ княгинѣ Е. К. Воронцовой, которое дало бы намъ право притти къ опредѣленному на этотъ счетъ мнѣнію ¹.

¹ Сравн. выше примѣчаніе на стр. 178.

III.

Одесскія новости доходили до Пушкина очень туго; онъ постоянно жалуется въ своихъ письмахъ изъ Михайловскаго на ихъ отсутствіе и просить ихъ. Не много зналъ онъ и о Ризничъ. 21 августа 1824 года А. Н. Раевскій сообщалъ Пушкину о мужѣ Ризничъ, о томъ, что онъ „опять принялъ бразды театральнаго правленія, и актрисы ему одному повинуются“. Профессору Зеленецкому рассказывали люди, близкіе къ Ивану Ризничу, что онъ былъ въ перепискѣ съ Пушкинымъ; трудно повѣрить этому извѣстію: чтò же было общаго между обманутымъ мужемъ и любовникомъ его жены? Врядъ ли къ кому другому, а не къ Амаліи Ризничъ, можетъ быть отнесенъ отрывокъ изъ описанія Одессы въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„А только ль тамъ (въ Одессѣ) очарованій?

А розыскательный лорнетъ?

А закулисныя свиданья?

А prima donna? а балетъ?

А ложа, гдѣ, красой блистая,

Негоціантка молодая,

Самолюбива и томна,

Толпой рабовъ окружена?

Она и внемлетъ, и не внемлетъ

И каватинѣ, и мольбамъ,

И шуткѣ съ лестью пополамъ..

А мужъ—въ углу за нею дремлетъ,

Въ просонкахъ „фора!“ закричитъ,

Зѣвнетъ—и снова захрапитъ“

Съ этимъ-то мужемъ врядъ ли бы сталъ переписываться Пушкинъ, и не изъ его писемъ узналъ Пушкинъ о смерти Амаліи Ризничъ за границей. Ризничъ умерла въ первой половинѣ 1825 года, во всякомъ случаѣ, къ июлю 1825 года въ Одессѣ уже знали о ея смерти и объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти: гово-

рили и о томъ, что Иванъ Ризничъ предоставилъ ей умереть въ нищетѣ (мы видѣли, что самъ Ризничъ, въ разговорѣ съ Сречкови-чемъ, отрицалъ это). Подпись: „іюль 1825“, мы встрѣчаемъ подъ сонетомъ одного изъ поклонниковъ Ризничъ, В. И. Туманскаго: „На кончину Р.“ Этотъ сонетъ напечатанъ въ альманахѣ Райча и Ознобишина: „Сѣверная лира на 1827 годъ“ (цензурное разрѣшеніе на печатаніе дано 1 ноября 1826 года) съ посвященіемъ А. С. Пушкину. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ прочелъ этотъ сонетъ только въ печати. Пушкинъ переписывался съ В. И. Туманскимъ: до насъ дошло по нѣскольку писемъ того и другого, между прочимъ, и письмо Пушкина къ Туманскому, отъ 13 августа 1825 года. Анализируя содержаніе этого письма, мы не найдемъ въ немъ ни одной фразы, которая обнаруживала бы, что это письмо Пушкина къ Туманскому—не первое, имъ писанное. Между прочимъ, Пушкинъ писалъ въ немъ ¹: „Объ Одесѣ, кромѣ газетныхъ извѣстій, я ничего не знаю, напиши мнѣ что-нибудь“. Послѣдняя фраза даетъ основаніе думать, что отвѣтъ Туманскаго былъ первымъ его письмомъ къ Пушкину. Вполнѣ естественно предположить, что Туманскій подѣлился съ Пушкинымъ своимъ стихотвореніемъ, написаннымъ на смерть Ризничъ и посвященнымъ Пушкину. Свое стихотвореніе онъ долженъ былъ сопроводить нѣкоторыми фактическими разъясненіями, безъ которыхъ не все въ немъ было бы понятно Пушкину. Вотъ что писалъ Туманскій о Ризничѣ:

¹ Первые строки этого письма (Сочин. Пушкина. Переписка Изд. Академіи Наукъ т. II, стр. 261) для насъ несомнѣнно понятны: буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь взглянуть изъ моего гнѣзда“. Любопытно, что эти строки дословно совпадаютъ съ началомъ черноваго наброска письма къ Княжевичу, написаннаго въ концѣ ноября, въ началѣ декабря 1824 года. Это письмо тамъ же, стр. 154. И въ этомъ наброскѣ поэтъ жадно проситъ вѣстей изъ Одессы: „Объ Одесѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить,—а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами“ и т. д.

„Ты на землѣ была любви подруга:
 Твои уста дышали слаще розъ,
 Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
 Горѣла страсть, блистало небо юга.
 Къ твоимъ стопамъ съ горячностью друга
 Склонялся міръ—твои оковы несть,
*Но Гименей, какъ сѣверный морозъ,
 Убилъ цѣтокъ полуденнаго мура.*
 И гдѣ жъ теперь поклонниковъ твоихъ
 Блестящій рой? Гдѣ страстныя рыданья?
 Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,
 Ужъ новый огонь волнуетъ души ихъ;
 И для тебя *сей голосъ струнъ чужихъ—*
 Единственный завѣтъ воспоминанья!“

Посвящая Пушкину это стихотвореніе, не думалъ ли о немъ Туманскій, когда писалъ о разсѣявшихся поклонникахъ, которыхъ уже къ другимъ красавицамъ влекутъ желанья, и души которыхъ волнуетъ новый огонь? Если думалъ, то вѣдь онъ разумѣлъ подъ новыми увлеченіями поэта не увлеченія сельца Михайловскаго, а одесскія увлеченія, которыя одни только и могли быть ему извѣстны. Въ стихахъ Туманскаго необходимо отмѣтить легкой отгѣнокъ сожалѣнія, укора, обращеннаго къ умершей.

Отвѣтомъ на извѣстіе о смерти Ризничъ, полученное поэтомъ или отъ Туманскаго или отъ кого-либо другого (мы больше склонны къ первому предположенію), была извѣстная, прекрасная элегія: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной она томилась, увядала“. Уже первыя строки показываютъ, что поэту была извѣстна одесская версія разсказа о смерти Ризничъ, въ бѣдности, брошенной и любовникомъ, и мужемъ.

„Увяла, наконецъ, и вѣрно надо мной
 Младая тѣнь уже летала;
 Но недоступная черта межъ нами есть; -
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
 И равнодушно ей внималъ я“.

Намъ необходимо запомнить то впечатлѣніе, съ которымъ поэтъ принялъ извѣстіе о смерти когда-то любимой имъ женщины. Онъ былъ равнодушенъ; въ его сердцѣ уже не было любви къ ней. Въ этихъ стихахъ обращаетъ вниманіе выраженіе: „изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть“; эти слова хочется сопоставить съ той характеристикой, которую даетъ своему сонету Туманскій: „сей голосъ струнь чужихъ“. Но откуда же такое полнѣйшее равнодушіе у Пушкина, который когда-то былъ страстно увлеченъ Ризничъ? Ея образъ запечатлѣлся въ его представленіи; не затмили ли его тѣ свѣдѣнія, которыя сообщилъ ему или Туманскій, или кто-нибудь изъ одесскихъ пріятелей, по слухамъ, циркулировавшимъ въ Одессѣ?

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
 Съ такою нѣжною томительной тоской,
 Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
 Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
 Для бѣдной легковѣрной тѣни,
 Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
 Не нахожу ни слезъ, ни пени“.

Какое тяжелое осужденіе тому, кто былъ такъ любимъ прежде! Бѣдная легковѣрная тѣнь! Легковѣрная, потому что легко вѣрила въ клятвы любви... Трудно повѣрить, что на Пушкина такъ подѣйствовало только одно сообщеніе о томъ, что его соперникъ уѣхалъ вслѣдъ за Ризничъ: было что-то и другое, для насъ исчезнувшее.

Итакъ, эта элегія, несомнѣнно, относящаяся къ Ризничъ, даетъ немногочисленныя, правда, но опредѣленныя указанія на характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ и свидѣтельство о судьбѣ его отношеній къ ней послѣ отъѣзда изъ Одессы. Опираясь на эти данныя, можно уже прямо выбрасывать изъ цикла

Ризничъ тѣ стихи, въ которыхъ мы найдемъ противорѣчащую характеристику Ризничъ; но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору, остановимся еще на разобранной элегіи. Когда написана она? Въ изданіи 1829 года элегія отнесена самимъ поэтомъ къ 1825 году, но автографъ элегіи, вновь найденный въ 1899 году, даетъ указаніе на 1826 годъ, какъ на годъ созданія этой пьесы ¹. Въ этой рукописи вверху передъ стихотвореніемъ имѣется помѣта „29 іюля 1826 года. Кромѣ того, подъ стихотвореніемъ читаемъ еще слѣдующія помѣты.

29 іюля 1826 г.

Усл. о см. 25.

У. о. с. Р. П. М. К. Б. 24.

Пока этотъ автографъ считался утеряннымъ и мы знали о немъ только по неточнымъ сообщеніямъ Анненкова, можно было толковать о томъ, что помѣта „Усл. о см. 25“ содержитъ указаніе на годъ (1825-ый), въ который Пушкинъ услышалъ о смерти Ризничъ. Но теперь, когда мы можемъ прочитать помѣты на ново-найденномъ автографѣ, мы, кажется не должны сомнѣваться что „Усл. о см. 25“ означаетъ „услышалъ о смерти [Ризничъ] 25 іюля“ а „У. о. с. Р. П. М. К. Б. 24, „услышалъ о смерти Рылѣва, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 [іюля] ². Чтобы покончить съ исторіей этого стихотворенія, нужно указать, что Пушкинъ въ рукописи сообщилъ его Туманскому; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 2 марта 1827 года, В. И. Туманскій писалъ Пушкину: „Одна изъ нашихъ новостей, могущая тебя интересоватъ, есть женитьба Ризнича на сестрѣ Собаньской, Витовой любовницѣ. Въ приданое

¹ Сапожниковъ Д. Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи Пушкина. СПб. 1899, стр. 34--35.

² Они были повѣшены въ С.-Петербургѣ 13 іюля 1826 года.

за ней получилъ Ризничъ въ будущемъ 6000 черв., а въ настоящемъ—Владиміръскій крестъ за услуги оказанныя одесскому лицу. Надобно знать, что онъ въ лицеѣ никогда ничего не дѣлалъ. Новая м-мъ Ризничъ, вѣроятно, не заслужитъ ни твоихъ, ни моихъ стиховъ по смерти: это—малютка съ большимъ ртомъ и съ польскими ухватками“¹. Очевидно, тутъ говорится объ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“, потому что никакихъ другихъ мы не знаемъ. А эта элегія появилась въ печати лишь въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ“. Пушкинъ отослалъ ее Дельвигу только при письмѣ отъ 31 іюля 1827 года.

IV.

Еще разъ остановимся на той строфѣ элегіи, которая рисуетъ характеръ увлеченія Пушкина Ризничъ. Въ 1828 году Пушкинъ писалъ о себѣ:

„Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья,
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой!“

Но всякая любовь индивидуальна.

Какой же характеръ имѣла любовная схватка Пушкина въ 1823 году? Страсть къ Ризничъ оставила глубокой слѣдъ въ сердцѣ Пушкина своею жгучестью и муками ревности.

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!“

¹ А. С. Пушкинъ. Изд. Бартенева, вып. 2 М. 1885, стр. 127.

Тяжелое напряженіе любви, нѣжная, томительная тоска безумство и мученье—вотъ характерные признаки увлеченія Пушкина, его страсти.

Послѣднее—вѣрнѣе. Современники рассказывали проф. Зеленецкому, что Ризничъ любила быть окруженной толпой поклонниковъ, что Пушкину приходилось соперничать изъ-за ея любви. Яркое изображеніе своихъ мукъ Пушкинъ оставилъ въ элегии: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“. Многочисленные намеки на дѣйствительность объясняются только при предположеніи, что элегія обращена къ Ризничъ; проф. Зеленецкій въ своей статьѣ доказалъ это вполне убѣдительно ¹.

„Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой
 И всѣхъ дарить надеждою пустой
 Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
 Мной овладѣвъ, мой разумъ омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
 Бесѣдѣ чуждѣ, одинъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадою одинокой;
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
 Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводитъ ли красавица другая

¹ П. О. Морозовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. I, стр. 652) отказывается признать это стихотвореніе относящимся къ Ризничъ на томъ основаніи, что въ немъ говорится о матери той особы, къ которой обращено стихотвореніе, а г-жа Ризничъ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ. Какъ разъ это обстоятельство и даетъ лишній мотивъ относить элегію къ Ризничъ, потому что, какъ указываетъ проф. Зеленецкій, первые шесть мѣсяцевъ по отъѣздѣ въ Россію при Ризничъ находилась ея мать. Кстати, это сообщеніе даетъ указаніе и на время страсти Пушкина къ Ризничъ.

Двусмысленный со мною разговоръ,
 Спокойна ты; веселый твой укоръ
 Меня мертвить, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заставь меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
 Что жъ онъ тебѣ? Скажи: *какое право*
Имѣетъ онъ бльднить и ревновать?..
Въ нескромный часъ, межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?..
 Но я любимъ.. Наединѣ со мною
 Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои;
 Но я любимъ, тебя я понимаю.
 Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
 Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю“.

Это стихотвореніе было написано въ 1823 году ¹ и напеча-
 тано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 годъ, съ многочисленными
 опечатками, заставившими Пушкина напечатать его вновь у Бул-
 гарина, въ „Литературныхъ Листкахъ“ (февр. 1824 г. № 4, стр. 134).
 Здѣсь были исправлены ошибки, но зато исчезли строки, имѣ-
 ющія автобіографическое значеніе и набранныя у насъ курсивомъ.
 Въ черновой рукописи подробнѣе обрисованъ соперникъ:

„Предательски тобой ободренный
 Соперникъ мой надменный,
 Всегда, всегда преслѣдуетъ меня.
 Онъ вѣчно тутъ, колѣна преклоня.
 Являюсь я—блѣднѣетъ онъ...
 Иль иногда предупрежденный мной“...

¹ Можно датировать еще точнѣе: стихотвореніе написано не раньше
 14 октября 1823 года, такъ какъ черновикъ его написанъ на л. 16 тетради
 2319-ой сейчасъ же вслѣдъ за черновикомъ письма къ Вяземскому отъ 14 ок-
 тября 1823 года.

И въ самомъ стихотвореніи, и въ наброскахъ—яркая картина мукъ ревности, мукъ томительной и жгучей чувственной любви... Эта картина и изображеніе страсти въ элегій „Подъ небомъ голубымъ“ набросаны однѣми и тѣми же красками. Въ нашемъ воображеніи вырисовывается образъ обольстительной женщины, которая приковывала къ себѣ властью своей красоты и чувственного влеченія. Она умѣла возбуждать чувства ревности, могла измучить человѣка и хотѣла овладѣть всѣми. Первые мѣсяцы пребыванія Пушкина въ Одессѣ ознаменовались „безумными волненьями“ любви къ Амаліи Ризничъ, и только подъ конецъ его пребыванія новая страсть, не похожая на эту, вытѣснила образъ Ризничъ изъ сердца Пушкина. Но періодъ увлеченія Ризничъ остался памятнымъ. Въ 1826 году Пушкинъ окончилъ въ Михайловскомъ шестую главу „Онѣгина“; въ ней мы находимъ слѣдующія строфы, въ печати выброшенные. XV-я строфа ясно рисуетъ отношенія Пушкина къ чувству ревности:

„Да, да, вѣдь ревности припадки—
Болѣзнь, такъ точно, какъ чума,
Какъ черный сплинь, какъ лихорадки,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣтъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣтъ,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ, кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ, конечно, безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонитъ подъ топоръ“.

Это описаніе ревности говоритъ о томъ, что поэту были хорошо знакомы ея муки. Слѣдующая строфа посвящена памяти

той, которая заставила поэта перенести всё терзанія, всю болѣзнь ревности:

„Я не хочу пустой укорой
 Могилы возмущать покой;
 Тебя ужъ нѣтъ, о, ты, которой
 Я въ буряхъ жизни молодой
 Обязанъ опытомъ ужаснымъ
 И рая мигомъ сладострастнымъ!..
 Какъ учать слабое дитя,
 Ты, душу нѣжную мутя,
 Учила горести глубокой;
 Ты нѣгой волновала кровь,
 Ты воспаляла въ ней любовь
 И пламя ревности жестокой.
 Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
 Почій, мучительная тѣнь.

Эта строфа является какъ бы комментариемъ къ элегіи 1823 года: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“. Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что эти строфы вызваны воспоминаніями о Ризничѣ.

Г.

Къ Ризничѣ принято относить стихотвореніе „Иностранецъ“ (Въ альбомѣ):

„На языкѣ, тебѣ невятномъ,
 Стихи прощальные пишу,
 Но въ заблужденіи пріятномъ
 Вниманья твоего прошу:
 Мой другъ, доколѣ не уяну
 Въ разлукѣ, чувство погубя,
 Боготворить не перестану
 Тебя, мой другъ, одну тебя!
 На чуждыя черты взирая,
 Вѣрь только сердцу моему,
 Какъ прежде вѣрила ему,
 Его страстей не понимая“.

Подъ этими стихами въ рукописи стоитъ слѣдующая помѣта: „Veux-tu m'aimer? 18, 19 mai 1824 Pl. s. D'“. Ризничъ получила заграничный паспортъ 30 апр. 1824 года и, по справкѣ проф. Зеленецкаго, выѣхала въ первыхъ числахъ мая. Съ нѣкоторой натяжкой можно было бы первыя числа мая дотянуть до 18, 19 мая для того, чтобы имѣть возможность относить эти стихи къ Ризничъ. Но этому мѣшаетъ, главнымъ образомъ, то, что первый его набросокъ мы находимъ въ записной книжкѣ 1820—21 года, т. е. того времени, когда о Ризничъ Пушкинъ не имѣлъ никакого представленія. Другой черновой набросокъ этого стихотворенія мы встрѣчаемъ въ кипишевской тетради 1822 года. Во всякомъ случаѣ, первоначально Пушкинъ предназначалъ стихи для иностранки, намъ неизвѣстной; быть можетъ, въ окончательной редакціи онъ посвятилъ его Ризничъ, но тогда, конечно, на это стихотвореніе можно смотрѣть только какъ на альбомную замѣтку, не болѣе, а не какъ на искреннее выраженіе глубокаго чувства; въ послѣднемъ случаѣ поэтъ не сталъ бы приспособлять къ моменту свои старые стихи. Вѣрнѣе всего относить эти стихи не къ Ризничъ, а къ особѣ, имя которой намъ неизвѣстно¹.

Намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ опредѣлился совершенно ясно. Можемъ ли мы относить къ Ризничъ стихотворенія 1830 года: „Заклинаніе“, элегію „Для береговъ отчизны дальней“ и „Разставаніе“? Всѣ эти произведенія закончены Пушкинымъ осенью 1830 года, когда поэтъ сидѣлъ, окруженный карантинами, въ своемъ Болдинѣ, вдали отъ своей невѣсты, Н. Н. Гончаровой. Настроеніе Пушкина въ этотъ періодъ было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что передъ свадьбой онъ обра-

¹ Соч. Пушкина, ред. Морозова, 1903, т. I, с. 1: 656—658.

шался мыслью не къ будущей своей женѣ, а къ памяти другой, умершей женщины. Можно предполагать, по психологическимъ соображеніямъ, что всѣ три стихотворенія обращены къ одному лицу и въ такомъ случаѣ составляютъ превосходную лирическую трилогію. „Заклинаніе“ написано 17 октября; элегія—27 ноября; „Разставаніе“, представляющее по содержанію своему какъ бы эпилогъ къ двумъ первымъ, имѣетъ помѣту 5 октября 1830 ¹. Первая строфа „Разставанія“ рисуетъ отношеніе поэта къ неизвѣстной намъ женщинѣ, вдохновившей его на трилогію:

„Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать“.

Нечего и говорить о томъ, что тутъ поэтъ говоритъ не о Ризничѣ. Никоемъ образомъ не могъ Пушкинъ вспоминать съ нѣгой робкой и унылой опустошительную страсть къ Ризничѣ. „Заклинаніе“ и элегія—изображеніе мистической, загробной любви Пушкина:

„О, если правда, что въ ночи
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,

О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы—
Я тѣнь зову, я жду Лейлы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

.

¹ Автографы „Заклинанія“ и „Разставанія“ въ Пушкинскоѣ коллекціи принесенной въ даръ библиотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой. См. описаніе В. И. Срезневскаго (отд. и въ изд. „Пушкинъ и современникъ“ вып. IV).

Зову тебя не для того,
 Чтобъ укорять того

 но, тоскуя,
 Хочу сказать, что все люблю я,
 Что я все твой.

(„Заклинаніе“).

Твоя краса, твои страданья
 Исчезли въ урнѣ гробовой—
 Исчезъ и поцѣлуй свиданья..
 Но жду его: онъ—за тобой!..“

(„Для береговъ отчизны дальней“).

Возвышенный и мистическій оттѣнокъ этой любви Пушкина никакъ не подходитъ къ той совершенно опредѣленной характеристикѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которую мы выше сдѣлали. Кромѣ того, признаніе этихъ стихотвореній за посвященныя Ризничъ прямо противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы получили на основаніи анализа элегіи „Подъ небомъ голубымъ“. Въ послѣдней поэтъ говоритъ о своемъ равнодушіи къ памяти этой женщины, а въ стихахъ 1830 года—о своей любви, которой не уничтожила сама смерть. Наконецъ, мы уже указывали, что описанія разлуки въ „Заклинаніи“ и элегіи „Для береговъ отчизны дальней“ совершенно не соотвѣтствуютъ моменту разставанія въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ Ризничъ и Пушкина. Если вѣрно предположеніе, что замѣтка „Иностранкѣ“ находится въ альбомѣ Ризничъ, то это только подкрѣпляетъ наше мнѣніе. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отрицать мнѣніе объ отношеніи этой поэтической трилогіи 1830 года къ Амаліи Ризничъ¹.

¹ Нѣкоторое основаніе относить къ Ризничъ элегію „Для береговъ отчизны дальней ты покидала край чужой“ даютъ первыя строки стихотворенія. Извѣстно, что Пушкинъ, отдавая въ печать свои стихи, всегда стремился уничтожить всѣ намеки, которые могли бы помочь добраться до дѣйствительности. Поэтому чрезвычайно любопытно указаніе Анненкова на то что рукопись элегіи начинается такъ: „Для береговъ чужбины дальней ты покидала край родной.“

Послѣ всего сказаннаго о характерѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, мы можемъ притти къ тому выводу, что и стихотвореніе, которымъ начинается наша статья, „Все въ жертву памяти твоей“, написанное въ 1825 году, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ Амаліи Ризничъ¹.

Остается еще сказать объ одномъ стихотвореніи, которое связываютъ съ именемъ Ризничъ. Это—извѣстное „Воспоминаніе (1828)“, доставляющее много хлопотъ біографамъ поэта. Поэтъ съ грустью и тоской воспоминаетъ свои „утраченные годы“:

„Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
 На играхъ Вакха и Кириды,
 И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
 Неотразимыя обиды.
 И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
 Встаютъ два призрака младые,
 Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
 Мнѣ ангела во дни былые.
 Но оба съ крыльями и пламеннымъ мечемъ,
 И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
 И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
 О тайнахъ вѣчности и гроба!

Біографамъ поэта хочется во что бы то ни стало разузнать, кто эти двѣ тѣни. Если понимать стихотвореніе, какъ поэтическую метафору, то, пожалуй, поиски за мстящими тѣнями оказываются лишними. Анненковъ считаетъ весьма правдоподобнымъ, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ

¹ Въ своихъ замѣчаніяхъ объ этомъ стихотвореніи П. А. Ефремовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. VII, стр. 150) пишетъ: „мое будто бы „падающее“ мнѣніе основано на замѣчаніяхъ Анненкова, *знавшаго* дату 1825 (а не 1826 г.) и, тѣмъ не менѣе, отнесшаго стихи въ трилогіи: „Подъ небомъ голубымъ“, и т. д. Тутъ кроется недоразумѣніе: Анненковъ не высказывался по поводу отрывка „Все въ жертву памяти“. На стр. 347 перваго изданія „Матеріаловъ“, на которую ссылается П. А. Ефремовъ, Анненковъ предположительно относитъ къ трилогіи не этотъ отрывокъ, а другой (XII): „Все кончено“, и т. д. Мы видѣли насколько справедливо мнѣніе Анненкова.

госпожу Ризничъ. Мы знаемъ, чему научила Ризничъ поэта: ее-то онъ ужъ ни въ какомъ случаѣ не могъ взять въ ангелы-хранители. Но кто же все-таки, спросить читатель, если не эти тѣни, то та умершая особа, которая вдохновила Пушкина на трилогію 1830 года и которая и за гробомъ владѣла мыслями поэта? При современномъ состояніи нашихъ данныхъ о Пушкинѣ, мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, это далеко не единственный вопросъ въ исторіи внутренней жизни поэта, который мы не можемъ рѣшить.

Подводя итоги нашимъ разысканіямъ, мы можемъ утверждать, что цѣль Ризничъ въ творествѣ Пушкина обнимаетъ слѣдующія произведенія поэта: элегію 1823 года („Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“); элегію 1825 или 1826 года („Подъ небомъ голубымъ“) и XV—XVI строфы шестой главы „Онѣгина“, оставшіяся въ рукописяхъ. Всѣ же остальные стихотворенія, связывавшіяся съ именемъ Ризничъ, не могутъ быть относимы къ ней.

С.-Петербургъ.

1903.

Императоръ Николай I и Пушкинъ

въ 1826 году ¹.

Нельзя считать изслѣдованнымъ и выясненнымъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ императора Николая I и его ближайшихъ помощниковъ по III отдѣленію къ Пушкину. Обычное представленіе, возвеличивающее монарха и видящее въ Бенкендорфѣ съ его чиновниками досадное средостѣніе, основывается на предвзятыхъ мнѣніяхъ и не является результатомъ документальнаго изученія исторіи сношеній монарха и поэта. Но изъ всѣхъ учреждений, работавшихъ въ помощь Николаю Павловичу, ни одно не дѣйствовало въ такомъ согласіи и такой настроенности съ вершиной власти, какъ III отдѣленіе. Бенкендорфъ безъ хвастовства и лжи могъ говорить о себѣ, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ монарха. На этомъ основаніи при изученіи вопроса необходимо говорить больше о царѣ, чѣмъ о его помощникахъ, даже въ своей инициативѣ творившихъ волю пославшаго. Прежде всего слѣдуетъ отдѣлать на основаніи фактическихъ данныхъ показную сторону отъ закулисной и выяснить истинные, настоящіе взгляды Николая I на поэта. Мы знаемъ рядъ высказываній Николая I о Пушкинѣ; мы встрѣчаемъ рядъ мнѣній и свидѣтельствъ о его взглядахъ на Пушкина. Николай I заботливо старался, чтобы окружающіе его и самъ поэтъ думали, что онъ относится къ поэту и цѣнитъ его именно

¹ Напечатано въ журналѣ „Русская Мысль“ 1910 г., май.

такъ, какъ онъ высказывался. До сихъ поръ и изслѣдователи освѣщали отношенія царя къ поэту какъ разъ съ той точки зрѣнія, провести которую старался Николай I. Но это были не настоящіе его взгляды. Съ особеннымъ вниманіемъ мы должны уяснить, чѣмъ былъ для него Пушкинъ и какъ императоръ на него смотрѣлъ, когда былъ совершенно откровененъ, нараспашку, какъ, наприм., въ разговорахъ со своимъ братомъ Михаиломъ Павловичемъ или своими друзьями-слугами: Паскевичемъ, Бенкендорфомъ. Изложеніе отношеній и мнѣній другой стороны—самого поэта, и легче, и сложнѣе. Легче потому, что вообще въ Пушкинѣ не было двойственности, какъ не было ея и въ его отношеніи къ Николаю I, а сложнѣе по слѣдующимъ причинамъ. Хотя отношенія Николая I не были просты, но они легче поддаются изученію, ибо они не имѣли исторіи, ибо взгляды царя оставались такими же при кончинѣ поэта, какъ они сложились къ моменту перваго свиданія. Отношенія же Пушкина, наоборотъ, были просты и искренни, но имѣли свою исторію, очень сложную въ своихъ психологическихъ мотивахъ. Конечно, прежде всего, для этого нужно будетъ выяснить всѣ фактическія воздѣйствія власти на поэта въ періодъ 1826—1837 гг., показать ту безконечную сѣрую пелену, которая окутала Пушкина въ 1826 г., развертывалась во все теченіе его жизни и не разсѣялась даже съ его смертію. Затѣмъ придется изслѣдовать, чѣмъ былъ (и какъ сталъ быть) представитель высшей власти для ума, сердца и души поэта. Скажемъ тутъ же, что „настоящихъ“ взглядовъ царя Пушкинъ не зналъ, какъ онъ не зналъ и вообще Николая Павловича. Но ненормальность отношеній онъ созналъ довольно скоро, не могъ понять, въ чемъ дѣло, мучился темными подозрѣніями. Процессъ развитія его взглядовъ и его отношеній къ царю тѣсно связанъ съ жизнью созданнаго имъ поэтическаго образа государя въ его творчествѣ, съ теоретическими представленіями о монархѣ и вла-

сти. Необходимо разсмотрѣть возникновеніе и эволюцію этихъ представленій. Только поставивъ и разрѣшивъ всѣ эти вопросы, мы получимъ разрѣшеніе поставленной нами задачи.

Первая встрѣча императора Николая I съ Пушкинымъ произошла 8 сентября 1826 г. Этому свиданію охотно приписываютъ значеніе рѣшающаго момента въ отношеніяхъ царя къ поэту. Мы увидимъ дальше, что такого значенія оно не имѣло. Въ настоящей статьѣ, на основаніи изданныхъ и отчасти неизданныхъ матеріаловъ, мы намѣрены выяснитъ то представленіе о Пушкинѣ, какое сложилось у императора Николая I ко дню его встрѣчи съ поэтомъ и какимъ оно оставалось до самой кончины послѣдняго. Начало мнѣніямъ императора Николая I о Пушкинѣ, какъ и о большинствѣ лицъ русскаго общества, было положено въ эпоху работъ по разслѣдованію дѣятельности злоумышленныхъ обществъ, прикосновенныхъ къ событіямъ 14 декабря. Извѣстно, что учрежденная по этому поводу комиссія дѣйствовала подъ ближайшимъ и внимательнѣйшимъ руководствомъ самого государя. Съ этой комиссіи мы и должны начать.

I.

Въ то время, какъ слѣдственная комиссія и императоръ Николай I производили безчисленные аресты, чинили дознанія и допросы; въ то время, когда въ Россіи было мало дворянскихъ семей, которыя не имѣли бы среди своихъ близкихъ и родныхъ прикосновенныхъ такъ или иначе къ мятежу; когда паническій страхъ за судьбы дорогихъ людей охватывалъ русскіе интеллигентные круги,—Пушкинъ въ своемъ захолюствѣ безпокоился за себя, несомнѣнно, гораздо меньше, чѣмъ его друзья о немъ. Ему не передавалась тревожная атмосфера столицъ. Онъ совершенно ясно представлялъ себѣ свое положеніе, былъ убѣжденъ, что правительство удостовѣрится во время разслѣдованія, что „къ заговору онъ

не принадлежить и съ возмутителями 14 декабря связей политических не имѣть“ (такъ писалъ онъ Жуковскому во второй половинѣ января 1826 г.). Но совершенно увѣреннымъ въ своей безопасности онъ не былъ: „всетаки отъ жандарма я не ушелъ, легко можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ“. Впрочемъ, отъ всего этого дѣла онъ скорѣе ожидалъ для себя поворота къ лучшему, именно полагаясь на удостовѣреніе комиссіи въ его непричастности. „Если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться?“—писалъ онъ уже въ январѣ 1826 г. То въ серьезной, то въ шутиливой формѣ Пушкинъ съ этихъ поръ непрестанно забрасывалъ своихъ друзей вопросами о своей судьбѣ: „Пусть позволяютъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ П.-Б.“—писалъ онъ Плетневу 3 марта. Но отъ всѣхъ своихъ корреспондентовъ онъ получалъ одинъ отвѣтъ: сидѣть смирно, жить въ деревнѣ, постараться заставить забыть о себѣ. Было не до хлопотъ за поэта, когда слѣдственная комиссія и Николай I производили свою расправу. Освѣдомленный Жуковскій сообщалъ Пушкину, очевидно, по словамъ лицъ, близкихъ къ комиссіи (изъ нихъ ближе всѣхъ къ Жуковскому былъ Д. Н. Блудовъ) слѣдующее: „Ты ни въ чемъ не замѣшанъ—это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ“. Пушкина не потребовали къ отвѣту въ Петербургъ, и какъ только слѣдственная комиссія закончила свои дѣйствія и составила донесеніе, онъ подалъ Николаю Павловичу прошеніе. 10 іюля онъ писалъ Вяземскому: „Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились—это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя подъ именемъ Бар-

кова. Если бы я былъ потребованъ комиссіей, то я бы конечно оправдался, но меня оставили въ покоѣ, и, кажется, это не къ добру“.

Посмотримъ же теперь, какими данными для сужденія о Пушкинѣ располагала слѣдственная комиссія по дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, начавшая свои дѣйствія сейчасъ же послѣ 14 декабря 1825 г. и окончившая ихъ 30 мая представленіемъ всеподданнѣйшаго донесенія. Для отвѣта на этотъ вопросъ мы просмотрѣли все огромное производство комиссіи. Правда, записанныя показанія не исчерпываютъ всего матеріала, полученнаго слѣдствіемъ: многое, конечно, говорилось на допросахъ и не записывалось. Это нужно имѣть въ виду. Кромѣ того, мы не располагаемъ и тѣми списками стиховъ Пушкина, о непрестанномъ нахожденіи которыхъ у арестованныхъ писалъ Жуковскій Пушкину. Вещественныя доказательства—письма, рукописи, взятые при обыскахъ,—при дѣлѣ, за ничтожнѣйшими исключеніями, не сохранены. Но распространенность стиховъ Пушкина—фактъ общеизвѣстный (указанія встрѣтимъ и ниже), и слова Жуковского можно принимать въ буквальномъ значеніи.

Поставивъ задачей выясненіе источниковъ вольномыслія, слѣдственная комиссія почти всеѣмъ привлеченнымъ къ дѣлу задавала одинъ и тотъ же вопросъ: „съ котораго времени и откуда заимствовали вы свободный образъ мыслей, т.-е. отъ общества ли, или отъ внушеній другихъ, или отъ чтенія книгъ, или сочиненій въ рукописяхъ и какихъ именно? Кто способствовалъ укорененію въ васъ сихъ мыслей?“ Очень многіе изъ декабристовъ отвѣчали уклончиво на этотъ вопросъ, ссылаясь на отсутствіе въ нихъ вольномыслія. Нѣкоторые объявляли, что они обязаны образомъ своихъ мыслей своимъ размышленіемъ. Наконецъ, многіе называли рядъ авторовъ и сочиненій, повинныхъ въ распространеніи мятежнаго духа. Изъ русскихъ авторовъ и русскихъ сочиненій, названныхъ декабристами, на одно изъ первыхъ мѣстъ нужно поставить Пушкина и его стихи. Приведемъ нѣсколько подобныхъ отвѣтовъ

изъ показаній: ихъ будетъ достаточно для характеристики того представленія, которое могло сложиться у членовъ комиссіи о Пушкинѣ. Петръ Вестужевъ, братъ Александра и Николая, показывалъ: „Мысли свободныя зародились во мнѣ уже по выходѣ изъ корпуса, около 1822 года, отъ чтеній различныхъ рукописей, каковы: „Ода на свободу“, „Деревня“, „Мой Аполлонъ“, разныя „Посланія“ и проч., за которыя пострадалъ знаменитый (въ другихъ родахъ) поэтъ нашъ А. Пушкинъ“¹. Мичманъ В. А. Дивовъ записалъ въ своихъ показаніяхъ: „Свободный образъ мыслей получилъ... частію отъ сочиненій рукописныхъ; оныя были свободныя стихотворенія Пушкина и Рылѣева и прочихъ неизвѣстныхъ мнѣ сочинителей“². А вотъ отвѣтъ одного изъ энергичнѣйшихъ заговорщиковъ, заплатившаго смертью за свой энтузіазмъ, Мих. Пав. Вестужева-Рюмина: „Первыя либеральныя мысли почерпнулъ я въ трагедіяхъ Вольтера, которыя къ моему несчастію слишкомъ рано попались мнѣ въ руки. Послѣ, приготовляясь къ экзамену, учрежденному на основаніи указа 1809 года, я тщательно занимался естественнымъ правомъ гражданскимъ, римскимъ и политической экономіей (всѣ сіи предметы требуемые). Таковыя занятія дали мнѣ склонность къ политикѣ; я сталъ читать извѣстныхъ публицистовъ, изъ коихъ всего болѣе вреда мнѣ надѣлалъ пустословный де-Прадтъ. Между тѣмъ вездѣ слыхалъ стихи Пушкина, съ восторгомъ читанные. Это все болѣе и болѣе укореняло во мнѣ либеральныя мнѣнія“³. Баронъ Штейнгель въ очень рѣзкомъ письмѣ изъ крѣпости къ государю, разсуждая о невозможности бороться съ идеями, писалъ: „Сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества или вѣдавшихъ про оное, сколько бы многихъ по сему

¹ „Гос. Арх.“, I В., № 366, л. 5 об.

² „Гос. Арх.“, I В., № 365, л. 1.

³ „Гос. Арх.“, I В., № 396, л. 25 об.

преслѣдованію ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувстваванія... Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышавшими свободой?¹ Въ этомъ же родѣ и другіе отвѣты. Можно себѣ представить тѣ чувства, которыя возникали у членовъ комиссіи по отношенію къ Пушкину. Не можетъ быть сомнѣнія, что они старались добыть свѣдѣнія о прикосновенности Пушкина къ обществу, но ихъ старанія не увѣнчались успѣхомъ. Имя Пушкина не попало даже въ извѣстный и послѣднее время часто цитируемый Алфавитъ всѣмъ, имѣвшимъ хотя бы легкое касательство къ дѣлу о тайныхъ обществахъ. Алфавитъ этотъ, заключающій въ себѣ 567 фамилій, былъ составленъ для Николая Павловича и былъ его настольной книгой. Пушкинъ не былъ даже названъ членомъ „Зеленой Лампы“: названные были занесены въ эту книгу. Но все-таки въ дѣлахъ комиссіи сохранились нѣкоторые слѣды, свидѣтельствующіе о томъ, что комиссія не прочь была бы притянуть и Пушкина къ слѣдствію поближе. Два раза имя Пушкина было затронуто серьезно, два раза поэту грозила опасность.

¹ „Обществ. движ. въ первую полов. XIX в.“, т. I, изд. М. В. Широкова, стр. 490. Впрочемъ, въ отвѣтѣ на вопросъ о происхожденіи свободнаго образа мыслей Штейнгель, назвавъ „разныя сочиненія (кому неизвѣстныя?) Баркова, Нелединскаго-Мелецкаго, Ясвижскаго(?), кн. Горчакова, Грибоѣдова, Пушкина“, прибавляетъ: „Сія послѣднія вообще читалъ изъ любопытства и рѣшительно могу сказать, что они не произвели надъ мною иного дѣйствія, кромѣ минутной забавы: подобныя мелочи игриваго ума мнѣ не по сердцу“. „Гос. Арх.“, I В., № 360, л. 6. Приблизительно такъ же отвѣчалъ Александръ Бестужевъ, стараясь, очевидно, ослабить впечатлѣніе, которое оказалось бы вреднымъ для Пушкина: „Что же касается до рукописныхъ русскихъ сочиненій, они слишкомъ маловажны и ничтожны для произведенія какого-либо впечатлѣнія. Мнѣ не случилось читать изъ нихъ ничего, кромѣ: „О необходимости законовъ“ (покойнаго фонъ-Визина), двухъ писемъ Михаила Орлова къ Бутурлину и нѣкоторыхъ блесковъ А. Пушкина—стихами“. „Гос. Арх.“, I В., № 339, л. 4.

5 апрѣля 1826 года Бестужеву-Рюмину среди множества вопросовъ былъ предложенъ и слѣдующій:

„У комиссіонера 10-го класса Иванова найдены были стихи, написанные на доскутахъ и по содержанію своему означающіе неистовое вольномысліе, о коихъ Ивановъ отозвался, что получилъ отъ Громницкаго; сей же объяснилъ, что оныя дали ему вы въ Лещинскомъ лагерѣ при капитанѣ Тютчевѣ, который (равно Спиридовъ и Лисовскій) читали ихъ и знаютъ, что къ нему точно дошли отъ васъ, причемъ Громницкій дополнилъ, что вы будучи у Спиридова хвалили и прочитывали наизусть сочиненіе Пушкина подъ названіемъ „Кинжалъ“, которое тутъ же написали своею рукою и отдали Спиридову, а онъ, Громницкій, списалъ для себя уже у Спиридова. Справедливость сего свидѣтельствуютъ какъ Спиридовъ и Тютчевъ, такъ и Лисовскій. Капитанъ же Пыхачевъ показываетъ, что вы часто читали наизусть, хвалили и раздавали всѣмъ членамъ вольнодумскіе стихи Пушкина и Дельвига.

„Поясните чистосердечно:

„1) Когда, гдѣ и отъ кого вы получили стихи, данные Громницкому и чьею рукою оныя написаны? Точно ли оныя были ротмистромъ Паскевичемъ, какъ вы сказывали Тютчеву?

„2) Кому еще изъ членовъ давали какъ сіи, такъ и подобныя онымъ возмутительныя стихотворенія и отъ самихъ ли Пушкина и Дельвига получили оныя, или отъ кого другого?

„3) Сіи сочинители не были ли членами общества и въ какихъ сношеніяхъ находились съ вами, либо съ Сергѣемъ Муравьевымъ?“

Вопросъ былъ поставленъ прямо. Отвѣтъ М. П. Бестужева-Рюмина не далъ никакихъ указаній на причастность Пушкина къ обществу. Для насъ онъ цѣненъ, какъ сообщающій любопытную подробность въ біографіи Пушкина.

„Сіе показаніе Спиридова, Тютчева и Лисовскаго совершенно

справедливо. Пыхачевъ также правду говоритъ, что я часто читалъ наизусть стихи Пушкина (Дельвиговыхъ я никакихъ не знаю). Но Пыхачевъ умалчиваетъ, что большую часть вольнодумческихъ сочиненій Пушкина, Вяземскаго и Дениса Давыдова нашель у него еще прежде принятія его въ общество.

„1) Стихи Паскевича получилъ я въ Лещинѣ отъ него самого. Одни писаны рукою Жукова съ поправкою Паскевича, а другіе рукою Рославлева.

„Стихи Паскевича, какъ ихъ получилъ, такъ и отдалъ ихъ Тютчеву или Громницкому—сего уже не помню. Но говорилъ о нихъ Артамону Муравьеву и Пестелю. Списковъ съ нихъ никому не давалъ. *Рукописныхъ экземпляровъ вольнодумческихъ сочиненій Пушкина и прочихъ столько по полкамъ, что это насъ самихъ удивляло.*

„3) Принадлежать ли сіи сочинители обществу или нѣтъ, мнѣ совершенно неизвѣстно. Я Дельвига никогда не видалъ. С. Муравьевъ съ нимъ не знакомъ. *Съ Пушкинымъ я нѣсколько разъ встрѣчался въ домъ Алексѣя Николаевича Оленина въ 1819 году, но тогда еще былъ я ребенкомъ¹. С. Муравьевъ съ тѣхъ поръ, что оставилъ Петербургъ, Пушкина не видалъ“.*

Разнорѣчія въ показаніяхъ Пыхачева и Бестужева-Рюмина по вопросу о стихахъ Пушкина повели къ очной ставкѣ, которая была дана имъ въ комиссіи 26 апрѣля. На очной ставкѣ капитанъ Пыхачевъ „утвердилъ свое показаніе, прибавивъ, что кромѣ стиховъ, начинающихся: „у васъ Нева, у насъ Москва“ и пр., другихъ у него не было“. Подпоручикъ же Бестужевъ-Рюминъ „остался при своемъ показаніи“².

Въ другой разъ комиссія сдѣлала попытку привлечь Пушкина

¹ Въ 1826 г. Бестужеву-Рюмину было 24 года, а въ 1819 г. всего 17 лѣтъ.

² Г. А. I В. № 396, л. 124, 145, 150, 152, 157, 158.

поближе къ дѣлу по слѣдующему поводу. Александръ Поджіо, не ограничившись весьма откровенными показаніями передъ комиссіей, далъ къ нимъ новыя и важныя дополненія въ письмѣ на имя члена комиссіи генерала В. В. Левашева отъ 12 марта 1826 года. Тутъ онъ разсказывалъ подробно о своемъ пребываніи въ 1823 году въ Петербургѣ и между прочимъ писалъ: „Передъ выѣздомъ моимъ съѣхались къ Митькову. Между прочимъ былъ здѣсь и Рылѣевъ; я въ немъ видѣлъ человѣка, исполненнаго рѣшимостью. Здѣсь онъ говорилъ о намѣреніи его писать какой-то катихизисъ свободнаго человѣка, знаю, весьма преступный; и о мѣрахъ дѣйствовать на умъ народа какъ-то: сочиненіемъ пѣсенъ, пародіями существующихъ иныхъ на подобіе „Боже спаси царя“ Пушкинымъ пародированной, и пѣсни „Скучно мнѣ на чужой сторонѣ“¹ Съ умысломъ или безъ умысла, но комиссія сообщеніе Поджіо поняла такъ, будто Пушкинъ пародировалъ „Боже спаси царя“ на собраніи членовъ общества въ С.-Петербургѣ въ 1823 году—какъ разъ тогда, когда Пушкинъ жилъ на югѣ Россіи. Въ такомъ смыслѣ комиссія и запросила о справедливости словъ Поджіо Матвѣя Муравьева-Апостола. Но Муравьевъ-Апостолъ, давая подробно объясненія, рѣшительно заявилъ: „При семъ совѣщаніи не было Пушкина, который никогда не принадлежалъ обществу“².

Послѣ этого отвѣта другихъ членовъ комиссія уже и не запрашивала о томъ, былъ ли членомъ общества Пушкинъ. По крайней мѣрѣ, указаній на это мы не имѣемъ. Встѣ и все, что мы могли

¹ Г. А. I В. 402, л. 41 об. Цитируемъ по подлиннику. Мы уже имѣли случай (въ статьѣ „Катихизисъ Сергѣя Муравьева-Апостола“ Минувшіе Годы, 1908 г., ноябрь) указать, что въ неисправномъ изданіи г. Довнаръ-Запольскаго „Мемуары декабристовъ“ (Кіевъ, 1906 г., стр. 263) письмо Поджіо напечатано съ существенными искаженіями какъ разъ въ цитированномъ нами отрывкѣ.

² Г. А. I В. № 397, л. 98.

извлечь изъ производства комиссіи непосредственно относящагося къ Пушкину.

Итакъ, данныхъ оказалось слишкомъ недостаточно, чтобы можно было предъявить Пушкину обвиненіе въ принадлежности къ тайному обществу, потребовать его и наказать, но зато по этимъ даннымъ члены комитета могли составить совершенно опредѣленное представленіе о поэтѣ, чьи стихи были источникомъ пагубной заразы вольномыслія и принесли столько бѣдъ и заговорщикамъ, и государству. Конечно, члены комитета и до 14 декабря слышали и знали о Пушкинѣ, какъ авторѣ вольнодумческихъ одъ и посланій, но только во время слѣдствія они увидѣли всю значительность и фактическую пагубность ихъ дѣйствія, вочію убѣдились, что они сыграли важную роль въ развитіи мятежническаго настроенія декабристовъ. Изъ воспоминаній современниковъ, изъ мемуаровъ самихъ декабристовъ въ настоящее время мы знаемъ *это значеніе* поэзіи Пушкина, но для членовъ комиссіи оно, пожалуй, было и ново, и неожиданно: имъ блеснула въ глаза сила художественнаго и политическаго слова, сила мысли. Вредоносность Пушкина не подлежала сомнѣнію съ государственной точки зрѣнія слѣдователей-генераловъ и ихъ руководителя—царя. Быть можетъ, въ это время они осмыслили всю необходимость борьбы съ силой слова и мысли, въ это время они и поставили завѣтъ борьбы, которому безъ колебаній остались вѣрны на всю свою жизнь. Самый дальновидный изъ нихъ, Николай I не могъ не сознавать, что борьба съ вредоносностью художественнаго слова Пушкина, съ этимъ блестящимъ, обильнымъ источникомъ вольномыслія, не могла укладываться въ рамки расправъ слѣдственной комиссіи и требовала иныхъ средствъ. Нужна была увѣренность, что поэтъ не будетъ создавать блесокъ неистоваго вольномыслія, а этой увѣренности какъ разъ и нельзя было достигнуть ссылками, за-

ключеніями и т. п. Иное средство укрощенія строптивыхъ должно было быть примѣненнымъ къ Пушкину.

Все реальное, фактическое значеніе того обстоятельства, что члены комиссіи составили себѣ опредѣленное и прочное представленіе о политической неблагонадежности и зловредности поэтическаго таланта Пушкина, можно оцѣнить, вспомнивъ, кто были членами комиссіи. Все это люди, которымъ суждена была огромная роль въ правительствѣ Николая I, которые были облечены полнымъ довѣріемъ и имѣли большое вліяніе на него, съ которыми Пушкину въ послѣдующей его жизни случалось приходиться нерѣдко въ соприкосновеніе далеко не дружественнаго характера. И прежде всего надо упомянуть объ А. Х. Бенкендорфѣ. Проявлявшаяся имъ кипучая дѣятельность въ комиссіи выдѣлила его и навсегда сблизила съ Николаемъ I. Никто такъ остро не ощутилъ всего смысла борьбы съ мыслью и словомъ, какъ онъ и Николай I, и никто болѣе его не потрудился на этомъ поприщѣ. Не лишнее отмѣтить, что въ самомъ же началѣ дѣйствій комитета на него былъ возложенъ разборъ бумагъ, взятыхъ во время обысковъ. За Бенкендорфомъ идутъ великій князь Михаилъ Павловичъ, недружелюбіе котораго къ Пушкину можетъ быть засвидѣтельствовано документально; начальникъ главнаго штаба Дибичъ, дежурный генералъ (по секретной части) Потаповъ, кн. А. Н. Голицынъ (ему не могли быть безызвѣстны „пушкинскія“ эпиграммы на него), генералы Голенищевъ-Кутузовъ, Левашевъ и Чернышевъ—все представители высшей и вліятельной бюрократіи, задававшіе тонъ и мнѣніямъ и поведенію сановнаго міра¹. Всѣ они (не исключая и царя) были безпечны по части литературы, и можно сказать, что Пушкинъ-

¹ Предсѣдателемъ комиссіи былъ военный министръ Татищевъ. Изъ чиновниковъ комиссіи надо упомянуть объ А. О. Ивановскомъ, который впоследствии по должности своей въ III отдѣленіи объяснялся съ Пушкинымъ.

поэтъ для нихъ не существовалъ, а былъ только вольнодумецъ и политически неблагонадежный человѣкъ. Изъ этихъ-то отношеній, создавшихся въ первой половинѣ 1826 г., и надо исходить при оцѣнкѣ политическаго положенія Пушкина въ царствованіе Николая I.

Дополненіе къ даннымъ, полученнымъ официально изъ показаній привлеченныхъ въ дѣлу, и укрѣпленіе создававшегося о Пушкинѣ представленія приносили доносы. Всегда была обильна доносами русская земля, а въ то время доносительство достигло степеней чрезвычайныхъ ¹. Во всеѣ концы Россіи были разосланы офицеры, преимущественно флигель-адъютанты, для собиранія подъ рукой доносовъ и свѣдѣній, не укрываются ли еще гдѣ-нибудь гидра революціи и остатки вольнаго духа. Всеѣ эти посланцы представляли рапорты и донесенія о положеніи дѣлъ въ губерніяхъ, университетахъ и т. д. Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ мы очень мало знаемъ; обрывки донесеній встрѣчаются въ дѣлѣ слѣдственной комиссіи, но все собраніе ихъ намъ еще недоступно. Былъ посланъ такой соглядатай и въ прибалтійскій край, въ область управленія эстляндскаго генераль-губернатора Паулуччи. Проѣзжая черезъ Псковъ, этотъ агентъ собралъ свѣдѣнія о Пушкинѣ. Но донесеніе его намъ неизвѣстно ². Анненковъ безъ всякихъ основаній пола-

¹ Любопытные образцы доносовъ приведены у Н. К. Шильдера „Императоръ Николай I, жизнь и царствованіе“. Спб., т. I, стр. 426—430 и въ примѣчаніяхъ, стр. 541—442.

² Анненковъ слышалъ о посылкѣ „особеннаго агента въ началѣ 1826 года, съ порученіемъ объѣхать нѣсколько западныхъ губерній для узнаванія мѣстныхъ злоупотребленій и, при проѣздѣ черезъ Псковъ, собрать точныя и положительныя свѣдѣнія о самомъ поэтѣ, что по связямъ послѣдняго со многими декабристами, было тогда мѣрой, входившей въ общій порядокъ начатаго слѣдствія надъ заговорщиками“. „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“. Спб. 1874 г., стр. 320.

гаеть, что содержаніе его было благопріятно для Пушкина ¹. Мы же думаемъ, что донесеніе вѣроятно всего не расходилось съ тѣми данными, которыя были получены слѣдственной комиссіей.

А что Пушкинъ въ глазахъ высшихъ представителей власти былъ дѣйствительно опаснымъ человѣкомъ, объ этомъ свидѣтельствуесть дознаніе о связяхъ учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ, произведенное внѣ слѣдственной комиссіи, но, очевидно находящееся въ (неясной еще для насъ) связи съ ходомъ слѣдствія. Дознаніе это приходится какъ разъ на то время, когда комиссія занималась разслѣдованіемъ по сообщенію Поджіо и Пыхачева. Отмѣтимъ также и то, что всѣ лица, принимавшія участіе въ этомъ дознаніи, состояли членами слѣдственной комиссіи. Первый документъ, который мы имѣемъ, относится къ 4 апрѣля. Это—составленная, очевидно, на основаніи перлюстрированныхъ писемъ, записка дежурнаго генерала Потапова, сообщающая о проектѣ изданія „Цыганъ“ и о томъ, что по сему предмету комиссіонеромъ является Плетневъ. Эта записка была препровождена начальникомъ главнаго штаба Дибичемъ петербургскому генераль-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, который долженъ былъ дать объясненія по этой запискѣ. 16 апрѣля послѣдній отправилъ объяснительную записку, изложивъ въ ней исторію составленія рукописи „Цыганъ“ и характеристику Плетнева. „Плетневъ—поведенія весьма хорошаго, характера тихаго и даже робкаго... особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣеть, а знакомъ съ нимъ, какъ литераторъ. Входя въ бѣдное положеніе Пушкина, онъ по просьбѣ его отдаесть по комиссіи на продажу напечатанныя его сочиненія, и вырученныя деньги или купленныя на нихъ книги и вещи пересылаетъ къ нему“.

¹ Намъ не удалось разыскать этого донесенія; скорѣе всего оно находится или въ собственности Е. В. бібліотекѣ, или въ секретномъ отдѣлѣ архива главнаго штаба.

Совершенно ясно было, что въ отношеніяхъ Плетнева и Пушкина нѣтъ и намекъ на какую-либо злокозненность, но все дѣло было доложено императору, и онъ повелѣлъ Голенищеву-Кутузову „усугубить возможное стараніе узнать достоверно, по какимъ точно связямъ знакомъ Плетневъ съ Пушкинымъ и беретъ на себя ходатайство по сочиненіямъ его, и приказать имѣть за Плетневымъ ближайшій надзоръ“. Объ этой Высочайшей волѣ Дибичъ сообщилъ Голенищеву-Кутузову 23 апрѣля. А 29 мая послѣдній доносилъ объ исполненіи повелѣнія и о результатахъ сугубаго надзора. „Плетневъ дѣйствительно не имѣетъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ, а только по просьбѣ г. Жуковскаго смотрѣлъ за печатаніемъ сочиненій Пушкина и вырученныя за продажу оныхъ деньги пересылалъ къ нему, но и сего онъ нынѣ не дѣлаетъ и совершенно прекратилъ всякую съ нимъ переписку“¹. Такъ вотъ какой неблагонадежный и опасный человѣкъ былъ Пушкинъ, если даже богобоязненный и скромнѣйшій Плетневъ попалъ изъ-за невинныхъ сношеній съ нимъ подъ секретный надзоръ.

¹ Документы о связяхъ Плетнева и Пушкина напечатаны въ Русской Старинѣ (1899 г., т. ХСѴІІІ, май, стр. 509—510) и въ книгѣ Я. Грота „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ (Изд. 2-е, Спб., 1899 г., стр. 255—256). Дознаніе было вчинено на основаніи перлюстраціи писемъ. Вообще трудно допустить, чтобы письма Пушкина въ это тревожное время не просматривались, но явное доказательство мы находимъ въ самой же „Запискѣ“ Голенищева-Кутузова, который пишетъ: „относительно трагедіи Борисъ Годуновъ извѣстно, что Пушкинъ писалъ къ Жуковскому, что она не прежде имъ выдана будетъ въ свѣтъ, какъ по снятіи съ него запрещенія выѣзжать въ столицу“. Письма Пушкина къ Жуковскому съ подобной фразой мы не имѣемъ въ „Перепискѣ“ Пушкина. (Въ письмѣ къ Плетневу отъ 3 марта есть подходящее сообщеніе). Очевидно, свѣдѣнія Голенищева-Кутузова идутъ изъ перлюстраціи. До насъ не дошло извѣстій, какъ подѣйствовала вся эта исторія на Плетнева, конечно, осведомленнаго о ней; но въ „Перепискѣ“ за 1826 годъ письма Плетнева обрываются на письмѣ 14 отъ апрѣля. Впрочемъ, м. б., они случайно лишь не дошли до насъ.

Теперь понятно, почему друзья Пушкина совѣтовали ему тихо жить въ деревнѣ и не возбуждать никакихъ просьбъ. Слишкомъ несвоевременной оказалась бы попытка просить объ освобожденіи отъ наказанія въ тотъ моментъ, когда Пушкинъ на волосокъ висѣлъ отъ новыхъ каръ и новаго усугубленія своей участи. Отголоскомъ сужденій о Пушкинѣ въ высокихъ петербургскихъ сферахъ служить письмо Жуковского отъ 12 апрѣля. „Что могу тебѣ сказать на счетъ твоего желанія покинуть деревню? Въ теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности ничего сдѣлать въ твою пользу. Всего благоразумнѣе для тебя остаться покойно въ деревнѣ, не напоминать о себѣ и писать, но *писать для славы*. Дай пройти несчастному этому времени... Ты ни въ чемъ не замѣшанъ—это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ дружить съ правительствомъ. Ты знаешь какъ я люблю твою музу и какъ дорожу твоею *благодарителною* славою: ибо умѣю уважать поэзію и знаю, что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честью и драгоценностью Россіи. Но я ненавижу все, что ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности. Наши отроки (то-есть все зрѣющее поколѣніе), при плохомъ воспитаніи, которое не даетъ имъ никакой поддержки для жизни, познакомились съ твоими буйными, одѣтыми прелестію поэзіи мыслями; ты уже многимъ нанесъ вредъ неиспѣлимый—это должно заставитьъ тебя трепетать. Талантъ ничто. Главное: величіе нравственное... Не просись въ Петербургъ. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворятъ дверь свободы“...

Для насъ ясно, что такое письмо могло бы быть написано только на основаніи бесѣдъ съ кѣмъ-либо изъ членовъ комиссіи: до того вѣрно оно передаетъ тѣ ихъ впечатлѣнія и настроенія, о которыхъ мы писали раньше. Конечно, Жуковский могъ знать, что

дѣлалось въ комиссіи относительно Пушкина, хотя бы отъ своего друга Д. Н. Блудова, который въ это время уже работалъ на основаніи всѣхъ слѣдственныхъ матеріаловъ надъ составленіемъ донесенія. Значительная фраза „Пушкинъ уже многимъ нанесъ вредъ неисцѣлимый“ не принадлежитъ Жуковскому, который не располагалъ матеріалами для подобнаго сужденія. Она сказана тѣмъ, кто слышалъ или читалъ многочисленныя признанія о губительномъ дѣйствиіи вольнодумной поэзіи Пушкина. Можно даже предположить, что это письмо—отголосокъ разговоровъ Жуковского съ самимъ Николаемъ Павловичемъ. Тутъ намѣченъ и тотъ мотивъ, который выставляли друзья, хлопотавшіе объ освобожденіи: „Пушкинъ—великій поэтъ, честь и драгоценность Россіи“. Лично для Николая I этотъ мотивъ, конечно, не имѣлъ душевной убѣдительности: и Рылѣевъ былъ поэтъ ¹. Поэзія, литература, искусство не имѣли въ его глазахъ никакой абсолютной цѣнности: даже изъ стыдливаго изложенія Н. К. Шильдера мы видимъ, насколько Николай Павловичъ по условіямъ воспитанія и образованія не могъ воспринимать красоту поэзіи и искусства. Но такіе люди, какъ Карамзинъ и Жуковскій, говорили объ абсолютной цѣнности творчества, о необходимости охраненія его; указывали, наконецъ, что художественная дѣятельность Пушкина—честь и великое сокровище Россіи. Изъ ихъ убѣжденій Николай Павловичъ могъ вывести хоть то заключеніе, что поэзія и поэты—одно изъ принятыхъ при дворахъ королей и монарховъ украшеній. А по части украшеній своего царствованія онъ былъ очень заботливъ. Но если желаніе сохранить блестящее украшеніе своего царствованія и могло быть сильно въ

¹ Совершенно ложно извѣстіе А. О. Смирновой о томъ, будто бы Николай I не зналъ, что Рылѣевъ—поэтъ, и сказалъ Жуковскому: „я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ“. Документы слѣдственной комиссіи не допускаютъ даже мысли о подобной неосвѣдомленности Николая Павловича.

Николаѣ Павловичѣ, то все-таки первой задачей было устраненіе, уничтоженіе навсегда источника дерзкаго вольномыслія. Мы уже указывали на то, что борьба съ вредоносностью идей требовала особыхъ путей. Положеніе дѣль подсказывало выводъ: Пушкина нужно было поставить въ такое положеніе, чтобы онъ самъ искренно отказался писать противъ правительства.

Друзья Пушкина взяли на себя заботу подготовить къ этому поэта. Уже въ письмѣ Жуковского намѣчался этотъ путь освобожденія, а Вяземскій 12 іюня давалъ изъ Петербурга слѣдующій совѣтъ: „на твоёмъ мѣстѣ я написалъ бы письмо къ государю искреннее, убѣдительное: сознался бы въ шалостяхъ языка и пера съ указаніемъ однако же, что поступки твои не были сообщниками твоихъ словъ, ибо ты остался цѣль и невредимъ въ общую бурю; обѣщаль бы держать впредь языкъ и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятія, которыя могутъ быть признаваемы (а пуще всего сдержалъ бы свое слово) и просилъ бы дозволенія ѣхать лѣчиться въ Петербургъ, Москву или чужіе края“. Этотъ совѣтъ не принадлежалъ единолично Вяземскому: онъ былъ коллективнымъ мнѣніемъ друзей, хлопотавшихъ за Пушкина. Еще до полученія этого письма Вяземскаго Пушкинъ отправилъ прошеніе государю, написанное въ духѣ совѣтовъ друзей. „Съ надеждой на великодушіе В. И. В.,—писалъ Пушкинъ,—съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязатья подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ В. И. В. со всеподданнѣйшей моей просьбой... Осмѣливаюсь просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края“. Ходъ этому прошенію, отправленному псковскому гражданскому губернатору, былъ данъ эстляндскимъ генераль-губернаторомъ маркизомъ Паудуччи. 30 іюля Паудуччи препроводилъ

прошеніе Пушкина графу Нессельроде, „побуждаясь въ уваженіи приносимаго имъ раскаянія и обязательства никогда не противорѣчить общепринятому порядку“.

Такъ обстояли дѣла Пушкина у Николая Павловича и высшаго правительства въ первую половину 1826 года. Настроеніе царя и вліятельныхъ сановниковъ было рѣзко враждебно по отношенію къ Пушкину...

II.

Съ самаго начала дѣйствій слѣдственной комиссіи Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на негодность высшей и тайной полиціи и поставилъ своей задачей реорганизацію ея. Существенныя услуги оказалъ ему А. Х. Бенкендорфъ. Уже въ январѣ 1826 года онъ подалъ Николаю первый проектъ министерства полиціи, за нимъ послѣдовали дополнителныя и разъяснительныя записки. „Императоръ Николай,—пишетъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ,—стремился къ искорененію злоупотребленій, вравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обagrившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе; государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсеннымъ и наблюдала за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными. Число послѣднихъ возросло до ужащающей степени съ тѣхъ поръ, какъ множество французскихъ искаателей приключеній, овладѣвъ у насъ воспитаніемъ юношества, занесли въ Россію революціонныя начала своего отечества, и еще болѣе со времени послѣдней войны, черезъ сближеніе нашихъ молодыхъ офицеровъ съ либералами тѣхъ странъ Европы, куда завозили насъ наши побѣды... Рѣшено было учредить подъ моимъ на-

чалъствомъ корпусъ жандармовъ. Всю имперію раздѣлили въ семь отношеніи на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу, и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру. Учрежденное въ то же время третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи представляло подѣ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей секретной полиціи, которая, въ лицѣ тайныхъ агентовъ, должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ“¹.

25 іюня 1826 года Бенкендорфъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и командующимъ императорской главной квартирой; 3 іюля взамѣнъ особой канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ было образовано третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, а Бенкендорфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ этимъ отдѣленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что фактически готовиться къ этой службѣ Бенкендорфъ началъ гораздо раньше только что названныхъ официальныхъ событій. Вѣдь помимо общей задачи вытравить малѣйшіе остатки духа 14 декабря 1826 года была и очень важная частная. Предстояла коронація въ Москвѣ, а перепуганному Николаю Павловичу и его высшему правительству все казалось, что злоумышленники могутъ устроить какія-либо непріятности—отъ манифестацій до покушеній. Нужно было принять мѣры къ тому, чтобы торжественное событіе прошло совершенно гладко, чтобы ни одинъ дерзкій возгласъ, ни одинъ пущенный темный слухъ не омрачилъ спокойствіе этихъ мѣсяцевъ. Организацией секретнаго надзора на этотъ случай и занялся Бенкендорфъ еще въ то время, когда онъ не носилъ никакого соответствующаго официального званія. Надлежало намѣтить людей, выбрать помощниковъ, создать штаты агентовъ. Тутъ подвернулся ему генераль-майоръ И. Н. Скобелевъ,

¹ Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай I, жизнь и царствованіе. Т. I. Спб., 1903 г. Ст. 465, 466.

съ 1818 года занимавшій мѣсто генераль-полицеймейстера 1-й арміи (а въ 1824 г. назначенный къ генераль-губернатору Балашову, генераль-губернатору пяти губерній) и специализовавшійся на политическихъ доносахъ. Это былъ истый доносчикъ со всѣми яркими и пахучими чертами этого типа. Его невѣжество и до сихъ поръ бьетъ въ носъ; его бумаги, безграмотныя до забавности, писанныя елеинымъ стилемъ, можно бы и теперь приводить какъ примѣры на доносы; свое предательство и невѣжество онъ старался освѣтить свѣтомъ любви къ отечеству и преданности престолу, тогда какъ въ сущности, какъ это обычно въ такихъ случаяхъ, въ немъ лишь проявлялось узкоуміе и копейное корыстолюбіе. Отъ доносовъ на мелкихъ обывателей, писателей, офицеровъ онъ перешелъ къ доносамъ на лицъ чиновныхъ и сановныхъ, на первѣйшихъ вельможъ вродѣ Голицына, Закревскаго, Мордвинова, и кончалъ тѣмъ, что написалъ доносъ на своего ближайшаго и непосредственнаго начальника—бывшаго министра полиціи генераль-адъютанта Балашова. Эту одержимость можно было бы счесть прямо болѣзненнымъ явленіемъ, если бы, впрочемъ, по мѣрѣ достиженія мѣстъ и чиновъ не утихала энергія доносительства и шпионства: извѣстно, что И. Н. Скобелевъ скончался въ чинѣ полнаго генерала на должности коменданта петербургской крѣпости, „окруженный всеобщимъ почтеніемъ и обласканный благоволеніемъ императора“¹.

Самъ ли Скобелевъ предложилъ Бенкендорфу свои услуги, или же Бенкендорфъ, наслышавшись, призвалъ его къ службѣ, но только сохранилась слѣдующая записка отъ 11 апрѣля 1826 года (на французскомъ языкѣ): „Генераль Скобелевъ былъ у меня; кажется,

¹ Объ И. Н. Скобелевѣ есть работа И. А. Кубасова (Ив. Никол. Скобелевъ. Опытъ характеристики. Спб., 1900 г. и въ Русской Старинѣ). Къ сожалѣнію, авторъ характеристикъ совершенно не останавливается какъ разъ на самой характерной особенностяхъ этого доносчика, сохранявшаго столь патріархальный видъ.

что онъ какъ нельзя лучше понимаетъ свойства и важность порученій, на него возложенныхъ. Онъ рекомендовалъ мнѣ Фрейганга и еще 7 другихъ изъ его чиновниковъ; я буду имѣть о нихъ попеченіе и къ маю мѣсяцу пошлю ихъ въ Москву“. А самъ Скобелевъ, крайне желая попасть на службу, въ патріархальныхъ выраженіяхъ писалъ Бенкендорфу: „Повергая въ начальниче ваше превосходительства покровительство кол. сов. Фрейганга и всѣхъ добрыхъ сотрудниковъ моихъ, коимъ, по похвальной цѣли и поведенію ревності, усердія и любви къ престолу преисполненнымъ, не могу дать другого имени. Желая всѣмъ сердцемъ, чтобы полиція, какъ спасательная система монархіи и полезнѣйшій бальзамъ къ излѣченію недуговъ ея, воспріяла благія начала въ особѣ вашей. Желая вмѣстѣ, чтобы чины, въ составъ полиціи поступить имѣющіе, даромъ души и сердца отвѣчали достоинствамъ сей службы въ равномѣрной цѣнѣ, какую дозналъ я на самомъ опытѣ въ представляемыхъ при семъ. Желая, наконецъ, чтобы при дѣйствіяхъ ко благу общей возникающей полиціи, добрые, не опасаясь подлой клеветы, спали въ объятіяхъ покоя, а бездѣльники, соскуча трепетать, обращались на путь чести. Достигнувъ сей точки славы, душевная благодарность вѣрныхъ сыновъ Россіи будетъ неразлучнымъ спутникомъ вашимъ и за предѣлы жизни; а до того, слѣдуя уваженія достойному примѣру, въ вашемъ превосходительствѣ вчера мною замѣченному, я, до окончанія коронаціи, буду полицейскимъ въ полномъ смыслѣ слова, и, признаюсь, что вмѣстѣ съ вами вижу въ томъ крайность, обязывающую меня покорнѣе просить объ отправленіи сихъ чиновниковъ въ Москву къ 10 числу будущаго мѣсяца, дабы къ прибытію вашему успѣлъ я, по мѣрѣ возможности, ввести порядокъ, къ предупрежденію зла служить могущій, и познакомить васъ со всѣмъ тѣмъ, что къ свѣдѣнію вашему будетъ необходимымъ“¹. Читая эти высокопарныя фразы, только уди-

¹ Русская Старина, 1886 г., т. LII стр. 584.

вляешься, зная, для чего тратилась вся эта напыщенность и торжественность.

А 7 апрѣля Скобелевъ вновь докладывалъ Бенкендорфу: „если справедливо, что неблагонамѣренные люди (какъ извѣщенъ я), при неудачахъ произвести какой-либо комераждъ въ столицахъ, обратились къ поселянамъ и партизанютъ, то всѣ чаянія мои и опасенія оправдываются, а увѣряющіе въ совершенномъ спокойствіи должны бы краснѣть (разумѣя подъ симъ неопытность“) ¹.

Итакъ, Скобелевъ и его добрые сотрудники прибыли въ Москву и начали дѣйствовать противъ злоумышленниковъ и коварныхъ предпріятій въ Первопрестольной, пригтовляя ее къ коронаціи. Нечего говорить, что о какихъ-либо „комеражахъ“ въ Москвѣ не было и помину, а злонамѣренные люди были тише воды, ниже травы. Но какъ бы тамъ ни было, Скобелевъ, рисовавшій столь страшныя картины возможныхъ потрясеній, долженъ былъ проявлять свою дѣятельность, ибо вѣчная цѣль шпиона и агента—не дать поселиться въ лицахъ, власть имѣющихъ, увѣренности въ совершенномъ спокойствіи. Съ этой цѣлью, за отсутствіемъ проявленій злоумышленной дѣятельности, дѣла создаются искусственно. Такъ поступилъ и Скобелевъ, создавъ громкое дѣло о распространеніи стиховъ Пушкина изъ элегіи „Андрей Шенье“ и предсмертнаго письма Рылѣева,—дѣло, которое разыгрывалось довольно сильно на протяженіи двухъ лѣтъ. Быть можетъ, Скобелевъ ухватился съ особеннымъ стараніемъ за это дѣло, потому что тутъ былъ замѣшанъ Пушкинъ, который уже не первый разъ являлся предметомъ его злобнаго доноительства. Еще въ 1824 году, когда успѣхи генерала по службѣ сильно пошатнулись и онъ поневолѣ долженъ былъ привыкать „къ имени челоѣка, черезъ праздность ничтожнаго“, онъ задумалъ поправить свои дѣла доносомъ на Пушкина,

¹ Тамъ же, стр. 584.

въ это время жившаго въ Одессѣ. Докладывая о стихахъ, приписанныхъ Пушкину („Мысль о свободѣ“), Скобелевъ 17 января 1824 года рапортовалъ: „не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядныя свои дарованія употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія? Не соблазны ли они для людей, къ воспитанію коихъ приобщено спасительное попеченіе?... Если бы сочинитель вредныхъ пасквилей немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ влочковъ шкуры—было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ общій гласъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же напротивъ водворится вреда—неумѣстною къ негодыямъ нѣжностью! Можно смѣло ручаться, что многіе изъ порядочныхъ людей безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить дѣтей равномѣрно развратныхъ, слѣдовательно, большой еще перевѣсъ на сторонѣ благочестія,—надобно только зло умерщвлять въ началѣ рожденія его“¹.

Можно себѣ представить, какъ воспріянулъ духомъ Скобелевъ, когда его соглядатаи донесли ему, что въ Москвѣ по рукамъ ходитъ новый пасквиль вертопраха, да еще озаглавленный „на 14 декабря“. Одинъ изъ его „добрыхъ сотрудниковъ“ помѣщикъ Коноплевъ (онъ же чиновникъ 14 класса) узналъ, что преступныя стихи имѣются у его пріятеля Леопольдова. Леопольдовъ въ этомъ году только что завершилъ свое университетское образованіе. Это былъ очень бойкій молодой человѣкъ. Еще будучи студентомъ, онъ уже былъ опредѣленъ надзирателемъ въ университетскій благородный пансіонъ. Начальство къ нему благоволило, профессора оказывали ему вниманіе илп, какъ онъ выражался, „мои наставники-старцы въявь при сверстникахъ указывали мнѣ дорогу“. Смысленный и способный Леопольдовъ занимался и литературой,

¹ Русск. Стар., 1871 г., т. IV, стр. 670—672.

печатая кое-что въ московскихъ журналахъ. Преподавая въ частныхъ домахъ, онъ завязалъ связи съ хорошими московскими семьями. Вообще онъ былъ типичнымъ представителемъ мелкаго разночиннаго и интеллигентнаго круга. За слоемъ извѣстныхъ писателей, тоже людей богатыхъ или родовитыхъ, за немногочисленнымъ кругомъ европейски образованныхъ сановниковъ стояла толпа, читавшая писателей, критиковавшая правительство и порядки, усваивавшая и по-своему передѣлывавшая оппозиціонное настроеніе верхнихъ слоевъ. Это были мелкіе дворяне; разночинцы, выходящіе въ люди; офицерская молодежь средней руки, по большей части специальныхъ родовъ оружія; мелкіе чиновники, канцеляристы. Оппозиціонная мысль все время тлѣла въ жалкихъ для насъ распространителяхъ пасквильныхъ стиховъ; въ кружкахъ, изъ которыхъ „добрые сотрудники“ устранивали тайныя злоумышленныя общества (дѣло Ипполита Завалишина въ Оренбургѣ); въ группахъ студенческой молодежи, устранивавшихъ университетскія исторіи и задумывавшихся надъ общественнымъ устройствомъ.

Въ такихъ-то кругахъ въ Москвѣ въ 1826 году бурлила жизнь. Какъ разъ въ это время молодой студентъ университета Полежаевъ пускалъ въ свѣтъ своего „Сашку“ и другіе плоды своей музыки, которые были тоже своеобразнымъ бунтомъ противъ общепринятой морали и устоевъ. Въ этой средѣ распространились запретныя строфы стихотворенія Пушкина „Андрей Шенье въ темницѣ“. Оно написано Пушкинымъ въ январѣ 1825 года и напечатано впервые въ собраніи стихотвореній, которое появилось въ первой половинѣ января слѣдующаго года. Цензурное же разрѣшеніе дано 8 октября 1825 года. Въ маѣ этого года Пушкинъ въ письмѣ спрашивалъ Вяземскаго: „читалъ ты моего „А. Шенье въ темницѣ“? Суди о немъ, какъ іезуитъ, по намѣренію“. Эта элегія имѣетъ важнѣйшее значеніе въ развитіи творчества и міросозер-

панія Пушкина, но въ настоящее время въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе „намѣреній“ поэта, ибо его скрытыя намѣренія были не при чемъ въ возникновеніи интереса къ этому стихотворенію. Цензура не пропустила ~~и~~ фликомъ элегій, но непрощенныя строфы распространились, получили широкую извѣстность, а послѣ событій 14 декабря были приурочены къ этому возстанію. Въ той предсмертной пѣснѣ, которую Пушкинъ вложилъ въ уста Шенье въ темницѣ, были стихи, фразы и слова, которые подходили къ современному положенію:

„Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ...

...самовластію безтрепетный отвѣтъ“.

Все это было отнесено къ возставшимъ на Сенатской площади. А изображеніе состоянія общества послѣ гибельно окончившейся попытки, погасившей мечты о царствѣ свободы, русскіе читатели того времени усматривали въ стихахъ:

И мы воскрикнули: „Блаженство!...

О горе! о безумный сонъ!

Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами

Единый властвуетъ топоръ.

Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами

Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ“! ..

Послѣ 13 іюля 1826 года, дня казни пяти декабристовъ, неслыханно дерзкимъ казалось это названіе въ приложеніи къ Николаю I и его главнымъ помощникамъ. Понятно ихъ негодованіе, когда эти строфы съ заголовкомъ на 14 декабря попались въ ихъ руки. А Пушкинъ убійцей и палачами называлъ всего-на-всего Робеспьера и Конвентъ. Такъ противъ смысла стихотворенія, вопреки какому-либо желанію автора, произошло приуроченіе ихъ къ 14 декабря русскимъ читателямъ; но въ этомъ нѣтъ ничего диковиннаго, если русскіе вольнодумцы въ концѣ первой четверти

XIX вѣка вычитывали намеки на современность въ „шутно-трагедіи“ И. А. Крылова „Трумфъ“, которая, какъ извѣстно, написана была въ 1800 г.

Исторія распространенія списка со стихами Пушкина, какъ она выясняется изъ слѣдственныхъ документовъ, относитъ начало этого распространенія къ штабсъ-капитану лейбъ-гвардіи конноегерскаго полка Александру Ильичу Алексѣеву¹. Откуда же получилъ онъ запретный отрывокъ, остается невыясненнымъ. На слѣдствіи Алексѣевъ показалъ, что онъ получилъ эти стихи въ октябрѣ или ноябрѣ 1825 года въ Москвѣ, но отъ кого не помнитъ. Правительство употребило мѣры, чтобы заставить его сказать, кто ему далъ стихи. Убѣждалъ его сознаться и Дибичъ и Потаповъ; изъ тюрьмы привозили его домой къ больному отцу. Отецъ грозилъ ему проклятіемъ, если онъ не откроетъ, отъ кого получилъ рукописи. Запирательство ухудшило его положеніе, но другого показанія онъ не далъ: „какъ ни былъ онъ тронутъ, какъ ни плакалъ, а все утверждалъ, что не помнитъ“. Этотъ Алексѣевъ по тому, какъ онъ держался на слѣдствіи, производитъ пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ сынъ извѣстнаго генерала Ильи Ивановича Алексѣева и Натальи Филипповны, урожд. Вигель и, слѣдовательно, приходился племянникомъ извѣстному Ф. Ф. Вигелю, автору „Записокъ“. Его дядя оставилъ въ „Запискахъ“ его характеристику. А. И. Алексѣевъ учился въ пажескомъ корпусѣ и былъ выпущенъ въ военную службу въ 1819 году, 19 лѣтъ отъ роду. Благодаря высокому положенію отца и его связямъ, благодаря собственной ловкости и умѣнію расположить къ себѣ начальство, онъ легко дѣлалъ свою карьеру. Въ 1826 году—26 лѣтъ отъ роду—онъ былъ

¹ См. наше сообщеніе „Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828“. Спб., 1909 г. (и въ XI выпускѣ изданія „Пушкинъ и его современники“). Тамъ изложены данныя слѣдствія. Оно перепечатано ниже.

штабсъ-капитаномъ лейбъ-гв. конно-егерскаго полка, стоявшаго въ Новгородѣ, но онъ мало жилъ въ полку, часто бывалъ въ Петербургѣ и у своихъ домашнихъ въ Москвѣ. Обладая счастливою наружностью, онъ пользовался успѣхомъ женщинъ и былъ желаннымъ танцоромъ на московскихъ балахъ. Ф. Ф. Вигель вспоминаетъ о томъ, какъ онъ отличался на балу у Алексѣя Михайловича Пушкина ¹, родственника поэта. Въ февралѣ 1826 года А. И. Алексѣевъ находился въ Новгородѣ. Къ нему зашелъ прапорщикъ конно-піонернаго эскадрона Молчановъ, приходившій съ ремонтомъ въ Петербургъ ². Зашелъ разговоръ о стихахъ Пушкина, и Алексѣевъ сообщилъ, что у него есть послѣднее его сочиненіе, и показалъ ему запрещенныя строфы изъ элегіи „А. Шенье“. Молчановъ выпросилъ у него этотъ списокъ для того, чтобы переписать стихи для себя. Съ тѣхъ поръ Алексѣевъ уже не видалъ этого собственноручно имъ сдѣланнаго списка. Молчановъ не вернулъ его, а увезъ съ собою. Въ Москвѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ увидалъ у него стихи „русскій учитель“ Леопольдовъ и попросилъ тоже списать. Выпустивъ изъ своихъ рукъ списокъ Алексѣева, Молчановъ не получилъ его обратно. Неясно, съ какимъ умысломъ доставалъ эти стихи Леопольдовъ. На слѣдствіи онъ (можетъ быть, желая оправ-

¹ Въ этомъ домѣ А. И. Алексѣевъ могъ много слышать о Пушкинѣ; кромѣ того, былъ и еще источникъ, черезъ который могли доходить разказы о Пушкинѣ. Въ это время командиромъ эскадрона лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, стоявшаго въ Новгородѣ, былъ Павелъ Ивановичъ Павлицевъ (Л. Павлицевъ: „Воспоминанія о Пушкинѣ“. М., 1890 г., стр. 45—46). Его братъ Ник. Ив. впоследствии женился на сестрѣ Пушкина. О немъ писала Анна Ник. Вульфъ въ письмѣ къ Пушкину отъ 20 апрѣля 1826 года изъ Малинниковъ: „Il nous est arrivé encore de Novgorod un aimable jeune homme Mr. Pavlichteff, un grand musicien; il m'a dit qu'il vous connaissait“. Любопытно отмѣтить, что Пав. Ив. Павлицевъ былъ однимъ изъ судей (ассесоровъ) въ той комиссіи, которая судила Алексѣева, посылала допросы Пушкину и т. д.

² Едва ли не братъ Молчанова, привлекавшася по дѣлу о возстаніи Черниговскаго полка.

даться) показывалъ, что если онъ и не представилъ ихъ свое- временно по начальству, то только потому, что высшее начальство въ это время по случаю предстоящей коронаціи переѣжало изъ Петербурга въ Москву и было не легко находимо, а кромѣ того, онъ хотѣлъ поточнѣе разузнать, кто распускалъ подобныя стихи. Но Леопольдовъ зналъ, чѣмъ занимался его знакомецъ, калужскій помѣщикъ XIV класса, Коноплевъ, которому онъ передалъ стихи: „передача же,—показывалъ онъ на судѣ,—или временное оставленіе мое оныхъ стиховъ у одного знаконца, черезъ котораго обнаружились оныя предъ правительствомъ, извѣстна высокому начальству, которое положило начало сему дѣлу“. Какъ бы тамъ ни было, но Леопольдовъ аккуратненько переписалъ стихи на листъ бумаги и тутъ же на листѣ прибавилъ къ нимъ копію предсмертнаго письма Рылѣва, которое получило широкую извѣстность въ то время. И до сихъ поръ попадаетъ еще немало современныхъ списковъ письма. Въ Москву это письмо пришло очень скоро послѣ смерти Рылѣва вмѣстѣ съ прибывшими изъ Петербурга чинами, писцами и т. д. Переписанное имъ онъ вручилъ Коноплеву. По всей вѣроятности, Леопольдовъ въ это время не думалъ, что придется выдавать лицъ, сообщившихъ ему эти стихи, а просто желалъ и самъ выиграть что-либо своимъ сообщеніемъ, и дать выслужиться своему знакомцу Коноплеву. Коноплевъ же полагалъ, что въ силу своей службы по секретнымъ порученіямъ при генералѣ Скобелевѣ онъ останется не названнымъ во всей этой исторіи и въ сторонѣ отъ всякихъ слѣдствій. По крайней мѣрѣ, представляя Скобелеву стихи Пушкина, онъ и не считалъ нужнымъ рассказывать, отъ кого онъ ихъ получилъ, да и генералъ Скобелевъ тоже не интересовался. Для него было важно лишь одно обстоятельство, что стихи эти принадлежатъ перу Пушкина; Скобелевъ полагалъ, что отвѣтчикомъ за эти стихи явится одинъ Пушкинъ. Такимъ образомъ, снова Пушкинъ былъ близокъ бѣдѣ.

III.

13 іюля были повѣшены декабристы, 14 іюля совершенно очистительный молебенъ, а затѣмъ царь, дворъ, министры выѣхали въ Москву. 20 іюля Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву, 24 состоялся торжественный вѣздъ, а затѣмъ до 22 августа—дня коронаціи—царь предавался главнымъ образомъ смотрамъ, маневрамъ, не переставая заниматься и государственными дѣлами, среди нихъ тѣми, которыя задерживались до окончанія слѣдствія и суда надъ декабристами.

Въ началѣ августа (до маневровъ, бывшихъ 17, 18 августа) ¹ Скобелевъ, по болѣзни не выходявшій изъ дома, препроводилъ стихи Пушкина къ Бенкендорфу. Не сохранилось препроводительной бумаги Скобелева, но изъ послѣдовавшихъ за ней запросовъ видно, что Скобелевъ не останавливался на вопросахъ о распространеніи, ограничившись сообщеніемъ ненавистнаго ему имени автора. Когда онъ, Бенкендорфъ, прочелъ въ бумагѣ Скобелева, что это стихи Пушкина, онъ вспомнилъ, очевидно, то впечатлѣніе о Пушкинѣ, которое создано въ слѣдственной комиссіи. Не имѣя возможности „по причинѣ крайняго недостатка времени и предстоящихъ маневровъ“ побывать у больного Скобелева и лично объясниться, онъ попросилъ его запиской разрѣшить нѣкоторыя сомнѣнія. И первый вопросъ, обращенный къ Скобелеву—„какой это Пушкинъ, тотъ ли самый, который живетъ въ Псковѣ, извѣстный сочинитель вольныхъ стиховъ?“ „Если не тотъ,—былъ другой вопросъ,—то, кто именно, гдѣ служить и гдѣ живетъ?“ Наконецъ, третье: „Стихи сіи самимъ ли Пушкинымъ подписаны и не поддѣлана ли подпись подъ чужое имя? также тотъ листъ, на которомъ они сообщены ген.-ад. Бенкендорфу, суть ли подлинный или копія съ подлиннаго? гдѣ под-

¹ Th. Schieman. „Geschichte Russlands unter Nicolaus I“. В. II, s. 149.

линникъ находится и чрезъ кого именно они доставлены къ вашему превосходительству?“ На первые два вопроса Скобелевъ собственноручно писалъ: „Мне сказано что тот каторгой писать подобные стихи имѣеть уже запрещеніе, но отосланъ к атцу его“. На третій вопросъ Скобелевъ отвѣтилъ: „Я представилъ копію которая писана рукою моего чиновника, подлинная говорятъ прислана изъ Пѣтербурха, о чемъ вѣрнѣе объяснить чиновникъ коего буду имѣть честь представить“¹.

Бенкендорфъ обратилъ особенное вниманіе на это дѣло хотя бы ужъ въ силу одного того соображенія, что оно было однимъ изъ первыхъ въ практикѣ новорожденнаго III отдѣленія, бывшаго подъ его начальствомъ. Понятно, ему хотѣлось провести его возможно тщательнѣе. Кромѣ этого, не могъ не поразить его самый тонъ стиховъ, приуроченныхъ къ 14 декабря. По характерному выраженію Леопольдова: „увидавъ стихи, подумали: щука съѣдена, остались зубы; а потомъ возбудили вопросъ: не остатокъ ли это духа недавно у насъ погашенной булги“². Поэтому онъ и поспѣшилъ выяснитъ, кто участвовалъ въ распространеніи. Сообщение же объ авторѣ стиховъ приобрѣтало особое значеніе въ виду того, что объ освобожденіи автора хлопотали у государя, что авторъ самъ, заявляя о раскаяніи, просилъ о милости во всеподданнѣйшемъ

¹ Этой запиской съ вопросами Бенкендорфа и отвѣтами Скобелева начинается обширное дѣло III отдѣленія о Пушкинѣ („Арх.“, III отд., I эксп., № 62; началось въ 1826 году и кончилось въ 1854 году). Всѣ дѣла III отд. о Пушкинѣ изданы С. Сухонинымъ, Спб., 1906 г., но въ высшей степени не исправно, въ чемъ мы убѣдились, свѣряя его изданіе съ подлинникомъ во время нашихъ занятій въ арх. департ. полиціи. Примѣромъ неряшливости можетъ служить какъ разъ записка, о которой идетъ рѣчь. Правильно она была издана еще въ 1883 году въ Русской Старинѣ (т. XXXVIII, іюнь, стр. 690—692).

² Леопольдовъ. Автобіографія. Рукоп. саратовской ученой архивной коммисіи. Булга—тревога, безпокойство.

прошеніи. Отмѣтимъ, что прошеніе Пушкина только 30 іюля было отправлено маркизомъ Паулуччи къ министру иностранныхъ дѣлъ Нессельроде. Въ то время, когда началось дѣло о стихахъ „Шенье“, прошеніе—надо думать—было наканунѣ доклада. По полученіи въ Москвѣ, оно было передано начальнику главнаго штаба и позднѣе имъ же доложено. Бенкендорфъ не могъ не знать этихъ обстоятельствъ.

Скобелевъ направилъ къ Бенкендорфу своего добраго сотрудника Коноплева. Онъ не ожидалъ подобнаго оборота дѣла, потому что, получивъ отъ Леопольдова рукопись со стихами, онъ не спросилъ его, отъ кого онъ получилъ ихъ, и поэтому не могъ удовлетворить любопытству Бенкендорфа. Ему онъ могъ только донести, что стихи списаны для него Леопольдовымъ. А Леопольдова въ это время уже не было въ Москвѣ: получивъ кандидатскій аттестатъ, онъ уѣхалъ къ себѣ на родину въ Саратовскую губернію. 21 августа Коноплевъ получилъ отъ Скобелева приказаніе „въ тотъ же часъ отправиться для отысканія г. Леопольдова и отобранія отъ него инкогнито, отъ кого онъ стихи сіи получилъ или самъ сочинилъ“. Такъ въ послѣдствіи объяснялъ Коноплевъ свои дѣйствія по требованію новгородскаго уѣзднаго суда. „Отыскавши Леопольдова, — заканчивалъ свое объясненіе Коноплевъ, — и отобравши отъ него свѣдѣніе, возвратился въ Москву и доставилъ оное г. генералъ-майору Скобелеву, который въ то же время свезъ оное къ г. ген. ад. Бенкендорфу, на другой же день всѣ прикосновенныя лица были взяты, а мнѣ объявлена благодарность отъ начальства“.

Задача, возложенная на Коноплева, — разысканіе распространителей; но авторъ былъ уже названъ. Правда, могло еще быть сомнѣніе, не поддѣлка ли имени, но Скобелевъ утвердилъ еще разъ принадлежность стиховъ Пушкину. Но если авторъ дѣйствительно Пушкинъ, сочинитель вольныхъ стиховъ, являлась сама собой мысль:

значить, всё преслѣдованія его не утомили! значить, одной рукой подписывая прошеніе о помилованіи, другой онъ пишетъ проклятія убійцѣ съ палачами (это послѣ 13-го-го іюля!)! значить, его обѣщаніе не противорѣчитъ общепринятому порядку не искренне! При той близости, которая была между Николаемъ I и Бенкендорфомъ; при томъ усиленномъ вниманіи, которое удѣлялъ царь любовной его сердцу дѣятельности III отдѣленія всегда (а тѣмъ болѣе на первыхъ шагахъ этого учрежденія); наконецъ, при чрезмѣрно изощренной любви къ сыску нельзя допустить предположенія, что Бенкендорфъ не довелъ до свѣдѣнія Николая I полученнаго имъ доноса Скобелева объ авторствѣ Пушкина. Конечно, онъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ царю, передъ которымъ лежала и просьба Пушкина. Для насъ ясно, что резолюція, положенная Николаемъ на прошеніе Пушкина, находится въ связи съ возникновеніемъ дѣла о распространеніи стиховъ изъ элегіи. Эту резолюцію 28 августа записалъ начальникъ главнаго штаба Дибичъ такъ: „Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ. Писать о семъ псковскому губернатору“. Мнѣ всегда казалось странной эта резолюція, которую біографы и изслѣдователи считали извѣщеніемъ о помилованіи: „Государь излилъ свою милость, вызвавъ Пушкина сейчасъ же послѣ коронаціи въ Москву къ себѣ“—такъ пишутъ біографы. Но стоитъ прочесть внимательнѣе резолюцію, и сейчасъ же бросится въ глаза весьма необыкновенная манера призывать человѣка, на котораго собираются излить милосердіе и которому разрѣшается „ѣхать свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря“. Не помилованіе тутъ имѣлось въ виду. Пушкинъ лично передъ Николаемъ I долженъ былъ разрѣшить недоумѣніе, вызываемое авторствомъ стиховъ

„На 14 декабря“, и дальнѣйшая участь его зависѣла отъ его отвѣта. Судьба его висѣла на волоскѣ, но мы знаемъ, что ему легко было оправдаться въ обвиненіи, возводимомъ на него: стоило только указать, что все стихотвореніе написано имъ еще до 14 декабря. Для насъ очевидно, что подобное объясненіе было сдѣлано Пушкинымъ передъ Николаемъ и принято во вниманіе. Только допущеніемъ этого факта и можетъ быть объяснена исторія слѣдствія о распространеніи стиховъ въ первой стадіи процесса (производство въ военно-судной комиссіи). Правительство проявило чрезвычайную энергію и быстроту въ розысканіи распространителей и виновниковъ пріуроченія, и чрезмѣрную жестокость въ наказаніяхъ офицерамъ, признаннымъ въ этомъ виновными. Николай I былъ хорошо освѣдомленъ о ходѣ дѣла о распространеніи *стиховъ Пушкина*; онъ самъ предписывалъ быстроту и энергію. Но Пушкинъ не былъ потребованъ къ дѣлу въ то время, какъ оно производилось въ Москвѣ въ военно-судной комиссіи. Онъ былъ оставленъ въ сторонѣ. Но какъ могло бы случиться это, если бы Пушкинъ не далъ нужныхъ разъясненій или если бы эти разъясненія не удовлетворили Николая I? Это противорѣчило бы истиннымъ традиціямъ ссыска; недаромъ послѣдующія инстанціи, производившія дѣло и не знавшія объ объясненіяхъ Пушкина, признавали ненормальнымъ тотъ фактъ, что Пушкинъ не былъ привлеченъ къ дѣлу, и старались притянуть Пушкина поближе. Пушкинъ объяснился и считалъ дѣло поконченнымъ; поэтому, когда его начали въ 1827 и 1828 годахъ беспокоить допросами, онъ не могъ не возмутиться повтореніемъ стараго и отвѣчалъ съ излишнею рѣзкостью, которая и была при окончательномъ рѣшеніи дѣла поставлена ему въ счетъ.

Въ своемъ изложеніи мы забѣжали немного впередъ, но мы должны были сдѣлать такъ, чтобы доказать наше положеніе: резолюція о вызовѣ Пушкина еще не предвѣщала помилованія; она не

была результатомъ предпринятаго опредѣленнаго рѣшенія, благопріятнаго просьбѣ поэта. Напротивъ, окончательное рѣшеніе откладывалось. Хлопотами Карамзина и Жуковскаго, желаніемъ сохранить изысканное украшеніе царствованія, наконецъ, боязнь вызвать отказомъ вновь къ жизни ненавистный источникъ вольномыслія была подготовлена возможность помилованія Пушкина, но возможность вдругъ встрѣтила серьезное препятствіе—въ инцидентѣ со стихами „На 14-е декабря“. Пушкинъ самъ долженъ былъ дать отвѣтъ, и оказался, что онъ дѣйствительно въ стихахъ мѣтилъ на 14-е декабря, не тѣмъ бы кончилось его „призваніе“ въ Москву. Намъ приходится теперь возстановлять связь увоза Пушкина изъ Михайловскаго съ дѣломъ о стихахъ на 14-е декабря, въ славу Николая I порванную біографами, но сохранились современныя извѣстія о томъ, что Пушкинъ былъ затребованъ въ Москву именно по этому дѣлу. Таковы были преданія Тригорскаго, о которыхъ сообщаетъ М. И. Семевскій. Такъ рассказываетъ и Вигель, который могъ быть освѣдомленъ о несчастіи своего племянника, пострадавшаго за распространеніе стиховъ Пушкина.

IV.

Въ то время какъ дѣлали распоряженія о „призывѣ“ Пушкина въ Москву, агентъ Скобелева Коноплевъ съѣздивъ въ Сердобскій уѣздъ Саратовской губерніи, разыскавъ проживавшаго у родителей Леопольдова и узнавъ отъ него, что стихи Пушкина были взяты имъ у прапорщика Молчанова, Леопольдовъ сейчасъ же сообразилъ, что при подобномъ оборотѣ дѣла ему не пройдетъ даромъ эта исторія, и отправилъ Бенкендорфу письмо, въ которомъ доводилъ до его свѣдѣнія, что у него имѣются преступные стихи и что очевидно злоумышленія противу правительства не совсѣмъ еще

истреблены ¹. Вернувшись въ Москву, Коноплевъ тотчасъ же доложилъ полученное имъ свѣдѣніе Скобелеву, а тотъ въ то же время „свезъ оное къ генераль-адъютанту Бенкендорфу“. Молчановъ былъ разысканъ и арестованъ. Въ тотъ самый день, когда Пушкинъ объяснялся съ Николаемъ Павловичемъ,—8 сентября отъ Молчанова была отобрана начальникомъ главнаго штаба слѣдующая подписка:

„Я нижеподписавшійся получилъ стихи сочиненія Пушкина на 14-е декабря отъ Александра Алексѣева лейбъ-гвардіи конноегерскаго полка шт.-капитана, во время моего возвращенія въ Петербургъ съ ремонтомъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1826 года“.

Итакъ, въ то время, какъ Пушкинъ, совершенно удовлетворительно объяснившій свою роль въ исторіи со стихами, отстраняется (но,—увы!—только на первыхъ порахъ!) отъ дознанія, правительство съ особеннымъ рвеніемъ стремится отыскать и наказать распространителей и приспособителей стихотворенія къ событіямъ 14 декабря. Молчановъ, очевидно, во вниманіе къ его быстрому сознанию, былъ переведенъ тотчасъ же изъ гвардіи (піонерный эскадронъ) въ армію (нижегородскій драгунскій полкъ), но съ тѣмъ, чтобы до окончанія дѣла онъ содержался подъ арестомъ. Приказъ о переводѣ состоялся 9 сентября. По показанію Молчанова былъ найденъ и арестованъ Алексѣевъ. 16 сентября по Высочайшему повелѣнію онъ былъ арестованнымъ отправленъ изъ Новгорода въ Москву. Въ Москвѣ,

¹ Когда Леопольдову предъявили обвиненіе въ распространеніи стиховъ, онъ все свое оправданіе построилъ на этомъ письмѣ къ Бенкендорфу. Своевременно-де онъ донесъ правительству о томъ, что у него есть стихи, а если онъ раньше до отъѣзда на родину не сообщилъ о нихъ, то это потому, что не зналъ, гдѣ найти начальство, а кромѣ того хотѣлъ получше выслѣдить источникъ распространенія. Бенкендорфъ подтвердилъ полученіе имъ письма отъ Леопольдова. Совершенно не соотвѣтствуютъ поэтому истинѣ его позднѣйшіе рассказы о томъ, что онъ написалъ Бенкендорфу письмо, якобы по просьбѣ брата Алексѣева, въ защиту послѣдняго.

его допрашивалъ начальникъ штаба И. И. Дибичъ, и Алексѣевъ, „не отвергая того, что отдалъ стихи Молчанову, не только не объявилъ въ свое время сочиненія сего начальству, какъ того требовалъ долгъ честнаго и вѣрнаго офицера и русскаго дворянина, но, не раскаиваясь въ своемъ поступкѣ, рѣшительно не захотѣлъ открытъ, отъ кого онъ самъ получилъ сіи бумаги“. Мы уже упоминали, что на Алексѣева пытались воздѣйствовать мольбами и проклятіемъ его престарѣлаго отца. Запирательство Алексѣева было принято за доказательство намѣренія „скрыть слѣды, по которымъ могли бы быть открыты злоумышленники, распространяющіе подобныя сочиненія“. И Николай Павловичъ приказалъ судить Алексѣева военнымъ судомъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы судъ былъ оконченъ въ три дня. Уже 25 сентября Дибичъ передалъ Высочайшее повелѣніе. Съ стремительной быстротой въ тотъ же день состоялась военно-судная комиссія и черезъ три дня приговорила Алексѣева къ смертной казни. Стремительность была рассчитана, очевидно, на то, что Алексѣевъ убоится и назоветъ лицо, отъ котораго онъ получилъ стихи. Но онъ не сдѣлалъ этого по той простой причинѣ, что не могъ вспомнить. Сохранилось слѣдующее извѣстіе, записанное А. Я. Булгаковымъ 30 сентября: „Наташа была у Алексѣевыхъ и пріѣхала оттуда расплаканная. Бѣдный отецъ и мать въ прежалкомъ положеніи; я не понимаю упрямства сына старшаго. Можетъ ли быть, чтобы онъ не помнилъ, отъ кого получилъ стихи эти мерзкіе? Отецъ, къ коему онъ былъ приведенъ, угрожалъ ему проклятіемъ; какъ ни былъ онъ тронутъ, какъ ни плакалъ, а все утверждалъ, что не помнитъ. Кажется, это было не 10 лѣтъ назадъ! Всѣ утверждаютъ, что стихи Пушкина, однако же надобно это доказать и его изобличить“. А 1 октября Булгаковъ писалъ: „Стихи точно Пушкина. Онъ не только сознался, но и прибавилъ, что они давно напечатаны въ

его сочиненіяхъ. Тутъ рѣчь о французской революціи, только многое кѣмъ-то украшено, съ разными прибавленіями, и поставлено заглавіе: 14 декабря. Кто этотъ трудъ взялъ на себя, неизвѣстно, а добираются. Бенкендорфъ сказывалъ Брокеру: эти стихи такъ мерзки, что вы вѣрно выдали бы своего сына сами, ежели бы знали, что онъ сочинитель“¹. По поводу этихъ сообщеній необходимо сдѣлать два замѣчанія. Записи, сдѣланныя 30 сентября и 1 октября, имѣютъ въ виду событія болѣе раннія, предшествовавшія суду надъ Алексѣевымъ. Свиданіе съ отцомъ, убѣждавшимъ его сознаться, происходило до 25 сентября. А изъ извѣстія о Пушкинѣ вовсе нельзя извлечь, какъ это дѣлаетъ В. Я. Брюсовъ², указаніе на то, что въ промежутокъ [между 26 и 29 сентября] произошелъ первый допросъ Пушкину по дѣлу о стихахъ. Во всемъ производствѣ военно-судной комиссіи, пока она засѣдала въ Москвѣ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ допроса Пушкина, да и не могло быть, ибо комиссіи приказано было судить только одного Алексѣева и не касаться другихъ, да кромѣ того объясненія, данныя Пушкинымъ Николаю I, совершенно удовлетворили царя и положили конецъ дознанію о роли Пушкина. Ближайшіе помощники царя Бенкендорфъ, Дибичъ, Потаповъ, конечно, знали объ этомъ, знали и сущность данныхъ Пушкинымъ объясненій и потому на первыхъ порахъ, когда вездѣ говорили о милости, оказанной монархомъ поэту, не считали возможнымъ привлекать Пушкина къ отвѣту. Нельзя не отмѣтить для исторіи дальнѣйшихъ отношеній Пушкина къ Бенкендорфу фразы послѣдняго, приведенной Булгаковымъ: „Эти стихи такъ мерзки (это значить: даже и безъ пріуроченія къ 14 декабря), что вы вѣрно выдали бы своего сына, ежели бы

¹ Русск. Арх., 1901 г., II, 402, 403.

² Русск. Арх., 1906 г., февр., стр. 327. Домыслы В. Я. Брюсова о дняхъ допроса, о лицѣ, допрашивавшемъ, совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

знали, что онъ сочинитель“. Извѣстно, что недоразумѣнія между Пушкинымъ и Бенкендорфомъ начались очень скоро послѣ милости—знакъ, что Бенкендорфъ и остальные за это время узнали, какъ *на самомъ дѣлѣ* смотрѣлъ Николай I на Пушкина. О пренебрежительномъ отношеніи въ поэту Бенкендорфъ и остальные и помыслить не дерзнули бы, если бы они не почувствовали ноть презрѣнія въ самомъ царѣ, а это пренебреженіе, которое даже не всегда считали нужнымъ скрывать подъ холодно-вѣжливыми фразами, высказано чуть ли не съ перваго момента появленія Пушкина въ московскомъ обществѣ. Только такимъ пренебреженіемъ и можно объяснить, что черезъ полтора мѣсяца послѣ прощенія Пушкина, 25 октября, Николай I утвердилъ мнѣніе аудиторіатскаго департамента по дѣлу Алексѣева, а въ этомъ мнѣніи департаментъ полагалъ вернуть дѣло въ ту же военно-судную комиссію для дополненія по нѣсколькимъ пунктамъ и между прочимъ для отобранія отъ Пушкина показанія: „имъ ли сочинены означенные стихи; когда, почему извѣстно ему¹ сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное; въ случаѣ же отрицательства, не извѣстно ли ему, кѣмъ оныя сочинены“. Но разъ комиссія отбирала показанія у прикосновенныхъ къ дѣлу, то по чину она должна была произнести сужденіе о всѣхъ прикосновенныхъ. Такимъ образомъ притягивался къ дѣлу и Пушкинъ. 4 ноября великій князь Михаилъ Павловичъ, дѣлая распоряженіе о продолженіи дѣла, предлагалъ комиссіи уже не только истребовать показаніе отъ Пушкина, но и въ случаѣ надобности доставить въ Новгородъ и его самого. Несмотря на то, что военно-судная комиссія удовлетворилась показаніями Пушкина, онъ не былъ освобожденъ отъ

¹ Комиссія вывела заключеніе, что стихи были написаны до 14 декабря, на основаніи показанія Алексѣева, что стихи достались ему въ Москвѣ осенью 1825 г.

дѣла и по окончаніи ея дѣйствій. 25 марта Николай утвердилъ мнѣніе аудиторіата, повторившаго сентенцію Михаила Павловича о продолженіи слѣдствія въ гражданскомъ уголовномъ судѣ теперь уже надъ Леопольдовымъ, но съ вмѣненіемъ суду въ обязанность истребовать новыя объясненія отъ Пушкина и, сообразивъ оныя, *поступить по законамъ*. Такъ съ необыкновенной настойчивостью высказывалось истинное отношеніе Михаила Павловича и самого Николая I къ Пушкину.

Любань.

12 января 1909.

Пушкинъ—въ политическомъ процессѣ 1826—1828 гг.¹

(Изъ архивныхъ разысканій).

Въ январѣ 1826 года вышли въ свѣтъ „Стихотворенія Александра Пушкина“, разрѣшенныя цензурой въ выпускъ 8 октября 1825 года. Въ этой книгѣ была напечатана элегія „Андрей Шенье“, написанная Пушкинымъ въ январѣ 1825 года. Элегія была урѣзана въ цензурѣ, выброшенъ былъ слѣдующій отрывокъ—гимнъ свободѣ:

Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
 Я славилъ твой небесный ликъ,
 Когда онъ искрою возникъ,
 Когда ты въ бурѣ восходило;
 Я славилъ твой священный громъ,
 Когда онъ разметалъ позорную твердыню
 И власти древнюю гордыню
 Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
 Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
 Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрепетный отвѣтъ;

¹ Напечатано въ изданіи „Пушкинъ и его современники“ вып. XI.

Я вѣлъ, какъ ихъ могучи волны
 Все ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
 Перерожденіе земли.
 Уже сіялъ твой мудрый геній,
 Уже въ безсмертный пантеонъ
 Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
 Отъ пелены предубѣжденій
 Разоблачался ветхій тронъ;
 Оковы падали. Законъ,
 На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
 И мы воскликнули: „Блаженство!“..
 О горе! о безумный сонъ!
 Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
 Единый властвуетъ топоръ.
 Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
 Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!..

Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:
 Въ порывахъ буйной слѣпоты,
 Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
 Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
 Завѣненъ пеленой кровавой..
 Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
 И вновь твои враги падуть.
 Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
 Все ищетъ вновь упиться имъ;
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ бродитъ, жаждою томимъ..
 Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
 Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
 И буря мрачная минетъ...

Надо думать, этотъ отрывокъ вызвалъ искреннее негодованіе цензоровъ. Весной 1826 года Дельвигъ, сообщая Баратынскому о запрещеніи цензурой нѣсколькихъ стиховъ изъ его поэмы, объяснялъ свирѣпость цензуры тѣмъ, что „Смерть Андрея Шенье„ перебѣсила цензуру¹.

¹ Сочиненія бар. А. А. Дельвига. Спб. Изд. Е. Евдокимова. 1893. Стр. 158.

Не пропущенные цензурой стихи разошлись по рукамъ въ спискахъ, а послѣ событій 14 декабря среди читателей нашлись охотники, которые приурочили стихи къ трагедіи, разыгравшейся на Сенатской площади, находя нѣкоторыя фразы и слова соотвѣтствующими современному положенію. Если при такомъ приуроченіи мѣстами выходила явная бессмыслица, зато нѣкоторыя фразы въ родѣ напечатанныхъ нами курсивомъ звучали крайне рѣзко и дерзко. Въ концѣ іюля или началѣ августа 1826 года въ то время, когда Николай Павловичъ съ приближенными находился въ Москвѣ, готовясь къ коронаціи, агентъ по секретнымъ порученіямъ генерала Скобелева, 14 класса помѣщикъ Коноплевъ представилъ своему начальнику списокъ этого не пропущеннаго отрывка, получившаго уже заглавіе „на 14 декабря“, съ прибавленіемъ копіи извѣстнаго предсмертнаго письма Рылѣва къ женѣ. Скобелевъ доложилъ стихи Бенкендорфу, начинавшему тогда работать по III-ьему отдѣленію. Началось дѣло о распространеніи преступныхъ стиховъ Пушкина „Андрей Шенье“, къ этому дѣлу былъ привлеченъ цѣлый рядъ лицъ, оно прошло нѣсколько стадій—отъ тайнаго дознанія до об-сужденія въ Государственномъ Совѣтѣ, и кончилось черезъ два года 28 іюня 1828 года Высочайшею резолюціей. Допрашивался по этому дѣлу и Пушкинъ, которому оно доставило не мало непріятностей, и для біографіи поэта подробное разслѣдованіе всего хода дѣла представляетъ не малый интересъ.

Въ общихъ чертахъ сущность этого дѣла намъ извѣстна. Она была кратко рассказана двумя освѣдомленными лицами: по памяти и по документамъ—извѣстнымъ чиновникомъ III-го отдѣленія М. М. Поповымъ¹ и авторомъ пресловутыхъ воспоминаній—барономъ

¹ Въ статьѣ „А. С. Пушкинъ“ (Русск. Стар., т. X, 1874, авг., стр. 691—694). Эта статья, не обратившая на себя вниманіе изслѣдователей, очень цѣнна для изученія полицейскихъ отношеній Пушкина и представляетъ яркое отраженіе взглядовъ III-го Отдѣленія въ его цѣломъ на поэта.

М. А. Корфомъ¹. Краткое изложеніе хода процесса дано также П. А. Ефремовымъ² по доступнымъ ему документальнымъ даннымъ, не исчерпывающимъ всего дѣла и представленнымъ, по большей части, въ отпускахъ и копіяхъ. Съ бѣльшими подробностями разсказалъ это дѣло г. А. Слезкинскій въ статьѣ „Преступный отрывокъ элегіи „Андрей Шенье“³. Онъ пользовался копіей производства дѣла лишь въ одной инстанціи (Новгородскаго уѣзднаго суда) и о теченіи дѣла въ другихъ инстанціяхъ онъ могъ сообщить лишь по путанному изложенію, сдѣланному въ этомъ производствѣ. Поэтому вкрались въ статью г. Слезкинскаго довольно крупныя и многочисленныя неточности. Показанія, напр., Пушкина даны имъ въ пересказѣ. Да и производство уѣзднаго суда изложено имъ очень сбивчиво. Вообще для научныхъ изслѣдованій по біографіи Пушкина эта статья не годится. По названымъ только что статьямъ и сообщеніямъ разсказалъ объ этомъ дѣлѣ и М. К. Лемке⁴.

Перечисленныя работы даютъ лишь весьма общее представленіе о процессѣ. Кромѣ нихъ, мы имѣемъ не мало документовъ изъ различныхъ стадій производства, по большей части не первоначальныхъ подлинниковъ, а официальныхъ копій и повтореній. Они способствуютъ уясненію дѣла, но по этимъ разрозненнымъ бумагамъ трудно возстановить достовѣрную и детальную исторію процесса на всемъ его протяженіи, процесса, изученіе котораго

¹ Въ его запискѣ о Пушкинѣ, напечатанной въ статьѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа“ (Русск. Стар., т. LC, 1899, авг., стр. 309—310) и въ „Запискахъ“ его (тамъ же, т. CI, 1900, мартъ, стр. 547).

² „Сочиненія А. С. Пушкина“. Ред. П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина, т. VII, 1903, стр. 259—261, 276, 286—287, 298—300; т. VIII, 1905, стр. 597—601.

³ Русск. Стар., т. LC, 1899, авг., стр. 312—326.

⁴ Въ книгѣ „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.“, Спб. 1908. Очеркъ „Муки великаго поэта“, стр. 468 сс.

интересно не только для біографіи поэта, но и для исторіи нашей общественности.

Между тѣмъ, ни одно подлинное производство до сихъ поръ систематически не обследовано и не использовано, а производства нѣкоторыхъ инстанцій даже не были извѣстны. Первой стадіей этого дѣла было тайное дознаніе, произведенное Скобелевымъ и Бенкендорфомъ. Матеріалы по этому дознанію сохранились въ архивѣ III-го Отдѣленія, что нынѣ Департамента Полиціи, и изданы С. С. Сухонинымъ¹. Вторая стадія—производство дѣла въ военно-судной комиссіи, начатое 25 сентября 1826 года и оконченное Высочайшей резолюціей 25 марта 1827 года. Это дѣло хранится въ архивѣ Главнаго военно-суднаго Управленія и не было извѣстно до самаго послѣдняго времени: впервые съ моихъ словъ сообщилъ о немъ П. А. Ефремовъ². Третья стадія—производство Новгородскаго уѣзднаго суда, использованное въ статьѣ г. А. Слезкинскаго. Въ архивѣ этого суда осталась только копія дѣла, подлинное

¹ Въ книгѣ „Дѣла III Отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ“ Спб. Изд. И. Балашова, 1906, стр. 15—17 и 267 сс. Изучая дѣло въ архивѣ, мы убѣдились, что оно издано г. Сухонинымъ крайне неисправно. Тутъ—не только бумаги по предварительному дознанію (стр. 15—17), но и имѣющія отношеніе къ дальнѣйшимъ стадіямъ процесса. Самый главный документъ—записка Бенкендорфа съ отвѣтами Скобелева, положившая начало дѣлу—опубликована по подлиннику (вполнѣ правильно) въ „Русск. Стар.“ въ замѣткѣ „Къ дѣлу о доносѣ на А. С. Пушкина“ т. XXXVIII, июнь, стр. 690—692. См. мою замѣтку объ изданіи г. Сухонина въ журналѣ „Былое“ 1906, февраль, стр. 299—301.

² Нѣкоторыя бумаги, вышедшія изъ этой военно-судной комиссіи, съ отвѣтами подлежащихъ мѣстъ напечатаны въ книгѣ И. И. Василева: „Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи“ Спб. 1899, стр. 32—36. Нѣкоторые слѣды производства оказались въ архивѣ л.-гв. Драгунскаго полка, въ которомъ служилъ Алексѣевъ. Свѣдѣнія по полковымъ документамъ изложены въ книгѣ капитана Ковалевскаго 1-го: „Л.-Гв. Драгунскій полкъ“ 1814—1869. Новгородъ, 1870, стр. 38, 169 (прим. 21), 40 (приложенія). Эту книгу указалъ мнѣ В. Л. Модзалевскій.

же было отослано на ревизію въ Новгородскую уголовную палату. Изъ архива палаты, хранящагося при Новгородскомъ Окружномъ Судѣ, подлинное дѣло было, по требованію Министра Юстиціи, отослано въ департаментъ юстиціи ¹ въ 1884 году. Четвертая стадія—производство дѣла въ Правительствующемъ Сенатѣ. Пятая—разсмотрѣніе дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ. Мы знаемъ изъ сенатскаго дѣла лишь Указъ Сената Новгородскому губернскому правленію ². Въ этомъ указѣ приведено Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта. Этимъ мнѣніемъ ограничиваются наши свѣдѣнія о производствѣ въ высшей инстанціи. Не мало издано документовъ и бумагъ, относившихся къ исполненію приговора касательно Пушкина,— объ объявленіи ему приговора ³, объ учрежденіи секретнаго надзора и о продолженіи его ⁴. Но документы послѣдняго рода важны только своими датами, а къ знанію процесса ничего не прибавляютъ.

Самымъ интереснымъ и важнымъ какъ для біографіи поэта, такъ и для исторіи общественнаго броженія въ 1826 году мы считаемъ дѣло, произведенное военно-судной Коммиссіей о штабсъ-капитанѣ Алексѣевѣ. Производства другихъ инстанцій прибавляютъ не много матеріала, имѣющаго значеніе; въ нихъ много пустословія, не разъясняющаго, а только запутывающаго дѣло. Но имѣетъ интересъ—спеціальный для пушкиновѣдѣнія—производство Государственнаго Совѣта.

Изложенію этихъ дѣлъ мы посвящаемъ дальнѣйшія страницы.

¹ Находившіяся въ этомъ дѣлѣ подлинныя объясненія Пушкина были въ 1887 году переданы изъ Департамента Юстиціи въ Пушкинскій Музей при Александровскомъ Лицеѣ и напечатаны въ книгѣ проф. И. А. Шляпкина „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, Спб. 1903, стр. 339—341.

² Напечатанъ въ Русск. Стар., т. XI, 1874, ноябрь, стр. 584—588.

³ Русск. Стар., т. XXXIII, 1882, февр., 465—469.

⁴ Напримѣръ, тамъ же, т. XXIII, 1882, янв., стр. 225—226 и т. XXXVII, 1883, янв., стр. 77—78.

I.

ДѢЛО АЛЕКСѢЕВА И ПУШКИНЪ.

1.

До ознакомленія съ ходомъ процесса штабсъ-капитана Алексѣева, необходимо кратко передать исторію возникновенія этого дѣла ¹.

Исторія распространенія запрещеннаго цензурой отрывка изъ элегіи „Андрей Шенье“ представляется на основаніи изученія дѣла въ слѣдующемъ видѣ. Коноплевъ, агентъ Скобелева, добылъ списокъ стиховъ у кандидата Леопольдова. Зналъ ли послѣдній, что Коноплевъ шпионъ, установить по дѣлу нельзя; во всякомъ случаѣ Леопольдовъ игралъ въ этой исторіи роль довольно постыдную и плачевную ². Онъ собственноручно переписалъ стихи,

¹ Подробно мы останавливаемся на этой исторіи и выясняемъ ея связь съ помилованіемъ Пушкина въ предшествующей статьѣ „Имп. Николай I и Пушкинъ 1826 году“.

² Біографическій очеркъ А. Ф. Леопольдова данъ въ книжкѣ Н. Ф. Хованскаго „Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовской губерніи“. Вып. 1-ый, Саратовъ, 1884, стр. 57—76, и въ статьѣ М. Л. Юдина „Винovníкъ „Шеньеvской“ исторіи“ (Истор. Вѣст. т. СІІ, 1905, ноябрь, стр. 574—597). Для насъ важны приводимые г. Юдинымъ рассказы самого Леопольдова о случаѣ со стихами, изложенные въ его рукописной автобіографіи, хранящейся въ Саратовской ученой архивной комиссіи, и въ письмахъ его къ Е. И. Станевичу отъ 1829 года (хранятся тамъ же). Съ рукописной автобіографіей Леопольдова я познакомился благодаря содѣйствію Пушкинской Комиссіи, по просьбѣ которой она была выслана изъ Саратова въ Петербургъ. Сличая его рассказы съ документальными данными, приходишь къ заключенію, что въ своихъ сообщеніяхъ Леопольдовъ неискрененъ и умалчиваетъ о настоящей своей роли. Онъ не упоминаетъ, напр., о томъ, что надпись на стихахъ „на 14 декабря“ была сдѣлана имъ, что онъ собирался пообстоятельнѣе донести объ этихъ стихахъ Бенкендорфу. На допросахъ онъ старался запутать офицера Молчанова, давшаго

прибавилъ къ нимъ предсмертное письмо Рыдѣва къ жёнѣ и вручилъ Коноплеву. Скобелевъ, доносившій на Пушкина еще въ 1824 году, тотчасъ же сообщилъ эти стихи Бенкендорфу въ концѣ іюля или началѣ августа. Напомнимъ, что въ это время царь со всёмъ дворомъ былъ въ Москвѣ и готовился къ коронаціи. Бенкендорфъ потребовалъ указать лицо, которое дало стихи Леопольдову. Леопольдова въ это время не было въ Москвѣ, и Коноплевъ былъ посланъ въ Саратовскую губернію разыскать его. Узнавъ отъ него, въ концѣ августа, что стихи даны ему прапорщикомъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго баталіона Молчановымъ въ іюлѣ 1826 года, Коноплевъ вернулся въ Москву и доложилъ полу-

ему стихи и т. д. Въ концѣ концовъ мы не убѣждены въ томъ, что Коноплевъ дѣйствовалъ безъ его вѣдома и согласія. Въ автобіографіи Леопольдовъ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ о началѣ дѣла: „По Москвѣ ходили стихи, переведенные изъ французскаго писателя Андрея (тески моего) Шенье, намекавшіе на булгу во Франціи и приравливаемые будто бы къ нашему бывшему беспорядку 14 декабря 1825 года (Леопольдовъ прекрасно зналъ, что стихи принадлежатъ Пушкину, а приписывалъ ихъ къ 14 декабря на бумагѣ онъ самъ! *П. III.*). Они достались и мнѣ отъ одного гвардейскаго офицера, изъ юношеской любознательности и любопытства. Я понималъ духъ ихъ и безъ всякаго умысла и цѣли сообщилъ товарищу; но у него, увидѣвъ ихъ, придумали: шука съѣдена, остались зубы; эти другіе люди пробудили вопросъ: не осталось ли это духа недавно погашенной у насъ булги? Донесено, и загорѣлось дѣло. Я самъ понималъ, что надобно же все это темное обстоятельство развѣдать и разслѣдовать. Добрались до источника и до всѣхъ военныхъ и статскихъ, имѣвшихъ ихъ. Вотъ такимъ-то путемъ дошла очередь и до меня“. (Цитовано по рукописи). А въ письмѣ къ Е. И. Станевичу отъ 29 декабря 1829 года, поддѣлываясь, очевидно, къ елейному тону своего корреспондента, онъ уже рассказывалъ о томъ же въ иномъ духѣ: „Случайно попались мнѣ въ Москвѣ (онъ самъ выпросилъ! *П. III.*), во время коронаціи дерзкіе насчетъ правительства стихи. Я показалъ ихъ одному знакомцу, сожалѣя о несчастномъ образѣ мыслей сочинителя (это по первой версіи, Андрея Шенье! *П. III.*). Но сей знаемецъ мой былъ шпіонъ, который для выслуги своей открылъ объ нихъ нач. Г. П. (конечно: начальнику Государственной Полиціи *П. III.*) Дѣло загорѣлось: разысканы всѣ, у кого оныя стихи были, отъ кого и какъ перешли“ (Ист. Вѣст., назв. статья, стр. 582).

ченныя имъ свѣдѣнія Бенкендорфу. Началось дѣло; былъ найденъ и арестованъ Молчановъ, который 8 сентября показалъ, что стихи получены имъ въ февралѣ 1826 года отъ л.-гв. конно-егерскаго полка штабсъ-капитана Алексѣева. Александръ Ильичъ Алексѣевъ также былъ разысканъ, арестованъ и 16 сентября отправленъ изъ Новгорода въ Москву¹. Здѣсь и начальникъ Главнаго штаба И. И. Дибичъ и дежурный при государѣ генералъ Поталовъ тщетно добивались, чтобы Алексѣевъ сказалъ, кто ему далъ эти стихи. Алексѣевъ отвѣчалъ, что онъ получилъ ихъ въ Москвѣ осенью 1825 года, но отъ кого, рѣшительно не помнить. Генералы пробовали дѣйствовать на него черезъ отца; отецъ умолялъ сына, грозилъ ему проклятіемъ, но Алексѣевъ упорно оставался при своемъ отрицаніи. Въ результатѣ, по Высочайшему повелѣнію, Молчановъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи въ армію въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а Алексѣевъ за записательство отданъ подъ судъ. Съ самаго начала слѣдствія и тотъ и другой находились въ московскомъ тюремномъ замкѣ²; Молчановъ несмотря на то, что наказаніе было на него уже наложено, все-таки былъ оставленъ въ тюрьмѣ на все время слѣдствія.

Этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы разобраться въ военно-судномъ процессѣ, къ изложенію котораго мы и приступаемъ.

¹ А. И. Алексѣевъ—сынъ генерала Ильи Ивановича Алексѣева и Натальи Филипповны, урожденной Вигель; слѣдовательно, родной племянникъ известнаго Ф. Ф. Вигеля. Въ своихъ „Запискахъ“ Ф. Ф. Вигель не разъ упоминаетъ о своемъ племянникѣ и рассказываетъ (не совсѣмъ точно) о его дѣлѣ (Записки Ф. Ф. Вигеля. Изд. „Русскаго Архива“, М. Ч. VII, 1893, стр. 111—114). Современныя извѣстія о дѣлѣ Алексѣева идутъ также отъ А. Я. Булгакова, хорошаго знакомаго семьи Алексѣевыхъ (Русск. Арх. 1901, т. II, стр. 402, 403).

² Въ тюрьмѣ они встрѣтились съ офицерами, осужденными на каторгу за участіе въ востаніи Черниговскаго полка: Соловьевымъ, Мозалевскимъ, Быстрицинымъ и Сухиновымъ. См. „Записки неизвѣстнаго“ (И. И. Горбачевскаго) въ Русск. Арх. 1882, т. I, стр. 545.

Мы считаемъ нужнымъ не выпускать при изложеніи тѣхъ страницъ дѣла, которыя не представляя важности для пушкиновѣдѣнія, даютъ хорошее понятіе о томъ, какъ ставилась въ то время процессуальная сторона дѣла и какъ создавалась „юридическая“ аргументація. Слово юридическая тутъ приходится, конечно, брать не иначе, какъ въ кавычкахъ.

2.

25 сентября 1826 года Начальникъ Главнаго Штаба Е. И. В. Дибичъ обратился съ слѣдующимъ отношеніемъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, который въ это время командовалъ отрядомъ Гвардейскаго корпуса, отправленнымъ въ Москву на коронацію.

„У служившаго лейбъ-гвардіи въ конно-піонерномъ эскадронѣ прапорщика Молчанова найдена копія съ письма государственнаго преступника Рылѣва и возмутительные стихи на 14 декабря 1825 года. Молчановъ въ отбранной отъ него роспискѣ объявилъ, что сіи стихи получилъ онъ отъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка штабсъ-капитана Алексѣева, который, не отвергая того, что отдалъ оныя Молчанову, не только не объявилъ въ свое время сочиненія сего начальству, какъ того требовалъ долгъ честнаго и вѣрнаго офицера и русскаго дворянина, но при сдѣланномъ ему лично мною допросѣ, не раскаиваясь въ своемъ поступкѣ, рѣшительно не хочетъ открыть, отъ кого онъ самъ получилъ сіи бумаги.

Какъ таковое упорство штабсъ-капитана Алексѣева доказываетъ какъ зловердныя его склонности, такъ и намѣреніе скрыть слѣды, по которымъ могли бы быть открыты злоумышленники, распространяющіе подобныя сочиненія, то Государь императоръ, желая примѣромъ строгаго взыскапія пресѣчь и впредь подобныя столь вредныя для общаго спокойствія государства покушенія,—Высочайше повелѣтъ соизволилъ штабсъ-капитана Алексѣева, яко обличеннаго собственнымъ признаніемъ въ содержаніи у себя противъ долгу присяги и существующихъ узаконеній въ тайнѣ отъ своего начальства и сообщеніи даже другимъ такихъ бумагъ, кои по содержанію своему, въ особенности послѣ происшествія 14 декабря, совершенно по смыслу злодѣевъ, покушавшихся на разрушеніе всеобщаго спокойствія,—предать военному суду здѣсь при 2-мъ сводномъ легкомъ кавалерійскомъ полку Гвардейскаго отряда съ тѣмъ, чтобъ судъ былъ оконченъ въ возможной поспѣшности и непременно въ продолженіе трехъ дней.

Сообщая Вашему Императорскому Высочеству сію Высочайшую волю для зависящаго о исполненіи оной распоряженія и препровождая при семъ найденныя у Молчанова письмо Рылѣва и стихи на 14 декабря, прошу покорнѣйше Ваше Императорское Высочество по окончаніи надъ нимъ суда сообщить мнѣ сентенцію онаго съ мнѣніемъ Вашего Высочества для доклада Государю Императору. При семъ имѣю честь увѣдомить, что штабсъ-капитанъ Алексѣевъ содержится въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ“.

3.

Исполненіе по отношенію Начальника штаба послѣдовало въ тотъ же 25-ый день сентября. Великій Князь далъ соотвѣтствующее предписаніе графу Орлову, командовавшему сводной легкой Гвардейской кавалерійской бригадой и л.-гв. своднымъ кирасирскимъ полкомъ. Въ тотъ же день при 2 сводномъ легкомъ кавалерійскомъ полку была учреждена коммиссія военного суда. Презусомъ ея былъ назначенъ л.-гв. конно-егерскаго полка полковникъ баронъ Ренне, ассесорами — капитаны Павлищевъ ¹, Корфъ, штабсъ-капитанъ Стремоуховъ, поручикъ Вуичъ, прапорщики: Вульфъ ² и Кронекъ; производителемъ дѣлъ—оберъ-аудиторъ 9 класса Ивановъ.

Судъ совершался съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. На первомъ же засѣданіи 26 сентября презусъ, объявивъ о цѣли собранія, „уговаривалъ всѣхъ обрѣтающихся въ судѣ, дабы при отпращиваніи начинающагося дѣла напоматовали свою совѣсть, а что въ судѣ случится, хранили бы тайно и никому о томъ, кто бъ онъ ни былъ, не объявляли“. Затѣмъ, намѣчая программу дѣйствій, коммиссія постановила предложить подсудимому обычный вопросъ: „не имѣетъ ли онъ на презуса, ассесоровъ и аудитора какого по-

¹ Это Пав. Ив. Павлищевъ, братъ Ник. Ив., женившагося впоследствии на сестрѣ Пушкина.

² По спискамъ полка это—Петръ Ивановичъ Вольфъ, едва ли не двоюродный братъ пріятелю Пушкина Алексѣю Николаевичу Вульфу.

казать подозрѣнія и судомъ ихъ будетъ ли доволенъ“ и затребовать изъ штаба формулярный списокъ и кондуитъ Алексѣева. По изъявленіи Алексѣевымъ своего удовольствія комиссіей, судьи принесли судебскую присягу ¹. Вступивъ въ исполненіе обязанностей, презусъ на основаніи воинскихъ процессовъ 1 главы 14 пункта уговаривалъ Алексѣева, чтобы онъ „съ пристойнымъ воздержаніемъ дѣло свое доносилъ вкратцѣ“. Подобный уговоръ былъ, очевидно, вызванъ необходимостью закончить дѣло въ три дня. Въ виду такой крайности, дежурный генераль предписывалъ комиссіи заканчивать дѣло, не дожидаясь обычнаго представленія формуляра и кондуита подсудимаго.

26 сентября, къ 10 часамъ утра, штабсъ-капитанъ Алексѣевъ былъ доставленъ изъ тюрьмы плацъ-адъютантомъ въ комиссію, несмотря на то, что онъ былъ боленъ: „былъ одержимъ воспаленіемъ лѣваго глаза и чувствовалъ слабость во всемъ корпусѣ“. На учиненные судной комиссіей вопросы Алексѣевъ отвѣчалъ:

„Зовутъ меня Александръ Ильинъ сынъ Алексѣевъ, 26 лѣтъ, греко-россійской вѣры, на исповѣди и у святого причастія бывалъ.“

Въ службу вступилъ по выпускѣ изъ пажескаго корпуса прапорщикомъ въ конно-артиллерійскую роту № 22—1819 года апрѣля 6 дня; изъ россійскихъ дворянъ, собственности не имѣю, а что за отцомъ моимъ состоитъ и сколько, того не знаю.

Изъ прапорщиковъ артиллеріи перевелся въ конно-егерскій Е. В. полкъ, гдѣ и произведенъ въ 1819 году ноября 26 въ поручики, въ 1823 ноября 26

¹ Формула присяги: „Мы, къ настоящему военному суду назначенные судьи, клянемся Всемогущимъ Богомъ, что мы въ семь суду въ прилучающихся дѣлахъ, ни для дружбы, или склонности, ни подарковъ или дачей ниже страха ради, ни для зависти и не дружбы, не токмо едино по челобитью и отвѣту, по Его И. В. Нашего Всемилостивѣйшаго Государя Императора воинскимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хотимъ право и нелицемѣрно, такъ какъ намъ отвѣтъ дать на Страшномъ Судѣ Христовѣ,— въ чемъ да поможетъ вамъ Онъ, нелицемѣрный Судья“.

за отличие по службѣ въ штабс-капитаны и 1825 22 августа переведенъ въ лейбъ-гв. конно-егерскій полкъ; подъ судомъ и штрафами не былъ.

1. По нахожденіи моемъ въ Москвѣ точно получилъ оные стихи, но отъ кого, не помню, и безъ всякой опредѣлительной цѣли и намѣренія,—въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ.

2. Стихи, отданные мной Молчанову, были написаны собственной рукой моею, но безъ надписи на 14 декабря, а письма преступника Рылѣва, мнѣ же показанные стихи и письма въ судѣ мнѣ вовсе неизвѣстны.

3. Оные стихи при разборѣ разныхъ бумагъ моихъ попались въ руки Молчанова и по просьбѣ его ему отданы, а на какой конецъ, не знаю.

4. Храненіе стиховъ сихъ не считалъ тайною, а изъ содержанія онаго не предполагалъ и не предвидѣлъ ничего зловерднаго, ибо оныя, какъ выше сказано, получены были мной въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ.

5. Въ тайныхъ обществахъ не бывалъ и ничего ни отъ кого не слыхалъ и нигдѣ не былъ замѣченъ, ибо милости, оказываемыя покойнымъ Государемъ императоромъ отцу моему и семейству, не могли внушить мнѣ ничего дурного противу Е. В. и правительства.

6. Никакихъ другихъ подобныхъ бумагъ не имѣю“.

Итакъ, Алексѣевъ признавалъ, что онъ далъ Молчанову писанный его рукою списокъ стиховъ, но предъявленный ему на судѣ листъ, на которомъ были четко переписаны сначала письмо К. Θ. Рылѣва, а за нимъ стихи съ надписью „на 14 декабря“, оказался ему совершенно неизвѣстенъ: онъ былъ не его руки, затѣмъ заключалъ совершенно неизвѣстное письмо К. Θ. Рылѣва, а стихи, дѣйствительно, были тѣ самыя, которые онъ далъ Молчанову, но, давая ихъ Молчанову, онъ не дѣлалъ надписи на 14 декабря.

Коммиссія опредѣлила допросить по дѣлу Молчанова. На запросъ Коммиссіи, 26 же сентября Молчановъ отвѣчалъ нѣсколько неясно, что копія съ письма Рылѣва не у него найдена и ея никогда у него не было, но стихи на 14 декабря получены имъ дѣйствительно отъ Алексѣева. О подробностяхъ полученія Молчановъ сообщалъ слѣдующее:

„Котораго числа именно я получалъ оные стихи, точно упомянуть не могу; а получалъ ихъ въ февралѣ мѣсяцѣ, проходя изъ Москвы въ Петербургъ

съ ремонтомъ. Говоря про Пушкина стихи, онъ, Алексѣевъ, и сказалъ, что у него есть послѣднее его сочиненіе, и показавъ оныя мнѣ; я у него попросилъ ихъ списать,—безъ всякаго намѣренія, но только изъ одного желанія имѣть Пушкина сочиненія стихи. Чьей рукой оныя стихи были написаны, я этого не знаю, а для чего я не предъявилъ оныхъ начальству, потому что не пожелалъ, чтобы оныя стихи могли имѣть какое дурное вліаніе на другихъ“.

Въ дополненіе къ этому показанію Коммиссія постановила спросить у Молчанова, кѣмъ и когда именно были найдены возмутительныя стихи на 14 декабря, тѣ ли самыя, которые при дѣлѣ имѣются, или какіе другіе, а также была ли на полученныхъ имъ отъ Алексѣева стихахъ сдѣлана надпись „на 14 декабря“ или нѣтъ. Отвѣтъ Молчанова опять былъ не совсѣмъ ясенъ. Онъ отвѣчалъ (26 же сентября):

„Оныя стихи никогда у меня найдены не были, а далъ я ихъ русскому учителю Леопольдову, который и показавъ, что получилъ ихъ отъ меня; стихи точно тѣ самыя, которые я далъ Леопольдову, но они переписаны, ибо я далъ ихъ ему; они были написаны на четвертушкѣ; а письма не было, котораго я никогда не видалъ:—что жъ касается была ли надпись надъ стихами, этого я совершенно не помню: а можно будетъ видѣть по тѣмъ, которые я далъ Леопольдову. О теперешнемъ жителствѣ Леопольдова не знаю“.

На сцену выдвигалось новое лицо, которое необходимо было допросить. Отнесясь къ Московскому оберъ-полицмейстеру съ предложеніемъ доставить Леопольдова въ Коммиссію, Коммиссія 27 сентября затребовала отъ Алексѣева и Молчанова подробныхъ указаній о мѣстѣ передачи преступной рукописи и ея виѣшнемъ видѣ. Алексѣевъ отвѣтилъ, что онъ отдалъ Молчанову стихи въ Новгородѣ, но формата и цвѣта бумаги не помнить: онъ твердо помнить только то, что они были переписаны имъ собственноручно. Молчановъ подтвердилъ, что стихи получилъ въ Новгородѣ. „Бумага—показывавъ онъ—кажется, была бѣлая, а вѣрно не помню, бумага была бѣлая съ черными кантиками; а далъ я ихъ, эти стихи, въ іюнѣ мѣсяцѣ русскому учителю Леопольдову“. Противъ этого

показанія Молчанова Коммиссія выставила Молчанову слѣдующій вопросъ:

„Въ дополнительномъ Вашемъ показаніи, данномъ Вами въ судѣ вчерашняго числа, вы пишете, что была ли надпись надъ стихами, этого совершенно не помните, а можно видѣть по тѣмъ, которые Вы дали Леопольдову, но почему же вы въ подпискѣ Вашей, данной 8 числа сентября, объявили именно сими словами ¹: что Вами получены стихи сочиненія Пушкина на 14 декабря; объясните на сіе, по всей справедливости, была ли оная надпись или нѣтъ, а когда не было, то отчего въ подпискѣ вашей сіе было написано?“

Молчановъ объяснилъ:

„была ли надпись надъ стихами, то я повторяю, что совершенно не помню; а почему я въ своемъ показаніи пишу, что они на 14 число, то мнѣ Алексѣевъ говорилъ самъ, что они на оное число сочинены Пушкинымъ“.

Между показаніями Молчанова и Алексѣева получалось разнорѣчіе, которое Коммиссія попыталась разрѣшить очной ставкой, данной 27 сентября. Но Алексѣевъ утверждалъ и на очной ставкѣ, что „на отданныхъ имъ стихахъ не было надписи „на 14 декабря“, и что „не въ бытность оной не зачѣмъ ему было говорить на словахъ то, что не написано, а къ тому же онъ получилъ ихъ прежде сего времени“. А Молчановъ остался тоже при своемъ: „я говорю—показывалъ онъ—что Г. Алексѣевъ, дававши мнѣ сіи стихи, самъ мнѣ говорилъ, что они сочинены на четырнадцатое число: что и готовъ утверждать клятвенно“. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, зналъ ли Алексѣевъ о примѣненіи стиховъ Пушкина къ 14 декабря и надписывалъ ли онъ ихъ „на 14 декабря“, оставался открытымъ, впредь до объясненія Леопольдова. Но московскій оберъ-полицмейстеръ 27 сентября увѣдомилъ Коммиссію,

¹ Молчановъ далъ слѣдующую подписку; „Я, нижеподписавшійся, получилъ стихи сочиненія Пушкина, на четырнадцатое декабря отъ Александра Алексѣева лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка штабъ-капитана, во время моего возвращенія въ С.-Петербургъ съ ремонтомъ въ февралѣ 1826 года. Прапорщикъ Молчановъ. 8 сентября 1826 года Москва.“

„что русскій учитель Леопольдовъ проживалъ Тверской части въ Университетскомъ пансіонѣ по найму въ должности надзирателя, который также числился и по Московскому Университету своекоштнымъ кандидатомъ, а сего года іюля 25 числа выѣхалъ къ родителю своему въ городъ Саратовъ“.

Коммиссія постановила обратиться къ Саратовскому губернатору съ просьбой о доставленіи Леопольдова и, сознавая, что безъ допроса Леопольдова она не можетъ кончить дѣла въ трехдневный срокъ безъ особаго на то разрѣшенія начальства, рѣшила донести объ этомъ великому князю Михаилу Павловичу. Но великій князь предписалъ, чтобы Коммиссія, не останавливая дѣла, кончила его, во исполненіе Высочайшей воли, въ три дня, а о недостающихъ къ дѣлу свѣдѣніяхъ и справкахъ упомянула, гдѣ слѣдуетъ. Послѣ этого предписанія Коммиссіи оставалось только привести дѣло къ концу. 27 сентября Алексѣеву было сдѣлано священническое увѣщаніе, дабы онъ открылъ лицо, передавшее ему стихи, но Алексѣевъ „ни въ чемъ признанія не учинилъ, а остался при прежде данныхъ имъ Коммиссіи показаніяхъ“. Затѣмъ Коммиссія сличила почеркъ находившейся въ ихъ рукахъ преступной рукописи съ почерками Алексѣева и Молчанова и не нашла никакого сходства. На этомъ судопроизводство трехдневной Коммиссіи было закончено.

27 сентября была составлена „выписка“ или конспектъ всего дѣла и прочитана Алексѣеву. Алексѣевъ дополнилъ свои оправданія слѣдующимъ разъясненіемъ:

„къ оправданію своему имѣю то сказать, что хотя и имѣлъ у себя сіи стихи, но безъ намѣренія, находя ихъ совершенно незначущими, такъ я полагаю; тѣмъ болѣе сіе доказываетъ и то, что, не бывъ въ связи и коротко знакомымъ съ г-мъ Молчановымъ, отдалъ ему оныя. Касательно же необъявленія мною того лица, отъ котораго оныя выписаны, то призываю въ свидѣтели всемогущаго Бога, что не скрылъ и не утаилъ бы отъ правительства онаго, зная совершенно, что сіе объясненіе служило бы моимъ оправданіемъ, и не подвергалъ бы позору носимой мною фамиліи и престарѣлому и израненному отцу моему и матери огорченія и стыда имѣть недостойнаго сына. Рѣшительно оканчиваю клятвою, что не смѣю оклеветать другихъ, ибо не помню, у кого выписаны оныя были мною. Знаю, что подвергаюсь всей строгости законовъ“.

Сентенція Коммиссіи отъ 29 сентября оказалась очень суровой.
Коммиссія

„нашла подсудимаго шт.-кап. Алексѣва виновнымъ въ содержаніи у себя противу долга присяги и существующихъ узаконеній въ тайнѣ отъ своего начальства и передачѣ другимъ такихъ возмутительныхъ стиховъ, кои по содержанию своему, въ особенности послѣ происшествія 14 декабря, совершенно по смыслу злодѣевъ, покушавшихся на разрушеніе всеобщаго спокойствія, въ необъявленіи въ свое время сочиненія сего начальству, какъ того требуетъ долгъ честнаго и вѣрнаго офицера и русскаго дворянина, и въ упорномъ предъ начальствомъ и судьями сокрытіи того, отъ кого онъ получилъ тѣ стихи; и за таковыя учиненныя имъ преступленія,—на основаніи указовъ, состоявшихся въ 31 день Декабря 1682 и въ 21 Мая 1683 приговорила онаго къ смертной казни“.

Коммиссія повергала свое заключеніе на воззрѣніе великаго князя. 29 сентября все производство было отослано къ нему.

4.

3 октября великій князь Михаилъ Павловичъ представилъ все дѣло съ сентенціей Коммиссіи и мнѣніями—своимъ и графа Орлова—начальнику Главнаго штаба барону Дибичу для доклада государю. Дежурный генераль, г.-ад. Потаповъ, находя, что дѣло не приведено въ надлежащую ясность, затребовалъ 20 октября мнѣнія Аудиторіатскаго Департамента. 23 октября требуемое мнѣніе было уже доставлено. Аудиторіатскій Департаментъ считалъ необходимымъ для дополненія дѣла отобрать показанія отъ прикосновенныхъ лицъ: Леопольдова, Пушкина и Молчанова. Леопольдовъ долженъ былъ дать отвѣты на вопросы: когда онъ получилъ отъ Молчанова стихи, на какой бумагѣ и чьей рукой они писаны, была ли надпись „на 14 декабря“, гдѣ полученный имъ отъ Молчанова экземпляръ, послужившій оригиналомъ для находящагося въ дѣлѣ, и не его ли рукой переписанъ этотъ послѣдній. Отъ А. Пушкина над-

лежало отобрать показаніе: „имъ ли сочинены означенные стихи; когда, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное; въ случаѣ же отрицательства, неизвѣстно ли ему, кѣмъ оны сочинены“. Наконецъ, прапорщикъ Молчановъ долженъ быть спрошенъ, „для чего, о полученныхъ имъ въ февралѣ стихахъ не донеся тогда же начальству, далъ оны въ іюнѣ Леопольдову и (когда данные имъ на четвертушкѣ отысканы будутъ) чтобы объяснилъ, тою ли самой рукой писаны, какъ даны Леопольдову и кѣмъ подписаны на 14 декабря. Комиссіи же военнаго суда, коей дополненіе дѣла сего поручено будетъ—заканчивалъ свое мнѣніе Аудиторіатъ—всѣ означенныя показанія и касающіяся онымъ обстоятельства прилежно и немедленно разсмотрѣть и свое на законномъ основаніи заключеніе представить по начальству, а между тѣмъ шт.-кап. Алексѣева содержать арестованнымъ“.

25 октября послѣдовала Высочайшая резолюція: „исполнить по мнѣнію Аудиторіатскаго Департамента—продолжать въ той же судной Комиссіи“.

29 октября Начальникъ Главнаго штаба увѣдомилъ Михаила Павловича о резолюціи и предписалъ управляющему Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выслать въ С.-Петербургъ Леопольдова.

Но пока дѣло шло по инстанціямъ, войска, пришедшія въ Москву на коронацію, уже отправились на свои постоянныя квартиры, и Комиссія, судившая Алексѣева и состоявшая изъ штабъ- и оберъ-офицеровъ л.-гв. Конно-егерскаго дивизіона, присоединилась къ своему полку, стоящему въ Новгородѣ. Поэтому великій князь, отвѣчая, какъ командующій московскимъ отрядомъ Гвардейскаго корпуса, 4 ноября начальнику Штаба, предлагалъ послѣднему обратиться къ Командующему Гвардейскимъ корпусомъ, т.-е. къ нему же, Михаилу Павловичу (это была необхо-

димая формальность!) и приказать распорядиться „о продолженіи нынѣшнихъ дѣйствій Коммисіи по сему дополненію дѣла въ Новгородѣ, дабы членовъ онаго суда симъ новымъ порученіемъ не отлучить отъ занятій“. Михайлъ Павловичъ дополнилъ мнѣніе Аудиторіата своимъ заключеніемъ, которое не предвѣщало ничего хорошаго для Пушкина.

„При чемъ имѣю честь Вашему Высокопревосходительству присовокупить, что я считаю нужнымъ не только выслать въ Новгородъ прикосновеннаго въ означенному дѣлу учителя Леопольдова, но *истребовать отъ сочинителя стиховъ А. Пушкина показаніе, его ли дѣйствительно сочиненія извѣстные стихи; съ какою цѣлю имъ сочинены они и кому отъ него переданы, и доставить въ Новгородъ находящихся нынѣ въ вѣдѣніи Московскаго Коменданта подъ арестомъ шт.-кап. Алексѣева и прапорщика Молчанова, и если Коммисія почтетъ нужнымъ, то и самого Пушкина*“.

Михайлъ Павловичъ обратилъ особое вниманіе на Пушкина. Аудиторіатъ, смотря на него, какъ на прикосновеннаго, предлагалъ спросить, онъ ли, а если не онъ, то кто писалъ стихи и откуда онъ узналъ о намѣреніяхъ злоумышленниковъ, разъ стихи были написаны до 14 декабря. Михайлъ Павловичъ привязывалъ Пушкина тѣснѣе къ дѣлу. Отвѣты на вопросы, съ какой цѣлью стихи были имъ написаны и кому переданы, могли сильно запутать его. Михайлу Павловичу, конечно, была извѣстна судьба Пушкина и результатъ его бесѣды съ Николаемъ Павловичемъ 8 сентября 1826 года. Не могъ онъ, конечно, не знать, что если Пушкинъ до сихъ поръ не фигурировалъ въ дѣлѣ, то на это была воля Николая, знавшаго объ авторствѣ Пушкина отъ Бенкендорфа еще при самомъ возникновеніи дѣла.

5.

Первое засѣданіе Коммисіи, вновь призванной судить, состоялось 12 января 1827 года. Къ этому времени были доставлены

въ Новгородъ изъ Москвы—Алексѣевъ и Молчановъ и 29 декабря 1826 года изъ Петербурга—разысканный Леопольдовъ ¹. Въ составѣ суда ассесоръ Вуичъ былъ замѣненъ поручикомъ Ренненкампомъ.

12 января 1827 года Коммиссія вызвала въ засѣданіе Алексѣева, Молчанова, Леопольдова. Алексѣеву былъ предложенъ вопросъ о мѣстожителствѣ „сочинителя А. Пушкина“. Онъ отвѣчалъ: „я ничего не знаю, не былъ никогда съ нимъ знакомъ“. Молчанову былъ сдѣланъ слѣдующій запросъ:

„въ дополненіе прежде данныхъ Вами сей Коммиссіи отвѣтствій, покажите

1) для чего Вы, о полученныхъ вами въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго 1826 года стихахъ не донеся тогда же начальству, дали оныя въ іюнѣ учителю Леопольдову?

2) Неизвѣстно ли вамъ, гдѣ именно проживаетъ нынѣ сочинитель А. Пушкинъ?

Молчановъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

„не донесъ я объ этихъ стихахъ, ибо не прилагалъ къ нимъ никакой важности.—Вѣрно, не далъ бы ихъ человѣку, котораго едва зналъ, ежели бы считалъ ихъ важными. Не могу знать, гдѣ сочинитель оныхъ стиховъ находится, и никогда не былъ съ нимъ знакомъ“.

Леопольдовъ на вопросы Коммиссіи далъ слѣдующій отвѣтъ:

„Честь имѣю отвѣтствовать Коммиссіи слѣдующее:

1) Стихи получены мною отъ Г. Молчанова въ концѣ Іюля мѣсяца минувшаго года.

2) Оныя стихи написаны были на желтой четвертушкѣ.

3) Чьею рукою они писаны, мнѣ неизвѣстно.

4) Надписи на оныхъ: на 14 Декабря —но было; я поставилъ самъ оную въ соотвѣтственность содержанія оныхъ.

5) Экземпляръ, полученный мною отъ Г. Молчанова, я съ человѣкомъ отослалъ назадъ ему; слѣдовательно, онъ у него долженъ быть.

6) Стихи, списанные съ экземпляра, взятаго мною у Г. Молчанова, и письмо К. Рылѣва къ женѣ его (которое я получилъ не отъ г. Молчанова) писаны собственною моею рукою.

¹ По розыскамъ оказалось, что Леопольдовъ пріѣхалъ въ Сердобскъ 19 августа, а 29 сентября уѣхалъ въ Петербургъ.

7) Сочинитель оныхъ мнѣ неизвѣстно, гдѣ проживаетъ.

Передача же или временное оставленіе мое оныхъ стиховъ у одного знакома (тогда жившаго въ Москвѣ калужскаго помѣщика 14 класса Коноплева), черезъ котораго обнаружились оныя предъ Правительствомъ, извѣстно высшему начальству, которое положило начало сему дѣлу“.

Вполнѣ естественно было спросить теперь у Леопольдова, почему же онъ, сознавая возмутительность этихъ стиховъ, не донесъ о нихъ по начальству, да еще собственноручно поставилъ точку надъ і: переписавъ ихъ, далъ имъ заглавіе „на 14 декабря“. Леопольдовъ 13 января далъ слѣдующій любопытный отвѣтъ:

„Медлительность въ обнаруженіи оныхъ стиховъ правительству происходила отъ слѣдующихъ причинъ: 1) Потребно было время развѣдать, не извѣстны ли уже оныя стихи правительству; ежели они были бы извѣстны, то въ такомъ случаѣ доносъ мой былъ бы не у мѣста. 2) Начальство высшее въ то время переѣзжало изъ С.-Петербурга въ Москву по случаю Высочайшей Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ; посему и самое Его мѣстопробываніе меня въ этомъ дѣлѣ могло затруднять. 3) Я имѣлъ нужду немедленно отправиться къ родителю, для оказанія ему пособій.

Приписка сверху: на 14 Декабря сдѣлана мною безъ всякаго другаго намѣренія, кромѣ того, что они, какъ замѣтно, изображаютъ исторію 14 Декабря 1825 года“.

Теперь Коммисіи предстояло разыскать тотъ экземпляръ стиховъ, который, по словамъ Алексѣева, написанъ имъ, переданъ Молчанову, отъ него перешелъ Леопольдову и, по словамъ послѣдняго, былъ возвращенъ имъ Молчанову. Когда Коммисія сообщила Молчанову данный Леопольдовымъ отвѣтъ, Молчановъ рѣшительно высказалъ, что онъ отъ Леопольдова стиховъ этихъ обратно не получалъ. Въ доказательство онъ просилъ привести его къ присягѣ. На запросъ Коммисіи о возникшемъ недоразумѣніи Леопольдовъ далъ поясненіе:

„Собственными руками тѣхъ стиховъ я точно не отдавалъ г. Молчанову, а отослалъ ихъ съ человѣкомъ Г-жи Вадковской, котораго имя Василій. Мнѣ не извѣстно, отъ чего онъ ему не доставилъ. Но однакожь на другой день за столомъ я г. Молчанова спрашивалъ, получилъ ли онъ оныя; онъ отвѣчалъ,

что онъ не получалъ; спросилъ того человѣка, съ которымъ я отослалъ оныя стихи, но его не было. И господинъ Молчановъ заключилъ со мною сію рѣчь тѣмъ, что онъ спросить у него и возьметъ. Въ чемъ я также готовъ дать при-
сугу.—Время же, какъ могу рипомнить, 27-е число Іюля.

Генеральша Вадковская имѣетъ жительство въ Москвѣ, въ Каретномъ ряду, въ собственномъ домѣ, при ней находится и сей человѣкъ“¹.

На очной ставкѣ 13 генваря Молчановъ рѣзко высказался противъ словъ Леопольдова. Онъ заявилъ, что Леопольдовъ выдумалъ весь разговоръ, и готовъ былъ подтвердить истину своихъ словъ на крестѣ и Евангеліи. А Леопольдовъ на очной ставкѣ утверждалъ:

„Мнѣ не извѣстно, получилъ ли г. Молчановъ стихи, отосланные мною съ показаннымъ человѣкомъ; несмотря на рѣшительный отказъ отъ разговора, бывшаго между нами во время стола (разумѣется не гласно), я подтверждаю данное мною мнѣніе, какъ такое, въ которомъ ни одного слова нѣтъ выдуманнаго, и готовъ со всею откровенностью утвердить то также передъ Святѣмъ Крестомъ и Евангеліемъ“.

Оставался одинъ путь разыскать истину: найти того человѣка, который, по словамъ Леопольдова, отнесъ стихи Молчанову. Московскій оберъ-полицмейстеръ, по предложенію комиссіи, разслѣдовалъ дѣло, допросилъ всѣхъ четырехъ Васильевъ, которые оказались въ услуженіи у г-жи Елагиной и ея дочери генеральши Вадковской, и бывшаго въ слугахъ у Леопольдова Владиміра Гаврилова. Всѣ они показали, что никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ никакихъ бумагъ Леопольдовъ не посылалъ прапорщику Молчанову и объяснили, что Леопольдовъ жилъ на дачѣ ихъ господъ въ одномъ домѣ съ прапорщикомъ Молчановымъ. 21 января оберъ-полицмейстеръ сообщилъ Комиссіи результаты своихъ разысканій.

¹ Молчановъ приходился племянникомъ вдовѣ генераль-маіора Елиз. Петр. Вадковской. См. ея письмо съ просьбами за Молчанова къ Н. Н. Раевскому въ „Архивѣ Раевскихъ“, томъ I, С.-Пб. 1908, стр. 351—352.

6.

Тѣмъ временемъ шли розыски сочинителя А. Пушкина. Коммиссія не получила указаній о его мѣстожителствѣ отъ допрошенныхъ ею 12 января лицъ, но 12 же окольными путями она освѣдомилась о томъ, что А. Пушкинъ находится въ Псковѣ, потому что 12 же Коммиссія отравила секретное отношеніе Псковскому гражданскому губернатору. Въ немъ Коммиссія вкратцѣ излагала ходъ разбирательства по дѣлу Алексѣева и приводила мнѣніе великаго князя Михаила Павловича, который полагалъ, между прочимъ, необходимымъ *„истребовать отъ сочинителя стиховъ А. Пушкина показанія: его ли дѣйствительно сочиненія извѣстныя стихи, съ какою црлію имъ сочинены они и кому отъ него переданы?“* и если Коммиссія почтетъ нужнымъ, то вызвать и самого Пушкина“.

„На основаніи чего—читаемъ въ отношеніи—нынѣ Коммиссія военнаго суда, освѣдомлясь что означенный А. Пушкинъ проживаетъ въ Г. Псковѣ, покорнѣйше проситъ Ваше Превосходительство объ отобраніи отъ него, Пушкина, вышеизясненнаго показанія и о доставленіи таковаго въ сію Коммиссію со всевозможною скоростью, не оставитъ сдѣлать ваше распоряженіе; въ случаѣ же выѣзда онаго изъ Г. Пскова куда либо въ другое мѣсто, соблаговолить приказать, кому слѣдуетъ, развѣдать о томъ обстоятельнѣе и, по узнаніи о настоящемъ его мѣстопребываніи, поспѣшить сообщить прямо отъ себя къ тамошнему начальству объ отобраніи отъ него, Пушкина, сказаннаго показанія и о послѣдующемъ почтить Коммиссію вашимъ увѣдомленіемъ.

„При чемъ Коммиссія почитаетъ долгомъ Вашему Превосходительству присоветовать, что дѣло о Штабъ-Капитанѣ Алексѣевѣ Высочайше повелѣно кончить немедленно и самопоспѣннѣйше, и что по оному теперь, кромѣ одного только показанія А. Пушкина, всѣ прочія затѣмъ свѣдѣнія Коммиссіею уже собраны“.

А 13 января, т.-е. на слѣдующій день, Коммиссія, получивъ очевидно новыя указанія на то, что Пушкинъ находится въ Москвѣ, обратилась съ отношеніемъ къ Московскому оберъ-полицмейстеру. Здѣсь вопросы Пушкину формулированы нѣсколько иначе:

Дивимся и глумимся на вас
наши. А вы и так на нас
спрашиваете, а мы и
на вас спрашиваем. А вы
Менше, наираманов и пропуск
- му и в отделе моего Сумского
- пеня.

Они же все отнесут к Фран-
цузской революции, как и А. Менше
ваше дело. Они говорят:

Они и в своих своих несут свои
Кому один один один один
Врмие Басмачи, восточное Азия
Менше.

И в своем Басмачи и в отделе
Кому один один один один

И в своем Басмачи и в отделе
Кому один один один один
Кому один один один один
Кому один один один один

Кому один один один один

Они же, Менше.

Кому один один один один
Кому один один один один
Кому один один один один

Кому один один один один

Наумовъ.

Мнѣ евангеліи Горю---
№ 1793.

Убійцу сопарачику
избрану въ Горю
Робинсона и конвенсъ.

Вѣкъ еси тини никакъ, Бурдвонъ
Бусивеннубе и мюуэнъ откоуфъ
къ 14 драбру.

Не знаю кто надъ нами
поставилъ ея внѣшное закази

Не помню кому мортъ
призати мовъ Десно А.
Минке.

Александръ Пушкинъ

27 января
1827

Москва

Дядя Гаври́луша́ левоему́ ребро́-
-шко, оно́ емкее́ убо́емшею́ надъ
защити́емъ: 14 Декабря, съюбо
вспробо́емъ убо́ емкее́, наглаго́емъ
уно́ Андре́ю Млебе́.

Ада

„По дѣлу... — относилась Коммиссія къ оберъ-полицмейстеру — нужно отобрать суду показаніе отъ прикосновеннаго къ оному дѣлу А. Пушкина: имъ ли сочинены извѣстные стихи, когда, съ какою цѣлю они сочинены, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъявленное, и кому отъ него сіи стихи переданы. Въ случаѣ же отрицательства, неизвѣстно ли ему, кѣмъ оны сочинены“.

Крайне характерно то, что ни Псковскому губернатору, ни Московскому оберъ-полицмейстеру Коммиссія не сообщила текста стиховъ, ограничившись однимъ только терминомъ „извѣстные“ стихи. Точно всѣ лица и учрежденія должны были сразу понимать, въ чемъ дѣло.

Псковскій губернаторъ отвѣтилъ 21 января (въ Коммиссіи же бумага была получена 25 января), что дѣйствительно А. Пушкинъ, коллежскій секретарь, передъ симъ находился въ г. Псковѣ, но нынѣ находится въ Москвѣ, а поэтому онъ, губернаторъ, отправилъ запросъ суда московскому полицмейстеру ¹. Но помощь Псковскаго губернатора оказалась излишней, потому что уже 22 января Коммиссія заслушала слѣдующую бумагу.

МОСКОВСКАГО

22 генваря 1827 г. (Помѣта о днѣ полученія).

ОБЕРЪ-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА

Секретно.

Намцеларія.

Столъ 6.

19 января 1827 года.

№ 38.

Въ Коммиссію военнаго суда, учрежденную лейбъ-гвардіи при Конно-егерскомъ Полку.

Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ оной Коммиссіи отъ 13 сего Генваря за № 4 призывалъ я къ себѣ сочинителя А. Пушкина и требовалъ отъ него изъясненное въ томъ отношеніи показаніе, но Г-нъ Пушкинъ далъ мнѣ отзывъ, что онъ не знаетъ, о какихъ извѣстныхъ стихахъ идетъ дѣло, и просить ихъ увидѣть и что не помнитъ стиховъ, могущихъ дать поводъ къ заключенію, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненныхъ, по полученіи же оныхъ онъ дастъ надлежащее показаніе. — О чемъ Коммиссію имѣю честь увѣдомить.

Генераль-Маіоръ *Шулминъ*.

¹ Переписка Коммиссіи съ Псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ напечатана г. Васильевымъ въ упомянутомъ сочиненіи.

Собственно говоря, теперь оказывалась необходимость взять А. Пушкина, но Коммиссія избавила Пушкина отъ „доставленія“ въ Новгородъ. Выслушавъ вышеприведенное отношеніе, она постановила

„для выигранія времени, какъ въ отобраніи отъ Сочинителя Пушкина того требующагося показанія по дѣлу подсудимаго штабсъ-капитана Алексѣева, такъ равно и въ самомъ даже окончаніи оного, ожидаемомъ вышнимъ начальствомъ, послать къ Г. Московскому оберъ-полицмейстеру списокъ съ имѣющихся при дѣлѣ стиховъ, въ особо запечатанномъ отъ Коммиссіи конвертѣ на имя самаго А. Пушкина и въ собственныя его руки; но съ тѣмъ однакожь, дабы Г. Полицмейстеръ по полученіи имъ означеннаго конверта, не медля ни сколько времени, отдалъ оный лично Пушкину и, по прочтеніи имъ тѣхъ стиховъ, приказалъ ему тотчасъ же оные запечатать въ своемъ присутствіи его, Пушкина, собственною печатью и таковою жъ другою своею; а потомъ сей конвертъ съ обратнымъ на немъ надписаніемъ на имя Коммиссіи по секрету, а слѣдующее отъ него А. Пушкина противу отношенія Коммиссіи отъ 13-го Января за № 4-мъ надлежащее показаніе по взятіи у него не оставилъ бы, въ самой невозможной поспѣшности, доставить въ сію Коммиссію при отношеніи“.

Дѣло совершалось, дѣйствительно, очень быстро. 30 января Коммиссія уже заслушала слѣдующее отношеніе.

МОСКОВСКАГО

ОБЕРЪ-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА

ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА

ШУЛЬГИНА 2-го.

„27“ Января 1827.

Москва.

№ 58.

Полу. Утромъ 30 Января 1827 г.

СВѢТНО.

Въ коммиссію военнаго Суда, учрежденную Лейбъ-Гвардіи при конно-Егерскомъ полку.

Въ слѣдствіе отношенія оной Коммиссіи отъ 22-го, а мною полученнаго 26-го сего Января за № 5 съ приложеніемъ въ особо запечатанномъ ею конвертѣ на имя сочинителя А. Пушкина списка съ тѣхъ стиховъ, о коихъ производится оною коммиссіею дѣло и начетъ которыхъ она требуетъ показанія у Пушкина,—я, приглася его къ себѣ, отдалъ ему тотъ пакетъ лично, который имъ при мнѣ и распечатанъ.— По отобраніи же отъ него Г. Пушкина противу отношенія ко мнѣ отъ 13-го Января за № 4 надлежащаго показанія, оное вмѣстѣ съ тѣми стихами запечатаны въ присутствіи моемъ его собственною печатью и таковою же моею же особымъ конвертъ, который съ обратнымъ надписаніемъ на имя коммиссіи при семъ честь имѣю препроводить.

Генераль-Маіоръ *Шульгинъ.*

Итакъ, 27 января 1827 года Пушкинъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ кабинетѣ московскаго оберъ-полицмейстера свои „извѣстные“ стихи въ копіи Леопольдова. Чрезвычайно любопытно отмѣтить, что Пушкинъ перечелъ копію и не могъ удержаться отъ того, чтобы не исправить замѣченныхъ имъ описокъ. Онъ сдѣлалъ три поправки. Такъ, въ стихѣ: Я славилъ твой небесный *тронъ*— онъ исправилъ „тронъ“ на *грозъ*; въ стихѣ: „И пламенный трибунъ изрекъ *во страхъ* полный“ онъ, вмѣсто *во страхъ*, написалъ: „*восторга* полный“ и, наконецъ, сдѣлалъ еще *очень важную* поправку, не вошедшую до сихъ поръ ни въ одно изданіе:

Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ овященный,
 Все ищетъ вновь упиться имъ,
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ *бредитъ*, жаждою томимъ.

Въ словѣ *бредитъ* онъ зачеркнулъ букву *е* и написалъ сверху *о*—*бродитъ*.

Затѣмъ Пушкинъ написалъ свое *объясненіе*, которое заняло три страницы листа писчей бумаги, какъ мы и печатаемъ, сохраняя размѣръ и расположеніе строкъ ¹:

(1).

Сии стихи дѣйствительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей и помѣщены въ Элегіи *Андрей Шенье*, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ Стихотвореній.

¹ П. А. Ефремовъ съ нашихъ словъ сообщилъ свѣдѣнія о дѣлѣ Алексѣева въ примѣчаніяхъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“ (С.-Пб., т. VIII, 1905, стр. 596 и сл.), отмѣтилъ поправки, сдѣланныя Пушкинымъ, и сообщилъ по нашей копіи объясненіе Пушкина, печатавшееся до сихъ поръ по копіямъ въ очень искаженномъ видѣ. Последнее изданіе Пушкина (ред. С. А. Венгерова), къ сожалѣнію, не внесло въ текстъ элегіи этой поправки.

Они явно относятся къ Французской революціи, коей А. Шенье погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я славилъ твой небесный громъ
 Когда онъ разметалъ позорную твердыню
 Взятіе Бастиліи, воспѣтое Андреемъ
 Шенье.

Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрепетный отвѣтъ—
 Присяга du jeu de paume, и отвѣтъ
 Мирабо: allez dire à votre maître etc
 И пламенный трибунъ и проч.
 Онъ же, Мирабо.

Уже въ безсмертной Пантеонѣ
 Святыхъ изгнанниковъ входили славны
 тѣни
 Перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ
 (2).

Пантеонъ.

Мы свергнули царей — — —
 въ 1793.

Убийцу съ палачами
 Избрали мы въ Цари

Робеспьера и конвентъ.

Всѣ сіи стихи никакъ, безъ явной
 бессмыслицы не могутъ относиться
 къ 14 декабрю.

Не знаю кто надъ ними
 поставилъ сіе ошибочное заглавіе
 Не помню кому могъ я
 передать мою Элегію А.
 Шенье.

Александръ Пушкинъ.

27 января
 1827
 Москва

(3).

Для большей ясности повторяю, что стихи извѣстные подъ заглавіемъ: *14 декабря*, суть отрывокъ изъ Элегіи, названной мною *Андрей Шенье*.

7.

Приобщивъ къ дѣлу разъясненія Пушкина, Коммиссія постановила: „за собраніемъ всѣхъ изъясненныхъ по замѣчаніямъ вышняго начальства показаній, дѣло привести къ окончанію и, сочинивъ изъ него дополнительную выписку, сдѣлать на основаніи законовъ заключеніе, и все оное съ прежнимъ производствомъ дѣла представить по порядку на разсмотрѣніе“. Выписка была составлена и 31 января прочитана Алексѣеву. Затѣмъ были подведены законы. Какъ всегда въ военно-судныхъ дѣлахъ, эта часть дѣла оказалась очень слабой ¹.

1) Приводимъ своеобразную аргументацію, подобранную оберъ-аудиторомъ Ивановымъ и доказывающую правильность дѣйствій Коммиссіи: „А въ законахъ изображено:

„Уложенія 10-й главы 160 пункетомъ, кто на кого пошлется, и тѣ люди не противъ его ссылки хоть одинъ не по немъ скажетъ, и тѣмъ его обвинить потому, что онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ воли, и они сказали не противъ его ссылки.

Воинскихъ процессовъ главы 1-й пункетомъ 5-мъ. Власть судейская по-

Въ своей сентенціи Коммиссія опредѣляла:

„По внимательномъ всѣхъ вышепрописанныхъ обстоятельствъ разсмотрѣніи и соображеніи согласно возложенному на нее порученію, 1-е) хоть по сему новому обследованію и открылось нынѣ, что на тѣхъ стихахъ, которые имѣлъ у себя подсудимый шт.-кап. Алексѣевъ, передалъ Пр. Молчанову, а онъ отдалъ канд. Московскаго Университета Леопольдову (какъ въ судѣ о томъ сознался) въ соотвѣтственность содержанія оныхъ, безъ всякаго другого намѣренія, кромѣ того что они, какъ замѣчено, изображаютъ исторію 14-го Декабря 1825 года; но поелику указомъ 1800 Ноября 23-го... (см. прим.), то, по точнымъ словамъ указа 1800 года Ноября 23, и на основаніи Высочайшаго по губерніяхъ

мянутыхъ кригерехтовъ не распространяется далѣе, яко надъ офицеры, солдаты и прочими къ войску низлежащими людьми, между которыми офицерскіе служители, харчевники и прочіе кромѣ женъ и младенцевъ разумѣютъ.

2-й части Главы 1-й пунктомъ 3-мъ. Напротивъ же долженъ отвѣтчикъ невинность свою основательнымъ доказаніемъ, когда потребно будетъ оправдать, и учиненное на него доношеніе правдою опровергнуть.

Пунктомъ 4-мъ. Ежели челобитчикъ оного доказу на свое челобитье не имѣеть, и того ради, похочеть правду свою утвердить присягою, то сіе принято быть не можетъ, понеже въ такомъ случаѣ отвѣтчиково отрицаніе таково же, какъ и челобитчиково признаніе, и буде они принуждены будутъ оба присягать и тогда болѣе на сторонѣ отвѣтчиковой, нежели челобитчиковой правда быть имѣеть.

Той же части 2-й главы пунктомъ 1-мъ. Когда кто признаетъ, чѣмъ онъ виненъ есть, тогда дальшаго доказу не требуетъ, понеже собственное признаніе, есть лучшее свидѣтельство всего свѣта.

Главы 5-й той же части пунктомъ 2-мъ. Когда челобитчикъ отвѣтчика нѣкоторою причиною обвинить, которую онъ токмо полученнымъ основаніемъ доказать можетъ, или отвѣтчикъ въ явныхъ собраніяхъ такимъ же образомъ обнесетъ а иныхъ доказовъ имѣть не можетъ, то повиненъ онъ свое дѣло присягою удостовѣрить.

Пунктомъ 4-мъ сію присягу очистительную надлежитъ всегда отвѣтчику, а не челобитчику чинить, а ежели челобитчикъ къ челобитью своему никакого иного свидѣтельства обрѣсть не можетъ и похочеть на то присягать, то не подлежитъ его къ такому допускать, но въ томъ ему отказать.

Пунктомъ 7-мъ. Токмо судьямъ не подлежитъ вскорѣ онаго къ присягѣ принуждать, но прежде всемѣрно трудиться черезъ иные способы правды извѣдать, понеже сія присяга презираема и осторожности достойна есть.

3-й части 1-й Главы пунктомъ 4-мъ приговоръ надлежитъ токмо надъ челобитчикомъ и отвѣтчикомъ чинить, хотя при оныхъ дѣлѣхъ и постороннія случаются особы, однакожъ о всемъ упомянуть потребно и ничего въ томъ

учрежденія главы 10 статьи 130...¹ Коммиссія, не переменяя ни въ чемъ заключенія прежней своей сентенціи 29 числа сентября прошлаго 1826 года, основанной по разуму указовъ: 31-го Декабря 1682 и 21 Маія 1683 годовъ, свойственно признаннымъ его Алексѣева преступленіямъ, оставляетъ положительность приговора въ той же самой настоящей онаго силѣ и передаетъ все сіе на благоусмотрѣніе вышней власти. 2) Поступки другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу въ противность законамъ, судомъ обнаруженные и заключающіяся въ слѣдующемъ, а именно: Прап. Молчанова въ пріемѣ имъ отъ Шт.-Кап. Алексѣева означенныхъ возмутительныхъ стиховъ, передачѣ отъ себя таковыхъ кандидату Леопольдову и въ недонесеніи обь оныхъ начальству; и кандидата Леопольдова, который, получа отъ прап. Молчанова тѣ стихи въ концѣ Іюля мѣсяца минувшаго года, безъ надписи на оныхъ: на 24-е Декабря, тоже не представилъ ихъ правительству, по разнымъ будто своимъ причинамъ, а еще переписалъ оныя съ письмомъ государственнаго преступника Рылѣва къ женѣ его на другую бумагу собственною своею рукою и, сдѣлавъ самъ приписку сверху на оныхъ стихахъ на 14-е Декабря, якобы въ соотвѣтственность содержанія оныхъ и безъ всякаго другого намѣренія, кромѣ того, что они, какъ замѣчено, изображаютъ исторію 14-го Декабря 1825-го года, передалъ письмо и стихи сіи, какъ бы на время, одному своему знакомцу, тогда жившему въ Москвѣ, калуужскому помѣщику 14-го класса Коноплеву, чрезъ коего уже обнаружались оныя и предъ правительствомъ. А съ оными вмѣстѣ и отвѣтъ, данный Александромъ Пушкинымъ (приводится вкратцѣ объясненіе Пушкина). Какъ сей Коммисіи, власти и приговору, по смыслу воинскихъ процессовъ главы 1-й пункта 5-го и 3-ей части главы 1-й пункта 4, неподлежащія,

случившагося не умолчать, какія жалобы принесены, и что отвѣтствовано для лучшаго рѣшенія и приговоромъ объявить.

Наказа Императрицы Екатерины 2-й 125-ю статьею дѣлать присягу чрезъ частое употребленіе весьма общео, ничто иное есть, какъ разрушать силу ея крестнаго дѣлованія не можно ни въ какихъ другихъ случаяхъ употреблять, какъ въ тѣхъ только, въ которыхъ клянуційся никакой собственной пользы не имѣетъ, какъ то судъ и свидѣтели.

Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія Главы 10-й статьею 130-ю одна палата не можетъ отмѣнить рѣшеніе другой палаты, не собственныхъ своихъ перевѣривать.

Указомъ 1800 Ноября 23-го, военному суду или коммисіи не позволено своихъ мнѣній заключать, кромѣ законнаго приговора: ибо военный судъ не есть разрѣшеніе винъ, а по точномъ изысканіи оныхъ осужденіе преступника по всей строгости законовъ“.

¹ Текстъ Указа и Статьи учрежденія о губерніяхъ приведенъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

представить таковыя особенному вниманію вышняго начальства. 3) Дальнѣйшаго отысканія того экземпляра стиховъ, какой былъ полученъ Леопольдовымъ отъ Молчанова и который впослѣдствіи между двумя ими неизвѣстно какъ затерянъ, или кѣмъ изъ нихъ сокрытъ, болѣе уже не дѣлать. А засимъ 4-е) и отобраніе отъ прапорщика Молчанова объясненія, по замѣчанію Аудиторіатскаго Департамента Главнаго Штаба Е. И. В. „тою ли самою рукою данные имъ Леопольдову на четвертушкѣ стихи писаны“. Какъ въ семь случаѣ есть собственное уже послѣдняго т. е. Леопольдова сознаніе нужнымъ не почитать. 5-е) Препровожденные въ сію Комиссію вмѣстѣ съ означеннымъ военносуднымъ дѣломъ бумаги въ особо запечатанномъ конвертѣ, найденныя въ квартирѣ подсудимаго Шт.-Кап. Алексѣева и вновь присутствующими нынѣ пересмотрѣнныя, какъ ничего въ себѣ значительнаго не заключающія, кромѣ однихъ партикулярныхъ переписокъ и собственныхъ его Алексѣева счетовъ, отдать ему обратно тогда, когда дѣло о немъ будетъ совершенно окончено. 6) Истребованныя Г. Московскимъ комендантомъ изъ тамошней комиссаріатской комиссіи, на прогоны до Нова Города для шт.-кап. Алексѣева и прап. Молчанова 300 руб. 60 копѣекъ, а равно и отпущенные изъ комиссаріатскаго департамента Военнаго Министерства на проѣздъ до Нова Города Оберъ-Аудитору 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи 9-го класса Иванову 30 р. 84 копѣйки, слѣдующіе для обращенія въ казну на основаніи записки Г. Военнаго Министра, утвержденной Комитетомъ ГГ. Министровъ 24 Апрѣля 1818 года съ виновныхъ, взыскать какъ съ подсудимаго шт.-кап. Алексѣева, такъ и съ прикосновенныхъ къ оному дѣлу прап. Молчанова и кандидата Леопольдова, со всякаго по равной части. 7) Здѣсь же присовокупить о службѣ и о поведеніи шт.-кап. Алексѣева тѣ свѣдѣнія, какіе доставлены объ немъ отъ командира Лейбъ-Гвардіи конно-Егерскаго полка Г. Генераль-Маіора и Кавалера Слатвинскаго, послѣ уже окончанія надъ онымъ суда въ Москвѣ и по которымъ видно: что онъ 25 лѣтъ, генераль-лейтенанта сынъ, Пензенской губерніи, пажемъ 809 Ноября 6, въ службѣ прапорщикомъ 819 Апрѣля 6, въ конно-Артилерійскую № 22-ю роту, изъ оной въ конно-Егерскій Его Величества короля виртембергскаго полкъ 819-го Августа 7-го, поручикомъ 819 Ноября, назначенъ адъютантомъ къ начальнику 2-й конно-Егерской дивизіи Генераль-Лейтенанту графу Палену 821-го Мая 11-го, штабъ-капитаномъ 823-го Ноября 26, переведенъ въ Лейбъ Гвардіи Конно-Егерскій полкъ съ оставленіемъ при прежней должности 825-го Августа 22-го, обращенъ во фронтъ того же года декабря 23-го, въ походахъ не бывалъ, наукамъ обучался, въ отпускахъ находился и въ 1-й разъ просрочилъ одинъ мѣсяць, а въ другой разъ не явился въ срокъ по болѣзни, но представилъ объ оной свидѣтельство; въ штрафахъ не бывалъ, холостъ, по формуляру конно-Егерскаго Его Величества короля Виртембергскаго полка аттестованъ достойнымъ, ведетъ себя по службѣ хорошо, имѣетъ способности ума хорошіе, къ пьянству и игрѣ не предавъ, знаетъ иностранныя языки нѣмецкій и французскій, въ хозяйствѣ хорошъ; въ

полку же Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерьскомъ на службѣ не состоялъ, а потому по службѣ ему генераль-Маіору Слатвинскому не извѣстенъ и наконецъ 8) заключеніе сіе подсудимому штабсъ-капитану Алексѣеву объявить. Онъ же и прапорщикъ Молчановъ содержатся нынѣ подъ арестомъ Лейбъ-Гвардіи при Конно-Егерьскомъ полку, а кандидатъ Леопольдовъ находится въ веденіи Новгородской Градской полиціи.

8.

Затѣмъ дѣло и сентенція пошли на разсмотрѣніе начальства. 1 февраля 1827 далъ свое мнѣніе командиръ лейбъ-гвардіи конно-егерьскаго полка г.-м. Слатвинскій; 4 февраля—начальникъ дивизіи г.-ад. Чичеринъ; 10 февраля—командиръ 1 резервнаго кавалерійскаго корпуса г.-ад. Депрерадовичъ и, наконецъ, 28 февраля—командующій гвардейскимъ корпусомъ великій князь Михаилъ Павловичъ. 24 февраля великій князь препроводилъ дѣло съ вышеуказанными заключеніями Управляющему Главнымъ Штабомъ генералу отъ инф. графу Толстому для всеподданнѣйшаго доклада. 3 марта дѣло поступило въ Аудиторіатъ, а 12 марта дежурный генералъ Потаповъ уже объявлялъ аудиторіату, что Государю „угодно, чтобъ поступившее въ Аудиторіатскій Департаментъ военно-судное дѣло л.-гв. конно-егерскаго полка о штабсъ-капитанѣ Алексѣевѣ окончено было немедленно“. Замѣчательна совершенно необычная скорость, съ которой разбирали это дѣло. Быть можетъ, требованіе спѣшнаго разсмотрѣнія дѣла, предъявленное Аудиторіату, являлось результатомъ ходатайства Леопольдова.

Когда дѣло находилось уже въ Аудиторіатѣ, Леопольдовъ, приврѣщенный къ Новгороду, обратился къ Михаилу Павловичу съ просьбой объ освобожденіи. Онъ просилъ о немъ тономъ чловѣка, ожидавшаго награды и не понимающаго, за что его караютъ. Онъ писалъ:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

„Я прикосновененъ къ дѣлу о возмутительныхъ стихахъ, въ ложномъ и дерзкомъ видѣ касающихся священной особы Его Императорскаго Величества

и исторіи 14-го Декабря 1825 года. По сему случаю 28-го Декабря минувшаго года я отправленъ изъ С.-Петербурга въ Новгородъ для личныхъ объясненій предъ военною Коммиссією, Высочайше учрежденною по оному дѣлу при Лейбъ Гвардіи Конно-егерскомъ полку. Дѣйствія сей Коммиссіи уже доведены до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества.

Никогда не питавъ въ душѣ моей злонамѣренныхъ мыслей противъ Правительства, въ настоящемъ дѣлѣ я хотѣлъ только исполнить то, къ чему обязанъ присягою всякій вѣрноподданный. Потому совершенно увѣренъ, что правый судъ Его Императорскаго Величества не причислитъ меня къ сторонѣ неправыхъ по сему дѣлу. Святость и правда законовъ есть самая надежная защита для невиннаго.

При всемъ томъ, я, и въ дѣлѣ законномъ, подверженъ самой бѣдственной участи. Прѣздъ изъ Саратовской губерніи до С.-Петербурга собственно по сему дѣлу, проживание въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ лишило меня всего, что я ни имѣлъ. Къ довершенію моего несчастнаго положенія я отправленъ въ Новгородъ для отвѣтовъ предъ вышесказанной коммиссією безъ всего, что можетъ обезопасить здоровье и самую жизнь человѣка. Теперь нахожусь въ совершенной крайности.

Ваше Императорское Высочество! облегчите злополучную участь мою, повелите, ежели сіе не можетъ нарушить законнаго порядка, обратно отправить меня изъ Новгорода въ С.-Петербургъ, гдѣ я могу имѣть средства ожидать окончательнаго рѣшенія дѣла по крайней мѣрѣ безъ опасенія для моего здоровья и для самой жизни.

Вашего Императорскаго Высочества преданнѣйшій—Императорскаго Московскаго Университета Кан-
дидатъ Словесныхъ наукъ Андрей Леопольдовъ.

1827 года, Марта 9 дня.

18 марта докладъ Аудиторіата былъ уже готовъ и переданъ дежурному генералу на Высочайшую конфирмацію. Въ докладѣ излагался весь ходъ дѣла.

Освобождая себя отъ необходимости излагать вышеуказанныя мнѣнія начальства, ограничимся извлеченіемъ послѣдней части доклада, въ которой Аудиторіатъ дѣлаетъ сводъ мнѣній и свое заключеніе. Курсивомъ отмѣчаемъ мѣста, относящіяся къ Пушкину.

„Командиръ Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерскаго полка Генераль-Маіоръ Слатвинскій мнѣніемъ полагалъ: подсудимаго штабсъ-капитана Алексѣева выдержать шесть мѣсяцевъ въ крѣпости, а потомъ выписать изъ Гвардіи тѣмъ

же чиномъ въ армейскіе полки, на кавказской линіи расположенные.—Прапорщика Молчанова придержать тоже въ крѣпости четыре мѣсяца, буде онъ за означенный его поступокъ еще не былъ наказанъ; Кандидата Леопольдова предать законному сужденію.

Начальникъ дивизіи ген.-ад. Чичеринъ, „въ отношеніи наказанія шт.-кап. Алексѣева и прап. Молчанова и преданія суду Кандидата Леопольдова, соглашаясь съ мнѣніемъ Ген.-Маіора Слатвинскаго, присовокупилъ, что заирательство Шт.-Кап. Алексѣева въ томъ: будто бы не помнить, отъ кого получилъ вышеупомянутые стихи, не можетъ не признать подверженнымъ сомнѣнію, ибо, если бы онъ Алексѣевъ дѣйствительно о семъ забылъ, то почему же можетъ помнить то, когда и гдѣ оные получилъ, и что отданные имъ Молчанову (какъ сей показалъ: въ февралѣ 1826 года) стихи были писаны не чужою, а собственною его Алексѣева рукою?

Останавливаясь на фактѣ непризнанія Молчановымъ обстоятельства обратнаго полученія рукописи, генераль Чичеринъ предлагалъ доставить Леопольдова въ Москву и тамъ сдѣлать ему очную ставку со слугами генеральши Вадковской. „А дабы—полагалъ Чичеринъ—не пропустить ни малѣйшихъ слѣдовъ къ открытію, у кого находятся вышеупомянутые стихи, надлежало бы такъ же спросить Леопольдова: отъ кого и когда именно онъ получилъ письмо Государственнаго преступника Рыльева, на тотъ конецъ, не отыщется ли у давашаго ему списать письмо сіе стиховъ, которые съ тою же цѣлью могли быть взаимно отданы Леопольдовымъ.

Командиръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса Ген.-Ад. Депрерадовичъ полагалъ: 1-е подсудимому Шт.-Кап. Алексѣеву вмѣнить тюремное заключеніе и теперешнее содержаніе на гауптвахтѣ въ наказаніе, и какъ по дѣлу другихъ явнѣйшихъ уликъ, чтобъ онъ имѣлъ какую либо связь съ злоумышленниками, не открыто, кромѣ, что скрылъ, отъ кого онъ принялъ стихи и симъ заирательствомъ наводитъ на себя въ вышеописанномъ преступленіи сомнѣніе; почему, оставивъ его въ сильномъ подозрѣніи, выдержать въ крѣпости шесть мѣсяцевъ и потомъ выключивъ изъ гвардіи, отправить въ Кавказской корпусъ въ армію. 2-е. Прап. Молчанова, который, хотя въ меньшей степени виновенъ, какъ Алексѣевъ, и хотя не былъ судимъ, но преступленіе его довольно ясно открыто и собственнымъ признаніемъ подтверждено, выдержать „также въ крѣпости шесть мѣсяцевъ и отправить въ Нижегородской Драгунской полкъ, какъ уже переведеннаго въ оный изъ Л.-Гв. Конно-Пионернаго Эскадрона, съ тѣмъ, чтобы надъ обоими ими мѣстныя Начальства имѣли строгій присмотръ и что бы они, Алексѣевъ и Молчановъ, не были представляемы ни къ увольненію отъ службы, ни къ переводу въ другіе полки, ни къ награжденію до того времени, пока не загладятъ содѣянныхъ ими преступленій отличнѣйшею службою. 3-е Кандидата Леопольдова предать Уголовному суду, *вмѣнивъ оному въ обязанность по показанію А. Пушкина, что вышеизъясненные стихи сочинены имъ подъ названіемъ элегія А. Шенье, истребовать отъ*

Пушкина ту элегію, смичить съ означенными стихами и по рѣшительномъ открытіи, что точно такъ напечатаны, какъ здѣсь излагаются, за передачу оныхъ изъ рукъ въ руки, опредѣлить и ему взысканіе, а докомъ справедливыми доказательствами онъ не увѣритъ гражданскаго правительства, что онъ чуждъ разсеванія такихъ зловердныхъ сочиненій, имѣть его Пушкина въ строюмъ наблюдеки Мѣстнаго начальства ¹.

Командующій Гвардейскимъ Корпусомъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ полагалъ: „хотя Коммиссія военнаго суда на основаніи узаконеній и приговорила подсудимаго шт.-кап. Алексѣева¹ къ смертной казни; но его Высочество, примѣняясь къ Монаршему милосердію, полагалъ выдержать его, Алексѣева, одинъ мѣсяцъ въ крѣпости и потомъ выписать изъ гвардіи въ армейскіе полки тѣмъ же чиномъ.—Что принадлежить до прикосновенныхъ къ сему дѣлу прап. Молчанова и кандидата Леопольдова, то какъ изъ нихъ Молчановъ подвергнулся уже оштрафованію переводомъ его изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ и сверхъ того по дѣлу сему находился въ Москвѣ въ тюремномъ заключеніи и нынѣ содержится подъ арестомъ, то, вмѣнивъ ему сіе въ наказаніе, отправить на службу къ полку, а кандидата Леопольдова предать Гражданскому Уголовному суду, съ тѣмъ, чтобы оный сообразилъ какъ показаніе сочинителя оныхъ стиховъ Пушкина, такъ и дѣль полученія оныхъ отъ Леопольдова помѣщика Коноплева, и по мѣрѣ открытія поступковъ каждаго учинилъ бы законное рѣшеніе“.

Аудиторіатскій департаментъ, рассмотрѣвъ обстоятельства дѣла и всѣ выше приведенныя мнѣнія, совершенно согласился съ мнѣніемъ Михаила Павловича. Заключение доклада касательно Леопольдова было формулировано такъ: Кандидата Леопольдова предать Гражданскому Уголовному суду, *коему вмѣнить въ обязанность истребовать, въ чемъ нужно будетъ, объясненія отъ сочинителя стиховъ Пушкина и помѣщика Коноплева, получившаго упомянутые стихи отъ Леопольдова и сообразивъ оныя сдѣлатъ на основаніи законовъ свое заключеніе.*

Докладъ Аудиторіата былъ доложенъ царю. 25 марта Имп. Николай положилъ резолюцію: „быть по мнѣнію Аудиторіатскаго Департамента“. Дѣло прошло свою вторую стадію. Было предпосано кончить дѣло въ три дня, но оно началось 25 сентября и

¹ Генералъ Демрепловичъ, очевидно, не прочелъ объясненія Пушкина.

кончилось 25 марта, но только для одного Алексѣева, который все это время (начиная съ 15 сентября) находился подъ арестомъ. Но дѣло продолжалось для Леопольдова и начиналось для Пушкина, котораго по мѣрѣ развитія судебныхъ дѣйствій притягивали къ дѣлу ближе и ближе.

II.

ДѢЛО О СТИХАХЪ ИЗЪ ЭЛЕГИИ „АНДРЕЙ ШЕНЬЕ“ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.

Дѣло Государственнаго Совѣта—последняя стадія процесса. Не прибавляя ничего существеннаго къ исторіи этого дѣла, производство Государственнаго Совѣта не лишено нѣкоторыхъ деталей, имѣющихъ свой смыслъ и значеніе для біографіи поэта. Любопытны имена тѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта, которые участвовали въ обсужденіи дѣла, которые знали Пушкина, быть можетъ, сталкивались съ нимъ въ высшемъ обществѣ. Тѣ мнѣнія, которыя они имѣли о Пушкинѣ и въ которыхъ отразились впечатлѣнія процесса,—слагаемыя въ той суммѣ, которая зовется мнѣніемъ свѣта, тяжело давившаго поэта. Любопытно, что разсмотрѣніе дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ не прошло безъ треній, а при утвержденіи приговора въ часть его о Пушкинѣ были внесены измѣненія, неблагопріятныя для поэта¹.

Сенатъ, разсматривавшій производство по дѣлу Леопольдова и прикосновенныхъ, опредѣлилъ, по лишеніи кандидатскаго званія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, отдать Леополь-

¹ При изложеніи дѣла мы пользовались слѣдующими матеріалами, хранящимися въ Архивѣ Государственнаго Совѣта: 1) Дѣло о Леопольдовѣ № 220; 2) Журналы департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 1828 г., ч. 5 л. 98—99; 3) Меморіи Государственнаго Совѣта 1828, ч. 3, л. 294—307. Нѣкоторыя данныя были сообщены нами покойному П. А. Ефремову, воспользовавшемуся ими для примѣчаній къ „Сочиненіямъ П.“, изд. А. С. Суворина.

дова въ солдаты. О Пушкинѣ же Сенатъ распорядился слѣдующимъ образомъ. „Соображая духъ его творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, Сенатъ не можетъ не признать сего сочиненія соблазнительнымъ и служившимъ въ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который Правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ, а потому, хотя сочинившаго означенные стихи Пушкина, за выпускъ оныхъ въ публику прежде дозволенія цензуры, надлежало бы подвергнуть отвѣту предъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ до состоянія всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года, то, по силѣ 1-го пункта онаго, избавя его, Пушкина, отъ суда, обязать подпиской, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взыскація“¹.

По разсмотрѣніи дѣла въ Сенатѣ Управляющій Министерствомъ Юстиціи 6 іюня 1828 года (за № 7836) обратился къ Исправляющему должность Государственнаго Секретаря съ слѣдующимъ отношеніемъ:

„Имѣю честь препроводить при семъ для внесенія въ Государственный Совѣтъ Всеподданнѣйшій докладъ 1 Отд. 5 деп. Пр. Сената съ краткою изъ онаго запискою о кандидатѣ Моск. Унив. Леопольдовѣ, сужденномъ за имѣніе у себя возмутительныхъ стиховъ. Вмѣстѣ съ сямъ считаю нужнымъ увѣдомить Ваше Пр-ство, для доведенія до свѣдѣнія Госуд. Совѣта, что Статсъ-Секретарь Муравьевъ сообщилъ мнѣ высочайшую Его И. В. волю, чтобы дѣло объ означенномъ Леопольдовѣ въ скорѣйшемъ времени приведено было къ окончанію.

Докладъ Сената былъ заслушанъ въ Департаментѣ Гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ 11 іюня 1828 года. Журналъ засѣданія

¹ Извлеченіе изъ доклада сдѣлано П. А. Ефремовымъ (Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. А. С. Суворина СПб., т. VІІ, 1903, стр. 298). Подъ докладомъ подписались сенаторы Петръ Варатынскій, Вилимъ Мертенсъ, Николай Дурасовъ, гр. Федоръ Толстой, Павелъ Мансуровъ, Сергій Уваровъ.

подписанъ тремя членами: Н. С. Мордвиновымъ, А. Д. Балашовымъ, А. Н. Ленинымъ. Первый и послѣдній, адмиралъ и меценатъ, хорошо знали Пушкина по литературной дѣятельности, а Балашову, бывшему С.-Петербургскому военному губернатору и Министру Полиціи въ коношескіе годы Пушкина, поэтъ не безызвѣстенъ былъ и со стороны его благонадежности. Наболѣе благопріятно настроеннымъ нужно, конечно, считать Н. С. Мордвинова; Ленинъ же, въ виду его крайней „умѣренности“, врядъ ли могъ оказать существенную помощь Пушкину. Однимъ изъ этихъ лицъ или—что вѣрнѣе—подъ руководствомъ одного изъ этихъ лицъ было составлено мнѣніе гражданскаго департамента, принятое впослѣдствіи,— правда, съ нѣкоторой переработкой,— и въ общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Мнѣніе было въ сравненія гуманнѣе приговора Сената: заключенія Сената были значительно измѣнены въ той ихъ части, которая относилась къ Леопольдову, и оставлены въ силѣ для остальныхъ прикосновенныхъ.

„Свой приговоръ о Леопольдовѣ Сенатъ основывалъ на 129 воинскомъ артикулѣ. Статья эта заключается въ слѣдующемъ: „есть ли кто увѣдаетъ, что единъ или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены или имѣеть вѣдомость о шпіонахъ или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гарнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявить, тотъ имѣеть, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть“.

Цитируя артикулъ, авторъ мнѣнія высказывался слѣдующимъ образомъ.

„По мнѣнію Гражданскаго департамента, законъ сей не можетъ приложенъ быть къ существу настоящаго дѣла въ отношеніи къ Леопольдову; ибо по вѣсмымъ обстоятельствамъ онаго не представляется ничего такого,—что бы могло наводить сомнѣніе въ неблагонамѣренныхъ видахъ Леопольдова, или чтобъ, зная онъ о какомъ либо злоумышленіи, хотѣлъ скрыть сіе отъ Правительства; а что Леопольдовъ имѣлъ у себя списокъ съ письма Рыльева, сіе не составляетъ существеннаго преступленія, тѣмъ болѣе, что письмо сіе не содержитъ въ себѣ ничего возмутительнаго и было въ рукахъ Леопольдова, какъ онъ объясняетъ, изъ одного любопытства видѣть послѣднія чувства кающаго-

ся преступника. Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ стихамъ Пушкина, на которыхъ Леопольдовъ выставилъ 14-е число Декабря, не представляется повода къ заключенію о какомъ-либо вредномъ со стороны Леопольдова умыслѣ, кромѣ одной неосновательности въ отнесеніи оныхъ къ происшествію того времени: хотя и въ семь случаѣ оправдывается онъ, что сдѣлалъ надпись на стихахъ о 14-мъ числѣ по словамъ прапорщика Молчанова, выдававшего ихъ писанными на означенный случай, между тѣмъ, какъ самъ сочинитель стиховъ сихъ, Пушкинъ, относитъ содержаніе оныхъ къ французской революціи, и что они были сочинены имъ гораздо прежде происшествія 14 декабря, напечатаны въ числѣ прочихъ его стихотвореній съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ съ дозволенія Цензуры. Въ прочемъ Леопольдовъ не скрылъ сего отъ Правительства, увѣдомивъ объ ономъ Генераль-Адъютанта Бенкендорфа въ Сентябрѣ 1826-го года партикулярнымъ письмомъ изъ родителей своихъ.

Что касается до переписки Леопольдова съ дворовымъ челоукомъ Брызгаловымъ, она нисколько и не касается сего предмета, и по содержанію своему совсѣмъ посторонняя для настоящаго дѣла, по которому Леопольдовъ былъ преданъ Суду.

„Такимъ образомъ Департаментъ, по ближайшемъ и внимательномъ соображеніи обстоятельствъ сего дѣла, не усматривая ни въ чемъ болѣе вины Леопольдова, кромѣ одной неосновательности въ неумѣстной надписи на стихахъ Пушкина о 14 числѣ декабря, и имѣя въ виду примѣръ Высочайшаго рѣшенія о подсудимыхъ по сему же дѣлу военныхъ чиновникахъ, которые за содержаніе у себя означенныхъ бумагъ въ тайнѣ отъ своего Начальства и за сообщеніе оныхъ другимъ, не были подвергнуты столь тяжкому наказанію, къ какому осуждается Правительствующимъ Сенатомъ Леопольдовъ,—полагаетъ за означенную неосновательность его, Леопольдова, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ и подтвердить, чтобъ впредь въ поступкахъ былъ основательнѣе.

„Съ сими вмѣстѣ Гражданскій Департаментъ полагаетъ поручить начальству, въ вѣдомствѣ котораго Леопольдовъ будетъ служить, чтобъ оно обращало особенное вниманіе на его поведеніе, оставляя за тѣмъ заключеніе Правительствующаго Сената по прочимъ дѣламъ сего частямъ въ своей силѣ“.

Такимъ образомъ Н. Мордвиновъ, А. Балашовъ и А. Оленинъ, подписавшіе журналъ Гражданскаго Департамента, не сочли нужнымъ усугублять приговоръ, постановленный Сенатомъ относительно Пушкина и обязывавшій его не выпускать своихъ сочиненій въ пубliku безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры.

28 іюня журналъ Департамента былъ разсмотрѣнъ въ Общемъ собраніи. Общее собраніе, утвердившее мнѣніе Департамента, ока-

залось неблагопріятно настроеннымъ по отношенію къ Пушкину. „Государственный Совѣтъ—гласить журналъ—въ Общемъ Собраніи, находя заключеніе Департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ по сему дѣлу правильнымъ, положилъ оное утвердить съ *таковымъ въ отношеніи къ сочинителю стиховъ означенныхъ Пушкину дополненіемъ, что по непримичному выраженію его въ отвѣтахъ своихъ на счетъ происшествія 14 декабря 1825 года и по духу самого сочиненія, въ октябрь 1825 года напечатаннаго, поручено было имѣть за нѣмъ въ мѣстѣ его жительства секретный надзоръ*“.

Журналъ Общаго Собранія подписали гр. В. Кочубей, кн. Алексѣй Куравинъ, кн. Д. Лобановъ-Ростовскій, гр. П. Толстой, Г. Строгановъ, А. Сукинъ, К. Опшерманъ, кн. Александръ Голицынъ, Г. Кутузовъ, гр. А. Чернышевъ, М. Сперанскій, А. Оленинъ, Федоръ Энгель, кн. Алексѣй Долгорукій. Кто изъ нихъ былъ виновникомъ отягощающей Пушкина прибавки къ приговору, трудно сказать. Отмѣтить слѣдуетъ, что кн. Голицынъ и гр. Чернышевъ были членами слѣдственной Коммисіи, а всѣ они, кромѣ Голицына и Чернышева, участвовали въ Верховномъ судѣ надъ декабристами.

Вторая часть меморіи Общаго Собранія Государственного Совѣта 28 іюня 1825 года, заключавшая въ себѣ, между прочимъ, положеніе Государственного Совѣта по дѣлу о Леопольдовѣ, была представлена Государю 25 іюля 1828 года. По объявленному предсѣдателемъ высочайшему повелѣнію отъ 28 іюля 1828 года за № 1479 положеніе Государственного Совѣта было утверждено.

При исполненіи этого Высочайшаго Повелѣнія, т. е. при сообщеніи его въ Сенатъ вышло маленькое недоразумѣніе, сущность котораго видна изъ слѣдующаго секретнаго письма (отъ 13 августа 1828 года за № 499) Предсѣдателя Государственного Совѣта графа В. П. Кочубея къ исправлявшему должность Государственного секретаря статсъ-секретарю В. Р. Марченко.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой Василій Романовичъ!

„Въ высочайшемъ повелѣннн, заготовленномъ Государственной Канцеляріей по дѣлу о кандидатѣ 10 класса Леопольдовѣ, влючены всѣ сужденія въ Государственномъ Совѣтѣ бывшія и въ журналахъ онаго помѣщенія.—Между прочимъ, заключаются въ сей бумагѣ слѣдующія два обстоятельства: а) что чиновникъ 14 класса Коноплевъ употребленъ былъ по секретной части, в) что Государственный Совѣтъ положилъ имѣть за сочинителемъ Пушкинымъ секретный надзоръ.

„Не считая приличнымъ упоминать о семъ въ Высочайшемъ повелѣнн, которое по заведенному порядку не только будетъ гласно въ Правительствующемъ Сенатѣ, но и передано изъ онаго будетъ для исполненія въ Уголовную Палату,—я полагаю не вносить въ сію бумагу означенныхъ двухъ предметовъ; а касательно Пушкина сообщить Высочайше утвержденное положеніе Государственнаго Совѣта отдѣльно г. Главнокомандующему въ С.-Петербургъ и Кронштатѣ, приложивъ и выписку изъ дѣла о томъ, что до Пушкина относится.

„Сообщая о семъ Вашему Превосходительству для исполненія, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга
графъ В. Кочубей“.

Главнокомандующій графъ Толстой былъ увѣдомленъ отношеніемъ за № 500 отъ 13 августа 1828 года. Въ этой бумагѣ Пушкинъ былъ поименованъ „извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ“.

13 же августа Государственная Канцелярія препроводила отношеніе и Управляющему Министерствомъ Юстиціи для исполненія Высочайшаго повелѣнія по дѣлу Леопольдова. 20 августа состоялось опредѣленіе Сената, и 27 августа данъ указъ въ Новгородскую Палату.

Любань. Декабрь. 1908.

ДУЭЛЬ ПУШКИНА СЪ ДАНТЕСОМЪ.

(Новые матеріалы¹).

Исторія послѣдней дуэли Пушкина далеко не выяснена. Данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, немногочисленны и, за небольшими исключеніями, не имѣютъ характера достовѣрности. Оффиціальныя бумаги о дуэли Пушкина, опубликованныя въ 1899 году², свидѣтельствуютъ о томъ, что слѣдствіе не распространилось на многія обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Пушкина, которыя могли бы пролить свѣтъ на причины дуэли. Извѣстія и воспоминанія друзей и современниковъ Пушкина требуютъ тщательной критической повѣрки: въ современныхъ воспоминаніяхъ слишкомъ много мѣста отведено слухамъ и субъективнымъ предположеніямъ, а рассказы друзей, быть можетъ, иногда грѣшили нѣкоторымъ безсознательнымъ, конечно, искаженіемъ дѣйствительности, допущеннымъ по дипломатическимъ соображеніямъ. Да, наконецъ, даже ближайшіе друзья не знали всей истины о

¹ Эти статьи появились въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“ (1905 январь, мартъ, апрѣль); перепечатываются здѣсь безъ измѣненій. Въ настоящее время мною печатается цѣлая книга о послѣдней дуэли Пушкина: въ ней будутъ, между прочимъ, помѣщены въ подлинномъ и полномъ видѣ тѣ неизданные документы, на которые я ссылаюсь въ своихъ статьяхъ.

² Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г. Спб. 1900.

событіяхъ, предшествовавшихъ дуэли. 9-го февраля 1837 года кн. П. А. Вяземскій писалъ къ А. Я. Булгакову: „Адскія возни опутали ихъ (Пушкина и его жену) и остаются еще подъ мракомъ. Время, можетъ быть, раскроетъ ихъ“¹. А 10-го февраля Вяземскій писалъ тому же лицу: „Чѣмъ болѣе думаешь объ этой потерѣ, чѣмъ болѣе проповѣдываешь обстоятельствъ, доннынѣ бывшихъ въ неизвѣстности и которыя время начинаетъ раскрывать понемногу, тѣмъ болѣе сердце обливается кровью и слезами. Адскія сѣти, адскія возни были устроены противъ Пушкина и жены его. Раскроетъ ли время ихъ вполне или нѣтъ, неизвѣстно“².

И до сихъ поръ время не раскрыло пружинъ тайныхъ интригъ противъ Пушкина. Правда, немало деталей уже выяснено, собраны, кажется, всѣ возможныя объясненія причинъ дуэли, но всей истиной мы еще не владѣемъ и поэтому не можемъ пока написать прагматическую исторію дуэли Пушкина. Подобная попытка была сдѣлана въ 1901 году на страницахъ „Историческаго Вѣстника“ г. Никольскимъ³. Не обладая достаточнымъ количествомъ фактовъ, г. Никольскій для заполнения пробѣловъ построилъ цѣлый рядъ предположеній, иногда весьма правдоподобныхъ, но нуждающихся для своего обоснованія въ фактическомъ подтвержденіи.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду предложить нѣкоторые новые матеріалы, относящіеся до послѣдней дуэли Пушкина. Эти матеріалы добавляют немало подробностей къ извѣстнымъ намъ даннымъ, освѣщаютъ положеніе дѣлъ въ концѣ 1836 и началѣ 1837 годовъ и измѣняютъ нѣкоторыя представленія.

¹ „Русскій Архивъ“. 1879. II. стр. 253.

² Ibid., стр. 203.

³ Отд. изд. Послѣдняя дуэль Пушкина. Біогр. очеркъ Б. В. Никольскаго. Спб. 1901.

I.

Князь П. А. Вяземскій—о дуэли Пушкина.

Сохранилось немало писемъ о причинахъ дуэли и обстоятельствахъ смерти Пушкина. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ близкимъ друзьямъ поэта. Адресованныя различнымъ лицамъ, эти письма расходились въ многочисленныхъ спискахъ. Авторы предусматривали такое распространеніе. „Пожалуйста, покажи мое письмо Ив. И. Дмитріеву и Солнцову,—писалъ А. Я. Булгакову П. А. Вяземскій,—или лучше дай имъ копію съ него, и вообще показывай письмо всѣмъ, кому заблагоразсудишь“. Сплетни и слухи о поводахъ къ дуэли распространялись не только по всему Петербургу, но всей Россіи; много рассказывали о поведеніи жены Пушкина. Въ массѣ, кажется, не были убѣждены въ ея невинности. Задача друзей Пушкина заключалась въ прекращеніи всякихъ толковъ, оскорбительныхъ для памяти Пушкина. Письмо князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, предназначенное для самаго широкаго распространенія, заканчивалось слѣдующими словами: „Покажи мое письмо Баратынскому, Раевскому, П. В. Нащокину и всѣмъ тѣмъ, которымъ память Пушкина драгоценна. Болѣе всего не забывайте, что Пушкинъ намъ всѣмъ, друзьямъ своимъ, какъ истиннымъ душеприказчикамъ, завѣщаль священную обязанность оградить имя жены его отъ клеветы. Онъ такъ и умеръ въ чувствѣ любви къ ней и въ убѣжденіи, что она невинна. И мы, очевидцы всего, что было, проникнуты этимъ убѣжденіемъ. Это главное въ настоящемъ положеніи“.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о дуэли и смерти поэта являются цитированныя нами письма князя П. А. Вяземскаго отъ 5-го и 9-го февраля 1837 года¹. Но въ нихъ

¹ „Русск. Арх.“, 1879, II, стр. 243 и слѣд. Письмо Вяземскаго отъ 5-го февраля пользовалось значительнымъ распространеніемъ. Оно напечатано, между прочимъ, какъ письмо неизвѣстнаго очевидца, въ „Русской Старинѣ“ 1875 года, т. XIV, стр. 8 и слѣд

князь Вяземскій подробно рассказываетъ о кончинѣ Пушкина, о событіяхъ, за нею послѣдовавшихъ, и слишкомъ бѣгло останавливается на причинахъ дуэли Пушкина. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу.

„Ясно изложить причины, которыя произвели это плачевное слѣдствіе, невозможно, потому что многое остается тайной для насъ самихъ, очевидцевъ. Впрочемъ и тѣмъ, что мы знаемъ, можно объяснить случившееся слѣдующимъ образомъ. Анонимныя письма, о коихъ ты вѣрно уже знаешь, лежали горячею отравой на сердцѣ Пушкина. Ему нужно было выбросить этотъ ядъ съ своею кровью, или съ кровью того, который былъ причиною или предлогомъ нанесеннаго Пушкину оскорбленія. Въ первую минуту по полученіи этихъ писемъ онъ съ яростью бросился на Геккерена и вызывалъ его драться. Со стороны старика Геккерена пошли переговоры, и по его просьбѣ дуэль отсрочена на 15 дней. Въ эти 15 дней неожиданно, непонятно для всѣхъ, уладилась свадьба молодого Геккерена съ сестрой Пушкиной. Пушкинъ о томъ ничего не зналъ; узнавъ, не вѣрилъ тому и полагалъ, что все это военная или дипломатическая хитрость; но когда помолвка совершилась, онъ обратно взялъ картель, признавая, вѣроятно, въ душѣ своей эту странную свадьбу (которая во всякомъ случаѣ накидывала неблагопріятную тѣнь на молодого Геккерена) за достаточную для себя сатисфакцію и съ другой стороны признавая, повидимому, несбыточность дуэли за жену свою съ тѣмъ, который женится на сестрѣ ея. Между тѣмъ тутъ же объявилъ онъ, что хотя отъ поединка, предложеннаго имъ, и отказывается, но семейныхъ и даже общихъ сношеній съ семействомъ Геккерена имѣть не будетъ. Не принималъ поздравленій, язвительно отзывался о свадьбѣ встрѣчнымъ и поперечнымъ и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ Геккерена, ни они у него въ домѣ, что и было въ

точности соблюдено. Все это замазало рану, не исцѣлило. Женитьба Гекверена мало что измѣнила въ общемъ ихъ положеніи. Страсть, которую онъ афишировалъ къ Пушкиной, продолжалъ онъ афишировать и послѣ женитьбы. Городскіе толки не умоляли, напротивъ общее вниманіе недоброжелательнаго, убійственнаго свѣта впилося еще болѣе въ дѣйствующія лица этой необыкновенной драмы, которой готовилась столь кровавая и ужасная развязка. Пушкинъ все это видѣлъ, чувствовалъ, ему стало невтерпѣжъ. Онъ излилъ все свое бѣшенство, всю скорбь раздраженнаго, оскорбленнаго сердца своего въ письмѣ къ старику-Гекверену, желая, жаждая развязки“.

По счастью, кн. Вяземскій оставилъ и болѣе подробный разсказъ о причинахъ дуэли Пушкина съ Дантесомъ. Разсказъ этотъ находится въ письмѣ его къ великому князю Михаилу Павловичу. Исслѣдователямъ извѣстно это письмо, но далеко не въ подлинномъ и полномъ видѣ. Въ 1879 году издатель „Русскаго Архива“ напечаталъ отрывокъ изъ этого письма по черновику, оставшемуся въ бумагахъ князя Вяземскаго¹. Къ сожалѣнію, изданный П. И. Бартевымъ отрывокъ заключаетъ какъ разъ наименѣе интересную часть письма князя П. А. Вяземскаго. Впрочемъ эта часть, какъ увидимъ ниже, даетъ ключъ ко всему письму. Оригиналъ письма— на французскомъ языкѣ. Мы приводимъ русскій переводъ съ вполне исправнаго французскаго списка. Письмо написано княземъ Вяземскимъ 14-го февраля 1837 года и отправлено при оказіи съ генераломъ Философовымъ за границу, гдѣ въ то время находился великій князь. Михаилъ Павловичъ получилъ письмо лишь 14-го марта въ Римѣ и отвѣчалъ на него 29-го мая (10-го іюня) 1837 года.

Письмо князя Вяземскаго распадается на двѣ части. Въ первой авторъ разсказываетъ исторію дуэли и обстоятельства смерти

¹ „Русскій Архивъ“, 1879, 8, стр. 556 и слѣд.

Пушкина. Относительно обстоятельствъ кончины письмо не даетъ ничего новаго сравнительно, на примѣръ, съ описаніемъ сдѣлан-нымъ княземъ Вяземскимъ для Булгакова, но исторія дуэли пере-дана съ подробностями, для насъ неизвѣстными. Кажется, что въ письмѣ къ великому князю князь Вяземскій чувствовалъ себя болѣе свободнымъ отъ исполненія тѣхъ обязанностей душеприказчика, о которыхъ онъ писалъ А. Я. Булгакову. Помимо новыхъ деталей, письмо князя Вяземскаго особенно цѣнно, какъ продуманное и цѣльное изложеніе исторіи дуэли, какъ она предста-влялась друзьямъ Пушкина. Остановимся на первой части.

1.

Князь П. А. Вяземскій писалъ великому князю Михаилу Павловичу.

„Ваше высочество!

„По всей вѣроятности, ваше императорское высочество интересуется нѣкоторыми подробностями прискорбнаго событія, которое такимъ трагическимъ образомъ похитило отъ насъ Пушкина. Вы удостаивали его своей благосклонностью, его доброе имя и его слава принадлежать родинѣ и, такъ сказать, царствованію государя императора. При своемъ вступленіи на престолъ, онъ самъ призывалъ поэта изъ изгнанія, любя своей благородной и русской душой его талантъ, и принялъ въ его геніи истинно-отеческое участіе, которое не измѣнилось (въ немъ) ни въ продолженіе жизни его; ни у его смертнаго одра, ни по ту сторону его могилы, такъ какъ онъ не забылъ своими щедротами ни его вдовы, ни дѣтей. Эти соображенія, а также тайна, которая окружаетъ послѣднія событія въ его жизни и тѣмъ даетъ обширную пищу людскому невѣжеству и злобѣ для всевозможныхъ догадокъ и ложныхъ истолкованій, обязываютъ друзей Пушкина разоблачить

все, что только имъ извѣстно по этому поводу, и показать такимъ образомъ его личность въ ея настоящемъ свѣтѣ. Вотъ съ какою цѣлью я осмѣливаюсь обратиться къ вашему высочеству съ этими строками. Сблаговолите удѣлить имъ нѣсколько минутъ своего досуга. Я буду говорить одну только правду.

„Вашему императорскому высочеству небезызвѣстно, что молодой Геккеренъ ухаживалъ за г-жей Пушкиной. Это неумѣренное и довольно открытое ухаживаніе порождало сплетни въ гостиныхъ и мучительно озабочивало мужа. Несмотря на это, онъ, будучи увѣренъ въ привязанности къ себѣ своей жены и въ чистотѣ ея помысловъ, не воспользовался своею супружескою властью, чтобы во время предупредить послѣдствія этого ухаживанія, которое и привело, на самомъ дѣлѣ, къ неслыханной катастрофѣ, разразившейся на нашихъ глазахъ. 4 го ноября прошлаго года моя жена вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ запечатанной запискою, адресованной Пушкину, которую она только что получила въ двойномъ конвертѣ по городской почтѣ. Она заподозрѣла въ ту же минуту, что здѣсь крылось что нибудь оскорбительное для Пушкина. Раздѣляя ея подозрѣнія и воспользовавшись правомъ дружбы, которая связывала меня съ нимъ, я рѣшился распечатать конвертъ и нашелъ въ немъ прилагаемый документъ ¹. Первымъ моимъ движеніемъ было бросить бумагу въ огонь, и мы съ женой дали другъ другу слово сохранить все это въ тайнѣ. Вскорѣ мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многихъ лицъ, получившихъ подобныя письма, и даже Пушкинъ не только самъ получилъ такое же, но и два другихъ подобныхъ, переданныхъ ему его друзьями, не знавшими ихъ содержанія и поставленными въ такое же положеніе, какъ и мы. Эти письма привели къ объясненіямъ супруговъ Пушкиныхъ между собой и заставили невинную,

¹ Рѣчь идетъ объ извѣстномъ дипломѣ.

въ сущности, жену признаться въ легкомыслии и вѣтрености, которыя побуждали ее относиться снисходительно къ навязчивымъ ухаживаніямъ молодого Геккерена; она раскрыла мужу все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть. Пушкинъ былъ тронутъ ея довѣріемъ, раскаяніемъ и встревоженъ опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячимъ и страстнымъ характеромъ, не могъ отнестись хладнокровно къ положенію, въ которое онъ съ женой былъ поставленъ; мучимый ревностью, оскорбленный въ самыхъ нѣжныхъ, сокровенныхъ своихъ чувствахъ, въ любви къ своей женѣ, видя, что честь его задѣта чьей-то неизвѣстной рукой, онъ послалъ вызовъ молодому Геккерену, какъ единственному виновнику, въ его глазахъ, въ двойной обидѣ, нанесенной ему въ самое сердце. Необходимо при этомъ замѣтить, что какъ только были получены эти анонимныя письма, онъ заподозрѣлъ въ ихъ сочиненіи стараго Геккерена и умеръ съ этою увѣренностью. Мы такъ никогда и не узнали, на чемъ было основано это предположеніе, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимымъ. Только неожиданный случай далъ ему въ послѣдствіи нѣкоторую долю вѣроятности. Но такъ какъ на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, ни даже положительныхъ основаній, то это предположеніе надо отдать на судъ Божій, а не людской. Вызовъ Пушкина не попалъ по своему назначенію. Въ дѣло вмѣшался старый Геккерень. Онъ его принялъ, но отложилъ окончательное рѣшеніе на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все болѣе спокойно. Найдя Пушкина, по истеченіи этого времени, непоколебимымъ, онъ разсказалъ ему о своемъ критическомъ положеніи и затрудненіяхъ, въ которыя его поставило это дѣло, каковъ бы ни былъ его исходъ; онъ ему говорилъ о своихъ отеческихъ чувствахъ къ мо-

лодому человѣку, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, съ пѣлю обезпечить ему благосостояніе. Онъ прибавилъ, что видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, онъ попросилъ новой отсрочки на недѣлю. Принимая вызовъ отъ лица молодого человѣка, т.-е. своего сына, какъ онъ его называлъ, онъ тѣмъ не менѣе увѣрялъ, что тотъ совершенно не подозрѣваетъ о вызовѣ, о которомъ ему скажутъ только въ послѣднюю минуту. Пушкинъ, тронутый волненіемъ и слезами отца, сказалъ: „Если такъ, то не только недѣлю—я вамъ даю двѣ недѣли сроку и обязуюсь честнымъ словомъ не давать никакого движенія этому дѣлу до назначеннаго дня и при встрѣчахъ съ вашимъ сыномъ вести себя такъ, какъ если бы между нами ничего не произошло“. Итакъ, все должно было оставаться безъ перемѣны до рѣшающаго дня. Начиная съ этого момента, Геккеренъ пустилъ въ ходъ всѣ военные приемы и дипломатическія хитрости. Онъ бросился къ Жуковскому и Михаилу Вильгорскому, чтобы уговорить ихъ стать посредниками между нимъ и Пушкинымъ. Ихъ миролюбивое посредничество не имѣло никакого успѣха. Черезъ нѣсколько дней Геккеренъ-отецъ распустилъ слухъ о предстоящемъ бракѣ молодого Геккерена съ Екатериной Гончаровой. Онъ увѣрялъ Жуковскаго, что Пушкинъ ошибается, что сынъ его влюбленъ не въ жену его, а въ свояченицу, что уже давно онъ умоляетъ ея отца согласиться на ихъ бракъ, но что тотъ, находя бракъ этотъ неподходящимъ, не соглашался, но теперь, видя, что дальнѣйшее упорство съ его стороны привело къ заблужденію, грозящему печальными послѣдствіями, онъ наконецъ далъ свое согласіе. Отецъ требовалъ, чтобы объ этомъ во всякомъ случаѣ ни слова не говорили Пушкину, чтобы онъ не подумалъ, будто эта свадьба была только предлогомъ для

избѣжанія дуэли. Зная характеръ Геккерена-отца, скорѣе всего можно предположить, что онъ говорилъ все это въ надеждѣ на чью либо нескромность, чтобы обмануть довѣрчиваго и чистосердечнаго Пушкина ¹. Какъ бы то ни было, тайна была соблюдена, срокъ близился къ окончанію, а Пушкинъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ, и бракъ былъ рѣшенъ между отцомъ и теткой, г-жей Загряжской ². Было бы слишкомъ долго излагать вашему императорскому высочеству всѣ лукавыя происки молодого Геккерена во время этихъ переговоровъ. Приведу только одинъ примѣръ. Геккерены, старый и молодой, возымѣли дерзкое и подлое намѣреніе попросить г-жу Пушкину написать молодому человѣку письмо, въ которомъ она умоляла бы его не драться съ ея мужемъ. Разумѣется, она отвергла съ негодованіемъ это низкое предложеніе.

¹ Это сообщеніе Вяземскаго пополняетъ наши свѣдѣнія о томъ, что происходило въ теченіе двухнедѣльнаго промежутка со времени перваго вызова. При сопоставленіи этихъ данныхъ съ рассказомъ Данзаса (въ брошюрѣ: Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Изд. Я. А. Исакова. Спб. 1863, стр. 10-11) обнаруживается ихъ сходство въ главнѣйшемъ и различіе—не въ пользу Данзаса—въ мелочахъ. „Вызовъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, кн. Вяземскому и барону Геккерену, отцу. Всѣ они старались потушить исторію и разстроить дуэль. Геккеренъ, между прочимъ, объявилъ Жуковскому, что если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за укаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому что баронъ Дантесъ дѣлалъ это съ благородною цѣлю, имѣя намѣреніе просить руки сестры г-жи Пушкиной, К. Н. Гончаровой.“

„Отправясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ барону Геккерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи.“

„Вслѣдствіе ли совѣта Жуковскаго, или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, но Дантесъ на другой или даже въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе“.

² Это свѣдѣніе разрѣшаетъ недоумѣніе изслѣдователей о томъ, черезъ кого сдѣлали предложеніе Геккерены. Екатерина Ивановна Загряжская — родная сестра Натальи Ивановны, матери жены Пушкина.

Когда Пушкинъ узналъ о свадьбѣ, уже рѣшенной, онъ, конечно, долженъ былъ счесть ее достаточнымъ для своей чести удовлетвореніемъ, такъ какъ всему свѣту было ясно, что это бракъ по разсудку, а не по любви. Чувства, или такъ называемыя „чувства“ молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая дѣлала этотъ бракъ довольно двусмысленнымъ. Вслѣдствіе этого Пушкинъ взялъ свой вызовъ обратно, но объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что между его семьей и семействомъ свояченицы онъ не потерпитъ не только родственныхъ отношеній, но даже простого знакомства, и что ни ихъ нога не будетъ у него въ домѣ, ни его—у нихъ. Тѣмъ, кто обращался къ нему съ поздравленіями по поводу этой свадьбы, онъ отвѣчалъ во всеуслышаніе: „Tu l'as voulu, Georges Dandin“. Говоря по правдѣ, надо сказать, что мы всѣ, такъ близко слѣдившіе за развитіемъ этого дѣла, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккеренъ рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, лишь бы избавиться отъ пеединка. Онъ самъ былъ, вѣроятно, опутанъ темными интригами своего отца. Онъ приносилъ себя ему въ жертву. Я его, по крайней мѣрѣ, такъ понималъ. Но часть общества захотѣла усмотрѣть въ этой свадьбѣ подвигъ высокаго самоотверженія ради спасенія чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плодъ досужей фантазій. Ничто ни въ прошломъ молодого человѣка, ни въ его поведеніи относительно нея не допускаетъ мысли ни о чемъ либо подобномъ. Послѣдствія это хорошо доказали, какъ ваше высочество ниже увидите. Во всякомъ случаѣ, это оскорбительное и неосновательное предположеніе дошло до свѣдѣнія Пушкина и внесло новую тревогу въ его душу. Онъ увидалъ, что этотъ бракъ не избавлялъ его окончательно отъ ложнаго положенія, въ которомъ онъ очутился. Молодой Геккеренъ продолжалъ стоять, въ глазахъ общества, между нимъ и его женой и бросалъ на обихъ тѣнь, невы-

носимую для щепетильности Пушкина. Это былъ призракъ, не существовавшій въ дѣйствительности, такъ какъ Пушкинъ былъ увѣренъ въ своей женѣ, но, тѣмъ не менѣе, этотъ призракъ его преслѣдовалъ. Развѣ могъ страстный и воспримчивый поэтъ обесудить свое положеніе и взглянуть на него, подобно мудрецу или безпристрастному зрителю? Легко такъ говорить равнодушнымъ людямъ, но надо перечувствовать его страданія, всю ту горечь, которая снѣдала бѣднаго Пушкина, чтобы позволить себѣ порицать его. Согласіе Екатерины Гончаровой и все ея поведеніе въ этомъ дѣлѣ непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ея желаніемъ во что бы то ни стало выйти изъ разряда зрѣлыхъ дѣвъ. Пушкинъ все время думалъ, что какая-нибудь случайность помѣшаетъ браку въ самомъ же началѣ. Все же онъ совершился. Это новое положеніе, эти новыя отношенія мало измѣнили сущность дѣла. Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія сплетни возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной силою на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходящей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе, онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія его къ женѣ оттого не пострадали. Онъ сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней. Его чувства, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться, вѣроятно, закрыли глаза его женѣ на положеніе вещей и его послѣдствія. Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы; тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности. Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили

ему, что не стоитъ такъ мучиться, разъ онъ увѣренъ въ невинности своей жены, и увѣренность эта раздѣляется всѣми его друзьями и всѣми порядочными людьми общества, то онъ имъ отвѣчалъ, что ему недостаточно увѣренности своей собственной, своихъ друзей и извѣстнаго кружка, что онъ принадлежитъ всей странѣ и желаетъ, чтобы имя его оставалось незапятнаннымъ вездѣ, гдѣ его знаютъ. За нѣсколько часовъ до дуэли онъ говорилъ д'Аршіаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которыя заставляли его драться: „Есть двоякаго рода рога носцы; одни носятъ рога на самомъ дѣлѣ; тѣ знаютъ отлично, какъ имъ быть; положеніе другихъ, ставшихъ рога носцами по милости публики, затруднительнѣе. Я принадлежу къ послѣднимъ“. Вотъ въ какомъ настроеніи онъ былъ, когда пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него неблагопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде. Балъ у Воронцовыхъ, гдѣ, говорятъ, Геккеренъ былъ сильно занятъ г-жей Пушкиной, еще увеличилъ его раздраженіе. Жена передала ему острогу Геккерена, на которую Пушкинъ намекалъ въ письмѣ къ Геккерену-отцу, по поводу армейскихъ остротъ. У обѣихъ сестеръ былъ общій мозольный операторъ, и Геккеренъ сказалъ г-жѣ Пушкиной, встрѣтивъ ее на вечерѣ: „je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme“¹. Вся эта болтовня, всѣ эти мелочи растравляли рану Пушкина. Его раздраженіе должно было выйти изъ границъ. 25 января онъ послалъ письмо Геккерену-

¹ Непереводимая игра словъ, основанная на созвучіи словъ: „cor“—мозоль и „corps“—тѣло. Буквально: „я теперь знаю, что у васъ мозоль красивѣе, чѣмъ у моей жены“.

отцу. Д'Аршіакъ принесъ ему отвѣтъ. Пушкинъ его не читалъ, но принялъ вызовъ, который былъ ему сдѣланъ отъ имени сына. Самъ собою напрашивается вопросъ, какія причины могли побудить Геккерена-отца прятаться за сына, когда раньше онъ оказывалъ ему столько нѣжности и отеческой заботы; заставлялъ сына рисковать за себя жизнью, между тѣмъ какъ оскорбленіе было нанесено лично ему, а онъ не такъ старъ, чтобы быть вынужденнымъ искать себѣ замѣстителя? Такъ или иначе, но день 26 и утро 27-го января прошли въ переговорахъ между д'Аршіакомъ и Пушкинымъ о секундантѣ, котораго долженъ былъ представить послѣдній. Пушкинъ отказался взять секунданта, не желая никого компрометировать, и боялся взять кого-нибудь изъ соотечественниковъ, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ихъ непріятнымъ послѣдствіямъ своей дуэли. Противная партія настаивала на этомъ пунктѣ. 26-го, на балу у графини Разумовской, Пушкинъ предложилъ быть своимъ секундантомъ Магенису, совѣтнику при англійскомъ посольствѣ. Тотъ, вѣроятно, пожелалъ узнать причины дуэли; Пушкинъ отказался сообщить что-либо по этому поводу. Магенисъ отстранился. Въ отчаяніи, что дѣло разстроилось, Пушкинъ вышелъ 27 утромъ, на удачу, чтобы поискать кого-нибудь, кто бы согласился быть его секундантомъ. Онъ встрѣтилъ на улицѣ Данзаса, своего прежняго школьнаго товарища, а впоследствии друга. Онъ посадилъ его къ себѣ въ сани, сказавъ, что везетъ его къ д'Аршіаку, чтобы взять его въ свидѣтели своего объясненія съ нимъ. Два часа спустя, противники находились уже на мѣстѣ поединка. Условія дуэли были выработаны. Пушкинъ казался спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Бѣднягъ жаждалъ въ ту минуту избавленія отъ нравственныхъ страданій, которыя испытывалъ. Противники приблизились къ барьеру, цѣля другъ въ друга. Геккеренъ выстрѣлилъ первый. Пушкинъ былъ раненъ. Онъ упалъ

на шинель, служившую барберомъ, и не двигался, лежа внизъ лицомъ. Секунданты и Геккеренъ подошли къ нему; онъ приподнялся и сказалъ: „подождите, у меня хватить силы на выстрѣлъ“. Геккеренъ сталъ опять на мѣсто. Пушкинъ, опираясь лѣвой рукой о землю, правой увѣренно прицѣлился, выстрѣлъ раздался. Геккеренъ въ свою очередь былъ раненъ. Пушкинъ послѣ выстрѣла подбросилъ свой пистолетъ и воскликнулъ: „браво!“ Его рана была слишкомъ серьезна, чтобы продолжать поединокъ; онъ вновь упалъ и на нѣсколько минутъ потерялъ сознание, но оно скоро къ нему вернулось и больше ужъ его не покидало. Придя въ себя, онъ спросилъ д'Аршіака: „убилъ я его?“— „Нѣтъ, —отвѣтилъ тотъ:—вы его ранили“.— „Странно, —сказалъ Пушкинъ:—я думалъ, что мнѣ доставить удовольствіе его убить, но я чувствую теперь, что нѣтъ. Впрочемъ все равно. Какъ только мы поправимся, снова начнемъ“.

„Когда его привезли домой, докторъ Арендтъ и другіе послѣ перваго осмотра раны нашли ее смертельной и объявили объ этомъ Пушкину, который потребовалъ, чтобы ему сказали правду относительно его состоянія. До 7-го часа вечера я не зналъ рѣшительно ничего о томъ, что произошло. Какъ только мнѣ дали знать о случившемся, я отправился къ нему и почти не оставлялъ его квартиры до самой его смерти, которая наступила на третій день, 29-го января, около 3-хъ часовъ пополудни. Это были душу раздирающіе два дня; Пушкинъ страдалъ ужасно, онъ переносилъ страданія мужественно, спокойно и самоотверженно и высказывалъ только одно безпокойство, какъ бы не испугать жены. „Бѣдная жена, бѣдная жена!“—восклисалъ онъ, когда мученія заставляли его невольно кричать. Идя къ государю, Арендтъ спросилъ Пушкина, не хочетъ ли онъ передать ему что-нибудь. „Скажите государю, что умираю и что прошу прощенія у него за себя и за Данзаса“. Я попро-

силъ у Булгакова копіи письма, которое я ему¹ написалъ послѣ смерти Пушкина, и въ которомъ я сообщилъ ему подробности о его послѣднихъ минутахъ. Я надѣюсь, что получу ее во время и успѣю вложить въ это письмо. Смерть обнаружила въ характерѣ Пушкина все, что было въ немъ добраго и прекраснаго. Она надлежащимъ образомъ освѣтила всю его жизнь. Все, что было въ ней безпорядочнаго, бурнаго, болѣзненнаго, особенно въ первые годы его молодости, было данью человѣческой слабости обстоятельствамъ, людямъ, обществу. Пушкинъ былъ не понятъ при жизни не только равнодушными къ нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу въ томъ прощенья у его памяти, я не считалъ его до такой степени способнымъ ко всему. Сколько было въ этой изстрадавшейся душѣ великодушія, силы, глубокаго, скрытаго самоотверженія! Его чувства къ женѣ отличались нѣжностью поистиннѣ самаго возвышеннаго характера. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ на своемъ смертномъ одрѣ, доказали, насколько онъ былъ привязанъ, преданъ и благодаренъ государю. Ни одного горькаго слова, ни одной рѣзкой жалобы, никакого ѣдкаго напоминанія о случившемся не произнесъ онъ, ничего, кромѣ словъ мира и прощенья своему врагу. Вся желчь, которая накоплялась въ немъ цѣлыми мѣсяцами мученій, казалось, исходила изъ него вмѣстѣ съ его кровью, онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Свидѣтельства доктора Арендта и другихъ, которые его лѣчили, подтверждаютъ мое мнѣніе. Арендтъ не отходилъ отъ него и стоялъ со слезами на глазахъ, а онъ привыкъ къ агоніямъ во всѣхъ видахъ“.

Въ письмѣ кн. Вяземскаго подчеркнутъ одинъ пунктъ—отношенія Натальи Николаевны Пушкиной къ Дантесу. Мы видѣли, что въ письмѣ къ Булгакову онъ совсѣмъ не распространяется о роли жены Пушкина; а въ письмѣ къ великому князю онъ говорить о „ея легкомысліи и вѣтренности“, пишетъ о томъ, что „она

должна была бы удалиться отъ свѣта, но у нея не хватило характера, и она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности“. Тутъ, въ отношеніяхъ кн. Вяземскаго къ женѣ поэта тонъ — довольно рѣзкій, такой, какого нельзя было бы подозрѣвать по приведеннымъ выше отрывкамъ изъ писемъ Булгакова, касающимся Н. Н. Пушкиной.

Въ письмѣ кн. Вяземскаго обращаетъ вниманіе слѣдующее мѣсто: „пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него не благопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде“. Этотъ отрывокъ находитъ объясненіе въ письмѣ А. И. Тургенева къ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой. Извѣстно, что Тургеневъ, сопровождая тѣло Пушкина, былъ въ Тригорскомъ. Пріѣхалъ онъ сюда 5-го февраля и 8-го февраля былъ уже въ Петербургѣ. Въ Тригорскомъ онъ видѣлся съ П. А. Осиповой¹, а 24-го февраля (разбираемое нами письмо кн. Вяземскаго написано 14-го февраля) А. И. писалъ П. А. Осиповой: „Посылаю вамъ письмо кн. Вяземскаго къ Булгакову, который, не получивъ полнаго, прежняго письма моего, жаловался ему на неполноту моего отчета о послѣднихъ минутахъ поэта. Какъ бы многое хотѣлось мнѣ передать вамъ отсюда, но, вопреки пословицѣ, бумага не все терпитъ. Умоляю васъ, однако же, написать ко мнѣ все, что вы умолчали, и о чемъ только намекнули въ письмѣ вашемъ: это важно для исторіи послѣднихъ дней Пушкина. Онъ

¹ Свѣдѣнія о посѣщеніи Тургеневымъ Тригорскаго см. въ книгѣ „Пушкинъ и его современники“. Вып. I.

говорилъ съ вашей милой дочерью (Анной Николаевной Вульфъ) почти накануне дуэли: передайте мнѣ вѣрно и обстоятельно слова его; ихъ можно сообразить съ тѣми, что онъ говорилъ другимъ,— и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то общаю вамъ ее; но для чего таять то, на чемъ уже лежитъ печать смерти?¹

Отвѣтное письмо П. А. Осиповой неизвѣстно.

Необходимо отмѣтить, что Осипова относилась недружелюбно къ женѣ Пушкина. 31-го мая 1837 года Тургеневъ писалъ Вяземскому: „Не пошлешь ли ты Осиповой выписки изъ своего письма къ Булгакову всего, что ты говоришь о вдовѣ Пушкина. Она собирается къ Осиповой, и та хочетъ принять ее, но въ ней гнѣздится враждебное къ ней чувство за Пушкина. Не худо вразумить прежде, нежели Пушкина прїѣдетъ къ ней“.

Совокупность этихъ данныхъ можетъ подсказать отвѣтъ на вопросъ, что выяснилъ Пушкинъ изъ разговора съ своими прїятельницами изъ Тригорскаго, но для полного разъясненія этого мѣста нужно ждать документальныхъ данныхъ.

2.

Возвращаемся къ письму князя Вяземскаго.

„Эти событія и смерть Пушкина произвели во всемъ обществѣ сильное впечатлѣніе. Не счесть всѣхъ, кто приходилъ съ разныхъ сторонъ справляться о его здоровьѣ во время его болѣзни. Пока тѣло его выставлено было въ домѣ, наплывъ народа былъ еще больше, толпа не рѣдѣла въ скромной и маленькой квартирѣ поэта. Изъ-за неудобства помѣщенія должны были поставить гробъ въ передней, слѣдовательно заколотить входную дверь. Вся эта толпа притекала и уходила черезъ маленькую потайную дверь и узкій,

¹ Тамъ же, стр. 59.

отдаленный корридоръ ¹. Участіе, съ которымъ всё относились къ этой столь неожиданной и трагической смерти, глубоко тронуло все общество; горе смягчалось тѣмъ, что государь усладилъ послѣднія минуты жизни Пушкина и осыпалъ благодареніями его семью. Не одинъ разъ слышалъ я среди посѣтителей подобныя слова: „Жаль Пушкина, но спасибо государю, что онъ утѣшилъ его“. Однажды, ѣдучи въ саняхъ, я спросилъ своего кучера: „Жаль ли тебѣ Пушкина?“ — „Какъ же не жаль? Всѣ жалѣютъ, онъ былъ умная голова! Такихъ и государь любить“. Было что-то умилительное въ этой народной скорби и благодарности, которыя такъ непосредственно отозвались и въ царѣ, и въ народѣ; это, какъ я уже сказалъ, было самое сильное, самое краснорѣчивое опроверженіе знаменитаго письма Чаадаева. Да, у насъ есть народное чувство, это чувство безвредное, чисто-монархическое. И въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, императоръ далъ толчекъ, положилъ начало. Такъ это и поняли всѣ сердечные и благонамѣренные люди. Къ несчастью, печальныя исключенія встрѣтились и здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ встрѣчаются. Нѣкоторые изъ коноводовъ нашего общества, въ которыхъ ничего нѣтъ русскаго, которые и не читали Пушкина, кромѣ произведеній, подобранныхъ недоброжелателями и тайной полиціей, не приняли никакого участія во всеобщей скорби. Хуже того—они оскорбляли, чернили его. Клевета продолжала терзать память Пушкина, какъ терзала при жизни его душу. Жалѣли о

¹ „Всѣ эти дни,—читаемъ въ письмѣ А. П. Языкова къ А. А. Катенину—каreta за каретой къ нему подѣзжали узнать о здоровьѣ. Считаютъ до 4.000 народу ежедневно“. См. Описаніе Пушкинскаго музея. Сост. С. М. Аснатъ и А. П. Яхонтовъ, стр. 453. „Въ теченіе трехъ дней,—пишетъ кн. Е. Н. Мещерская (урожденная Карамзина),—множество людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія непрерывно тѣснились пестрою толпой вокругъ его гроба. Женщины, старики, дѣти, ученики, простолюдины въ тулупахъ, а иные даже въ лохмотьяхъ, приходили поклониться праху поэта“. См. Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“. 2-е изд., Спб., 1899, стр. 262.

судьбѣ интереснаго Геккерена, а для Пушкина не находили ничего, кромѣ хулы. Нѣсколько гостинныхъ сдѣлали изъ него предметъ своихъ партійныхъ интересовъ и споровъ. Я не изъ тѣхъ патріотовъ, которые содрогаются при имени иностранца, я удовлетворяюсь патріотизмомъ въ духѣ Петра Великаго, который былъ патріотомъ съ ногъ до головы, но признавалъ, несмотря на это, что есть у иностранцевъ преимущества, которыми можно позавидовать. Но въ настоящемъ случаѣ какъ можно даже сравнивать этихъ двухъ людей? Одинъ былъ самой свѣтлой, литературной славой нашего времени, другой—человѣкъ безъ традицій, безъ настоящаго и безъ будущаго для страны. Одинъ погибъ, какъ сугубая жертва врага, который его убилъ физически, убивъ его предварительно нравственно; другой—живъ и здоровъ и рано или поздно, покинувъ Россію, забудетъ причиненное имъ зло. Впрочемъ, всѣ эти слухи и споры происходятъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ, вникать въ которыя мнѣ не годится, но фактъ тотъ, что въ ту минуту, когда всего менѣе этого ожидали, увидѣли, что выраженія горя къ столь несчастной кончинѣ, потерѣ друга, поклоненія таланту были истолкованы, какъ политическое и враждебное правительству движеніе. Позвольте мнѣ, ваше высочество, коснуться нѣкоторыхъ подробностей относительно этого предмета.

„Послѣ смерти Пушкина нашли только 300 рублей денегъ во всемъ домѣ. Старый графъ Строгановъ, родственникъ г-жи Пушкиной, поспѣшилъ объявить, что онъ беретъ на себя издержки по похоронамъ. Онъ призвалъ своего управляющаго и поручилъ ему все устроить и расплатиться. Онъ хотѣлъ, чтобы похороны были насколько возможно торжественнѣе, такъ какъ онъ устраивалъ ихъ на свой счетъ. Изъ друзей Пушкина были Жуковский, Михайлъ Вьельгорскій и я. Было ли мѣсто въ нашей душѣ чему нибудь, кромѣ горя, поразившаго насъ? Могли ли мы вмѣшиваться въ

распоряженія графа Строганова? ¹ Итакъ, распоряженія были отданы, приглашенія по городской почтѣ разосланы. Графъ Строгановъ получаетъ приказаніе измѣнить отданныя распоряженія. Отпѣваніе предполагалось въ Исаакіевской церкви противъ дома, гдѣ

¹ Въ черновикѣ кн. Вяземскій гораздо пространнѣе выясняетъ свою непричастность къ распоряженіямъ графа Строганова относительно похоронной церемоніи. Желаніе Строганова устроить ее возможно великолѣпнѣе было принято графомъ Бенкендорфомъ за попытку демонстраціи, приписанную друзьямъ Пушкина и прежде всего князю Вяземскому. Князь Вяземскій оправдывается въ черновикѣ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ изложу, что относится до меня лично во всемъ этомъ дѣлѣ. Я не присутствовалъ при самыхъ послѣднихъ минутахъ Пушкина: по обязанностямъ службы мнѣ необходимо было съѣздить въ мой департаментъ. Когда я возвратился, Пушкина уже не было. Тутъ я узналъ, что въ домѣ нашлось только 300 рублей, что графъ Строгановъ въ качествѣ родственника г-жи Пушкиной принялъ на себя похоронныя издержки, немедленно велѣлъ позвать къ себѣ своего повѣреннаго и отдалъ ему всѣ нужныя приказанія, какъ поступать. Съ графомъ Строгановымъ я нахожусь не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы позволить себѣ, если бы я того и желалъ, малѣйшее вмѣшательство въ эти распоряженія. Съ какого права сталъ бы я вмѣшиваться, да и что было сказать мнѣ? Если въ намѣреніи графа было придать погребенію нѣкоторую пышность, то очень естественно, что, принявъ на себя издержки, онъ хотѣлъ быть щедрымъ, даже расточительнымъ. Во всякомъ случаѣ и какъ бы то ни было, я положительно не принималъ тутъ никакого участія и не знаю, имѣлъ ли кто нибудь малѣйшее, прямое или косвенное, влияніе на распоряженія графа Строганова. Онъ давалъ деньги, и кто изъ людей сколько нибудь благоразумныхъ захотѣлъ бы опредѣлять и назначать, куда должны пойти эти деньги? Надобно замѣтить, что выборъ Исаакіевского собора мѣстомъ для отпѣванія подалъ поводъ къ совершенно неосновательному истолкованію, которое могло итти отъ людей, особенно предубѣжденныхъ и забывшихъ, что къ петербургскимъ соборамъ приписаны приходы, какъ и къ церквямъ обыкновеннымъ. Домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, принадлежалъ къ Исаакіевскому приходу, и выбирать тутъ было нечего. То же самое было бы сдѣлано и съ послѣднимъ нищимъ, обитателемъ этого квартала. Когда приглашенный графомъ Строгановымъ митрополитъ отказался прибыть къ отпѣванію и графъ Строгановъ выражалъ мнѣ по этому случаю свое неудовольствіе и находилъ отказъ незаконнымъ, я подалъ ему мысль обратиться къ графу Протасову, который, будучи прокуроромъ святѣйшаго синода, могъ разъяснить поводы этого отказа и предложить свое посредничество для устраненія, буде возможно, препятствій. Вотъ единственное мнѣніе, единственное слово, шедшее отъ меня касательно этого дѣла“.

умеръ Пушкинъ, вынось тѣла, по обыкновенію, утромъ, въ день погребенія. Приказали перенести тѣло ночью безъ факеловъ и поставить въ Конюшенной церкви. Объявили, что мѣра эта была принята въ видахъ обезпеченія общественной безопасности, такъ какъ толпа, будто бы, намѣревалась разбить оконныя стекла въ домахъ вдовы и Геккерена. Друзей покойнаго впередъ уже заподозрили самымъ оскорбительнымъ образомъ; осмѣлились, со всей подлостью, на которую были способны, приписать имъ намѣреніе учинить скандалъ, навязали имъ чувства, враждебныя властямъ, утверждая, что не друга, не поэта оплакивали они, а политическаго дѣятеля. Въ день, предшествовавшей ночи, въ которую назначень былъ вынось тѣла, въ домѣ, гдѣ собралось челоуѣкъъ десять друзей и близкихъ Пушкина, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, въ маленькой гостиной, гдѣ мы все находились, очутился цѣлый корпусъ жандармовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что у гроба собрались въ большомъ количествѣ не друзья, а жандармы. Противъ кого была выставлена эта сила, весь этотъ военный парадъ? Я не касаюсь пикетовъ, разставленныхъ около дома и въ сосѣднихъ улицахъ; тутъ могли выставить предлогомъ, что боялись толпы и безпорядка. Но чего могли опасаться съ нашей стороны? Какія намѣренія, какія заднія мысли могли предполагать въ насъ, если не считали насъ безумцами или негодяями? Не было той нелѣпости, которая не была бы намъ приписана ¹. Разумѣется, и меня не пощадили; и даже

¹ Въ черновомъ наброскѣ разсужденія о ложности полицейскихъ донесеній и о нелѣпости полицейскихъ мѣръ предупрежденія изложены въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, и много рѣзче, чѣмъ въ окончательномъ текстѣ. „Возникли ребяческія и неблагородныя обвиненія, имѣвшія цѣлью исказить и оговорить изъявленіе столь возвышенныхъ чувствованій. Въ зложелательствѣ, въ арсеналѣ постороннихъ страстей захотѣли добыть орудіе, чтобы очернить эти чувствованія. Привыкнулись, будто вѣрять слуху о томъ, что нѣкоторые друзья Пушкина намѣре-

думаю, что мнѣ оказали честь, отвѣдя мнѣ первое мѣсто. Я долженъ все это высказать вашему высочеству, такъ какъ сердечно этимъ огорченъ и дорожу вашимъ уваженіемъ. Клянусь передъ Богомъ и передъ вами, что все, чему повѣрили, или хотѣли заставить повѣрить о насъ,—была ложь, самая отвратительная ложь. Единственное чувство, которое волновало меня и другихъ друзей

вались воспользоваться его кончиною для произведенія, не знаю какого-то заговорщическаго дѣйствія и по своей склонности къ смутѣ хотѣли устроить что-то въ родѣ похоронъ генерала Ламарка! Что за ослѣпленіе! Что за лживое примѣненіе къ нашей страдѣ событій, нравовъ и обстоятельствъ другой страны! Мало было оклеветать нѣсколько человѣкъ: клевета не смутилась и передъ мыслью, что иностранцы, живущіе въ Петербургѣ, а черезъ нихъ и вся Европа, получаютъ ложное понятіе о нашемъ общественномъ состояніи. Возможность уличныхъ безпорядковъ и враждебныхъ власти заявленій избобрѣтена на досугѣ, между тѣмъ какъ все было спокойно, любовь къ государю ощущалась всѣми сердцами, и всѣ благославляли его имя. Чтобы ни говорили, но если полицейскія донесенія противорѣчатъ моимъ словамъ, то я утверждаю, будучи въ томъ нравственно убѣжденъ, что эти показанія были не вѣрны, что они во всякомъ случаѣ могли относиться лишь къ какимъ-нибудь отдѣльнымъ словамъ, сказаннымъ на вѣтеръ, не знаю гдѣ и кѣмъ, и не имѣвшимъ никакого значенія. Во всякомъ случаѣ было бы не благородно соединять имена друзей Пушкина съ подобною гнусностью, каковая могла быть приписана развѣ самой подлой черни, и въ этомъ отношеніи нанесла имъ напрасное оскорбленіе тѣми мѣрами, которыя были приняты во время перенесенія тѣла изъ дома въ церковь. Онѣ не оправдываются и необходимою предосторожностію въ видахъ поддержанія угрожаемаго якобы общественнаго порядка. Не говорю о солдатскихъ шкелетахъ, разставленныхъ по улицѣ; но противъ кого была эта военная сила, наполнившая собою домъ покойника въ тѣ минуты, когда человѣкъ двѣнадцать друзей его и ближайшихъ знакомыхъ собрались туда, чтобы воздать ему послѣдній долгъ? Противъ кого эти переодѣтые, но всѣми узнаваемые шпионы? Они были тамъ, чтобы не упускать насъ изъ виду, подслушивать наши сѣтованія, наши слова, быть свидѣтелями нашихъ слезъ, нашего молчанія. Скажутъ, что это также мѣры общественной безопасности; согласенъ, но мѣры эти оскорбительны для тѣхъ, противъ кого онѣ принимаются, а коль скоро оскорбленіе не заслуженно, не вдвойнѣ ли оно тяжко? Все узнается. Подозрѣнія, на насъ возведенныя, непременно разгласились, а наше оправданіе не можетъ быть гласнымъ, и въ глазахъ легковѣрнаго и зложелательнаго общества мы остаемся подъ бременемъ тяжкаго обвиненія“.

Пушкина въ это тяжелое время, была скорбь о нашей утратѣ и благодарность государю за все, что было великодушнаго, истинно-христіанскаго, непосредственнаго въ его поступкѣ, во всемъ, что сдѣлалъ онъ для умирающаго и мертваго Пушкина. Боже великій! Какъ могла какая нибудь супротивная мысль закрасться туда, гдѣ было одно умиленіе, одна благоговѣйная преданность, гдѣ характеръ государя явился передъ нами во всей своей чистотѣ, во всемъ, что только есть въ немъ благороднаго и возвышеннаго, когда онъ бываетъ самъ собою, когда дѣйствуетъ безъ посредниковъ? Кромѣ того, какое невѣжество, какіе узкіе и ограниченныя взгляды проглядываютъ въ подобныхъ сужденіяхъ о Пушкинѣ! Какой онъ былъ политическій дѣятель! Онъ прежде всего былъ поэтъ, и только поэтъ. Увлекаемый своей пылкой поэтической натурой, онъ, безъ сомнѣнія, могъ обмолвиться эпиграммой, запрещеннымъ стихомъ; на это нельзя смотрѣть, какъ на непростительный грѣхъ; человекъ, вѣдь, мѣняется со временемъ, его мнѣнія, его принципы, его симпатіи видоизмѣняются. Затѣмъ, что значать въ Россіи названія—политическій дѣятель, либераль, сторонникъ оппозиціи? Все это пустые звуки, слова безъ всякаго значенія, взятыя недоброжелателями и полиціей изъ иностранныхъ словарей, понятія, которыя у насъ совершенно не примѣнимы: гдѣ у насъ то поприще, на которомъ можно было бы играть эти заимствованныя роли, гдѣ тѣ органы, которые были бы открыты для выраженія подобныхъ убѣжденій? Либералы, сторонники оппозиціи въ Россіи, должны быть, по крайней мѣрѣ, безумцами чтобы добровольно посвящать себя въ траписты, обречь себя на вѣчное молчаніе и похоронить себя заживо. Шутки, нѣкоторая независимость характера и мнѣній—еще не либерализмъ и не систематическая оппозиція. Это просто особенность характера. Желать, чтобы всѣ характеры были отлиты въ одну форму, значитъ желать невозмож-

наго, значить хотѣтъ передѣлать твореніе Божіе. Власти существуютъ для того, чтобы пресѣкать злоупотребленіе подобными тенденціями — это ихъ обязанность, но бить тревогу и бросать грязью въ нѣкоторыя, хотя бы и слишвомъ свободныя, болтливыя изліянія, въ какуюнибудь вспышку, которая и сама улетучится, какъ дымъ,—есть, въ свою очередь, злоупотребленіе властью. Да Пушкинъ никоимъ образомъ и не былъ ни либераломъ, ни сторонникомъ оппозиціи, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придается этимъ словамъ. Онъ былъ глубоко, искренно преданъ государю, онъ любилъ его всѣмъ сердцемъ, осмѣлюсь сказать, онъ чувствовалъ симпатію, настоящее расположеніе къ нему. Въ своей молодости Пушкинъ напалъ на правительство, какъ всякій молодой человѣкъ; такую была и эпоха, и молодежь, современныя ему. Но онъ былъ не либераль, а аристократъ и по вкусамъ, и по убѣжденіямъ. Онъ открыто бранилъ паденіе прежняго режима во Франціи, не любилъ іюльскаго правительства и сочувствовалъ интересамъ Генриха V. Что касается возстанія Польши, то его стихи могутъ дать истинную оцѣнку его либерализма, эти стихи не вызваны обстоятельствами, это исповѣданіе его политическихъ убѣжденій. 14-е декабря застало его чистымъ отъ всякаго участія въ разрушительныхъ проектахъ, занимавшихъ головы его друзей и товарищей его юности и лицейскихъ. Онъ былъ противникомъ свободы печати не только у насъ, но и въ конституціонныхъ государствахъ. Его талантъ, его умъ созрѣли съ годами, его послѣднія и, слѣдовательно, лучшія произведенія: „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“, „Исторія Пугачевского бунта“—монархическія. Наши, такъ называемые монархическіе, благонамѣренныя журналы, пользующіеся особымъ покровительствомъ полиціи, часто старались подорвать народную къ нему любовь (и успѣвали въ этомъ), объявляя, что талантъ его померкъ, какъ разъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ, которыя они вмѣ-

няли ему чуть не въ преступленіе. Суть заключалась въ томъ, что истинныя его убѣжденія не сходились съ доносами о немъ полиціи. Но развѣ тѣ, кто ихъ составлялъ, знали Пушкина лучше, чѣмъ его друзья? Развѣ наши должностныя лица, обязанныя наблюдать за общественнымъ настроеніемъ умовъ, стараются вникнуть въ истинныя мнѣнія (узнавъ ихъ отъ нихъ же самихъ) тѣхъ людей, чье доброе имя и благосостояніе зависятъ отъ ихъ сужденія и предубѣжденности? Развѣ генераль Бенкендорфъ удостоилъ меня, хотя бы въ продолженіе четверти часа, разговора, чтобы самому лично узнать меня? А между тѣмъ, цѣлыхъ десять лѣтъ мое имя записано на черной доскѣ; своимъ же мнѣніемъ обо мнѣ онъ обязанъ нѣсколькимъ словамъ, отрывкамъ, которые ему были переданы, клеветамъ, донесеннымъ ему какимъ либо агентомъ за опредѣленную, мѣсячную плату.

„Извините, ваше высочество, искренность и рѣзкость моихъ жалобъ, съ которыми я обращаюсь къ вамъ не съ какою либо скрытою цѣлью, а потому, что я знаю вашу чуткость къ правдѣ, а я повторяю, дорожу вашимъ благоволеніемъ и вашимъ уваженіемъ. Я хочу, чтобы вы меня знали такимъ, каковъ я есть на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ меня желаютъ изобразить. Я долженъ еще просить ваше высочество извинить меня за чрезмѣрную длину моего письма, у меня не было времени его сократить. Я только вчера узналъ объ отъѣздѣ генерала Философова и принялся вчера переписывать свои воспоминанія. Я даже позволилъ себѣ обратиться за помощію къ моей женѣ, и ваше императорское высочество сообразовалите оказать мнѣ вдвойнѣ снисхожденіе и за изложеніе, и за переписку набѣло.

„Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго высочества свою глубочайшую почтительность и самую искреннюю преданность, съ каковыми имѣю честь быть

„вашего императорскаго высочества смиреннѣйшій и покорнѣйшій слуга,

„кн. Вяземскій“.

Вторая половина письма кн. Вяземскаго требуетъ поясненій и даетъ матеріалъ для не лишенныхъ интереса заключеній.

Извѣстны отношенія вождя полиціи Бенкендорфа къ Пушкину; факты внѣшней зависимости поэта отъ шефа жандармовъ тоже извѣстны; въ послѣднее время они сгруппированы и разъяснены въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремова къ 7-му тому „Сочиненій А. С. Пушкина“. Бенкендорфъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ представленій, вынесенныхъ имъ изъ процесса декабристовъ. Призракъ декабрьскаго возмущенія вѣчно смущалъ не только Бенкендорфа, но и императора Николая. Бенкендорфъ просто не вѣрилъ въ благонадежность Пушкина, официально засвидѣтельствованную самимъ царемъ. Шефу жандармовъ грезилась какія-то нити, связывавшія Пушкина съ движеніемъ 14-го декабря, и онъ неустанно преслѣдовалъ поэта мучительнымъ надзоромъ. И послѣ смерти онъ не оставилъ въ покоѣ его памяти. Кн. Вяземскій ярко рисуетъ созданную Бенкендорфомъ картину положенія дѣлъ: умеръ Пушкинъ, вождь оппозиціи, неблагонамѣренный человекъ, не чувствовавшій приверженности къ монархическому принципу; его друзья—тоже люди неблагонадежные—собираются устроить на похоронахъ преступную демонстрацію и т. д.

Любопытно, что мнѣніе Бенкендорфа раздѣлялось извѣстной частью русскаго общества, главнымъ образомъ, аристократическими верхами, прогнившими и реакціонными. Мы можемъ, на примѣръ, привести слѣдующій отрывокъ изъ письма одного изъ агентовъ тайной меттерниховской полиціи, писаннаго изъ Берлина въ Вѣну 28-го февраля 1837 года: „Имѣю честь сообщить вамъ о несчастной дуэли г. Дантеса съ поэтомъ Пушкинымъ; онъ стоялъ во главѣ

русской молодежи и возбуждалъ къ революціонному движенію, которое даетъ себя чувствовать во всѣхъ концахъ міра. Императоръ приказалъ разыскать и сжечь тѣ изъ его бумагъ, которыя могутъ компрометировать“. Въ этомъ донесеніи Пушкинъ освѣщается съ своеобразной международной точки зрѣнія.

Значительный интересъ имѣеть оцѣнка положенія, сдѣланная барономъ Геккереномъ въ письмѣ къ нидерландскому министру иностранныхъ дѣлъ Верстолку отъ 2-го февраля (къ этому письму мы еще возвратимся). „Честь обязываетъ меня не скрыть, что общественное мнѣніе по поводу смерти г. Пушкина высказалось съ такою силой, какой не предполагали. Но нужно отмѣтить, что это мнѣніе не есть мнѣніе высшаго класса... Указанное мной сочувствіе высказано людьми третьяго сословія, если можно дать это имя промежуточному классу въ Россіи между высшей знатью или высшими чиновниками и массой населенія, совершенно безучастнаго къ событію, котораго оно не можетъ оцѣнить. Это—писатели, артисты, чиновники нисшихъ степеней, представители крупной отечественной промышленности и т. д. Смерть г. Пушкина вызвала къ жизни, — такъ по меньшей мѣрѣ думаетъ власть, — партію, вождемъ которой онъ былъ, быть можетъ, благодаря единственно вліянію своего таланта. Можно принять для этой партіи названіе партіи реформъ, которое она сама даетъ себѣ. Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ скомпрометированъ участіемъ въ обществахъ, возникшихъ до 1825 года, то можно считать предположеніе о существованіи этой партіи не лишеннымъ основанія“...

Баронъ Геккеренъ указываетъ и источникъ своихъ свѣдѣній.

Итакъ Бенкендорфъ готовъ былъ призвать къ отвѣту и друзей Пушкина. Они были въ его глазахъ людьми неблагонадежными, и, по мягкому выраженію барона Геккерена, очевидно членами „партіи реформъ“. При томъ довѣріи, которое питалъ Николай

Павловичъ къ Бенкендорфу, можно было ожидать тревожныхъ осложненій. Поэтому необходимость опровергнуть подобное представленіе являлась крайне настоятельной. Но опроверженіе приобрѣло бы значеніе, если бы оно достигло до государя. Становятся совершенно понятными пространныя и краснорѣчивыя оправданія, которыя кн. Вяземскій изложилъ въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу, рассчитывая, что содержаніе его письма станетъ извѣстнымъ государю.

Вообще можно сказать, что послѣ смерти Пушкина на долю его друзей выпала тяжелая задача реабилитаціи поэта, не только въ его частныхъ отношеніяхъ, но и въ политическихъ его взглядахъ. Выше мы указали, что нужно помнить при чтеніи ихъ реабилитаціи поэта въ частныхъ отношеніяхъ. Реабилитація политическихъ взглядовъ Пушкина производилась съ иной цѣлью: она была средствомъ собственной своей защиты. Доказать императору Николаю или хотя бы Бенкендорфу, что Пушкинъ былъ абсолютно благонадежнымъ человѣкомъ, значило бы снять обвиненія въ неблагонамѣренности и съ его друзей.

Кромѣ письма кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу, намъ извѣстно еще одно оправданіе Пушкина. Оно сдѣлано В. А. Жуковскимъ въ письмѣ къ Бенкендорфу; свѣдѣнія объ этой еще ненапечатанной запискѣ мы находимъ въ книгѣ А. Н. Веселовскаго ¹.

„По смерти Пушкина Жуковскому вмѣстѣ съ Дубельтомъ поручень былъ разборъ его писемъ и бумагъ. О результатахъ разбора Дубельтъ донесъ Бенкендорфу, которому съ своей стороны Жуковскій написалъ объяснительную записку. Она сохранилась въ двухъ черновикахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ распространеніе другого; оба, повидимому, безъ конца;

¹ Акад. А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій. Спб. 1904, стр. 394 и слѣд. Эта записка будетъ напечатана въ моей книгѣ о дуэли Пушкина.

не потому ли, что письмо и не было доставлено по назначенію, какъ тѣ мысли, которыя Жуковскій написалъ на клочкѣ бумаги послѣ своего объясненія съ государемъ по дѣлу Тургенева? Письмо—апологія Пушкина, и, вмѣстѣ, близко стоявшихъ къ нему лицъ, Жуковского. Въ Пушкинскихъ бумагахъ ожидали найти „много новаго, писаннаго въ духѣ, враждебномъ правительству, и вреднаго нравственности. Вмѣсто того нашли бумаги, рѣшительно доказывающія совсѣмъ иной образъ мыслей, особенно выразившійся въ отвѣтѣ на печатное письмо къ Чаадаеву, которое Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ послать по почтѣ, но не послалъ, вѣроятно, по той причинѣ, что не желалъ своими опроверженіями усиливать скорбь пріятели, уже испытавшаго заслуженный гнѣвъ государя. Однимъ словомъ, новаго предосудительнаго не нашлось ничего, и не могло быть найдено, въ чемъ я напередъ былъ увѣренъ, зная, каковъ былъ образъ мыслей Пушкина въ послѣдніе годы“. Съ тѣхъ поръ, какъ „государь такъ великодушно его простилъ“, Пушкинъ совсѣмъ перемѣнился за это время; онъ не писалъ ничего „злонамѣреннаго“ стиховъ „къ Лукуллу“, за которые друзья жестоко его укоряли, да и тѣ напечатаны „съ одобренія цензора, но безъ его вѣдома. А между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ продолжалъ состоять подъ тѣмъ же „мучительнымъ, непрестаннымъ надзоромъ“ (двойная цензура, запретъ ѣхать въ деревню, за границу, выговоръ за чтеніе въ обществѣ „Бориса Годунова“ до цензурнаго одобренія). Пушкинъ никогда не былъ демагогическимъ писателемъ; были у него до 1826 года „грѣхи молодости, сначала необузданной, потомъ раздраженной заслуженнымъ несчастьемъ“ („Ода къ свободѣ“, „Кинжалъ“ 1820 года, написанный въ то время, когда Зандъ убилъ Коцебу), но демагогическаго, написаннаго съ точнымъ намѣреніемъ произвести волненіе (общества), ничего не было между ними и тогда. Заговорщики противъ Александра (восполь-

зовадись?), можетъ быть, нѣкоторыми вольными стихами Пушкина, но и въ ихъ смыслѣ (то-есть въ смыслѣ бунта) онъ не написалъ ничего, и замыслы ихъ были ему совершенно чужды. Это, однако, не помѣшало (безъ всякихъ доказательствъ) причислить его къ героямъ 14-го декабря и назвать злоумышленникомъ на жизнь Александра“. За послѣднія его сочиненія его никакъ нельзя назвать демагогомъ.. Онъ просто русскій національный поэтъ, выразившій въ наилучшихъ стихахъ своихъ все то, что дорого русскому сердцу (Годуновъ, Полтава, многія пѣсни на Петра Великаго, Ода на взятіе Варшавы, Клеветникамъ Россіи). Переходя къ политическимъ взглядамъ Пушкина, Жуковскій спрашиваетъ Бенкендорфа: „благоволили ли вы взять на себя трудъ когда нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ?“ Вы слышали о нихъ отъ другихъ, „вмѣсто оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ“. И Жуковскій излагаетъ политическое credo Пушкина. „Первое: я уже не одинъ разъ слышалъ, что Пушкинъ въ государѣ любитъ одного (Николая) своего благотворителя, а не русскаго императора, и что ему для Россіи надобно было совсѣмъ иное. Увѣряю васъ, напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорится о томъ, что онъ былъ за послѣдніе годы) рѣшительно убѣжденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго самодержавія, и что не по одной любви къ нынѣшнему государю, а по своей внутренней вѣрѣ, основанной на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву). Второе: Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свободы книгопечатанія, и въ этомъ онъ доходилъ даже до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англіи. Разумѣется, что онъ въ то же время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна,

и что она, служа защитою обществу отъ писателей, должна также и писателя защищать отъ всякаго произвола. Третье: Пушкинъ былъ врагъ іюльской революціи, по убѣжденію своему онъ былъ карлистъ, онъ признавалъ короля Филиппа необходимымъ для спокойствія Европы, но права его опровергалъ и незыблемость законнаго наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорой гражданскаго порядка. Наконецъ, четвертое: Онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикъ, былъ почти фанатическій врагъ польской революціи и ненавидѣлъ революцію французскую (чему доказательство нашель я еще недавно въ письмахъ его женѣ). Таковы были главныя политическія убѣжденія Пушкина, изъ коихъ всѣ другія выходили, какъ отрасли. Они были извѣстны мнѣ и всѣмъ его ближнимъ изъ нашихъ частыхъ, непринужденныхъ разговоровъ... и они были таковы уже прежде 1830 года. Пушкинъ созрѣлъ, мужалъ умомъ, онъ только что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія (его литературные враги, а за ними публика, говорили, что онъ упалъ, и это въ то время, когда написаны его лучшія произведенія), и чего бы онъ не написалъ, если бъ несчастныя обстоятельства всякаго рода не упали на него обваломъ, не раздавили его, „перваго поэта Россіи“.

Кажется, намъ не нужно дѣлать детальнаго сопоставленія этихъ отрывковъ изъ записки Жуковскаго съ письмомъ кн. Вяземскаго, чтобы доказать, что и записка, и письмо являются результатомъ совмѣстной работы авторовъ и имѣютъ въ виду одну и ту же цѣль: взяты не только одни и тѣ же аргументы, къ тому же сгруппированные въ одномъ и томъ же порядкѣ, но употреблены даже аналогичныя выраженія.

Академикъ А. Н. Веселовскій дѣлаетъ вполне правильную оцѣнку этой записки. „Цѣнность этого документа,— пишетъ онъ,—

опредѣляется его назначеніемъ: онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрѣть въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь опѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и бессознательный, невольный шаржъ—идеализаціи, къ чему, какъ никто, способенъ былъ Жуковскій. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелю: все, что входило въ кругъ его симпатій, выросло или поэтизировалось въ его мѣрку. Жуковскій зналъ своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ“.

Въ тѣхъ же интересахъ,—семьи и близкихъ къ Пушкину лицъ,—написано и письмо Вяземскаго. Стоитъ только обратить вниманіе на непрерывное подчеркиваніе отношеній государя къ Пушкину. На самомъ дѣлѣ,—и Вяземскій долженъ былъ бы это знать,—отношенія царя и поэта вовсе не были такъ безоблачны и такъ искренни и откровенны, какими изображаетъ ихъ князь Вяземскій. Если Жуковскій поддавался шаржу идеализаціи, то Вяземскій смотрѣлъ на дѣло болѣе прозаически.

Мы не касаемся по существу вопроса о политическихъ взглядахъ Пушкина: мы хотѣли только выяснитъ значеніе письма князя Вяземскаго, какъ матеріала для сужденія. Съ этой точки зрѣнія это письмо, такъ же, какъ и записка Жуковскаго—этихъ ближайшихъ друзей поэта—ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть положены въ основаніе разсужденія объ общественныхъ и политическихъ мнѣніяхъ Пушкина. Придется обратиться къ другимъ матеріаламъ.

II.

Бароны Людвигъ Геккеренъ и Жоржъ Дантесъ.

Баронамъ Геккерену и Дантесу не суждена участь миллионъ людей, имена которыхъ теряются въ пыли забвенія. Мы обречены на печальную необходимость говорить о нихъ и съ мучительнымъ интересомъ заниматься изслѣдованіемъ духовной личности того и другого. Роковой силой вдвинуты они въ біографію поэта, и послѣднія страницы ея должны быть отведены характеристикѣ личности и мотивовъ убійцы Пушкина и его пріемнаго отца. Ихъ фигуры должны быть нарисованы во весь ростъ. И мы должны сознаться, что до сихъ поръ наши источники нисколько не могли помочь намъ составить опредѣленное представленіе о Геккеренѣ и Дантесѣ, потому что всѣ наши свѣдѣнія исчерпывались мало достовѣрными и сильно прикрашенными разказами о положительно злодѣйскихъ свойствахъ упомянутыхъ лицъ. Матеріаловъ же документальныхъ у насъ подъ руками почти не было.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду опубликовать собранные нами матеріалы для исторіи жизни и характеристики Геккерена и Дантеса. Эти матеріалы извлечены нами изъ различныхъ архивовъ и имѣютъ характеръ достовѣрности. Они значительно измѣняютъ наши обычные представленія объ этихъ лицахъ. Дантесъ вовсе не оказывается проходимцемъ, безъ поддержки, безъ семьи: наоборотъ, мы узнаемъ изъ приводимыхъ ниже данныхъ, что онъ принадлежалъ къ дружной семьѣ съ извѣстными традиціями. Знакомство его съ Геккереномъ, какъ оказывается, вовсе не завязалось въ Петербургѣ и не имѣло противоестественнаго характера: Геккеренъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ Дантеса и поддерживалъ сношенія съ его родными.

Изслѣдуя исторію послѣдней дуэли Пушкина, мы слышали горячія рѣчи друзей поэта, но голоса самого Геккерена и самого Дантеса мы не слышали. Тѣмъ большій интересъ имѣютъ печатаемые нами письма и объясненія барона Геккерена по дѣлу о дуэли. Эти объясненія подлежатъ, конечно, строжайшей критикѣ, но, несомнѣнно, они вносятъ новыя и важныя подробности о дѣйствіяхъ прикосновенныхъ къ дуэли лицъ: таковы, напримѣръ, сообщаемыя Геккереномъ данныя о роли Натальи Николаевны Пушкиной.

Главнѣйшій матеріалъ для нашей статьи извлеченъ изъ архивовъ—государственнаго и с.-петербургскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Считаю себя обязаннымъ искренней благодарностью С. М. Горяинову и Н. П. Павлову-Сильванскому, столь безвременно скончавшемуся, за ихъ постоянно предупредительное вниманіе къ нашимъ занятіямъ въ этихъ архивахъ. Безъ этого вниманія были бы невозможны новыя открытія матеріаловъ. Данными о службѣ Дантеса мы обязаны С. А. Панчулидзеву, сообщившему намъ ихъ изъ архива Кавалергардскаго Ея Величества полка. Сообщенія пословъ, британскаго и нѣмецкаго, выдержки изъ которыхъ приводятся нами, получены изъ архивовъ лондонскаго и берлинскаго министерствъ иностранныхъ дѣлъ, благодаря содѣйствію Пушкинской комиссіи при отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и Государственнаго Архива¹.

I.

Свѣдѣнія о Геккеренѣ и его службѣ.—Семья Дантеса; данныя о его жизни.—
Архивная справка о бракосочетаніи.

Баронъ Геккеренъ принадлежалъ къ одной изъ важнѣйшихъ и вліятельныхъ голландскихъ фамилій. Онъ былъ сыномъ майора

¹ Сообщенія пословъ въ подлинномъ и полномъ видѣ будутъ опубликованы нами въ книгѣ о дуэли Пушкина.

отъ кавалеріи Эверта-Фридриха барона ванъ-Геккерена (1755—1831) и Генриетты-Жанны-Сузанны-Маріи графини Нассау. Полное имя барона Геккерона — Jacob Théodore-Borhardt-Anne Baron van Heeckeren de Beverwaard, Онъ родился 30 ноября 1791 года. Судя по тому, что, поднимая въ 1837 году вопросъ о своемъ отозваніи изъ Петербурга, Геккеренъ неоднократно указывалъ въ объясненіяхъ своему правительству на недостаточность своихъ средствъ, можно думать, что Геккеренъ не располагалъ значительнымъ состояніемъ, но, конечно, не былъ и бѣднымъ человѣкомъ. Въ 1837 году Геккеренъ считалъ за собой тридцать одинъ годъ безкорыстной службы своему государству. Значить, онъ началъ служить въ 1806 году, 15-ти лѣтъ отъ роду. Мы не знаемъ, какъ онъ проходилъ свою службу, но уже въ 1823 году онъ былъ въ Петербургѣ въ нидерландскомъ посольствѣ: въ этомъ году бывшій нидерландскимъ посланникомъ въ Россіи Верстолкъ ванъ-Зеленъ отъѣхалъ изъ Петербурга, и баронъ Геккеренъ 26 марта 1823 года вступилъ въ отправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ. А черезъ три года, 26 марта 1826 года, онъ представилъ кредитивную грамоту на званіе посланника. Такимъ образомъ, къ 1837 году Геккеренъ являлся однимъ изъ старожиловъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ.

Повидимому, его отношенія съ русскимъ правительствомъ, — съ государемъ и вице-канцлеромъ графомъ Нессельроде, — складывались довольно благопріятно. Въ 1833 году баронъ Геккеренъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Рескриптъ на орденъ подписанъ 15 іюля 1833 года¹. По этому поводу графъ Нессельроде 17 іюля 1833 года писалъ Геккерену: „Его величество государь импера-

¹ Приводимъ текстъ рескрипта: „Желая ознаменовать особенное наше къ вамъ благоволеніе, пожаловали мы васъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени. Препровождая при семь орденскіе знаки, пребываемъ къ вамъ благоклонны“. Данъ 15 іюля 1833 года въ Александріи, близъ Петергофа.

торъ, желая, по случаю вашего отъезда ¹, выказать вамъ свидѣтельство своего высокаго благоволенія, а также и удовольствія по поводу отличнаго исполненія вами во время вашего пребыванія въ этой столицѣ обязанностей, возложенныхъ на васъ вашимъ августѣйшимъ государемъ, удостоилъ назначить васъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени“. 18 іюля баронъ Геккеренъ отменно учтиво благодарилъ графа Нессельроде ².

Другихъ свѣдѣній о дипломатической службѣ Геккерена въ Россіи у насъ нѣтъ. Въ общемъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось обширное дѣло о баронѣ Геккеренѣ, то-есть

¹ Геккеренъ въ это время уѣзжалъ на родину.

² Вотъ подлинный отвѣтъ барона Геккерена. Написано обычнымъ для дипломата стилемъ, но, быть можетъ, съ нѣскольکو большею, чѣмъ обыкновенно, долей низкопоклонства.

S-t Pétersbourg le 18¹⁸/180 Juillet 1833. Monsieur le Comte, j'ai l'honneur d'accuser à Votre Excellence réception de la gracieuse lettre par laquelle elle a la bonté de m'informer en date d'hier, que Sa Majesté l'Empereur a daigné me nommer Chevalier Grand Croix de l'ordre de S-te Anne.

„Je ne saurais vous exprimer, Monsieur le Comte, combien je m'estime heureux que ma conduite à S-t Pétersbourg ait pu me valoir de la part de Sa Majesté l'Empereur une distinction aussi flatteuse. Si quelque chose pouvait encore ajouter à la profonde reconnaissance dont une si haute marque de la bienveillance Impériale m'a pénétré, ce sont les expressions de bonté dont Sa Majesté a daigné l'accompagner. Je rendrais mal, Monsieur le Comte, tout ce que j'ai éprouvé en la recevant et lorsqu'aujourd'hui je viens supplier Votre Excellence de vouloir bien être mon interprète et de déposer aux pieds de Sa Majesté Impériale l'expression de toute ma gratitude, c'est à ses propres sentiments que je fais appel, sur d'avance que ils lui fourniront tout ce que je ne pourrais dire moi-même, pour témoigner à Sa Majesté la satisfaction que m'a causé tant de bonté.

„Je dois également prier Votre Excellence de vouloir bien me permettre de Lui offrir mes vifs remerciements pour tout ce que sa lettre contient d'obligeant pour moi et de Lui exprimer le désir que mon prompt retour à la santé ne me prive pas longtemps de l'agrément et du plaisir de mes relations avec elle.

„Je saisis encore avec empressement cette occasion de Lui renouveler les assurances de ma plus haute considération“.

собственно не о немъ, а о выписываемыхъ имъ безошлинно 'вещяхъ' изъ-за границы. Геккеренъ использовалъ предоставленное ему, какъ посланнику, право безошлиннаго полученія 'вещей' изъ-за границы. Онъ выписывалъ массу вещей, начиная съ нанитковъ и кончая мебелью. Быть можетъ, онъ получалъ ихъ и не для личнаго своего употребленія, а для знакомыхъ. Въ сентябрѣ 1833 года департаментъ внѣшней торговли обратилъ вниманіе министерства иностранныхъ дѣлъ на то, что „съ нѣкотораго времени привозятся къ Геккерену значительныя партіи вещей“.

Къ концу 1833 года относится появленіе Дантеса въ Россіи. Кажется довольно правдоподобнымъ предположеніе, что пріѣздъ Дантеса находится въ извѣстной зависимости отъ пребыванія Геккерена за границей въ этомъ году. Юлій Эккардтъ, авторъ книги „Aus der Petersburger Gesellschaft“, пишетъ: „къмъ собственно былъ этотъ господинъ, и что побудило его искать счастья именно въ Петербургѣ, было вначалѣ тайною, такъ какъ онъ не былъ въ связи ни съ одной изъ извѣстныхъ старыхъ дворянскихъ фамилій и былъ совершенно неизвѣстенъ завсегдатаямъ нашего общества, которые вообще вѣдь были очень хорошо освѣдомлены въ Парижѣ“¹. Мы не можемъ видѣть ничего необыкновеннаго въ появленіи Дантеса въ Петербургѣ, такъ какъ онъ ѣхалъ въ Россію въ Петербургъ къ давнему другу своей семьи, занимавшему видное положеніе въ русской столицѣ. Фактъ дружественныхъ отношеній барона Геккерена къ семьѣ Дантеса будетъ удостовѣренъ перепиской его съ Дантесами, которую мы въ свое время приведемъ. Князь Трубецкой рассказывалъ, что Дантесъ доводился племянникомъ голландскому посланнику².

¹ Не имѣя подъ руками книги Эккардта, цитируемъ по брошюрѣ г. Никольскаго „Послѣдняя дуэль Пушкина“, стр. 12.

² См „Рассказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу“. Спб., отд. отт. стр. 2. Дантесъ былъ племянникъ голландскаго посланника Геккерена, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ

Дѣйствительно, русскимъ завсегдатаямъ въ Парижѣ Дантесъ могъ быть не извѣстенъ, потому что постояннымъ мѣстопробываніемъ его семьи былъ Эльзасъ. Дантесы искони владѣли землями въ Эльзасѣ, въ Кольмарѣ и Сульцѣ, и отличались преданностью королямъ. Это была роялистская фамилія. Въ дворянское достоинство Дантесы были возведены не задолго до событій, разыгравшихся въ тридцатыхъ годахъ ¹.

Георгъ Карлъ Дантесъ (d'Anthès) родился въ Кольмарѣ 5-го февраля 1812 года. Его отецъ—баронъ Конрадъ Дантесъ и мать—графиня Марія-Людовика Гацфельдъ. Учился Дантесъ въ Сень-Сирской военной школѣ. Отецъ Пирлингъ сообщил Л. Н. Майкову слѣдующія свѣдѣнія о школьныхъ годахъ Дантеса, извлеченныя имъ изъ его послужного списка, сохранившагося въ архивѣ училища ². 19-го ноября 1829 г. Дантесъ былъ принятъ въ Сень-Сирское военное училище. 30 августа 1830 года онъ отбылъ въ отпускъ, а 19 октября уволенъ изъ училища по желанію семейства. По преданію же, которое извѣстно и отцу Пирлингу и распространено не только въ Россіи, но и во Франціи, Дантесъ былъ исключенъ за участіе въ политическихъ манифестаціяхъ. Русскіе біографы совершенно не склонны признавать политическихъ тенденцій за какими-либо дѣйствіями Дантеса. Дантесъ выдавалъ себя за шуана, и русскіе изслѣдователи находили невозможнымъ вѣрить этому. Между тѣмъ, нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельствъ о первыхъ шагахъ Дантеса. Онъ вышелъ изъ роялистской семьи; естественно думать, что въ молодые годы онъ явился посильнымъ защитникомъ идей роялистовъ. Въ іюлѣ 1830 года, какъ разъ въ то время, когда Дантесъ находился

¹ Свѣдѣнія о родѣ Дантеса смотри: V-te Réverend. Armorial du Premier empire. Paris, 1897, и Annuaire de la Noblesse, 1897.

² Смотри „Старина и Новизна“, книга 3-я, Спб., 1900, стр. 340.

въ стѣнахъ Сень-Сирской школы, произошла извѣстная революція: Карль X былъ низвергнутъ, а 9 августа Луи-Филиппъ принесъ присягу на вѣрность хартіи. Въ самомъ началѣ дѣятельности новый король и его правительство встрѣтили не мало затрудненій. Противъ нихъ были враждебно настроены и роялисты (которыхъ иногда звали карлистами), и республиканцы. Депутаты изъ роялистовъ отказывались приносить присягу. Броженіе среди легитимистовъ продолжалось первые годы новаго правленія, и въ 1832 году привело къ довольно нелѣпому возстанію, поднятому герцогиней Беррійской. Прокатились послѣдніе слабые отзвуки вандейскихъ буръ ¹.

Мы знаемъ,— правда, на основаніи не документальныхъ данныхъ, а только преданія,— что въ 1830 году Дантесъ принялъ участіе въ роялистской манифестаціи и вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами былъ исключенъ изъ школы. 30 августа, по бумагамъ училища, онъ отбылъ въ отпускъ: первый мѣсяцъ правленія новаго короля былъ очень подходящимъ временемъ для подобной манифестаціи. Есть слухи, что въ 1832 году онъ принялъ участіе въ вандейскомъ возстаніи, руководимомъ герцогиней Беррійской. По ходу событій, нѣтъ ничего неестественнаго и въ этомъ участіи ².

Въ 1833 году Дантесъ появился въ Россіи. Барону Геккерену не трудно было, конечно, ввести Дантеса въ высшее общество и устроить его зачисленіе въ Кавалергардскій полкъ. Разказы о томъ, какъ художникъ Ладюрнеръ, по одному показанію, или архитекторъ Монферанъ, по другому, подстроилъ цѣлую исторію, чтобы обратить вниманіе Николая Павловича на своего молодого соотечественника, кажутся намъ мало вѣроятными именно потому, что авторитетъ самого Геккерена былъ достаточно великъ при дворѣ.

¹ Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Томъ I, ч. 1, гл. 6 и 13.

² Поэтому всѣ попытки г. Никольскаго опровергнуть слухи о политическихъ тенденціяхъ Дантеса (его брошюра „Послѣдняя дуэль Пушкина“. Сиб., 1900, стр. 13—14) неудачны.

Баронъ Георгъ Дантесъ, по высочайшему повелѣнію 27 января 1834 года, былъ допущенъ къ офицерскому экзамену, а 14 февраля въ приказѣ по полку было отдано:

„Определенный на службу по высочайшему приказу, отданному въ 9 день сего февраля, а объявленному въ приказѣ по отдѣльному гвардейскому корпусу 11 числа за № 20, бывшій французскій королевскій воспитанникъ военнаго училища Сентъ-Сиръ баронъ Дантесъ въ сей полкъ корнетомъ зачисляется въ штатное состояніе съ записаніемъ въ 7-й запасный эскадронъ, коего и числить въ ономъ налицо“.

28 апрѣля 1834 года Дантесъ былъ переведенъ въ 6-й эскадронъ¹.

Въ 1836 году (5-го мая) Дантесъ былъ усыновленъ барономъ Геккереномъ, по законамъ Нидерландскаго королевства².

Не лишены интереса архивныя данныя о женитьбѣ Дантеса.

Въ концѣ ноября 1836 года Геккеренъ обратился къ графу Нессельроде съ просьбой выхлопотать разрѣшеніе его приемному сыну вступить въ бракъ съ Екатериной Николаевной Гончаровой. 1-го декабря вице-канцлеръ графъ Нессельроде отправилъ въ вѣдомство православныхъ исповѣданій управляющему этимъ вѣдомствомъ графу Протасову слѣдующую бумагу:

„Пребывающій здѣсь нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ проситъ исходатайствовать дозволеніе усыновленному имъ

¹ Нѣкоторыя данныя о службѣ Дантеса сообщены въ брошюрѣ В. В. Никольскаго: „Идеалы Пушкина“, изданіе 3-е, Спб. 1899, стр. 121 и слѣд.

² См. дѣло „объ усыновленіи Дантеса“ въ книгѣ Н. А. Гастфрейнда: „Пушкинъ“. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ. Спб., 1900 г., стр. 62 и слѣд.

барону Георгу-Карлу Геккерену, служащему поручикомъ въ Кавалергардскомъ ея императорскаго величества полку вступить въ законный бракъ съ фрейлиной Екатериной Николаевной Гончаровой, съ разрѣшеніемъ, чтобы имѣющія родиться въ семь брагѣ дѣти были крещены и воспитывались въ исповѣдуемой барономъ Г. К. Геккереномъ вѣрѣ. Покорнѣйше прося ваше сіятельство сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе по домогательству нидерландскаго посланника и о послѣдующемъ почтить увѣдомленіемъ, имѣю честь“ и проч.

Только 3-го января 1837 года Протасовъ увѣдомилъ (по вѣдомству православныхъ исповѣданій, отдѣленіе духовныхъ дѣлъ столъ I, № 13) графа Нессельроде о томъ, что онъ докладывалъ государю о дозволеніи Геккерену вступить въ бракъ безъ принятія россійскаго подданства и безъ обязательства крестить воспитываемыхъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Государю „благоугодно было изъявить на сіе высочайшее соизволеніе“. Извѣщая объ этомъ, Протасовъ присовокупилъ, что онъ увѣдомилъ объ этомъ министерство внутреннихъ дѣлъ и с.-петербургскаго митрополита.

9-го января 1837 года Нессельроде письмомъ увѣдомилъ барона Геккерена о состоявшемся разрѣшеніи, но, конечно, Геккерены не дожидались официального разрѣшенія, потому что въ римско-католической церкви св. Екатерины уже 27-го декабря 1836 года состоялось первое оглашеніе, а 1-го января въ приказѣ по Кавалергардскому ея величеству полку было отдано:

„Съ разрѣшенія г. командующаго корпусомъ, объявленнаго въ предписаніи его высокопревосходительства отъ 28-го декабря за № 1358, послѣдовавшемъ по командѣ съ № 2178, просящему позволеніе вступить въ законный бракъ г. поручика барону де-Геккерену съ фрейлиной двора ея императорскаго величества Екатериною Гончаровой дозволяется, о чемъ дѣлаю извѣстнымъ по полку“.

А 3-го января въ приказѣ было отдано:

„Выздоровѣвшаго г. поручика барона де-Геккерена числить налицо, котораго по случаю женитьбы его не наряжать ни въ какую должность до 18-го сего января, т. е. въ продолженіе 15-ти дней“.

Второе и третье оглашеніе въ римско-католической церкви состоялось 3-го и 6-го января. 10-го января было совершено бракосочетаніе въ римско-католической церкви св. Екатерины по католическому обряду и въ Исаакіевскомъ соборѣ—по православному.

Въ римско-католической церкви совершилъ бракосочетаніе іеромонахъ доминиканскаго ордена Даміанъ Іодзевичъ. Свидѣтелями были—баронъ Людвикъ Геккеренъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Григорій Строгановъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка Августинъ Бетанкуръ и графъ д'Аршіакъ.

Въ Исаакіевскомъ соборѣ вѣнчалъ священникъ Николай Райковскій; поручителями были только что перечисленные лица и, кромѣ нихъ, л.-гв. Гусарскаго полка поручикъ Иванъ Гончаровъ и Кавалергардскаго ея величества полка полковникъ Александръ Полетика¹.

При бракосочетаніи братья Екатерины Николаевны л.-гв. гусарскаго полка поручикъ Иванъ и отставной поручикъ Сергѣй Гончаровы, вмѣстѣ съ прочими родными ихъ семейства, обязались словесно и письменно выдавать сестрѣ ежегодную пенсію въ 5000 р. асс. и сверхъ того выдать слѣдующую ей указную часть изъ имѣнія по смерти родителей ихъ.

¹ Выписка изъ метрической книги Исаакіевскаго собора напечатана въ книжкѣ В. В. Николаевскаго: „Идеалы Пушкина“, 3-е изданіе, Спб. 1899 г. стр. 199.

II.

Баронъ Геккеренъ—въ первые дни послѣ дуэли.—Графъ Нессельроде требуетъ объясненій.—Отношенія императора Николая I къ Пушкину.—Необходимость критическаго отношенія къ „традиционной точкѣ“ зрѣнія на этотъ вопросъ.—Искренніе отзывы Николая о Пушкинѣ.—Чѣмъ былъ для него Пушкинъ?—Мнѣніе его о Геккеренѣ.—Вопросъ объ оправдательныхъ документахъ, представленныхъ барономъ Геккереномъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде узналъ о роковой дуэли въ тотъ же день отъ своего государя. „Государь послалъ тотчасъ сказать о случившемся Нессельроде, который всегда такъ мало высказываетъ свои чувства,—сообщала сейчасъ же послѣ ватастрофы графиня Нессельроде въ Парижъ А. О. Смирновой¹.—Онъ мнѣ только сказалъ: „это подлость!“. Онъ всегда симпатизировалъ покойному, уважалъ его и сожалѣлъ, что тотъ не остался въ министерствѣ... Вы знаете, какъ Нессельроде уважалъ Пушкина, онъ всегда восхищался его громадными дарованіями... Государь говорилъ объ этомъ съ Нессельроде, онъ огорченъ и просто взбѣшенъ этой исторіей, и рѣшилъ узнать всю правду объ анонимныхъ письмахъ, о печатномъ циркулярѣ“...

По этимъ обычнымъ фразамъ жены дипломата врядъ ли можно выяснять истинный характеръ отношеній четы Нессельроде къ Пушкину. Старый Геккеренъ, напримѣръ, въ своихъ письмахъ за границу указывалъ на графа и графиню, какъ на лицъ, ему искренно сочувствующихъ. Одно изъ своихъ писемъ онъ закончилъ слѣдующей тирадой: „если что либо можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ и графиня Нессельроде, а также графъ и графиня Строга-

¹ Къ сожалѣнію, письмо напечатано въ „Запискахъ“ А. О. Смирновой (часть II, СПб., 1897 г., стр. 94—96) далеко не въ подлинномъ видѣ, а въ переводѣ, да и то не цѣликомъ, а въ выдержкахъ.

новы оставили мой домъ только въ часъ полуночи“. Геккерену, очень заботившемуся о сохраненіи своего мѣста въ Петербургѣ, было очень важно подчеркнуть доброжелательное отношеніе къ нему главы русскаго министерства. Но, кажется, старому Геккерену пришлось за знаки сочувствія выдать условныя фразы, столь распространенныя въ высшемъ свѣтѣ и среди дипломатовъ. Сношенія послѣднихъ вездѣ и всегда облечены покровомъ безукоризненной вѣжливости. Мы съ полной достовѣрностью можемъ думать, что цѣль посѣщенія Нессельроде дома Геккерена вовсе не состояла только въ выраженіи сочувствія. Въ этотъ же вечеръ Нессельроде отъ имени государя потребовалъ отъ Геккерена объясненій. Объ этомъ фактѣ мы заключаемъ изъ слѣдующаго письма, посланнаго Геккереномъ на другой же день послѣ дуэли, 28-го января, графу Нессельроде.

„Имѣю честь представить вашему сіятельству прилагаемые при семъ документы, относящіяся до того несчастнаго происшествія, которое вы благоволили лично повергнуть на благоусмотрѣніе его императорскаго величества. Они убѣдятъ, надѣюсь, его величество и ваше сіятельство въ томъ, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Примите увѣренія и проч.“.

Это письмо датировано 28-мъ января, которое въ 1837 году приходилось въ четвергъ. А въ субботу утромъ Геккеренъ обратился съ новымъ письмомъ.

„Вотъ, графъ, документъ, котораго не хватало въ числѣ тѣхъ, что я уже имѣлъ честь вамъ вручить.“

„Окажите милость, соблаговолите умолить государя императора уполномочить васъ прислать мнѣ въ нѣсколькихъ строкахъ оправданіе моего собственнаго поведенія въ этомъ грустномъ дѣлѣ; оно мнѣ необходимо для того, чтобы я могъ себя чувствовать въ

правѣ оставаться при императорскомъ дворѣ; я быдѣ бы въ отчаяніи, если бы долженъ былъ его покинуть; мои средства невелики, и въ настоящее время у меня семья, которую я долженъ содержать. Примите увѣренія“ и проч. ¹.

Очевидно, уже въ эти три дня положеніе Геккерена въ Петербургѣ нѣсколько выяснилось. Старый дипломатъ начиналъ сознавать, что замаять дѣла ему не придется, а придется разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ и покинуть Петербургъ. Знаки вниманія со стороны высшаго общества утонули въ волнѣ общественнаго негодования. Ниже мы приведемъ письмо Геккерена своему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Верстолюку; въ этомъ письмѣ мы найдемъ оцѣнку общественнаго настроенія въ первые дни по смерти Пушкина. Эта оцѣнка вполне вѣрна, и именно потому, что она принадлежитъ Геккерену. Но для Геккерена въ рѣшеніи вопроса о продолженіи службы въ Петербургѣ общественное мнѣніе играло незначительную роль, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ: для него безконечно важнѣе было мнѣніе о немъ государя хотя бы уже по одной той причинѣ, что жена наслѣднаго принца Анна Павловна приходилась родной сестрой императора Николая I. И понятно, ему не осталось безызвѣстнымъ совершенно отрицательное отношеніе къ нему Николая Павловича.

Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу мы видѣли, какъ Вяземскій и его друзья оцѣнивали отношенія императора Николая къ Пушкину. У нихъ не хватало словъ для эпитетовъ. Государь оказалъ нѣкоторую матеріальную поддержку вдовѣ своего камеръ-юнкера, прислалъ справиться

¹ Это письмо датировано: „суббота утромъ“ По его связи съ предыдущимъ и послѣдующими письмами Геккерена оно должно быть отнесено именно на субботу 30-го января. Всѣ письма Геккерена, конечно, писаны на французскомъ языкѣ.

о здоровьѣ, попросилъ Пушкина исполнить христіанскія обязанности, т. е. сдѣлать то, что никоимъ образомъ не выходитъ за предѣлы принятаго въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ и даже въ отношеніяхъ царя къ подданому. И вотъ такія-то выраженія вниманія князь Вяземскій и друзья поэта, придворные, окружавшіе поэта, и люди, воспитанные въ душной атмосферѣ дворца (примѣръ: мирнова), приняли за проявленія высокаго духа, за подвиги необыкновенной добродѣтели. Указывая на эти выраженія обычной посмертной вѣжливости, стали говорить о томъ, что Николай Павловичъ необыкновенно высоко цѣнилъ и поэзію, и личность Пушкина, что онъ признавалъ все огромное значеніе Пушкина для Россіи и т. д. Эта бессознательная идеализація вырастаетъ изъ условныхъ отношеній, изъ трафаретныхъ фразъ, изъ своеобразной психологіи дворцовой массы. И, кажется, никогда такъ рѣзко не расходилась съ дѣйствительностью ни одна характеристика, созданная процессомъ идеализаціи, какъ характеристика императора Николая I. Возьмите, на примѣръ, записки фрейлины А. О. Смирновой. Въ первомъ томѣ извѣстнаго труда объ императорѣ Николаѣ покойнаго Н. К. Шильдера собраны данныя, неопровержимо доказывающія всю скудость и незначительность образованія и развитія Николая Павловича. Николай Павловичъ самъ признавалъ воспитаніе свое и брата „скуднымъ“. А въ запискахъ А. О. Смирновой императоръ Николай выставляется большимъ знатокомъ и тонкимъ цѣнителемъ литературы, русской и иностранной. И Смирнова приводитъ цѣлый рядъ фразъ, аргументовъ завѣдомо апокрифическаго характера, но мы далеки отъ мысли предполагать, что Смирнова выдумывала факты. Ложенъ былъ самый тонъ ея отношеній къ Николаю Павловичу, ихъ пафосъ. При такомъ тонѣ обыкновенная фраза кажется необыкновеннымъ изреченіемъ, обыкновенныя дѣйствія — актомъ значительнымъ и т. д.

Не разбираясь въ критикѣ показаній друзей Пушкина, біографы пошли по ихъ стопамъ въ изображеніи отношеній Николая Павловича. Въ воспоминаніяхъ друзей о послѣднихъ минутахъ жизни поэта, проникнутыхъ ложнымъ паэосомъ и констатирующихъ цѣлый рядъ пышныхъ и едва ли произнесенныхъ изреченій, стоитъ отмѣтить два факта. Нельзя не обратить вниманія на то, что текстъ знаменитой записки государя Пушкину, содержащей утѣшеніе, намъ неизвѣстенъ: по совершенно непонятнымъ мотивамъ Николай Павловичъ потребовалъ, чтобы эту записку отнюдь не оставляли у Пушкина, а возвратили бы ему. Почему бы не оказать утѣшенія умирающему? Умирающій нуждался и въ другомъ утѣшеніи, онъ тревожился за участь Данзаса и неоднократно просилъ ѣхавшихъ къ царю передать ему просьбу за Данзаса. „Просите за Данзаса, за Данзаса, онъ мой братъ“,—говорилъ Пушкинъ. И прямого отвѣта, прямого удовлетворенія этой просьбы умирающій не получилъ. Правда, кн. Вяземскій пишетъ что „на довольно успокоительный (не категорическій, исходившій отъ говорившаго, а не отъ государя) отвѣтъ Арендта изъясвилъ снова преданность и благодарность къ государю“. Двѣ маленкихъ подробности—о запискѣ и о прощеніи Данзаса—никакъ не позволяютъ намъ согласиться съ заключеніемъ С. М. Лукьянова: „мы будемъ далеки отъ какого бы то ни было преувеличенія, если позволимъ себѣ утверждать, что наибольшую медицинскую помощь на первыхъ же порахъ несчастному раненному оказалъ не Арендтъ и не другой кто изъ врачей, а именно самъ царь, слившій съ нимъ свою душу въ общемъ сознаніи братства передъ смертью и въ чувствѣ отвѣтственности передъ единымъ высшимъ нравственнымъ закономъ“¹.

¹ „О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина, съ медицинской точки зрѣнія“ въ „Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов.“. 1899, кн. 3, стр. 974.

Вопросъ объ отношеніяхъ императора Николая къ Пушкину чрезвычайно важенъ для біографіи поэта, но при его рѣшеніи нужно подвергать серьезѣйшей критикѣ всѣ источники нашихъ свѣдѣній, а при критикѣ — не забывать вліяній процесса безознательной идеализаціи. Интересно, наприимѣръ, сопоставить съ разсказомъ князя Вяземскаго, съ его превознесеніями императора Николая именно за его отношенія къ Пушкину, за сдѣланную имъ высокую оцѣнку поэта, опубликованныя въ послѣднее время „Выписки изъ писемъ Бенкендорфа къ Николаю Павловичу о Пушкинѣ“ и отмѣтки послѣдняго на этихъ письмахъ¹. Выписки и отмѣтки на нихъ Николая I опредѣляютъ настоящіе, дѣйствительные взгляды государя и Бенкендорфа на Пушкина, оставшіеся, конечно, тайной для самого поэта. Между высшими официальными сферами и Пушкинымъ лежала глубокая, непроходимая бездна, и разница въ отношеніяхъ Пушкина и этихъ сферъ въ томъ, что послѣднія всегда сознавали всю непроходимость бездны (Пушкинъ казался почти-что пигмеемъ, ничтожествомъ), а Пушкинъ, чувствуя всю ложность своего положенія, врядъ ли ясно сознавалъ глубину бездны и то, что онъ можетъ кому бы ни было казаться ничтожествомъ. И потому Пушкинъ душу отдавалъ въ этихъ отношеніяхъ, а въ отвѣтъ получалъ нѣчто холодное и расчетливое. Вотъ отзывъ Бенкендорфа о Пушкинѣ: „Онъ мнѣ только что прислалъ свои замѣтки на общественное воспитаніе, которыя при семъ прилагаю, — замѣтки человѣка, возвращающагося къ здравому смыслу“. Отмѣтка государя: „Посмотрю, что это такое“. Въ другомъ донесеніи 1826 г. Бенкендорфъ сообщаетъ: „Пушкинъ авторъ въ Москвѣ и всюду говорить о вашемъ императорскомъ величествѣ съ благодарностью и глубочайшей преданностью; за нимъ всѣ такъ слѣдятъ внимательно“.

¹ „Старина и Новизна“, т. 6-ой, Сиб., 1903 г., стр. 2—20.

Въ 1827 году Бенкендорфъ доноситъ: „въ день моего отъѣзда Пушкинъ послѣ свиданія со мной съ восторгомъ говорилъ въ англійскомъ клубѣ о вашемъ величествѣ и заставилъ лицъ, обѣдавшихъ съ нимъ, пить здоровье вашего величества. Онъ все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно“. Къ 1830 году относится собственноручная записка императора Николая: „я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ „Пчелы“ находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія“... Но графъ былъ въ странно пріятельскихъ отношеніяхъ съ Булгаринымъ и всегда находилъ возможность отводить отъ него грозу. Любопытно донесеніе Бенкендорфа по поводу прошенія Пушкина о возвращеніи поданной имъ отставки. „Такъ какъ онъ (т. е. Пушкинъ) сознается въ томъ, что сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непоследовательнымъ, нежели неблагодарнымъ, то я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило чловѣка; лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ“. Государь положилъ слѣдующую резолюцію: „Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю безсмысленность его поведенія, и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно двадцатилѣтнему безумцу (un fou de 20 ans), не можетъ примѣняться къ чловѣку 35 лѣтъ, мужу и отцу семейства“. Приведенныя выписки достаточно опредѣленно говорятъ о томъ, чѣмъ былъ Пушкинъ въ глазахъ руководящихъ сферъ.

Объ отношеніяхъ Николая Павловича къ Пушкину, ничуть не

восторженныхъ и въ достаточной мѣрѣ холодныхъ и индифферентныхъ, можно судить еще по его перепискѣ съ княземъ Паскевичемъ, бывшемъ въ это время на Кавказѣ. 4-го февраля, среди всякихъ другихъ новостей, царь извѣщалъ, „любезнаго отца командира“ о прекрасныхъ результатахъ внезапнаго смотра гарнизона. „Сюрпризъ былъ для всѣхъ совершенный и всѣхъ до крайности изумилъ,—писалъ государь, но мнѣ этого и надобно было, чтобы удостовѣриться, что все въ должномъ порядкѣ. На-дняхъ то же намѣреваюсь повторить съ загородною кавалеріей. Впрочемъ, здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служить пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую, имъ же писанную, картель, но, слава Бога, умеръ христіаниномъ“¹. Фельдмаршалъ Паскевичъ писалъ въ отвѣтъ царю: „жалъ Пушкина, какъ литератора: (его не стало) въ то время, когда его талантъ созрѣвалъ“². Государь на эту фразу Паскевича далъ отвѣтъ: „Мнѣніе твое я совершенно раздѣляю, и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается будущее, а не прошедшее. Впрочемъ всѣ толки про это дѣло, какъ и все на свѣтѣ, проходятъ, а судъ идетъ своимъ порядкомъ“³. Итакъ, у Николая Павловича для характеристики трагической кончины не оказалось другихъ словъ, кромѣ „дерзкій и глупый“. А самъ Пушкинъ (неотразимое впечатлѣніе фразъ Николая I въ перепискѣ съ Паскевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ!) представлялъ въ его глазахъ величину довольно малоцѣнную. Пушкинъ, весь, какъ онъ выросъ до 1837 г., съ его творческими муками, не удовлетворялъ царя, и онъ не считалъ нужнымъ его оплакивать.

¹ Князь Щербатовъ. Генераль-фельдмаршалъ, князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Приложенія къ тому пятому. Спб. 1896. Стр. 320.

² Ibid. Томъ пятый, стр. 169.

³ Ibid. Приложенія къ 5-му тому, стр. 322.

Но мы не имѣемъ въ виду здѣсь выяснять детально истинный характеръ отношеній царя къ поэту. Намъ важно отмѣтить взгляды государя на дѣло дуэли и его мнѣніе о Геккеренѣ. У насъ есть матеріаль для отвѣта, въ высшей степени цѣнный, заключающійся въ письмѣ Николая Павловича, отъ 3-го февраля 1837 г., своему брату, великому князю Михаилу Павловичу¹. (Онъ въ это время находился въ Римѣ). Это письмо, въ которомъ автору нечего было скрывать свои интересы и инстинкты, начинается съ поздравленія съ прошедшимъ днемъ рожденія. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе событій, происшедшихъ послѣ послѣдняго письма. „Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина (курсивъ нашъ!) отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ“. Сейчасъ мы приведемъ рассказъ Николая Павловича о дѣлѣ Пушкина. Этому разсказу посвящена приблизительно половина письма. Во второй половинѣ государь сообщаетъ брату о своемъ осмотрѣ корпусовъ кадетскихъ, о смотрѣ образцоваго и гусарскаго полка, о видѣ рекрутовъ, о здоровьѣ великой княжны, о комнатныхъ спектакляхъ въ концертной залѣ и о здоровьѣ командира всей гвардейской пѣхоты, К. И. Бистрома.

Изложеніе дѣла—очень сухо, и при всемъ желаніи нѣтъ возможности констатировать любовь и уваженіе къ Пушкину, тѣ чувства, о которыхъ съ такимъ восторгомъ говорятъ и князь Вяземскій и другіе. Вотъ какъ писалъ Николай Павловичъ своему брату: „Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же пись-

¹ „Русская Старина“, 1902 г., май, стр. 225—230.

менно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ, а хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, а въ особенноти гнуснаго его отца, Геккерена. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Геккерену, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семь дѣлъ. *C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop.* Пушкинъ погибъ, и, слава Богу, умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тьму толковъ, наибольшую частію самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведенія Геккерена справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя, какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же и отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться, чего не вытерпѣлъ. Дантесъ—подъ судомъ, равно какъ и Данзасъ, секундантъ Пушкина, и кончится по законамъ, и кажется, каналья Геккеренъ отсюда выбудеть. По корпусамъ все въ порядкѣ“ и т. д. ¹.

Письмо Николая Павловича написано 3-го февраля, и уже 3-го февраля государь могъ писать: „кажется, каналья Геккеренъ отсюда выбудеть“. Не имѣемъ данныхъ для отвѣта на вопросъ, предпринялъ ли что-нибудь самъ Николай Павловичъ для отозванія Геккерена. А. О. Смирнова сообщаетъ въ своихъ запискахъ:

¹ „Кончится по законамъ“,—писалъ Николай Павловичъ, оставляя безъ вниманія предсмертную мольбу Пушкина—простить Данзаса.

„Государь отказался удостоить его прощальной аудіенціи. Онъ послалъ курьера въ Гаагу и потребовалъ, чтобы Геккерена отозвали; онъ даже написалъ королевѣ“. Изъ этихъ трехъ строкъ нельзя сдѣлать достовѣрнаго вывода: такъ противорѣчивы свѣдѣнія, въ нихъ заключающіяся. О прощальной аудіенціи рѣчь могла идти только въ концѣ марта, а посылка курьера, повидимому, тоже относится Смирновой къ этому времени, но мы уже видѣли, что думалъ 3-го февраля государь объ отозваніи Геккерена. Сейчас мы увидимъ, что уже 2-го февраля Геккеренъ отправилъ свое прошеніе объ отозваніи. 3-го февраля Геккеренъ извѣщалъ Нессельроде: „Тысячу разъ благодарю, многоуважаемый графъ, за дружеское письмо, которое вы мнѣ только что прислали; я усматриваю въ немъ то расположеніе, которое вы мнѣ доказывали много разъ. Но теперь слишкомъ поздно; мое прошеніе уже отправлено; вчера я умолялъ короля отозвать меня, и сегодня дубликатъ этой просьбы отосланъ по почтѣ. Я чувствую, что долженъ былъ такъ поступить, и не сожалѣю объ этомъ. Я рассчитываю получить отъ васъ письмо въ будущую субботу; до тѣхъ поръ надѣюсь имѣть удовольствіе васъ повидать“.

Итакъ, изъ письма къ Михаилу Павловичу видно, что Николай Павловичъ имѣлъ совершенно опредѣленное мнѣніе о роли Геккерена въ этомъ дѣлѣ. Это важно отмѣтить, потому что Николай Павловичъ для своего сужденія располагалъ несравненно болѣе многочисленными и болѣе важными данными, чѣмъ тѣ, которыя находятся сейчасъ въ нашемъ распоряженіи. Мы можемъ съ достовѣрностью утверждать, что государь ознакомился съ документами, доставленными Геккереномъ графу Нессельроде. Какіе же документы передалъ Геккеренъ графу? Извѣстны ли намъ они?

Въ ихъ числѣ находились, конечно, два письма Пушкина: первое—отъ 17-го ноября 1836 года къ виконту д'Аршіаку и второе—отъ 26-го января къ барону Геккерену. Въ первомъ—Пушкинъ бралъ свой первый вызовъ Дантесу назадъ, второе—это то самое дерзкое письмо, которое Пушкинъ бросилъ въ лицо барону Геккерену. Эти письма графъ Нессельроде вручилъ презусу комиссіи о дуэли, полковнику Бреверну, 8-го февраля 1837 года. А 28-го апрѣля вице-канцлеръ потребовалъ эти письма отъ военного министра обратно для отсылки ихъ къ уѣхавшему уже изъ Россіи барону Геккерену ¹. Дѣйствительно, по снятіи копій и по окончаніи дѣла, подлинныя письма Пушкина были отправлены при отношеніи генераль-аудитора отъ 30-го апрѣля 1837 года, за № 1514, директору канцеляріи военного министерства для обращенія министру иностранныхъ дѣлъ ².

Графъ Нессельроде, возбуждая вопросъ о возвращеніи писемъ, указывалъ на то, что „при врученіи сихъ писемъ посланникъ просилъ его о возвращеніи ему оныхъ по минованіи надобности“. Дѣйствительно, баронъ Геккеренъ придавалъ особое значеніе представленнымъ имъ бумагамъ. Онъ уѣхалъ изъ Россіи, не дождавшись этихъ бумагъ и получивъ отъ графа обѣщаніе переслать ихъ ему въ Гаагу черезъ русское посольство. По пріѣздѣ въ Гаагу Геккеренъ немедленно же явился въ русское посольство, имѣя между прочимъ въ виду показать, что онъ сохраняетъ добрыя отношенія съ русскими дипломатами, и тѣмъ поднять свой престижъ, сильно

¹ Пушкинъ. Документы Государственного и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изданіе Н. А. Гастфрейнда, Спб., 1900 г., стр. 59—60.

² Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло. Спб., 1900 г., стр. 51—52. Требуемыя письма были отправлены Нессельроде при письмѣ военнаго министра гр. Чернышева отъ 1-го мая 1837 года, за № 2701. См. Н. А. Гастфрейндъ, *op. cit.*, стр. 54—60.

скомпрометированный и на родинѣ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ обратился съ слѣдующимъ не лишеннымъ интереса письмомъ къ вице-канцлеру.

„Баронъ Геккеренъ прибылъ сюда нѣсколько дней тому назадъ. Онъ тотчасъ же попросилъ и получилъ аудіенцію у ихъ королевскихъ высочествъ, у принца Оранскаго и принцессы Оранской. Но только сегодня въ среду—обычный приемный день у короля—г. Геккеренъ долженъ предстать предъ его величествомъ. Не получая никакого увѣдомленія отъ вашего сіятельства относительно причины отозванія этого посланника и зная сверхъ того ваше всегдашнее благожелательное къ нему отношеніе, я полагалъ, что мой долгъ—отвѣчать сообразно той торопливости, съ которой онъ постарался меня видѣть тотчасъ... Геккеренъ, кажется, ожидалъ, найти у меня нѣкоторые документы, которые ваше сіятельство рассчитывали доставить ему при посредствѣ посольства, и которые въ его глазахъ, повидимому, представляютъ огромную важность“...

По этому поводу повѣренный въ дѣлѣ просилъ указаній графа.

Не дожидаясь результата сношеній посольства, баронъ Геккеренъ писалъ изъ Гааги 27-го мая н. ст. своему замѣстителю въ Петербургѣ Геверсу: „Будьте добры отправиться отъ моего имени къ графу Нессельроде и скажите ему, что я не нашелъ здѣсь бумагъ, которыя онъ обѣщалъ мнѣ выслать, и которыя касаются событія, заставившаго меня покинуть Россію. Эти бумаги—моя собственность, и я не допускаю мысли, чтобы министръ, давшій мнѣ формальное обѣщаніе ихъ возвратить, пожелалъ меня обмануть. Потребуйте ихъ и пошлите ихъ мнѣ немедленно же: документовъ число пять“.

Это письмо очень важно, потому что опредѣляетъ количество бумагъ, переданныхъ Геккереномъ графу Нессельроде. Ихъ было пять. Два изъ нихъ намъ извѣстны; остальные три неизвѣстны.

Но мы знаемъ, что военно-судной комиссіи они не были представлены. Почему? Объ этомъ можно только догадываться. Съ увѣренностью можно утверждать, что, если бы эти документы мало-мальски говорили въ пользу Пушкина, Геккеренъ ихъ не представилъ бы. Но разъ Нессельроде не передалъ ихъ въ судъ, то не потому ли, что они заключали въ себѣ что либо компрометирующее Пушкина?

Пакетъ съ бумагами былъ присланъ въ русское посольство въ Гаагу для выдачи барону Геккерену при письмѣ графа Нессельроде 26-мая (7-го іюня) 1837 года.

III.

Объясненія, данныя Геккереномъ своему министру иностранныхъ дѣлъ.—Сообщеніе нѣмецкаго посланника Либерманна о дуэли Пушкина.—Свидѣтельства Либерманна и Геккерена объ отношеніи русскаго общества къ смерти Пушкина.—Новыя объясненія Геккерена, письмо его къ принцу Оранскому.

Геккеренъ очень скоро сообразилъ, что его фонды при русскомъ дворѣ стоятъ очень невысоко, хотя на первыхъ порахъ онъ и не уразумѣлъ всей значительности событій. Сначала онъ не представлялъ даже, чтобы смерть африкански мстительнаго Пушкина могла явиться такимъ важнымъ событіемъ и возбудить столь глубокое общественное негодованіе. Нужно было подумать о томъ, чтобы сохранить за собой положеніе на родинѣ, при дворѣ нидерландскомъ. Какъ посланникъ, онъ обязанъ былъ дать отчетъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Верстолпу. Геккеренъ отправилъ свой отчетъ 30-го января.

Если бы мы и не имѣли отчета Геккерена, мы могли бы все-таки а priori составить довольно опредѣленное представленіе о его содержаніи. Отчетъ сводился къ слѣдующей схемѣ. Ухаживаній Дантеса за Натальей Николаевной и его увлеченія Геккеренъ не могъ отрицать, но, понятно, онъ долженъ былъ подчеркнуть невинность

Пушкиной и отрицать существованіе преступной между ними связи. Первый вызовъ Пушкина Геккеренъ приписывалъ анонимнымъ письмамъ, а улаженіе дѣла съ первой дуэлью Геккеренъ относилъ на долю „общихъ друзей“. Объяснить же причины второй дуэли, поводы къ оскорбительному письму поэта Геккеренъ рѣшительно отказывался и все сводилъ къ характеру поэта и его африканскому происхожденію.

Но обратимся къ самому документу и приведемъ въ полномъ и буквальноймъ переводѣ частное письмо посланника Геккерена къ своему министру.

„С.-Петербургъ, 11-го февраля (30-го января), 1837 г.

„Господинъ баронъ!

„Грустное событіе въ моемъ семействѣ заставляетъ меня прибѣгнуть къ частному письму, чтобы сообщить подробности о немъ вашему превосходительству. Какъ ни печалень былъ его исходъ, я былъ поставленъ въ необходимость поступить именно такъ, какъ я это сдѣлалъ, и я надѣюсь убѣдить въ томъ и ваше превосходительство простымъ изложеніемъ всего случившагося.

„Вы знаете, баронъ, что я усыновилъ одного молодого человѣка, жившаго много лѣтъ со мною, и онъ носитъ теперь мое имя.

„Ужъ годъ, какъ мой сынъ отличаетъ въ свѣтѣ одну молодую и красивую женщину, г-жу Пушкину, жену поэта съ той же фамиліей. Честью могу завѣрить, что это расположеніе никогда не переходило въ преступную связь, все петербургское общество въ этомъ убѣждено, и г. Пушкинъ также кончилъ тѣмъ, что призналъ это письменно и при многочисленныхъ свидѣтеляхъ¹. Происходя отъ

¹ Это мѣсто неясно. О какомъ письменномъ признаніи невинности Пушкиной говоритъ Геккеренъ, мы не знаемъ; быть можетъ, что нибудь подобное находилось въ числѣ бумагъ, присланныхъ Геккереномъ графу Нессельроде.

одного африканскаго негра, любимца Петра Великаго, г. Пушкинъ унаслѣдовалъ отъ предка свой мрачный и мстительный характеръ (caractère ombrageux et vindicatif).

„Полученныя имъ отвратительныя анонимныя письма, около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ, разбудили его ревность и заставили его послать вызовъ моему сыну, который тотъ принялъ безъ всякихъ объясненій.

„Однако въ дѣло вмѣшались общіе друзья. Сынъ мой, понимая хорошо, что дуэль съ г. Пушкинымъ уронила бы репутацію жены послѣдняго и скомпрометировала бы будущность его дѣтей, счелъ за лучшее дать волю своимъ чувствамъ и попросилъ у меня разрѣшенія сдѣлать предложеніе сестрѣ г-жи Пушкиной, молодой и хорошенькой особѣ, жившей въ домѣ супруговъ Пушкиныхъ; этотъ бракъ, вполнѣ приличный съ точки зрѣнія свѣта, такъ какъ дѣвушка принадлежала къ лучшимъ фамиліямъ страны, спасалъ все: репутація г-жи Пушкиной оставалась внѣ подозрѣній, мужъ, разувѣренный въ мотивахъ ухаживанія моего сына, не имѣлъ бы болѣе поводовъ считать себя оскорбленнымъ (повторяю, влянусь честью, что онъ имъ никогда и не былъ), и, такимъ образомъ, поединокъ не имѣлъ бы уже смысла. Вслѣдствіе этого я полагалъ своей обязанностью дать согласіе на этотъ бракъ. Но мой сынъ, какъ порядочный человѣкъ и не трусъ, хотѣлъ сдѣлать предложеніе только послѣ поединка, несмотря на то, что зналъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Секунданты были выбраны обѣими сторонами, какъ вдругъ г. Пушкинъ написалъ имъ, что, будучи освѣдомленъ общей мольбой о намѣреніяхъ моего сына, онъ не имѣетъ болѣе причинъ его вызывать, что считаетъ его человѣкомъ храбрымъ и беретъ свой вызовъ обратно, прося г. Геккерена возвратить ему

А многочисленные свидѣтели, о которыхъ упоминаетъ Геккеренъ, уже не были ли это свидѣтели кончины поэта, въ предсмертныя часы повторявшаго о невинности жены?

его слово и вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочивая секундантовъ воспользоваться этимъ письмомъ по ихъ усмотрѣнію ¹.

„Когда это дѣло было, такимъ образомъ, покончено, я какъ это принято между порядочными людьми, просилъ руки г-жи Гончаровой для моего сына.

„Два мѣсяца спустя, 10-го (22-го) января, бракъ былъ совершенъ въ обѣихъ церквахъ въ присутствіи всей семьи. Графъ Григорій Строгановъ съ супругой, родные дядя и тетка молодой дѣвушки, были ея посаженными отцомъ и матерью, а съ моей стороны графиня Нессельроде была посаженной матерью, а князь и княгиня Бутера свидѣтелями ².

„Съ этого времени мы въ семьѣ наслаждались полнымъ счастьемъ; мы жили, обласканные любовью и уваженіемъ всего общества, которое наперерывъ старалось осыпать насъ многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избѣгали посѣщать домъ господина Пушкина, такъ какъ его мрачный и метительный характеръ намъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ. Съ той или другой стороны отношенія ограничивались лишь поклонами.

¹ Геккеренъ излагаетъ письмо Пушкина къ секундантамъ, посланное графу Соллогубу на квартиру Дантеса, далеко неточно, пожалуй, даже разсчитанно неточно. Пушкинъ вовсе не просилъ Геккерена возвратить ему слово и не называлъ Дантеса храбрымъ человѣкомъ. Вотъ это письмо: „Я не затрудняюсь написать то, что могу заявить устно. Я вызвалъ г. Ж. Геккерена на дуэль, и онъ принялъ это, не вступая ни въ какія объясненія. Я же и прошу господъ свидѣтелей этого дѣла, чтобы они сообразовали смотрѣть на этотъ вызовъ, какъ на не бывшій, узнавъ по общему голосу (*la voix publique*), что г. Жоржъ Геккеренъ рѣшился объявить свое намѣреніе вступить въ бракъ съ г-жой Гончаровой послѣ дуэли. Я не имѣю никакого повода приписывать его рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ порядочнаго человѣка. Я прошу васъ, графъ, сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое сочтете нужнымъ“.

² И тутъ Геккеренъ допускаетъ неточность. Выше мы привели справку о бракосочетаніяхъ: ни князь, ни княгиня Бутера не были свидѣтелями при бракосочетаніи, по крайней мѣрѣ, они не вписывались въ книгъ.

„Не знаю, чему слѣдуетъ приписать нижеслѣдующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свѣту вообще и ко мнѣ въ частности зависти, или какому либо другому невѣдомому побужденію,— но только прошлый вторникъ (сегодня у насъ суббота), въ ту минуту, когда мы собрались на обѣдъ къ графу Строганову, и безъ всякой видимой причины, я получаю письмо отъ господина Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести всѣ отвратительныя оскорбленія, которыми наполнено было это подлое письмо.

„Все же я готовъ представить вашему превосходительству копію съ него, если вы потребуете, но на сегодня разрѣшите ограничиться только увѣреніемъ, что самыя презрѣнныя эпитеты были въ немъ даны моему сыну, что доброе имя его достойной матери, давно умершей, было попорно, что моя честь и мое поведеніе были оклеветаны самымъ гнуснымъ образомъ.

„Что же мнѣ оставалось дѣлать? Вызвать его самому? Но, во-первыхъ, общественное званіе, которымъ королю было угодно меня облечь, препятствовало этому; кромѣ того, тѣмъ дѣло не кончилось бы. Если бы я остался побѣдителемъ, то обезчестилъ бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я самъ вызвался, такъ какъ уже разъ улаживалъ подобное дѣло, въ которомъ мой сынъ обнаружилъ недостатокъ храбрости; а если бы я палъ жертвой, то его жена осталась бы безъ поддержки, такъ какъ мой сынъ неминуемо выступилъ бы мстителемъ. Однако я не хотѣлъ опереться только на мое личное мнѣніе и посоветывался съ графомъ Строгановымъ, моимъ другомъ. Такъ какъ онъ согласился со мною, то я показалъ письмо сыну, и вызовъ господину Пушкину былъ посланъ.

„Встрѣча противниковъ произошла на другой день въ прошлую среду. Дрались на пистолетахъ. У сына была прострѣлена рука навзлетъ, и пуля остановилась въ боку, причинивъ сильную кон-

тузію. Господинъ Пушкинъ былъ смертельно раненъ и скончался вчера среди дня. Такъ какъ его смерть была неизбежна, то императоръ убѣдилъ его умереть христіаниномъ, послалъ ему свое прощеніе и обѣщалъ позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ.

„Нахожусь пока въ неизвѣстности относительно судьбы моего сына. Знаю только, что императоръ, сообщая эту роковую вѣсть императрицѣ, выразилъ увѣренность, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе. Его жена находится въ состояніи, достойномъ всякаго сожалѣнія. О себѣ ужъ не говорю.

„Таковъ, баронъ, быстрый ходъ изложеннаго здѣсь событія. Со слѣдующей почтой сочту своимъ долгомъ прислать вашему превосходительству новыя данныя, могущія окончательно освѣтить въ вашемъ сознаніи происшедшее, на тотъ случай, если бы вы пожелали довести до его величества этотъ отчетъ, вполне точный и безпристрастный. Если что нибудь можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ и графиня Нессельроде, такъ же, какъ и графъ и графиня Строгановы, оставили мой домъ только въ часъ пополуночи“.

Въ этомъ объясненіи Геккерена бросается въ глаза крайняя краткость его сообщенія о первомъ вызовѣ. „Вмѣшались общіе друзья“... и только! О своихъ же стараніяхъ и хлопотахъ Геккеренъ умалчиваетъ. Въ письмѣ кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу роль Геккерена выяснена достаточно ярко, и мы не имѣемъ основаній не довѣрять кн. Вяземскому. Геккеренъ самъ поѣхалъ къ Пушкину, самъ просилъ его объ отсрочкѣ, самъ убивался передъ нимъ и говорилъ, что „видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца“, и т. д. Для насъ остается неясной роль Дантеса. Кн. Вяземскій сообщаетъ, что „вызовъ Пуш-

кина не попасть по назначенію“. Зналъ ли Дантесъ о вызовѣ и о тѣхъ махинаціяхъ, которыя предпринималъ Геккеренъ? Въ связи съ тѣмъ или инымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ находится и рѣшеніе вопроса о характерѣ сдѣланнаго Дантесомъ предложенія Екатерины Гончаровой. Дѣйствія Геккерена и Дантеса нужно раздѣлять: если для перваго неожиданная свадьба съ Екатериной Гончаровой являлась средствомъ избѣжать дуэли, то вѣдь для втораго, если онъ былъ искренно увлеченъ Натальей Николаевной, предложеніе было благороднымъ выходомъ и дѣйствительно могло вытекать изъ искренняго стремленія охранить честь женщины. Во всякомъ случаѣ, для будущихъ соображеній просимъ запомнить, что въ объясненіи своему министру Геккеренъ подчеркиваетъ благородный характеръ дѣйствій Дантеса.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ объясненіямъ Геккерена, остановимся на одномъ сообщеніи объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ дуэли. Оно близко совпадаетъ съ донесеніемъ Геккерена и даетъ, между прочимъ, нѣсколько новыхъ и не расходящихся съ версіей Геккерена подробностей. Эти совпаденія, а также дипломатическое происхожденіе этого сообщенія свидѣлствуютъ о томъ, что оно идетъ изъ сферъ, близкихъ нидерландскому посланнику, и должно быть сопоставлено съ его объясненіями. Это сообщеніе было сдѣлано нѣмецкимъ посланникомъ Либрманномъ своему двору. Приводимъ изъ него лишь отрывокъ, относящійся до исторіи дуэли: „Статскій совѣтникъ А. Мусинъ-Пушкинъ (sic!), по общему признанію, занимавшій первое мѣсто среди современныхъ русскихъ поэтовъ и пользовавшійся огромною популярностью, хотя, какъ человекъ, онъ былъ характера грубаго, насмѣшливаго и задирающаго (d'un caractère violent, satyrique et offensif), былъ жепать уже нѣсколько лѣтъ на молодой женщинѣ замѣчательной красоты; она, находясь въ родствѣ со многими знат-

ными семействами этой столицы, являлась однимъ изъ главныхъ украшеній баловъ высшаго общества. Превозносимая свѣтомъ m-me Пушкина была также предметомъ очень пылкаго обожанія со стороны одного молодого человѣка, француза по происхожденію, который состоитъ на русской службѣ, какъ офицеръ Кавалергардскаго полка. Его имя—Дантесъ, но будучи усыновленъ въ прошломъ году нидерландскимъ министромъ, носитъ теперь фамилію барона Геккерена. Кажется, эти ухаживанія съ нѣкоторыхъ поръ вызвали безпокойства въ г. Пушкинѣ, у котораго была крайне некрасивая фигура, и ревность котораго вошла въ пословицу,—и вся его африканская ярость (потому что онъ былъ внукомъ негра, привезеннаго въ Россію) разразилась противъ этого офицера изъ-за какихъ-то анонимныхъ писемъ, которыя были адресованы ему, какъ и нѣкоторымъ другимъ, и заключали что-то въ родѣ патента на званіе обманутаго мужа и т. д... Не входя ни въ какія предварительныя объясненія, Пушкинъ отправилъ молодому Геккерену вызовъ, написанный въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Они сдѣлали бы дуэль неизбежной, если бы письмо пришло прямо по назначенію; но случайно оно попало въ руки пріемнаго отца, который, не скрывъ отъ сына факта вызова, не сообщилъ ему всего содержанія обиднаго письма. Такъ какъ молодой человѣкъ, заявляя, что онъ готовъ драться съ Пушкинымъ, если послѣдній можетъ считать себя обиженнымъ имъ, въ то же время самымъ торжественнымъ образомъ заявилъ своему отцу, что онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго посягательства на честь вызвавшаго и что жена его совершенно невинна, то нидерландскій министръ сдѣлалъ нѣсколько примирительныхъ попытокъ передъ родственниками и друзьями семьи Пушкиныхъ, въ результатѣ которыхъ убѣдилъ въ истинѣ Пушкина, который къ тому же съ самаго начала всегда заявлялъ, что онъ совершенно убѣжденъ въ невинности жены.

Вызовъ Пушкинымъ былъ формально взятъ обратно, и его честь, какъ и честь его жены, были въ безопасности отъ всякихъ нападокъ тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ, чтобы положить конецъ поднявшемуся по поводу этого дѣла шуму, молодой баронъ Геккеренъ совершенно добровольно рѣшился жениться на сестрѣ m-me Пушкиной, которой онъ также оказывалъ большое вниманіе. Хотя дѣвушка не имѣла никакого состоянія, пріемный отецъ молодого человѣка далъ свое согласіе на бракъ... Г-жа Пушкина, какъ прежде, появлялась на всѣхъ балахъ, окруженная, какъ всегда, поклонниками, и никто не могъ тогда подумать, что это дѣло такъ трагически кончится. Узналъ ли Пушкинъ какія - нибудь новыя скверныя шутки на свой счетъ, или по какому-либо другому мотиву, но въ прошлый понедѣльникъ онъ отправилъ нидерландскому министру новое письмо, которое заключало въ себѣ самыя грубыя оскорбленія не только молодого барона Геккерена, но и его пріемнаго отца. Все содержаніе этого письма полно такого бѣшенства, такой гнусности, какую трудно себѣ вообразить. Констатировавъ авторство этого невѣроятнаго посланія, молодой баронъ не могъ колебаться въ рѣшеніи, и его пріемный отецъ отвѣтилъ Пушкину“ и т. д.

Схема сообщенія нѣмецкаго посланника и донесенія Геккерена одинакова. Та же корректность Дантеса, та же необъяснимость причинъ второй дуэли... Даже опредѣленіе характера Пушкина въ письмѣ Либерманна удивительно напоминаетъ манеру Геккерена. Для послѣдняго характеръ поэта былъ „ombrageux et vindicatif“, а для Либерманна „violent, satyrique et offensif“. Подобно Геккерену, и Либерманнъ не упускаетъ случая отмѣтить африканское происхожденіе Пушкина и его „fureur africaine“.

По письму Геккерена своему министру видно, что 30 января Геккеренъ не предполагалъ, что ему придется ставить вопросъ о

своемъ отозваніи. Но событія развивались быстро, и ко дню похоронъ Пушкина волна общественнаго негодованія поднялась высоко. Недовольство общества вышло за предѣлы, дозволенные начальствомъ. Не будетъ парадоксомъ утвержденіе, что Геккерена заставило удалиться изъ Россіи вовсе не это непріязненное отношеніе къ нему Николая Павловича, а негодованіе, поднявшееся изъ интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества. Ниже мы приведемъ документальныя доказательства этого положенія. Дѣйствительно, послѣ событій 14 декабря 1825 года русское общественное мнѣніе имѣло первую и серьезную побѣду въ дѣлѣ смерти Пушкина. Кто же являлся представителемъ этого общественнаго мнѣнія? Конечно, не люди двора, не ближайшіе друзья Пушкина. Весьма любопытныя данныя на этотъ счетъ находимъ въ донесеніяхъ извѣстнаго намъ Либерманна. 2 февраля онъ писалъ своему правительству слѣдующее:

„Военный судъ, учрежденный надъ барономъ Геккереномъ, еще не вынесъ приговора, и еще менѣе извѣстно, каково будетъ то наказаніе, какое императоръ признаетъ справедливымъ наложить на молодого офицера. Правда, его величество высказался въ началѣ довольно благопріятно на его счетъ, признавая, что онъ совершенно не могъ отказаться отъ вызова своего бѣшенаго противника, и что во время дуэли, которая, по всегдашнимъ заявленіямъ Пушкина, должна быть во всякомъ случаѣ смертельнымъ поединкомъ, поведеніе его было и честно и смѣло. Но между тѣмъ начинаютъ думать, что императоръ не пожелаетъ, а, быть можетъ, не сможетъ всецѣло слѣдовать своимъ первымъ впечатлѣніямъ, но подвергнетъ барона Геккерена, по меньшей мѣрѣ, на нѣкоторое время достаточно суровому наказанію, хотя бы для того, чтобы успокоить раздраженіе и крики о возмездіи или, если угодно, горячую жажду публичнаго обвиненія, которую вызвало печальное происшествіе.

Это чувство проявилось въ нисшихъ слояхъ населенія столицы съ гораздо большей силою, чѣмъ въ рядахъ высшаго общества, потому что, съ одной стороны, въ послѣднихъ лучше знаютъ истинный ходъ и сущность дѣла, а съ другой стороны, понятно, Пушкинъ былъ болѣе популяренъ и встрѣчалъ большее поклоненіе у русскихъ нисшихъ слоевъ, которые совсѣмъ не знаютъ иностранныхъ литературъ и, не имѣя вслѣдствіе этого критерія для справедливаго сравненія, создавали преувеличенную оцѣнку его литературныхъ заслугъ. Смерть Пушкина представляется здѣсь, какъ несравнимая потеря страны, какъ общественное бѣдствіе. Національное самолюбіе возбуждено тѣмъ сильнѣе, что врагъ, пережившій поэта,—иноземнаго происхожденія. Громко кричатъ о томъ, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человѣка, съ которымъ исчезла одна изъ самыхъ свѣтлыхъ національныхъ славъ. Эти чувства проявились уже во время похоронныхъ церемоній... Думаютъ, что со времени смерти Пушкина и до перенесенія его праха въ церковь въ его домѣ перебывало до 50.000 лицъ всѣхъ состояній, многія корпораціи просили о разрѣшеніи нести останки умершаго. Шель даже вопросъ о томъ, чтобы отпрачь лошадей траурной колесницы и предоставить несеніе тѣла народу.

„Наконецъ, демонстраціи и оваціи, вызванныя смертью человѣка, который былъ извѣстенъ за величайшаго атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушенія общественнаго порядка, приказала внезапно перемѣнить мѣсто, гдѣ должны были состояться торжественныя похороны, и перенести тѣло въ церковь ночью“.

Правда, Либерманнъ не ограничился констатированіемъ факта и попробовалъ подыскать объясненіе такому отношенію народа къ Пушкину съ космополитически реакціонной точки зрѣнія. Вспом-

нимъ, что въ 1837 году правительства были насторожѣ противъ всякихъ революціонныхъ посягательствъ и въ ненависти къ идеаламъ новой свободы всё они сходились. „Но я не считаю своимъ долгомъ скрыть, — заканчивалъ свое донесеніе нѣмецкій посланникъ, — что, къ несчастію, есть основанія думать, что значительная доля овацій, которымъ дала поводъ смерть Пушкина, можетъ и должна быть поставлена также за счетъ той специфической популярности, которую покойный снискалъ у нѣкоторыхъ лицъ и въ извѣстныхъ слояхъ общества идеями современнаго либерализма. Эти идеи ему угодно было исповѣдывать, и онѣ побудили его не только писать позорные стихи по адресу покойнаго императора Александра, но и принять участіе въ политическихъ проискахъ, весьма наказуемыхъ. Я знаю положительно, что подъ покровомъ горячаго патріотизма въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Петербургѣ держать весьма необычныя рѣчи, утверждая, между прочимъ, что Пушкинъ былъ еще единственной опорой, единственнымъ представителемъ вольностей народа“ и т. д.

Будемъ ли мы возражать противъ утвержденій Либерманна, аналогичныхъ, какъ сейчасъ увидимъ, и мнѣніямъ Геккерена? Для своего времени подобныя сообщенія носили явно доносительный характеръ. Мы знаемъ о тѣхъ совмѣстныхъ усиліяхъ, которыя вложили кн. Вяземскій и Жуковскій въ исполненіе неблагодарной задачи реабилитировать политическую репутацію поэта. Они имѣли дѣло съ донесеніями, витавшими, такъ сказать, вокругъ особы Бенкендорфа; въ сообщеніяхъ же послось на сцену выступаетъ космополитическій сыскъ правительственной реакціи. Въ настоящее время мы можемъ безъ особаго риска разыскать въ этихъ донесеніяхъ зерно истины. Доносы тѣмъ и характеризуются, что они извращаютъ факты, но они могутъ вѣрно улавливать тенденціи. Эта возможность объясняется крайней противоположностью психологіи до-

носчика и того, кто является объектомъ доноса. Тутъ—враждебная противоположность психологій, и она-то и помогаетъ вѣрно уловить намѣренія и тенденціи. Что же? Былъ ли Пушкинъ революціонеромъ? Если этотъ вопросъ мы и оставимъ безъ отвѣта, то во всякомъ случаѣ при рѣшеніи вопроса объ общественныхъ взглядахъ Пушкина мы должны вспомнить всѣ обвиненія его въ неблагонадежности и революціонности. Мы не будемъ перебирать всѣхъ аргументовъ изъ исторіи жизни и творчества, направленныхъ на доказательство того положенія, что Пушкинъ по своему міровоззрѣнію, по своимъ общественнымъ взглядамъ былъ прогрессивнымъ человѣкомъ. Еще такъ недавно эти аргументы были перебраны В. Е. Якушкинымъ въ его статьѣ „Общественные взгляды Пушкина“¹. Для насъ достаточно только указанныхъ посмертныхъ обвиненій и доносовъ на Пушкина, чтобы констатировать, что по всему своему міровоззрѣнію, по всему складу своей жизни, по характеру работы Пушкинъ для Бенкендорфа, а за нимъ и для всего правительственнаго режима, для Либерманна и Геккерена, а за ними и для высшей части русскаго общества, консервативнаго и буржуазнаго, былъ человѣкъ враждебной психики, былъ полной противоположностью ихъ самихъ. По психикѣ, по тенденціямъ своимъ онъ былъ для всѣхъ нихъ революціонеръ. И это доносительное признаніе является, по нашему мнѣнію, лучшимъ доказательствомъ прогрессивности его общественныхъ взглядовъ.

Но вернемся къ Геккерену. Мы оставили его послѣ отправленія объясненія въ Нидерланды. 2 февраля онъ пишетъ новое письмо, но уже совершенно иного характера. Онъ прямо взываетъ объ отозваніи. Сдержанный и полный самообладанія тонъ перваго письма

¹ „Наши Дни“, 1904, декабрь.

мѣняется на совершенно растерянный. По освѣщенію событій онъ всецѣло примыкаетъ къ донесенію Либерманна. Геккеренъ писалъ:

„Долгъ чести повелѣваетъ мнѣ не скрыть отъ васъ того, что общественное мнѣніе высказалось при кончинѣ г. Пушкина съ большей силой, чѣмъ предполагали. Но необходимо выяснитъ, что это мнѣніе принадлежитъ не высшему классу, который понималъ, что въ такихъ роковыхъ событіяхъ мой сынъ по справедливости не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека; его поведеніе было достойно честнаго человѣка и обнаруживаетъ осмотрительность несвойственную обыкновенно его возрасту, и на которую самъ онъ былъ бы, безъ сомнѣнія, неспособенъ при другихъ обстоятельствахъ.

„Чувства, о которыхъ я теперь говорю, принадлежатъ лицамъ изъ третьяго сословія, если такъ можно назвать въ Россіи классъ промежуточный между настоящей аристократіей и высшими должностными лицами, съ одной стороны, и народной массой, совершенно чуждой событію, о которомъ она и судить не можетъ,—съ другой. Сословіе это состоитъ изъ литераторовъ, артистовъ, чиновниковъ нисшаго разряда, національныхъ коммерсантовъ высшаго полета и т. д. Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мѣрѣ, власти существованіе цѣлой партіи, главой которой онъ былъ, можетъ быть, исключительно благодаря своему таланту, въ высшей степени народному. Эту партію можно назвать реформаторской: этимъ названіемъ пользуются сами ея члены.

„Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ замѣшанъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ 1825 году, то можно заключить, что такое предположеніе не лишено основаній.

„Вывозъ тѣла почившаго въ церковь долженъ былъ состояться вчера днемъ, но чтобы избѣжать манифестацій при выраженіи чувствъ, обнаружившихся уже въ то время, какъ тѣло было выставлено въ домѣ покойнаго,—чувствъ, которыя подавить было бы

невозможно, а поощрять ихъ не хотѣли,—погребальная церемонія была совершена въ часъ пополуночи. По этой же причинѣ участвующіе были приглашены въ церковь при Адмиралтействѣ, а отпѣваніе происходило въ Конюшенной церкви.

„Очень можетъ быть, что нѣсколькихъ дней будетъ достаточно, чтобы утишить это волненіе, тѣмъ болѣе, что оно не выразилось ни разу угрожающимъ образомъ; однимъ словомъ, это былъ просто взрывъ чувства и гордости народной, затронутыхъ личностью поэта самаго популярнаго въ Россіи. Въ то время, какъ честь литератора охранялась почитателями, честь частнаго человѣка насчитывала лишь немногихъ друзей. Сказанное мною есть дань, которую я, думается, могу отдать истинѣ, не нарушая тѣмъ уваженія къ могилѣ.

„Все-таки, ваше превосходительство, признаете, что я ничего не скрываю, даже, можетъ быть, самъ склоненъ преувеличивать значеніе происходящаго. Какъ бы то ни было, считаю своимъ суровымъ долгомъ поставить васъ въ извѣстность объ истинномъ положеніи вещей въ ту минуту, какъ я могу опасаться, что уже буду не въ состояніи служить моему монарху здѣсь такъ, какъ моя честь и мои чувства къ родинѣ мнѣ повелѣваютъ, и какъ, смѣю надѣяться, я имѣлъ счастье служить до сихъ поръ.

„Его величество рѣшить, долженъ ли я быть отозванъ, или могу помѣняться мѣстами съ однимъ изъ моихъ коллегъ. Если мнѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я лично заинтересованъ, позволено будетъ высказаться, то осмѣлюсь почтительнѣйше доложить, что немедленное отозваніе меня было бы громогласнымъ выраженіемъ неодобренія моему поведенію. Я былъ бы этимъ глубоко огорченъ, а что касается настоящаго печальнаго событія, со вѣсть моя говорить, что я не заслуживаю такого приговора, который сразу погубилъ бы всю мою карьеру, какъ общественнаго

дѣтеля. Моимъ желаніемъ было бы перемѣнить резиденцію; эта мѣра, удовлетворяя настоящей необходимости, доказала бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не лишился довѣрія короля, моего августѣйшаго повелителя, которымъ онъ удостоивалъ меня въ теченіе столькихъ лѣтъ, и потери котораго, осмѣлюсь повторить, я не заслужилъ.

„Какъ вѣрный и преданный слуга, я буду ожидать приказаній его величества, будучи увѣренъ, что отеческое попеченіе короля приметъ во вниманіе при данныхъ обстоятельствахъ, которыхъ ни измѣнить, ни предвидѣть я не могъ, тридцать одинъ годъ моей безпорочной службы, крайнюю ограниченность моихъ личныхъ средствъ и заботы о семьѣ, для которой я служу въ настоящее время единственной опорой; заботы эти въ виду положенія молодой жены моего сына не замедлятъ еще увеличиться.

„Такъ какъ уже много лѣтъ я пользовался указаціями вашего превосходительства, то смѣю рассчитывать, господинъ баронъ, на вашу поддержку въ настоящемъ случаѣ. Ваше благоволеніе непрестанно придавало мнѣ силъ для служенія государю; мнѣ хотѣлось бы надѣяться, что еще долго я смогу помогать вамъ въ исполненіи предначертаній нашего монарха къ чести и благу нашей родины. Вы обладаете, баронъ, такой великой душой, что я могу быть увѣреннымъ въ вашемъ одобреніи моего поведенія относительно этого рокового событія, гдѣ чувство чести должно было заставить смолкнуть всѣ другія соображенія. Тотъ, кто не смогъ бы самъ заставить себя уважать, имѣлъ ли бы право быть представителемъ государя, который являетъ собою нашей эпохѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей и самой изумительной твердости?

„Ваше превосходительство поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ожидать распоряженій, которыхъ я теперь домогаюсь“.

Не ограничиваясь письмами къ Верстолку, Геккеренъ 3-го

февраля обратился еще къ принцу Оранскому тоже съ просьбами о защитѣ и помощи. Ему онъ писалъ слѣдующее:

„Ваше высочество!

Въ ту минуту, когда меня поразило событіе, роковое и неожиданное въ одно и то же время, благоволеніе и, смѣю сказать, благорасположеніе, которымъ вашему королевскому высочеству угодно было меня удостоить, позволяетъ и даже вмѣняетъ мнѣ въ обязанность ничего не скрывать отъ васъ, что касается поводовъ и послѣдствій дуэли моего сына съ г. Пушкинымъ.

Чтобы не утруждать ваше королевское высочество подробностями, которыя, будучи, однако, необходимыми, слишкомъ бы растянули это письмо, я беру на себя смѣлость приложить къ нему копии писемъ, посланныхъ мною по этому предмету министру иностранныхъ дѣлъ¹. Пусть ваше королевское высочество соблаговолитъ забыть на минуту свой высокій санъ и въ качествѣ только военнаго, только порядочнаго человѣка рѣшить: возможно ли было какъ-либо иначе отразить подобныя оскорбленія? Еще разъ прибѣгну къ мнѣнію вашего высочества для того, чтобы судить, могу ли я оставаться при императорскомъ дворѣ послѣ всего случившагося. Въ петербургскомъ обществѣ у меня есть и сторонники и хулители. Какъ частный человѣкъ, я бы остался, такъ какъ увѣренъ, что правда рано или поздно восторжествуетъ и привлечетъ общество на мою сторону, но какъ должностное лицо, имѣющее счастье быть представителемъ своего государя, я не въ правѣ допустить ни малѣйшаго порицанія своему образу дѣйствій.

Итакъ, смѣю надѣяться, что ваше королевское высочество поддержитъ передъ королемъ мою просьбу о переводѣ и назначеніи меня посланникомъ при другомъ дворѣ, гдѣ бы я могъ про-

¹ Это—тѣ два письма, которыя мы только что привели.

должать службу моему монарху и отечеству, посвящая имъ всѣ свои силы.

Ваше королевское высочество одобрить меня, смѣю надѣяться, и эта увѣренность есть самое лучшее утѣшеніе въ горѣ, при обстоятельствахъ, отъ которыхъ страдала и страдаетъ моя любовь къ семьѣ, а карьерѣ угрожаетъ опасность, именно въ ту минуту, когда я менѣе всего могъ этого ожидать.

Благосклонность вашего королевскаго высочества всегда драгоценна и почетна, но теперь я особенно живо чувствую, сколько утѣшенія заключается въ сознаніи, что можешь надѣяться на чувство дружескаго расположенія въ лицѣ судьби, такъ высоко поставленнаго благодаря своему сану, своимъ заслугамъ и благородству своей души“.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ, по которымъ мы могли бы судить о томъ, какъ отнеслось къ Геккерену его правительство, въ какой мѣрѣ оно сочло его виновнымъ. Но мы знаемъ, что по выѣздѣ изъ Россіи онъ сразу не получилъ мѣста, а нѣкоторое время жилъ съ семьей Дантеса и въ службѣ не состоялъ.

IV.

Объясненія, данныя Геккереномъ графу Нессельроде.—Геккеренъ приподнимаетъ покровъ тайны и призываетъ къ отвѣту жену Пушкина.—Схема обвиненій, выдвинутыхъ друзьями Пушкина противъ Геккерена, и его возраженія.

Въ объясненіяхъ своихъ, представленныхъ 30-го января 1837 года нидерландскому двору, баронъ Геккеренъ ограничивается сухимъ изложеніемъ фактовъ, хорошо извѣстныхъ даже лицамъ, не

близко прикосновеннымъ къ обстоятельствамъ печальной дуэли. Онъ даетъ, такъ сказать, официальную версію разсказа о причинахъ и поводахъ дуэли, тщательно избѣгая оглашать факты и событія, интимныя и закулисныя. „Дантесъ, дѣйствительно, ухаживалъ за Пушкиной, но эта связь никогда не переходила въ преступную... Всему виной рокъ, да еще африканскій характеръ Пушкина. Онъ, Геккеренъ, совсѣмъ не причеиъ въ этомъ дѣлѣ“, — вотъ официальная схема, идущая со стороны Геккереновъ. Другая официальная схема идетъ со стороны друзей Пушкина: этой схемой друзья поэта расчитываютъ оградить память поэта и честь его семьи, и ихъ версія тоже не касается интимныхъ происшествій и оставляетъ нѣкоторые эпизоды совершенно не разъясненными, такъ сказать, ирраціональными. „Дантесъ, дѣйствительно, ухаживалъ за Пушкиной, но эта связь никогда не переходила въ преступную, и честь жены поэта выше всякихъ подозрѣній... Она сама разсказала мужу объ ухаживаніяхъ за ней Дантеса. А старый Геккеренъ нашептывалъ ей о томъ, что его сынъ сгораеть отъ любви къ ней, старый Геккеренъ игралъ роль сводника въ этомъ дѣлѣ... Объ этомъ мужу она сама сказала, когда пришлось объясняться“, — вотъ версія, выставленная друзьями Пушкина. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникомъ фактической части этой версіи являются показанія Натальи Николаевны Пушкиной. Въ упомянутомъ выше письмѣ Николая Павловича къ Михаилу Павловичу отъ 3-го февраля 1837 года эта версія находитъ точное изложеніе. „Геккеренъ самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна“, — писалъ Николай Павловичъ.

Понятно, баронъ Геккеренъ былъ освѣдомленъ о сущности обвиненій, предъявляемыхъ къ нему и къ его пріемному сыну. Мы уже видѣли, что его положеніе въ свѣтѣ, въ обществѣ стало невозможнымъ. Дворъ относился къ нему совершенно отрицательно. Вопросъ объ отставкѣ былъ рѣшенъ. Его фонды у себя на родинѣ тоже пали. И такое положеніе дѣлъ опредѣлилось уже въ теченіе февраля мѣсяца. Перваго марта онъ обратился съ откровенными объясненіями къ графу Нессельроде. Онъ самъ — нужно думать — сознавалъ, что никакія уже объясненія не помогутъ и не принесутъ практической пользы лично ему. Поэтому его письмо пріобрѣтаетъ для насъ особенный интересъ. Оставляя въ сторонѣ ту официальную версію, которую онъ изложилъ въ письмѣ къ барону Верстолку, баронъ Геккеренъ приподнимаетъ завѣсу и сообщаетъ новыя и неожиданныя подробности. Геккеренъ начинаетъ свое письмо съ изложенія мотивовъ, заставляющихъ его обращаться къ графу Нессельроде.

„Неофициально.

1-го (13) марта 1837 г.

„Многоуважаемый графъ!

„Послѣ событія, роковой исходъ котораго я оплакиваю болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, я не предполагалъ, что долженъ буду обратиться къ вамъ съ письмомъ, подобнымъ настоящему. Но разъ я вижу, что вынужденъ сдѣлать это, у меня мужества хватитъ. Честь моя, и какъ частнаго человѣка, и какъ члена общества, оскорблена, и я не замедлю дать вамъ нѣкоторыя объясненія.

„Когда послѣ кончины Пушкина мой сынъ былъ арестованъ, какъ совершившій уголовное преступленіе, предусмотрѣнное закономъ, чувства самой элементарной порядочности не допускали меня бывать въ обществѣ. Такое поведеніе, вполне естественное при данныхъ обстоятельствахъ, было невѣрно истолковано; его сочли

за молчаливое сознание какой-то вины, которую я будто бы чувствовалъ за собою во всемъ совершившемся. Многоуважаемый графъ! Моя совѣсть смѣло заявляетъ, что я ни на одну минуту не переставалъ поступать такъ, какъ должно, и ваше сіятельство раздѣлите это убѣжденіе, если пожелаете удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ своего вниманія. Итакъ, общество не нашло бы неприличнымъ, если бы я при подобныхъ обстоятельствахъ сталъ принимать участіе во всѣхъ его развлеченіяхъ, посѣщалъ всѣ балы, привлекалъ на себя всеобщее вниманіе и тѣмъ поддерживалъ живость воспоминаній, еще не успѣвшихъ улечься.

„Значитъ, меня упрекаютъ въ томъ, за что должны были бы, казалось, чувствовать признательность.

„Единственнымъ моимъ отвѣтомъ на подобныя инсинуаціи могло бы быть появленіе снова въ обществѣ. Я заставилъ бы умолкнуть въ себѣ голосъ крови; я сумѣлъ бы не отдаться во власть своему семейному горю и тревогамъ. Вооруженный сознаниемъ исполненнаго долга, я явился бы, чтобы лично отражать нападки, на которыя мнѣ нельзя долѣе отвѣчать презрѣніемъ, хотя онѣ порождены лишь праздною или недоброжелательствомъ, отъ котораго меня могло бы избавить мое прошлое во время столь долгаго пребыванія въ столицѣ.

„Но клевета могла до свѣдѣнія государя; она могла поселить на мой счетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ умѣ августѣйшаго монарха; боязнь этого оправдываетъ объясненія, которыми я хочу отразить обвиненія, павшія на меня“.

Геккеренъ переходитъ къ разбору обвиненій, выставленныхъ противъ него, къ разбору версій, поддерживаемой друзьями поэта и идущей отъ его жены. Но и тутъ Геккеренъ не считаетъ возможнымъ рассказать правдиво все то, что было, дѣлаетъ лишь намеги и останавливается лишь на выясненіи своей роли во всемъ

этомъ дѣлѣ. Обвиняютъ его въ томъ, что онъ старался сводить своего сына съ Натальей Николаевной Пушкиной. „Она раскрыла мужу,—сообщалъ князь Вяземскій Михаилу Павловичу,—все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть“. Со словъ жены Пушкинъ писалъ Геккерену: „Подобно старой развратницѣ, вы караулили мою жену по всѣмъ угламъ, чтобы говорить ей о вашемъ сынѣ; и когда, больной любово-страстной болѣзнію, онъ сидѣлъ дома за лѣкарствами, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: „верните мнѣ моего сына“. Геккеренъ не отрицаетъ факта частыхъ своихъ бесѣдъ съ женой поэта, но даетъ ему неожиданное объясненіе.

Въ виду крайней важности свидѣтельства Геккерена, позволяемъ себѣ привести эту часть письма въ подлинникѣ.

„C'est ici que je vins que j'ai besoin de me commander à moi-même pour retracer les accusations dont je me suis vu l'objet.

„J'aurais encouragé les assiduités de mon fils auprès de m-me de Pouchkin. C'est à madame Pouchkin elle-même que j'en appelle à cet égard. Qu'elle soit interpellée sous la foi du serment, et l'on verra tomber cette accusation. C'est d'elle qu'on apprendra tout ce que je lui ai dit si souvent *pour lui faire reconnaître l'abîme au devant duquel elle marchait*. Si elle n'est pas retenue par quelques considérations d'amour propre, elle dira, que dans mes entretiens avec elle j'ai poussé la franchise jusqu'à me servir d'expressions qui devaient la blesser, mais aussi lui ouvrir les yeux: je l'espérais du moins. ;

„Si l'aveu de m-me de Pouchkin me manquait, j'invoquerais le témoignage de deux personnes, de deux dames de la plus haute distinction qui furent les confidentes de toutes mes inquiétudes et auxquelles je rendais compte jour par jour de *tous mes efforts pour rompre cette funeste liaison*.

„Dira-t-on enfin, que je devais user de mon autorité sur mon fils? M-me de Pouchkin pourrait encore fournir une réponse péremptoire à ce sujet en reproduisant une lettre que j'ai erigée de mon fils, lettre à elle adressée et par laquelle il déclarait renoncer à poursuivre toutes prétentions sur elle. Et le porteur de cette lettre ce fut moi-même qui la remis en mains propres. M-me de Pouchkin s'en est servie auprès de son mari et de sa famille, comme preuve, qu'elle n'avait jamais complètement oublié ses devoirs.

„Итакъ, я долженъ положиться только на самого себя, чтобы опровергнуть клевету, предметомъ которой я сдѣлался.

„Я якобы подстрекалъ моего сына къ ухаживаніямъ за г-жею Пушкиной. Обращаюсь къ ней самой по этому поводу. Пусть [она покажетъ подъ присягой, что ей извѣстно, и обвиненіе падеть само собой.

„Она сама сможетъ засвидѣтельствовать, сколько разъ предостерегалъ я ее отъ пропасти, въ которую она летѣла, она скажетъ, что въ своихъ разговорахъ съ нею я доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза; по крайней мѣрѣ, я на это надѣялся.

„Если г-жа Пушкина откажетъ мнѣ въ своемъ признаніи, то я обращусь къ свидѣтельству двухъ особъ, двухъ дамъ, высокопоставленныхъ и бывшихъ повѣренными всѣхъ моихъ тревогъ которымъ я день за днемъ давалъ отчетъ во всѣхъ моихъ усиліяхъ порвать эту несчастную связь (pour rompre cette funeste liaison).

„Мнѣ возразятъ, что я долженъ бы былъ повліять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный отвѣтъ, воспроизведя письмо, которое я потребовалъ отъ сына, — письмо, адресованное къ ней, въ которомъ онъ заявлялъ, что отказывается отъ какихъ бы то ни было видовъ на нее. Письмо отнесъ я самъ и вручилъ его въ собственные руки. Г-жа Пушкина воспользова-

лась имъ, чтобы доказать мужу и роднѣ, что она никогда не забывала вполнѣ своихъ обязанностей“.

Геккеренъ раскрываетъ тайны, приподнимаетъ уголокъ завѣсы. Онъ возлагаетъ отвѣтственность на Наталью Николаевну, онъ не щадитъ ея. Въ нѣсколько неопредѣленныхъ выраженіяхъ онъ утверждаетъ существованіе „несчастной связи“ (funeste liaison). Кажется, послѣднее выраженіе свидѣтельствуетъ о матеріальномъ характерѣ этой связи. Для насъ не ясна фразу Геккерена: „доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза“. Дѣло представляется такъ, что не столько Дантесъ былъ влюбленъ въ нее, сколько она въ него. И по разсказамъ друзей Пушкина выходитъ, что Наталья Николаевна даже послѣ разговоровъ и объясненій съ мужемъ не могла оторваться отъ увлекательнаго Дантеса: ее тянуло къ нему neodолимая, сладкая сила. Вспомнимъ, что князь П. А. Вяземскій сообщалъ великому князю Михаилу Павловичу о „легкомысліи и вѣтренности“ Натальи Николаевны: онъ писалъ, что „она должна была бы удалиться отъ свѣта, но у нея не хватило характера, и она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности“. Но правдивъ ли князь Вяземскій, изображая почти воздушными штрихами отношенія Натальи Николаевны къ Дантесу, и не приписываетъ ли онъ ей такую безпечность и непослѣдовательность, какой въ дѣйствительности не бываетъ? Но вѣдь вокругъ ея мужа собиралась гроза, и она не могла не чувствовать ея приближенія, и... все же ее тянуло къ Жоржу Дантесу neodолимая и сладкая сила.

Геккеренъ какъ будто и не обвиняетъ Пушкину, онъ только переноситъ центръ тяжести всего дѣла на нее. „Спросите ее подь

присягой, пусть она скажетъ, пусть она покажетъ письмо¹—говорить Геккеренъ. По содержанію письма можно сдѣлать лишь два предположенія.

Или Геккеренъ — правъ: ему, дѣйствительно, не въ моготу стало, и онъ рѣшилъ приподнять завѣсу съ интимныхъ происшествій, привлекая этими признаніями къ отвѣтственности новое лицо, да притомъ еще и женщину. Если Геккеренъ говорилъ правду, то и тогда онъ совершалъ дѣяніе съ нравственной точки зрѣнія осуждаемое. Была дуэль, былъ убитъ человѣкъ. Въ дѣлѣ замѣшана женщина. Не принято, чтобы лица, призванныя къ отвѣту, называли ея имя. Они не должны называть ее: къ этому обязываютъ и правила условной порядочности, и долгъ благородства.

Или Геккеренъ—не правъ въ своихъ утвержденіяхъ. Тогда его дѣяніе—мерзво и отвратительно. Видя, что онъ скандализованъ и потерялъ свою репутацію, онъ считаетъ возможнымъ не щадить другихъ и взводить клевету на женщину.

Мы стоимъ передъ этими двумя предположеніями. Какое выбрать: правъ или не правъ Геккеренъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могла дать Наталья Николаевна Пушкина. „Спросите ее, и пусть она скажетъ!“ Ее не спросили.

А въ комиссіи военнаго суда, судившей Дантеса и Данзаса, аудиторъ 13 класса Масловъ, обязанный слѣдить за правильностью процесса, подалъ 14 февраля рапортъ. „По лежащей на мнѣ обязанности,—доносить аудиторъ комиссіи,—я по обстоятельствамъ означеннаго дѣла считалъ бы излишнимъ потребовать чрезъ с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера отъ жены камергера Пушкина объясненіе... о поведеніи гг. Геккереновъ въ отношеніи обращенія ихъ съ Пушкиной“. Комиссія постановила не допрашивать Пушкину, „дабы безъ причины не оскорбить“ ея¹.

¹ Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военносудное дѣло 1837 г. Спб. 1900 г., стр. 76—78.

Итакъ, Пушкина не была спрошена. Но вѣдь Геккеренъ въ своемъ письмѣ не ограничился голословной ссылкой на нее. Онъ привелъ факты, существующіе и требующіе того или иного разъясненія. Онъ упомянулъ о письмѣ, которымъ будто бы Пушкина воспользовалась для доказательства своей невинности, онъ упомянулъ о двухъ дамахъ, которымъ онъ давалъ ежедневный отчетъ о своихъ попыткахъ разорвать преступную связь.

Покончивъ съ обвиненіями въ подстрекательствѣ, Геккеренъ переходитъ къ разбору обвиненія его въ составленіи анонимныхъ писемъ.

„Есть и еще оскорбленіе, относительно котораго, вѣроятно, никто не думаетъ, чтобы я снизошелъ до оправданій, а потому его никто и не нанесъ мнѣ прямо; однако примѣшали мое имя и къ другой подлости—анонимнымъ письмамъ!

„Въ чьихъ же интересахъ можно было бы прибѣгнуть къ этому оружію, оружію самаго низкаго изъ преступниковъ, отравителя? Въ интересахъ моего сына, или г. Пушкина, или его жены? Я краснѣю отъ сознанія одной необходимости ставить такіе вопросы. Кого же задѣли, кромѣ того, эти инсинуаціи, нелѣпыя и подлые вмѣстѣ? Молодого человѣка, который обвиняется въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, и о которомъ я далъ себѣ слово молчать, такъ какъ его участь зависитъ отъ милосердія монарха.

„Мой сынъ, значить, тоже могъ бы быть авторомъ этихъ писемъ? Спрошу еще разъ: съ какою цѣлью? Развѣ для того, чтобы добиться большаго успѣха у г-жи Пушкиной, для того, чтобы заставить ее броситься въ его объятія, не оставивъ ей другого исхода, какъ погибнуть въ глазахъ свѣта отвергнутой мужемъ? Но подобное предположеніе плохо вяжется съ тѣмъ высоко-нравственнымъ чувствомъ, которое заставляло моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацію любимой женщины. Или

онъ хотѣлъ вызвать тѣмъ поединовъ, надѣясь на благоприятный исходъ? Но три мѣсяца тому назадъ онъ рисковалъ тѣмъ же, однако, будучи далеко отъ подобной мысли, онъ предпочелъ безвозвратно себя связать съ единственной цѣлью—не компрометировать г-жу Пушкину; я не думаю, чтобы можно было дойти до отрицанія личной его храбрости; ему суждено было дать тому печальное доказательство“.

Геккерену остается еще объяснить, почему пошелъ на дуэль не онъ, а его сынъ.

„Я покончилъ съ этимъ чудовищнымъ собраніемъ гнусностей, которымъ не удалось отнять у меня мужества отвѣтить на все. Мнѣ остается, графъ, только доказать, что дуэль не могла не состояться.

„Изъ уваженія къ могилѣ я не хочу давать опѣнку письма, которое я получилъ отъ г. Пушкина; если бы я представилъ его содержаніе, то было бы видно, какъ онъ, съ одной стороны, приписываетъ мнѣ позорное потворство, а съ другой—запрещаетъ мнѣ дѣлать родительскія внушенія его женѣ; можно пожелать, ради памяти Пушкина, чтобы это письмо не существовало. Могъ ли я оставить его безъ отвѣта или спуститься на уровень подобнаго поеланія? Повторяю, что дуэль была неизбежна. Теперь, кто же долженъ былъ быть противникомъ г. Пушкина? Если я самъ, то, какъ побѣдитель, я обезчещивалъ бы своего сына; злословіе распространило бы повсюду, что я самъ вызвался, что уже разъ я улаживалъ дѣло, въ которомъ сынъ мой обнаружилъ недостатокъ мужества; если же я былъ бы жертвою, то мой сынъ не замедлилъ бы отомстить мою смерть, и его жена осталась бы безъ опоры. Я это понималъ, а онъ просилъ у меня, какъ доказательства моей любви, позволенія заступитъ мое мѣсто. Каждый порядочный человѣкъ былъ бы вполне убѣжденъ въ роковой необходимости этой встрѣчи“.

Геккеренъ заканчиваетъ свое письмо просьбой о разслѣдованіи дѣла.

„Кончаю, графъ, мое письмо, и такъ уже слишкомъ длинное. Если всего того, что я изложилъ вашему сіятельству, недостаточно, чтобы выставить всю презрѣнность взведенныхъ на меня обвиненій, я соглашаюсь, вручивъ мои отзывныя грамоты, остаться въ странѣ, какъ частный человѣкъ, и все мое поведеніе поставить въ зависимость отъ результата слѣдствія, просить о назначеніи котораго прямо въ моихъ интересахъ. Не обладая собственными средствами, я безъ жалобъ оставляю почетный и выгодный постъ. Хотя моя будущность и не обезпечена, я ничего не требую, я не надѣюсь ни на что, но я не могу добровольно согласиться на потерю уваженія монарха, передъ которымъ я такъ долго имѣлъ счастье быть представителемъ интересовъ моего государя и моей страны. Единственно съ этой цѣлью я рѣшился обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ.

„Я не имѣю правъ на благоволеніе его императорскаго величества, хотя я и получалъ тому доказательства, исполнившія меня признательностью, но совѣсть моя мнѣ говоритъ, что я никогда не переставалъ быть достойнымъ его уваженія; въ этомъ все мое честолюбіе; оно велико, конечно, но я осмѣливаюсь сказать, что все мое поведеніе всегда его оправдывало, и я осмѣливаюсь надѣяться, многоуважаемый графъ, что вы соблаговолите довести о немъ до свѣдѣнія государя.

„Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашимъ почтительнымъ и покорнымъ слугой.

„Баронъ де-Геккеренъ“.

Не сочли нужнымъ удовлетворить Геккерена и привлечь къ слѣдствію по дѣлу. Даже изъ тѣхъ документовъ, которые онъ представилъ графу Нессельроду, далеко не все были представлены въ военносудную комиссію.

V.

Переписка родныхъ Дантеса о немъ и о его дѣлѣ во время слѣдствія.— „Дантесъ при своемъ характерѣ и не могъ бы поступить иначе“.—Высмылка Дантеса за границу.

Родные Дантеса жили въ 1837 году въ Сульцѣ. Здѣсь были отецъ его Конрадъ, братъ Альфонсъ, сестра Нанина. Первые извѣстія о дуэли Жоржа Дантеса съ Пушкинымъ они прочли въ газетахъ. Геккеренъ собрался написать имъ не такъ скоро. Болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія они получили отъ д'Аршіака. Братъ Дантеса, Альфонсъ, нарочно отправился изъ Эльзаса въ Парижъ съ спеціальной задачей повидать д'Аршіака. Письмо Геккерена было получено въ Сульцѣ 4—5 марта (н. ст.). Затѣмъ до отъѣзда Геккереновъ изъ Россіи родственники обмѣнялись нѣсколькими письмами. Эти письма въ настоящее время находятся въ нашемъ распоряженіи, и мы считаемъ небезынтереснымъ познакомить читателя съ ихъ содержаніемъ. Они обрисовываютъ строй и настроеніе семьи Дантесовъ, характеризуютъ отношеніе Дантесовъ къ Геккерену и, наконецъ, заключаютъ ту санкцію, которую вынесла семья Дантесу. Въ узкомъ себялюбіи благополучной семьи, всѣ эти Дантесы, совсѣмъ не ставя въ вину своему родственнику его поведеніе, считаютъ долгомъ поддержать настроеніе родныхъ въ Петербургѣ. Въ наивности своего эгоизма они готовы представлять Пушкина чуть ли не самоубійцей.

Первое письмо Геккерена въ Сульцъ неизвѣстно. Мы имѣемъ лишь отвѣтъ на него отца Дантеса 6-го марта 1837 г. (н. ст.). Онъ писалъ Геккерену:

„Дорогой баронъ, ваше письмо совершенно успокоило насъ за участь Жоржа. Объ этомъ печальномъ происшествіи возвѣстили всѣ газеты, весь городъ зналъ о немъ, одинъ я оставался въ невѣдѣннн. Не далѣе, какъ вчера, письмо m-me Irène возвѣстило о

пріѣздѣ г. д'Аршіака въ Парижъ и о томъ, что рана Жоржа не такъ опасна, какъ о ней сообщали. Всѣ газеты выказываютъ расположение моему сыну, объявляя г. Пушкина зачинщикомъ; „Journal des Débats“ утверждаетъ даже, что клевета и анонимныя письма вынудили г. Пушкина на такой поступокъ, приведшій его къ гибели ¹. Жоржъ, мой дорогой баронъ, поступилъ такъ, какъ должно; зная его характеръ и его сердце, я удивился бы тому, если бы онъ поступилъ иначе... Нѣтъ, вы не могли бы дѣйствовать иначе, и я приглашаю васъ, дорогой баронъ, быть бодрымъ. Это несчастное происшествіе не могло не случиться, рано или поздно, и я благодарю Провидѣніе, покровительствовавшее Жоржу. Мои дѣти и я обнимаемъ васъ, а также Жоржа и его жену. Сообщайте намъ новости о бѣдномъ Жоржѣ“.

21-го марта Нанина Дантесъ писала изъ Сульца барону Геккерену: „Альфонсъ съ вечера 10-го—въ Парижѣ, но онъ могъ видѣть д'Аршіака только въ понедѣльникъ 12-го; послѣдній отправлялся за новостями изъ Петербурга; оказалось, что Жоржъ разжалованъ въ рядовые. Д'Аршіакъ находитъ, что это пустяки, но мнѣ кажется, что это чрезмѣрно. Вѣдь зачѣмъ же наконецъ подвергать наказанію, когда всѣ согласно одобряютъ его поведение: понятно, что онъ не могъ дѣйствовать иначе. Но если, къ несчастію для него, онъ былъ бы русскимъ подданнымъ, то его карьера была

¹ Въ „Journal des Débats (3 Mars 1837)“ появилась одна изъ лучшихъ заграничныхъ статей о Пушкинѣ, принадлежащая перу его знакомаго Леве-Веймара. О причинахъ дуэли авторъ не распространяется. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „Les propos calomnieux et les lettres anonymes qui ont tué tout de gens de coeur avant Pouschkine, et qui en tueront encore après lui, ont aussi causé sa mort à l'âge, où il s'appretait par le travail à un grand oeuvre à l'histoire de Pierre le Grand. Nous laisserons dans le silence et dans l'oubli qu'il a demandé lui-même en mourant, les motifs qui l'ont porté à l'acte violent qui a terminé sa vie, car il se croyait l'offensé et il s'était fait l'agresser“...

бы разбита. Русскіе, проводящіе зиму въ Баденѣ, произносятъ похвальныя рѣчи въ честь своего поэта. Но, что васъ должно успокоить въ этомъ печальномъ дѣлѣ, такъ это увѣренность, что всѣ благомыслящіе люди не находятъ вины за Жоржемъ. Но все-таки я буду болѣе спокойна лишь тогда, когда вы будете внѣ Россіи. Признаюсь, я опасаясь единственно того, не будете ли вы тосковать, покидая Россію“.

Въ отвѣтъ на эти письма баронъ Геккеренъ 29-го марта отправилъ г-жѣ Дантесъ успокоительное посланіе. Онъ выступилъ въ немъ рѣшительнымъ сторонникомъ Панглоссовой системы: „все къ лучшему въ этомъ мірѣ“. Пушкинъ оказывался у него безумцемъ, которому надоѣла жизнь, который рѣшился покончить съ собой, избравъ для этого руку Дантеса. Чудовищность такой постановки вопроса бросаетъ яркій свѣтъ на нравственную личность Геккерена, а все письмо заключаетъ прелюбопытныя черты для его характеристики. Приведемъ его цѣликомъ:

„Ваши послѣднія письма, моя дорогая Нанина, очень меня обрадовали тѣмъ, что успокоили насъ совершенно относительно тревоги, перенесенной вами до полученія моего перваго письма; письмо же вашего отца меня просто осчастливило; я и не ожидалъ ничего другого отъ его прямого образа мыслей и его благороднаго и возвышеннаго характера; иначе поступить мы и не могли; Жоржу не въ чемъ себя упрекнуть; его противникомъ былъ безумецъ, вызвавшій его безъ всякаго разумнаго повода; ему просто жизнь надоѣла, и онъ рѣшился на самоубійство, избравъ руку Жоржа орудіемъ для своего переселенія въ иной мірѣ. Вы легко поймете, что послѣ подобнаго событія я не могу оставаться въ Россіи и просилъ позволенія, которое мнѣ и было дано, уѣхать изъ С.-Петербурга; рассчитываю выѣхать въ скоромъ времени, жду только пріѣзда моего преемника; Жоржъ также оставляетъ русскую службу

и вмѣстѣ съ женой явится прямо въ Сульцъ, а я ѣду сперва въ Голландію, гдѣ мнѣ надо устроить кое-какія дѣла, а потомъ къ вамъ; вы видите, что нѣтъ худа безъ добра: мы увидимся раньше, чѣмъ могли надѣяться; я не знаю, какой постъ мнѣ предназначаютъ, но все равно мы будемъ ближе другъ къ другу и сможемъ чаще видѣться. Какъ только я получу назначеніе, Жоржъ прійдетъ ко мнѣ съ женой. Они оба совсѣмъ здоровы; вашъ братъ совершенно оправился отъ раны: поведеніе его жены было безукоризненно при данныхъ обстоятельствахъ; она ухаживала за нимъ съ самой нѣжной заботливостью и радуется возможности покинуть страну, гдѣ счастливой уже быть не можетъ. Что меня касается, то я также очень доволенъ, мнѣ и безъ того надобла страна, гдѣ я разстроилъ свое здоровье, и, приближаясь къ старости, я радъ поселиться въ болѣе тепломъ климатѣ и всецѣло посвятить себя своей новой семьѣ; если Catherine будетъ умницей, то подаритъ насъ маленькимъ Жоржемъ, который утѣшитъ насъ во всѣхъ пержитыхъ тревоженіяхъ. Какъ только день нашего отъѣзда будетъ назначенъ, мы васъ извѣстимъ. А пока шлемъ вамъ всѣ трое тысячу привѣтствій и просимъ васъ совершенно успокоиться на нашъ счетъ“.

Мы знаемъ, что въ дѣйствительности дѣла Геккерена сложились совсѣмъ плохо. 19-го марта (1-го апрѣля) въ сопровожденіи жандармскаго унтеръ-офицера былъ вывезенъ изъ Петербурга Дантесъ. Самъ Геккеренъ былъ, по его просьбѣ, отозванъ, но онъ получилъ отпускъ и не получилъ новаго назначенія. Совсѣмъ въ иномъ тонѣ писалъ онъ 23-го марта (5-го апрѣля) одному изъ Геккереновъ, Генриху въ Соксбекъ.

„Ужъ давно, мой милый Генрихъ, долженъ былъ я вамъ написать, но я былъ не въ состояніи взять перо въ руки, чтобы заговорить съ вами о роковомъ событіи, происшедшемъ въ моемъ домѣ; ни Жоржъ,

ни я были тутъ ни причемъ; все это свалилось мнѣ, какъ снѣгъ на голову: все, что было въ человѣческихъ силахъ, было сдѣлано, чтобы избѣжать, не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ правилъ чести, дуэли; въ концѣ концовъ пришлось прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ; изъ газетъ вы могли узнать объ ея исходѣ. На другой же день я писалъ королю, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ оставить Россію, потому что я не желалъ оставаться въ Петербургѣ послѣ этой катастрофы; отвѣтъ его величества былъ вполне удовлетворителенъ; король даетъ мнѣ отпускъ;—это все, чего я желалъ, и я ъду черезъ несколько дней; я продалъ всю свою обстановку, такъ какъ ни подъ какимъ видомъ не соглашусь когда-либо вернуться сюда; хотя вообще мнѣ отдають дань справедливости, но мнѣ пришлось бы бороться съ цѣлою партіей, главой которой покойный былъ; борьба съ нею отравила бы со временемъ все мое существованіе; вслѣдъ за этимъ письмомъ явлюсь и я и лично расскажу вамъ все подробно; одно могу сказать, что если бы мнѣ пришлось дѣйствовать опять съ начала, я поступилъ бы точно также. Передайте мой привѣтъ Everdine; я ей не пишу, такъ какъ не стоитъ говорить съ ней о дѣлѣ, о которомъ мнѣ такъ тяжело вспоминать. Жоржъ больше не на русской службѣ; онъ уже уѣхалъ: я отправляю его вмѣстѣ съ женой къ его отцу, гдѣ онъ обождетъ новаго моего назначенія“...

Одновременно съ этимъ письмомъ, въ этотъ же день Геккеренъ сообщалъ Нанинѣ Дантесъ въ Сульцъ: „Это—последнее письмо, которое я вамъ пишу отсюда. Для того, чтобы васъ совершенно успокоить, я скажу вамъ, что я очень радъ; прежде всего мое здоровье не могло бы слишкомъ долго сопротивляться пребыванію въ этой странѣ. Событіе, которое удаляетъ меня въ настоящее время отсюда, нѣсколько ускорило мой отъѣздъ—вотъ и все. Жоржъ уже уѣхалъ; онъ покинулъ насъ пять дней тому назадъ, это было немного

рѣзко, какъ и все въ этой странѣ, но онъ чувствуетъ себя хорошо; мы имѣли отъ него извѣстія съ дороги, онъ сообщаетъ намъ, что ждетъ насъ въ Кенигсбергѣ. Катерина и я отправляемся черезъ нѣсколько дней... Мы поѣдемъ медленно: дорога ужасна, а Катерина нуждается въ предосторожностяхъ. Разжалованіе въ солдаты, о которомъ сообщилъ вамъ д'Аршіакъ, не имѣетъ никакого значенія, это—проформа. Такъ какъ дуэль запрещена, то необходима кара. Но всякій честный человѣкъ пойметъ, что Жоржъ не могъ поступить иначе“.

VI.

Баронъ Геккеренъ послѣ отъѣзда Жоржа Дантеса.—Положеніе Е. Н. Дантеса, урожденной Гончаровой.—Ея отношенія къ Россіи, Пушкинымъ и Дантесу.—Отъѣздъ Геккерена изъ Петербурга.—Высочайше пожалованная табакерка.

Баронъ Геккеренъ и m-me Дантесъ проводили своего Жоржа 19-го марта (ст. ст.). Геккеренъ спѣшно распродалъ свои вещи и ждалъ только своего замѣстителя, чтобы уѣхать. Мы уже видѣли, какъ натянуты были его отношенія къ петербургскому обществу. Онъ приписывалъ все это „проискамъ“ партіи, главой которой былъ покойный Пушкинъ. Послѣ отъѣзда Дантеса Геккеренъ съ своей невѣсткой пробыли въ Петербургѣ безъ двухъ дней двѣ недѣли. За это время Геккеренъ успѣлъ послать своему пріемному сыну три письма. Первое онъ отправилъ сейчасъ же послѣ отправления Дантеса. Это письмо прибавляетъ еще нѣсколько черточекъ для обрисовки положенія Геккереновъ въ Петербургѣ, указываетъ на трогательную заботливость старика о своемъ пріемномъ сынѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ нѣкоторые намеки на то, что отношенія Геккерена и Дантеса не были особенно дружественными и не отличались взаимнымъ довѣріемъ. Геккеренъ жалуется въ письмѣ на то, что Дантесъ не платилъ ему желаннымъ довѣріемъ. Вотъ что писалъ Геккеренъ:

„Я пишу тебѣ только пару словъ, милый мой Жоржъ; судя по способу, которымъ тебя выслали, ты легко поймешь мою сдержанность; разъ твоя жена и я еще здѣсь, надо соблюдать осторожность; дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось много пострадать во время твоего ужаснаго путешествія,—тебѣ, больному съ двумя открытыми ранами; позволили ли, или, вѣрнѣе, дали ли тебѣ время въ дороге, чтобы перевязать раны? Не думаю и сильно беспокоюсь о томъ; береги себя въ ожиданіи насъ и, если хочешь, поѣзжай въ Кенигсбергъ, тамъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ въ Тильзитѣ. Не называю тебѣ лицъ, которыя оказываютъ намъ вниманіе, чтобы ихъ не компрометировать, такъ какъ рѣшительно мы подвергаемся нападкамъ партіи, которая начинаетъ обнаруживаться, и нѣкоторые органы которой возбуждаютъ преслѣдованіе противъ насъ. Ты знаешь, о комъ я говорю; могу тебѣ сказать, что мужъ и жена¹ относятся къ намъ безукоризненно, ухаживаютъ за нами, какъ родные, даже больше того,—какъ друзья. Какъ только прибудетъ Геверсъ, мы уѣдемъ. Все же пройдетъ недѣли двѣ прежде, чѣмъ мы будемъ съ тобой, если ты не останешься въ Тильзитѣ; оставь намъ на почтѣ вѣсточку о твоёмъ здоровьѣ. Во всякомъ случаѣ, вотъ паспортъ Баранта съ прусской визой. Твоей женѣ сегодня лучше, но докторъ не позволяетъ ей встать; она должна пролежать еще два дня, чтобы не вызвать выкидыша: была минута въ эту ночь, когда его опасались. Она очень мила, кротка и послушна и очень благоразумна. Каждую почту я буду тебя извѣщать о состояніи ея здоровья. Положись на меня, я позабочусь о ней. Прощай; Баранты очень тебѣ кланяются, они прекрасно относятся къ твоей женѣ; отъ души обнимаю тебя; до скорого свиданія. Старуха Загряжская умерла вчера вечеромъ. М-ше Л., тетка, сварливая и

¹ Не идетъ ли тутъ рѣчь о графѣ и графинѣ Нессельроде?

упрямая личность; но я употребилъ въ дѣло свой авторитетъ и запретилъ твоей женѣ проводить цѣлые дни за письмами къ ней, лишь бы удовлетворить ея любопытство, потому что ея заботы и расположеніе—только одно притворство. Сейчасъ выходитъ докторъ отъ твоей жены и говоритъ, что все идетъ хорошо... Офицеръ G. (Г.) хотѣлъ меня видѣть; Боже мой, Жоржъ, что за дѣло оставилъ ты мнѣ въ наслѣдство! А все недостатокъ довѣрія съ твоей стороны. Не скрою отъ тебя, меня огорчило это до глубины души; не думалъ я, что заслужилъ отъ тебя такое отношеніе“.

Нѣсколько словъ этого письма переносятъ наше вниманіе къ третьему лицу въ семьѣ Геккереновъ—къ Катеринѣ Николаевнѣ, урожденной Гончаровой. До сихъ поръ мы говорили о Геккеренѣ и Дантесѣ, но каковы были переживанія жены Дантеса? „Она очень мила, кротка, послушна и очень благоразумна“,—характеризуетъ ее Геккеренъ. Мы знаемъ, что до свадьбы она была безумно влюблена въ Дантеса. Съ свадьбой порвались ея связи и съ семьей Гончаровыхъ, и съ домомъ Пушкина.. „Она радуется возможности покинуть страну, гдѣ уже счастливой быть не можетъ“,—писалъ о ней Геккеренъ. Новая семья завладѣла всѣми ея интересами. Въ трагедіи, разыгравшейся на ея глазахъ, всѣ ея симпатіи были на сторонѣ мужа. Мы можемъ привести одно замѣчательное письмо, написанное Катериной Дантесъ мужу, 20-го марта, на другой день послѣ его отъѣзда. Для освѣщенія ея отношеніи къ мужу, ея отношеній къ свѣту и къ обществу намъ не нужно уже никакихъ матеріаловъ. Оно замѣчательно искренне. Катерина Николаевна писала мужу:

„Не могу пропустить почту и не написать тебѣ хоть нѣсколько словъ, мой добрый и дорогой другъ. Я очень огорчена твоимъ отъѣздомъ, не могу привыкнутьъ къ мысли, что не увижу тебя двѣ недѣли; считаю часы и минуты, которые осталось мнѣ провести

въ этомъ провлятомъ Петербургѣ; я хотѣла бы быть уже далеко отсюда. Жестоко было такъ отнять у меня тебя, мое сердце; теперь тебя заставляютъ трястись по этимъ ужаснымъ дорогамъ, всѣ кости можно на нихъ переломать; надѣюсь, что хоть въ Тильзитѣ ты отдохнешь, какъ слѣдуетъ; ради Бога, береги свою руку; я боюсь, какъ бы ей не повредило путешествіе. Вчера, послѣ твоего отъѣзда, графиня Строганова оставалась еще нѣсколько времени съ нами; какъ всегда, она была добра и нѣжна со мной; заставила меня раздѣться, снять корсетъ и надѣть капоть; потомъ меня уложили на диванъ и послали за Раухомъ, который прописалъ мнѣ какую-то гадость и велѣлъ сегодня еще не вставать, чтобы побережъ маленькаго: какъ и подобаетъ почтенному и любящему сыну, онъ сильно капризничаетъ, оттого что у него отняли его обожаемаго папашу; все-таки сегодня я чувствую себя совѣмъ хорошо, но не встану съ дивана и не двинусь изъ дому; баронъ окружаетъ меня всевозможнымъ вниманіемъ, и вчера мы весь вечеръ смѣялись и болтали. Графъ меня вчера навѣстилъ; я нахожу, что онъ дѣйствительно сильно опустился; онъ въ отчаяніи отъ всего случившагося съ тобой и возмущенъ до бѣшенства глупымъ поведеніемъ моей тетюшки и не сдѣлалъ ни шага къ сближенію съ ней; я ему сказала, что думаю даже, что это было бы и бесполезно. Вчера тетка мнѣ написала пару словъ, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ и сказать мнѣ, что мысленно она была со мною; она будетъ теперь въ большомъ затрудненіи: такъ какъ мнѣ запретили подниматься на ея ужасную лѣстницу, я у нея быть не могу, а она, разумѣется, сюда не придетъ; но, зная, что мнѣ нездоровится, и что я въ горѣ по случаю твоего отъѣзда, у нея не хватитъ духу признаться въ обществѣ, что не видится со мной; мнѣ чрезвычайно любопытно посмотрѣть, какъ она поступитъ; я думаю, что ограничится ежедневными письмами, чтобы справляться

о моемъ здоровьѣ. *Idalie*¹ приходила вчера на минуту съ мужемъ; она въ отчаяніи, что не простилась съ тобой; говорить, что въ этомъ виноватъ Бетанкуръ: въ то время, когда она собиралась итти къ намъ, онъ ей сказалъ, что ужъ будетъ поздно, что ты, по всей вѣроятности, уѣхалъ; она не могла утѣшиться и плакала, какъ безумная. М-ше Загряжская умерла въ день твоего отъѣзда, въ семь часовъ вечера.

„Одна горничная (русская) восторгается твоимъ умомъ и всей твоей особой, говорить, что тебѣ равнаго она не встрѣчала во всю свою жизнь и что никогда не забудетъ, какъ ты пришелъ ей похвастаться своей фигурой въ скюртукѣ². Не знаю, разберешь ли ты мои каракули, во всякомъ случаѣ, немного потерялъ бы, если бы и не разобралъ, не могу сообщить тебѣ ничего интереснаго; единственную вещь, которую я хочу, чтобы ты зналъ ее, въ чемъ ты уже вполне увѣренъ, это—то, что тебя крѣпко, крѣпко люблю и что въ одномъ тебѣ все мое счастье, только въ тебѣ, тебѣ одномъ, мой маленькій *s-r Jean-Baptiste*. Цѣлую тебя отъ всего сердца такъ же крѣпко, какъ люблю. Прощай, мой добрый, мой дорогой другъ; съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда смогу обнять тебя лично“.

И Геккеренъ, и Катерина Николаевна ошиблись въ своихъ расчетахъ на сына. 19-го октября (н. ст.) 1837 года, когда она была въ Сульцѣ, у нея родилась дочка Матильда-Евгенія³.

Второе письмо Геккерена отъ 24-го марта (5-го апрѣля) къ Дантесу не лишено интереса. „Мы заняты по горло приготовленіями къ отъѣзду,—писалъ между прочимъ Геккеренъ,—сейчасъ упаковываютъ мебель. Я хочу быть совершенно готовымъ, когда пріѣдетъ

¹ *Idalie*—Идалия Полетика.

² Дантесъ, дѣйствительно, былъ побѣдитель женщинъ!

³ Она вышла замужъ 15-го мая 1861 года за генерала (*général de division français*) Жана-Луи Метмана. Она умерла въ 1893 году.

Геверсъ; нѣтъ никакихъ отъ него извѣстій, нѣтъ никого изъ Гааги. ...Здѣсь тоже нѣтъ ничего новаго для меня, то же молчаніе и никакого отвѣта. Я оставляю за собой право распоряжаться моимъ поведеніемъ независимо отъ того, какъ на него посмотрятъ послѣ моего отъѣзда. Нельзя же видѣть дурное въ томъ, что я хочу оправдать себя въ то время, когда упорно не желаютъ сказать мнѣ, что нельзя сдѣлать никакого упрека, потому что я ни о чемъ больше не прошу“.

Почти передъ самымъ отъѣздомъ Геккеренъ отправилъ третье письмо Жоржу: „Два слова, мой возлюбленный Жоржъ! Пріѣхалъ Геверсъ. Я жду только прощальной аудіенціи, чтобы отправиться; еще немного терпѣнія, и мы свидимся. Письма, привезенныя Геверсомъ, не даютъ мнѣ надежды на новое мѣсто. Я ничего не сказалъ объ этомъ твоей женѣ, чтобы не огорчать ея. Я полонъ бодрости и самоотверженія, и отъ тебя я жду того же. Останемся вмѣстѣ, и мы будемъ еще счастливы... Твоя жена чувствовала себя очень хорошо утромъ и жаловалась только на голову... Докторъ увѣрилъ меня, что путешествіе не будетъ для нея вредно, но я беру съ собой до Берлина горничную. Строгановъ написалъ мнѣ великолѣпное письмо, мнѣ и тебѣ“...

Пріѣхалъ замѣститель Геккерена Геверсъ, назначенный повѣреннымъ въ дѣлахъ, но Геккеренъ не добился прощальной аудіенціи. Государь отказался принять его. „На другой день послѣ моего пріѣзда,—сообщалъ 3-го апрѣля Геверсъ министру Верстолю,—баронъ Геккеренъ ходатайствовалъ о прощальной аудіенціи у царской фамиліи, но государь передалъ черезъ Нессельроде, что онъ желаетъ избѣжать объясненій, которыя могутъ быть только тягостными. Онъ предпочелъ не видѣть г. Геккерена и приказалъ по этому случаю пожаловать, какъ доказательство своего благоволенія, брилліантовую табакерку, украшенную портретомъ его ве-

личества. Не имѣя съ этого мгновенія никакихъ препятствій къ отправленію, г. Геккеренъ закончилъ необходимыя приготовленія къ отъѣзду и выѣхалъ въ Гаагу третьяго дня днемъ, сдавъ имѣ архивъ и бумаги посольства“.

Сохранились архивныя свѣдѣнія о пожалованіи подарка. 30-го марта 1837 года графъ Нессельроде сообщилъ князю Волконскому, министру двора, о томъ, что „государь императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ отъѣзжающему отсюда нидерландскому посланику барону Геккерену золотую украшенную брилліантами табакерку съ портретомъ его величества въ 12.000 рублей“. 31-го марта табакерка была доставлена графу Нессельроде, и очевидно въ тотъ же день или утромъ 1-го апрѣля была имъ вручена Геккерену. 1-го апрѣля баронъ Геккеренъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Покинувъ Петербургъ и Россію, Геккеренъ не переставалъ интересоваться петербургскими разговорами. По крайней мѣрѣ, мы можемъ привести слѣдующую выписку изъ письма Геверса къ Геккерену, написаннаго въ отвѣтъ послѣднему 15-го мая 1837 года: „Здѣсь, господинъ баронъ, нѣтъ ничего новаго помимо того, о чемъ я писалъ вамъ раньше. Въ обществѣ не спрашиваютъ о смерти Пушкина. Съ перваго дня моего пріѣзда я избѣгалъ и прерывалъ всякій разговоръ по этому предмету; вражда общества, исчерпавъ весь свой ядъ, наконецъ стихла. Императоръ принялъ меня нѣсколько дней тому назадъ въ частной аудіенціи; все, что касалось до этого дѣла, было тщательно избѣгаемо“.

С. Петербургъ.
Январь-Мартъ 1905.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

I.

**Письмо барона Геккерена къ барону Верстолюку отъ 30 янв.
(11 февр.) 1837 г.**

St. Pétersbourg le $\frac{11 \text{ Février}}{30 \text{ Janvier}}$ 1837.

Monsieur le Baron.

Un événement déplorable arrivé dans ma famille m'oblige à recourir à une lettre particulière pour en faire connaître les détails à V. E. Toute funeste qu'ait été l'issue, je me trouvais dans l'impossibilité l'agir autrement que je ne l'ai fait, et j'espère faire partager cette conviction à V. E. par le simple exposé de ce qui s'est passé.

Vous savez, M-r le Baron, que j'ai adopté un jeune homme qui déjà depuis plusieurs années demeurait avec moi et qui maintenant porte mon nom. Il y a un an à peu près que mon fils adoptif distingua dans le monde une jeune et belle dame, m-me Pouchkin, femme du poète de ce nom. Je puis affirmer sur l'honneur que cette inclination n'a jamais dégénéré en liaison criminelle; toute la société de St. Péterbourg en est également convaincue et M-r Pouchkin lui même a fini par le déclarer formellement par écrit et devant de nombreux témoins. Descendant d'un nègre africain, favori de Pierre le Grand, m-r P. en a conservé le caractère ombrageux et vindicatif.

D'odieuses lettres anonymes qui lui ont été adressées, il y a

¹ Французскій текстъ писемъ Геккерена въ этой книгѣ печатается впервые по стариннымъ копіямъ изъ собранія Н. Я. Дашкова.

environ quatre mois, ont éveillé toute sa jalousie et l'ont déterminé à envoyer à mon fils un cartel qui a été accepté sans explications.

Cependant des amis communs sont intervenus. Et sentant bien qu'un duel avec m-r P. perdait son épouse de réputation et compromettrait l'existence de ses enfants, mon fils a cru pouvoir obéir à ses sentiments particuliers et me demander mon consentement à son mariage avec la soeur de m-me P., jeune et jolie personne demeurant dans la maison de époux. Ce mariage, très convenable sous le rapport des relations sociales, puisque la jeune personne est alliée aux premières familles de ce pays, arrangeait tout; la réputation de m-me Pouchkin restait intacte, le mari, détrompé sur le motif des assiduités de mon fils, n'avait plus aucune raison de se croire offensé (je le répète sur l'honneur et sous la foi de serment: *il ne l'a jamais été*) la rencontre devenait donc sans but. En conséquence, j'ai cru devoir donner mon consentement à cette union. Mais mon fils, homme d'honneur et de coeur, bien qu'il eut mon aveu, n'a voulu faire la demande de la main de la jeune personne, qu'après le duel. Les seconds avaient été nommés de part et d'autre, lorsque m-r P. leur adressa une lettre par laquelle il leur déclarait qu'informé par la *voix publique* des intentions de mon fils, il n'avait plus aucun motif de le provoquer, qu'il le considérait comme un homme de coeur et qu'il rétractait son défi, en priant m-r de Heeckeren de lui rendre sa parole, autorisant en outre les seconds à faire de sa lettre l'usage, qu'ils jugeraient convenable.

Cette affaire étant ainsi complètement arrangée et comme il convient entre gens d'honneur, j'ai demandé pour mon fils la main de m-lle de Gontscharoff qui m'a été accordée pour lui.

Deux mois après le ²²/₁₀ Janvier le mariage a été célébré dans les deux églises en présence de toute la famille. Le C-te et la C-tesse Grégoire Stroganoff, oncle et tante directs de la jeune per-

sonne, lui ont servi de père et de mère, et, de mon côté, la c-sse Nesselrode a représenté la mère. Le prince et la princesse de Butera étaient les témoins.

Depuis cette époque le bonheur domestique le plus complet régnait dans notre intérieur, nous vivions environnés de l'affection et de l'estime de toute la société qui s'empressait de nous en donner des preuves réitérées. Seulement nous évitions avec soin la maison de m-r P. dont le caractère sombre et vindicatif nous était bien connu. De part et d'autre on se bornait à se saluer.

Est-ce au démon de l'envie, est-ce à un sentiment de jalousie inexplicable pour tout le monde comme pour moi même, est-ce enfin à quelque autre motif inconnu qu'il faut attribuer ce qui advint ensuite? Je l'ignore, mais mardi dernier (c'est aujourd'hui samedi) au moment d'aller dîner chez le c-te Stroganoff et sans que rien au monde ait pu y donner lieu, je reçois une lettre de m-r P. Ma plume se refuse à retracer ici les dégoûtantes injures que contient cette infâme lettre.

Je suis prêt, cependant, à en transmettre une copie à V. E. si elle l'exigeait, mais qu'elle me permette aujourd'hui de me borner à lui dire que les épithètes les plus odieuses y sont adressées à mon fils, que la réputation de sa vertueuse mère, morte depuis longtemps, y est foulée aux pieds, que mon honneur et ma conduite y sont calomniés de la manière la plus infâme.

Que me restait il à faire? Provoquer moi-même l'auteur de cet écrit? D'abord le caractère public dont le Roi a daigné me revêtir me le défendait; ensuite, cela ne terminait rien. Vainqueur, je déshonorais mon fils, car la malveillance aurait repandu partout, que je m'étais présenté parceque déjà une première fois j'avais été obligé d'arranger une affaire dans laquelle mon fils avait manqué de coeur; victime, mon fils m'aurait infailliblement vengé et, sa

femme restait sans appui. Cependant je ne voulus pas obéir à mon opinion seule et je consultai de suite le c-te Stroganoff, mon ami; son avis étant conforme au mien, je communiquai la lettre à mon fils, et un cartel fut adressé à m-r P. La rencontre a eu lieu le lendemain, Mercredi, dernier. On s'est battu au pistolet. Mon fils a eu le bras traversé de part en part et la balle s'est arrêtée sur une côte en occasionnant une forte contusion. M-r P. est tombé mortellement atteint, et il a succombé hier dans la journée. Sa mort étant inévitable, l'Empereur l'a fait exhorter à mourir en chrétien et lui a envoyé son pardon, lui promettant d'avoir soin de sa femme et de ses enfants.

J'ignore encore ce qui adviendra pour mon fils. Je sais seulement que l'Empereur, en annonçant cette fatale nouvelle à l'Impératrice, est convenu que le baron de H. n'avait pas pu agir autrement qu'il ne l'a fait. Sa femme est dans un état à inspirer la plus vive compassion. Je ne parle pas de moi-même.

Tel est, m-r le B-n, le rapide exposé de ce funeste événement. J'aurai sans doute à transmettre par la poste prochaine à V. E. de nouveaux renseignements qui achèveront d'éclaircir votre conscience, si vous jugez à propos de mettre sous les yeux de S. M. cette relation, aussi exacte qu'impartiale.

Si quelque chose peut apporter un soulagement à mon chagrin, ce sont les marques d'intérêt que je reçois de toute la société de St. Petersbourg. Le jour même de la catastrophe, le c-te et la c-tesse de Nesselrode ainsi que le c-te et la c-tesse Stroganoff n'ont quitté ma maison qu'à une heure du matin.

J'ai l'honneur d'être etc

B. de Heeckeren.

II.

**Письмо барона Геккерена къ барону Верстолку отъ 2 февраля
(14 февр.) 1837.**

St.Pétersbourg 2 (14) Février 1837.

Monsieur le Baron,

Ainsi que j'ai eu l'honneur de le faire présenter à V. E. je me trouve dans la nécessité de revenir sur la déplorable affaire qui faisait le sujet de la lettre particulière que je vous ai adressée le 11 dernier.

L'honneur me fait un devoir de ne pas dissimuler que l'opinion s'est manifestée à l'occasion de la mort de m-r Pouchkin d'une manière plus éclatante qu'on ne le supposait. Cependant il importe d'établir que cette opinion n'est pas celle de la haute classe qui reconnaît que dans une circonstance si fatale aucun reproche ne peut être justement adressé à mon fils dont la conduite fut en tout celle d'un homme d'honneur, plus circonspect même qu'on ne l'est ordinairement à son âge, et qu'il ne l'eut sans doute été lui-même en toute autre occasion.

Les sentiments dont je constate ici l'existence sont ceux du tiers-état, si l'on peut donner ce nom à la classe intermédiaire en Russie entre la grande noblesse ou les hauts fonctionnaires et la masse de la population entièrement étrangère à un évènement qu'elle ne peut apprécier. Ce sont donc les hommes de lettres, les artistes, les employés civils de grade inférieur, le haut commerce *national*, etc. La mort de m-r Pouchkin a révélé, du moins l'autorité paraît

le croire, l'existence d'un parti dont il était le chef, peut-être par l'influence seule de son talent éminemment russe. On pourrait accepter pour cette opinion le nom de parti réformateur, qu'elle se donne elle-même. Si l'on se rappelle que m-r Pouchkin fut compromis dans les sociétés dont l'institution précéda les événements de 1825 on trouvera que la supposition de l'existence de ce parti n'est pas dénuée de fondement.

La translation du corps du défunt à l'église devait avoir lieu hier dans la journée, mais, pour éviter toute manifestation des sentiments qui s'étaient déjà révélés pendant l'exposition dans la maison mortuaire, sentiments qu'on n'aurait pu combattre et qu'on ne voulait pas encourager, cette cérémonie a été affectée à une heure de la nuit, par la même raison sans doute les invitations avaient été faites pour l'Eglise de l'Amirauté et le service a eu lieu à celle des Ecuries Impériales.

Il est très probable que quelques jours calmeront cette effervescence qui n'a donné lieu à aucun acte répréhensible, et qui est toute en un mot, de sentiment et d'orgueil national, touché dans la personne du poète le plus populaire du pays, champion dans cette circonstance d'une cause bien injuste! Si l'honneur des lettres était entouré d'admirateurs, l'honneur privé avait peu d'amis. Cette assertion est un hommage que je crois pouvoir rendre à la vérité sans troubler le respect dû à la tombe.

Cependant, m-r le baron, V. E. reconnaitra que je ne dissimule rien, peut-être même, suis-je soumis moi-même à l'influence d'une pensée exagérée. Quoiqu'il en soit je regarde, en ce moment, comme un devoir rigoureux de vous mettre en position d'apprécier l'état des choses, dès que je puis craindre qu'il ne me soit pas possible de servir dorénavant ici mon prince et mon pays aussi bien que mon coeur et mes sentiments pour ma patrie me le

prescrivent, et que j'ose espérer avoir eu le bonheur de le faire jusqu'à présent.

S. M. décidera si Elle doit me rappeler, ou me faire permuter avec un de mes collègues. S'il m'était permis de faire valoir une considération respectueuse dans une circonstance où je suis personnellement intéressé, je dirais qu'un rappel sans emploi serait une éclatante désapprobation de ma conduite. J'en serais navré, et dans une circonstance aussi funeste pour moi ma conscience me dit que je n'ai pas mérité un blâme qui ternirait en un moment toute ma carrière publique. Mes vœux sont donc pour un changement de résidence qui, satisfaisant à une fatale nécessité, prouverait en même temps que je n'ai pas perdu la confiance dont le Roi, mon auguste maître, a daigné m'honorer pendant tant d'années, et que, j'ose le répéter, je n'ai pas mérité de perdre.

Serviteur fidèle et dévoué, j'attendrai les ordres de S. M., certain que, dans un événement que je n'ai pu ni empêcher, ni prévoir, la sollicitude paternelle du Roi prendra en considération trente et un ans de services irréprochables, l'extrême modicité de ma fortune personnelle et les charges que m'imposent maintenant une famille dont je suis le seul appui, et qui, par la position de la jeune épouse de mon fils, ne tarderont pas à augmenter encore.

Recevant depuis longtemps les directions de V. E. c'est sur votre appui, m-r le Baron, que j'ose compter en cette occasion. Votre bienveillance a constamment encouragé mes efforts pour le service du Roi, et j'aime à penser que longtemps encore je pourrai continuer à vous seconder dans l'exécution des volontés de votre souverain pour l'honneur et l'avantage de notre patrie. Vous avez l'âme trop élevée m-r le Baron, pour que je ne me crois pas assuré de votre assentiment à ma conduite dans cette fatale circonstance où l'honneur devait imposer silence à toute

considération. Celui qui n'aurait pas su se faire respecter lui-même eut-il pu prétendre à l'honneur de représenter ici un souverain qui donne à notre époque l'exemple de toutes les vertus et de la plus admirable fermeté? V. E. comprendra avec quelle impatience j'attendrai les ordres que je sollicite aujourd'hui.

J'ai l'honneur d'être etc...

B. de Heeckeren.

III.

Письмо барона Генкерена къ Его Высочеству Принцу Оранскому.

Monseigneur,

Au moment où je me trouve frappé par un événement aussi funeste qu'imprévu, la bienveillance constante, et j'oserais dire l'affection, dont Votre Altesse Royale a bien voulu m'honorer, me permettent, et me font même un devoir de ne Lui rien laisser ignorer sur l'origine et les conséquences du duel de mon fils avec monsieur Pouchkin.

Afin d'éviter à Votre Altesse Royale des détails qui seraient trop étendus ici, quoiqu'indispensables, je prends la liberté de joindre à ma lettre la copie de celles que j'ai adressées à ce sujet à Monsieur le Ministre des affaires étrangères; que Votre Altesse Royale daigne un moment oublier son rang, et, comme Militaire, comme homme d'honneur qu'Elle décide s'il était possible de repousser autrement de semblables injures? j'en appellerai encore à Votre opinion, Monseigneur, pour juger si je puis continuer à résider auprès de la Cour Impériale après un semblable événement.

Dans la société de St. Péterbourgs j'ai à cette occasion des partisans et des détracteurs. Homme privé, je resterais, certain que le bon droit rallierait plus tard tout le monde à ma cause; homme public, ayant l'honneur de représenter son Souverain, il ne m'est pas permis d'admettre le plus léger dissentiment à mon égard.

J'ose donc espérer, Monseigneur, que Votre Altesse Royale voudra bien appuyer auprès du Roi ma demande d'un rappel et ma nomination auprès d'une cour où je puisse continuer à consacrer tous mes efforts au service de mon Prince et de mon pays.

Votre Altesse Royale m'approuvera, j'ose le croire, et cette conviction est le plus précieux adoucissement à mes peines dans une circonstance où mes affections de famille ont été et sont encore vivement menacées et ma carrière publique troublée au moment où je m'y attendais le moins.

La bienveillance de Votre Altesse Royale me fût toujours aussi chère qu'elle m'est honorable, mais c'est surtout aujourd'hui que je comprends tout ce qu'il y a de consolant à penser qu'on peut espérer trouver les sentiments de l'amitié dans la personne d'un juge aussi haut placé par son rang, son mérite et la noblesse de son âme.

Je suis avec un profond respect etc.

B. de Heeckeren.

le 15 (3) Février 1837.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
„Зеленая Лампа“	1— 34
Утаенная Любовь. Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина Главы I—XV.	35—195
Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина.	196—225
Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 году.	226—265
Пушкинъ въ политическомъ процесѣ 1826—1828 гг.	266—306
Введеніе — 266. I. Дѣло Алексѣева и Пушкинъ—272. II. Дѣло о стихахъ изъ элегіи „Андрей Шенье“ въ Государственномъ Совѣтѣ—301.	
Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. Новые матеріалы	307—402
Введеніе—307. I. Князь П. А. Вяземскій о дуэли Пушкина—309. II. Бароны Людвигъ Геккеренъ и Жоржъ Дантесъ—340. Приложение: Письма барона Геккерена своему правительству—403.	

Статьи, собранныя въ этой книгѣ, появились разновременно на страницахъ изданія „Пушкинъ и его современники“ и журналовъ „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“ и „Историческій Вѣстникъ“. Текстъ статей при внесеніи ихъ въ книгу подвергся незначительнымъ измѣненіямъ. Французскій текстъ писемъ Геккерена появляется въ печати впервые.

РАБОТЫ П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

1. Очерки исторіи отреченной литературы. Спб. I—IV. 1899. V—VII. 1900. (Разошлись).
2. А. С. Грибоѣдовъ и декабристы. Изслѣдованіе по архивнымъ матеріаламъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1905. Ц. 10 руб. (Разошлось).
3. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій. Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка. 2 изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1906. Ц. 30 коп.
4. Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева (1789г.). Спб. 1908. Ц. 30 коп.
5. А. Н. Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Вступительныя статьи и редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1905. Ц. 2 руб.
6. П. И. Пестель. Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева. Изд. кн-ва „Прометей“ Спб. 1906. Ц. 1 руб.
7. Бар. А. Е. Розенъ. Записки декабриста. Редакція П. Е. Щеголева. Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1906. Ц. 3 руб.
8. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. (Печатается).